

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми республиканский благотворительный общественный фонд
жертв политических репрессий «Покаяние»

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев

ЧЁРНЫЕ ГОДЫ

**(РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В КОМИ КРАЕ. 1917 – 1921)**

Сыктывкар
2001

УДК 947 (470.13) “1917/1921”

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев. **Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917 – 1921.** Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001.

В книге в научно-популярной форме рассказывается о событиях, происходивших в Коми крае после Февральской революции и до окончания гражданской войны, завершившейся на территории Европейского Северо-Востока в 1921 г. Рассказывается о борьбе за власть в крае в 1917 – середине 1918 года, о проведенных большевиками переворотах и фактической ликвидации ими власти Советов, о ходе военных действий. Особое внимание уделено политическим репрессиям, осуществлявшимся в регионе противоборствовавшими сторонами. Приводится много новых по сравнению с выходящими ранее публикациями фактов, уточняются некоторые данные, пересматриваются многие выводы, сделанные учеными в советский период. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Книга подготовлена в рамках исследовательской работы по гранту РГНФ №01-01-66006а

© И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев, 2001
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2001
© Фонд «Покаяние», 2001

ПРЕДСКАЗАНИЕ

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек;
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнешь – и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.*

М.Ю.Лермонтов. 1830 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение революции и гражданской войны – крупнейшей в XX веке социально-политической драмы России, одного из наиболее важных этапов истории, надолго определивших судьбу страны, всегда находилось в центре внимания исследователей, в том числе и региональных. Событиям этого периода, происходившим в Коми крае, посвящено значительное количество публикаций.

В историографии революции и гражданской войны в Коми крае можно выделить три основных этапа. Первый из них охватывает 1920–40-е годы. Начало изучения истории революции в Коми крае связано с именем А.А.Цембера, в середине двадцатых годов опубликовавшего серию статей описательного характера, посвященных событиям 1917–1918 годы в уездных центрах Усть-Сысольске и Яренске (1). Справедливую оценку работам первого коми советского историка-краеведа дал в 1932 году Н.И.Ульянов: «Несмотря на то, что публикации эти представляют собой полу-хроники, полу-статьи, полу-документальный материал и несмотря на то, что Цембер не указывает даже местонахождение публикуемых им материалов, публикации его являются в высшей степени ценными, так как представляют собой единственную сводку данных о революции в Коми крае» (2). Фактический материал, опубликованный А.А.Цембером, не потерял своего значения до настоящего времени.

В 1929 году в журнале «Коми му» появилась большая статья И.Шахова, посвященная действиям красного партизанского отряда в Извайльской волости; в 1932 году эта работа была переиздана отдельной брошюрой (3). Она носит чисто описательный, даже отчасти публицистический характер, написана, главным образом, на основе воспоминаний местных жителей, поэтому к изложенным в статье фактам следует подходить критически. Известно, что жители волости по-разному оценивали деятельность некоторых участников событий того времени (4).

В начале 30-х годов изучение революции и гражданской войны в Коми крае было продолжено профессиональными историками Н.И.Ульяновым и В.М.Подоровым в их обобщающих трудах по истории Коми края; Н.И.Ульянов издал также первую специальную историческую работу по революции и гражданской войне в Коми крае, в которую включил соответствующие разделы из своей обобщающей публикации (5). Позднее, в 1942 году В.М.Подоров намеревался подготовить к изданию свой труд «История Коми АССР» (вероятно, на основе ранее опубликованных «Очерков...»), включавший и анализ событий революции и гражданской войны, но его намерение не осуществилось (6).

Издания Н.И.Ульянова и В.М.Подорова представляют из себя классический образец работ советской исторической школы 1930-х годов,

когда любая проблема рассматривалась с позиций большевистской партии. История революции и гражданской войны в Коми крае показана авторами тенденциозно. Основное внимание уделялось освещению действий коммунистов и красных отрядов. При этом о каких-либо негативных результатах деятельности большевиков, красных, как правило, умалчивалось (в крайнем случае, говорилось о проступках «отдельных лиц»); также молчанием обходились мероприятия небольшевистских органов власти и управления, направленные на облегчение положения местных жителей. Любые действия большевиков, красных считались необходимыми, соответствовавшими потребностям населения края; вся деятельность их противников объявлялась направленной против народных интересов. В частности, полностью оправдана репрессивная советская политика, сделаны выводы, что расстрелы, конфискации и реквизиции частных имуществ, проводимые красными, были необходимы для «укрепления советской власти». Аналогичные же действия белых характеризуются в работах обоих историков как «разнузданный террор... белогвардейских банд», ничем не оправданный (7). Названные публикации содержат ряд неточностей и ошибок в изложении истории гражданской войны. Так, Н.И.Ульянов ошибочно утверждает, что Белая армия занимала Троицко-Печорск в 1918 году (8). В брошюре краеведа А.Н.Терентьева предпринята первая попытка в сжатом виде обобщить с тех же методологических позиций данные о событиях гражданской войны в одном из крупных районов Коми края – на Печоре. В этой публикации приведены некоторые интересные факты (например, об использовании белыми аэропланов), впервые упомянуто Усинское восстание белых (9). Небольшая работа пропагандиста М.Козлова (популярного характера) на коми языке написана, вероятно, на основе монографий Н.И.Ульянова и В.М.Подорова и соответствует им как по стилю изложения, так и по выводам (10).

В конце 30-х годов вопросами истории Коми края периода революции и гражданской войны начал заниматься писатель и исследователь П.Г.Доронин. Его работы выгодно отличаются от других публикаций того периода обилием содержащегося в них фактического материала. В изданной в 1940 году статье П.Г.Доронина о гражданской войне в Коми крае имеется ряд сведений (в частности, о жестоких действиях красного отряда М.Мандельбаума и об отрицательном отношении населения к красным на Вычегде и верхней Печоре), которые не позволяют отнести эту статью к типичным работам того времени (11). В годы Великой Отечественной войны изучение истории Коми периода революции и гражданской войны фактически прекратилось и было продолжено лишь в середине 50-х годов.

Таким образом, на первом этапе началось накопление фактического материала, была сформулирована концепция истории Коми периода революции и гражданской войны, в соответствии с которой в дальнейшем исследователями трактовались события этого периода.

Второй этап изучения событий революции и гражданской войны в Коми крае начался в 1950-е годы и продолжался до конца 1980-х годов. Это был период углубленного изучения истории большевистской партии, советской стороны в гражданской войне, проводившегося в рамках сформулированной на предшествующем этапе концепции.

В монографиях П.Е.Куклева и В.Г.Зыкина (1957 год) и П.Г.Доронина (1961) и в статье последнего автора подробно рассмотрен процесс установления советской власти в Коми крае (12). В них впервые была специально проанализирована политическая история Коми края 1917–1918 годов, введен в научный оборот и обобщен значительный фактический материал. Однако авторы стремились показать в первую очередь позитивное значение проводившейся коммунистами «упорной и длительной борьбы за создание подлинных Советов, как органов диктатуры пролетариата» в Коми крае (под «подлинными Советами» исследователи имели в виду Советы, которыми руководили большевики) и «антинародный характер» местных организаций партий эсеров и кадетов. В соответствии с этой установкой продолжалось замалчивание историками негативных сторон деятельности коммунистических ячеек, а в анализе политики небольшевистских органов акцент, наоборот, делался на резкой и зачастую несправедливой критике. Сходной позиции придерживались и авторы других работ 50-х – начала 80-х годов, в частности А.Е.Иоффе и Е.И.Белянцев, опубликовавшие статьи о политической борьбе в Коми крае в 1917 – 1918 годах (13).

В конце 1950 – начале 1960-х годов вышли две обобщающие монографии по истории гражданской войны в Коми крае (14). Их авторы Е.Г.Королева и А.А.Попов достаточно полно описали военные события в Коми крае, акцентируя внимание на красноармейских и краснопартизанских формированиях и их победах над противником. Монографии содержат также небольшой фактический материал по истории белогвардейских отрядов и их деятельности (главным образом, относительно репрессий белых против коммунистов и активистов советской власти). В тот же период была издана книга П.Г.Доронина об извайльском краснопартизанском отряде, написанная на основании архивных документов и воспоминаний участников и современников событий (15). Автор в значительной степени дополнил и уточнил упоминавшуюся выше работу И.Шахова. Следует подчеркнуть, что монографии по истории гражданской войны несколько менее политизированы по сравнению с книгами, посвященными революционным событиям; в них больше внимания уделено фактографии.

В 1970-е годы изучением вопросов истории гражданской войны специально занимался В.И.Прошев (16). В его статьях и посмертно изданной монографии детально изучены красноармейские и краснопартизанские формирования в Коми крае, освещено участие жителей края в сражениях на других фронтах гражданской войны (в рядах Красной Армии). Публикации

В.И.Прошева, появившиеся в так называемый «период стагнации», более идеологизированы и в силу этого несколько менее объективны в отборе и анализе фактов, чем изданные в период хрущевской «оттепели» книги П.Г.Доронина, Е.Г.Королевой и А.А.Попова. Это хорошо видно, в частности, при анализе авторами действий одного из наиболее известных в Коми крае своей жестокостью красных военачальников М.Мандельбаума; если Е.Г.Королева и А.А.Попов дали деятельности последнего достаточно объективную характеристику, то в работе В.И.Прошева прослеживается определенная идеализация Мандельбаума, стремление «защитить» этого «борца за власть Советов» от несправедливых, на взгляд автора, обвинений. Сведения о событиях гражданской войны на Печоре приведены также в монографии П.И.Рощевского (17).

В названных выше работах рассматривались, главным образом, политические и военные аспекты. Экономическая сторона истории Коми края периода революции и гражданской войны получила определенное освещение в статьях В.Г.Зыкина и в кандидатской диссертации Н.Д.Иванова и подготовленной на ее основе монографии (18). Исследователь проанализировал социально-хозяйственную политику большевиков в годы гражданской войны, в частности, такие вопросы, как организация снабжения населения на советской территории, национализация фабрично-заводской промышленности, зарождение социалистического сектора в сельском хозяйстве Коми края и т.д. В соответствии с господствовавшей тогда методологией Н.Д.Иванов пришел к выводу о несомненном положительном воздействии мероприятий коммунистических органов власти на развитие экономики края и улучшение положения местного населения. Исследование было проведено, в основном, на материалах Усть-Сысольского и Яренского уездов, а происходившие в Печорском уезде события показаны фрагментарно. Социально-экономическая деятельность небольшевиетских органов власти осталась вне поля зрения исследователя.

Значительным шагом вперед в изучении истории периода революции в Коми крае стала изданная в 1985 году монография В.И.Чупрова, в которой автор на основе многочисленных архивных источников рассмотрел историю революционного движения в Коми крае с 1905 по 1918 год, особо выделив роль крестьянства в борьбе за власть. В книге впервые получили освещение такие важные вопросы, как деятельность земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов. Автор достаточно подробно остановился на истории возникновения местной политической организации – «Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда», сыгравшего видную роль в политической жизни Коми края 1917 года, коснулся роли и значения партии эсеров в среде коми крестьянства. В специальной статье того же автора проанализировано обсуждение проблем национально-государственного строительства в Коми крае на уездных съездах

Советов (19). Тем не менее, история борьбы большевиков за влияние на массы получила в работах В.И.Чупрова большую разработку, чем все остальные вопросы. Позднее, в монографии «Социально-политическая жизнь северной деревни. 1895 – февраль 1917» (1991) В.И.Чупров справедливо отметил, что из-за интенсивного изучения большевистской партии остальным политическим силам уделялось недостаточно внимания, вследствие чего существует «проблема изучения влияния небольшевистских партий на крестьянство. Пока нет ни одной работы, раскрывающей деятельность эсеров, кадетов и других партий на Севере» (20).

Политические биографии ряда участников революции и гражданской войны рассмотрены в сборниках «Призваны революцией» и «Борцы за советскую власть» (21). Деятели большевистской партии в этих публикациях идеализировались, а С.О.Латкин (единственный некоммунистический политик, очерк о котором был опубликован) был охарактеризован исключительно негативно. В сжатом виде характеристика истории Коми края периода революции и гражданской войны дана в обобщающих работах по истории Коми АССР и Коми организации КПСС (22).

Особо следует отметить публикации сборников документов и воспоминаний, осуществленные в конце 50-х – начале 60-х годов, содержащие богатый фактический материал по рассматриваемому периоду и не потерявшие своей ценности до настоящего времени (23). Необходимо подчеркнуть, что в указанные сборники и названные выше публикации вошел далеко не весь собранный исследователями материал. В частности, большое количество скопированных П.Г.Дорониным, А.А.Поповым, В.Г.Зыкиным, В.И.Прошевым архивных документов, записанных ими воспоминаний участников и очевидцев событий революционных и военных лет хранятся в настоящее время в фондах Национального архива Республики Коми и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (24).

Итак, на втором этапе изучение истории революции и гражданской войны в Коми крае проводилось уже главным образом на основе документального архивного материала (хотя по-прежнему активно проводился сбор и использование мемуарных источников), что способствовало углублению изучения некоторых аспектов истории этого периода. Расширилась тематика исследований. В научный оборот был введен значительный фактический материал. Вместе с тем все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий. Основное внимание ученых по-прежнему уделялось изучению деятельности коммунистических органов, красных отрядов; действия их противников специально не исследовались.

В 1990 году начался третий, современный этап, когда впервые появилась возможность изучить все аспекты истории революции и гражданской войны в Коми крае, объективно исследовать как большевистское, так и антибольшевистское движение в регионе, поскольку историкам впервые представилась возможность работать с ранее секретными архивными фондами (в частности, т.н. белогвардейскими), что значительно расширило базу данных по революции и гражданской войне.

Наибольшее внимание изучению событий революции и гражданской войны в Коми крае уделили И.Л.Жеребцов и М.В.Таскаев. В их работах сформулирована новая концепция политической истории Коми края указанного периода. Исследователи разработали периодизацию борьбы за власть в Коми крае (в первую очередь, в Усть-Сысольском и Яренском уездах) между чиновничеством и деятелями демократического движения в 1917 году, подчеркнули, что Советская власть в Коми крае в начале 1918 года была установлена не большевиками, а деятелями демократического движения при минимальном участии коммунистов, доказали, что коммунисты не пользовались влиянием в большинстве районов Коми края до лета – начала осени 1918 года, проанализировали отношение населения края к органам власти различной политической ориентации в 1917 – 1920 годах, показали неизбежность неоднократных перемен политических симпатий населения и в конечном итоге формирования равнодушного отношения жителей к судьбам как белой, так и красной власти. Исследователи предложили считать датой окончания гражданской войны в Коми крае 1921 год – время разгрома последних белых партизанских отрядов и подавления последних антикоммунистических восстаний в Коми крае (25).

И.Л.Жеребцов в начале 90-х годов первым поднял вопрос о насильственном характере прихода к власти большевиков в Коми крае, вскрыл причины, по которым им удалось это сделать. По его мнению, успеху коммунистов способствовало то, что большая часть населения охладела к демократическим лидерам Советов вследствие сохранявшейся угрозы голода и невозможности демократическим путем быстро улучшить положение жителей, особенно беднейшей части. В то же время упрощенные лозунги большевиков, их обещания в сжатые сроки выправить положение путем ужесточения политики реквизиций и т.п. в сочетании с продемонстрированной ими решительностью действий и поддержкой центра временно привлекло на их сторону маргинальные слои населения; а те, кто не симпатизировал большевикам, был равнодушен и к демократам, не оправдавшим их надежд (26).

М.В.Таскаев в кандидатской диссертации и серии публикаций впервые всесторонне рассмотрел историю небольшевистских партийных организаций и политических обществ в Коми крае, историю действовавших в крае подразделений Белой Армии, социально-хозяйственную деятельность белогвардейцев и земства в годы гражданской войны на территории Печорского

уезда и т.д. Исследователь выделил три этапа в антибольшевистском движении в Коми крае, показал их особенности, сделал вывод, что отказ крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения страны, от активной политической борьбы, его равнодушие к судьбам небольшевистской оппозиции предопределило крах антибольшевистского движения как в Коми крае, так и в целом по стране (27).

С.В.Вайровская проанализировала эволюцию органов местного самоуправления, взаимоотношения земств и Советов в Коми крае в 1917 – 1918 годах. Она же предприняла попытку сопоставить различные точки зрения на значение деятельности красного командира М.Мандельбаума (28). И.И.Ластунов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Европейский Северо-Восток России в годы гражданской войны (1917 – 1921 гг.)», в которой, в частности, проанализировал социально-экономическую сторону гражданской войны: социально-экономическую деятельность органов местной власти и управления, осветил их финансовую, налоговую, аграрную и промышленную политику, проблемы собственности, продовольственное снабжение населения края. Эта работа содержит новые данные о частях особого назначения (ЧОН) Коми АО и некоторые другие фактические материалы.

В работах О.Ю.Кузивановой получили освещение некоторые вопросы истории становления коми национальной государственности и коми национального движения в период революции в Коми крае, в трудах М.Е.Наймушина – вопросы образования и деятельности органов ВЧК. В публикации А.А.Попова приведены сведения о пребывании в Усть-Сысольске семьи А.Ф.Керенского (29). В ряде публикаций историков и краеведов приводятся сведения о событиях периода революции и гражданской войны в отдельных районах и населенных пунктах Коми края (30).

Таким образом, в 1990-х годах исследователи на основе ранее закрытых архивных источников изучили новые аспекты истории революции и гражданской войны в Коми крае, в первую очередь антибольшевистское движение. Пересмотрены многие прежние оценки деятельности некоторых политических организаций, органов власти и управления, отдельных лиц, проведен более объективный анализ событий того времени. Отвергнута господствовавшая до конца 80-х годов и разработана новая концепция политической истории края 1917 – 1921 годов. Появившиеся новые материалы настоятельно требуют подготовки новой обобщающей работы по истории революции и гражданской войны в Коми крае. В этой книге читатели смогут найти сведения о борьбе за власть, происходивших в Коми крае военных действиях и политических репрессиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цембер А.А. 1917 год в г. Усть-Сысольске // Известия Коми ОК РКП(б), 1923, №7-8, с.49-54, №9, с.60; Он же. К материалам по истории революции в

Коми крае: Усть-Сысольск в 1918 г. // Коми му, 1924, №1-2, №4-6, с.102-106, №7-10, с.87-92, 1925, №2, с.31-35, №12, с.30-36; Он же. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му, 1926, №9, с.28-33, №12, с.22-25, 1927, №9, с.25-30, 1928, №1, с.31-36, №3, с.39-43, №6, с.38-41; Он же. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске // Коми му, 1927, №10-11, с.55-58.

2. Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. М.-Л., 1932. С.119-120.

3. Шахов И. Изваильские партизаны // Коми му. – 1929. – № 14-17; Он же. Изваильская крепость. Сыктывкар, 1932.

4. См.: Архив управления ФСБ по Республике Коми. № 2644.

5. Ульянов Н.И. Указ. соч. 182 с.; Он же. Октябрьская революция и гражданская война в Коми области. Архангельск, 1932, 51 с.; Подоров В.М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т.2.

6. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 27.

7. Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. С.139.

8. Ульянов Н.И. Октябрьская революция и гражданская война в Коми области. С.38.

9. Терентьев А.Н. Печора в гражданской войне. Сыктывкар, 1933.

10. Козлов М. Коми АССР территория вылын гражданской война. Сыктывкар, 1940. 25 с.

11. Доронин П. Коми крайын гражданской война // Ударник. 1940. № 3. С.3-22; №4. С.21-34. №5, С.3-20.

12. Куклев П.Е., Зыкин В.Г. Октябрьская революция в Коми крае. Сыктывкар, 1957; Доронин П.Г. Коми крайын советской власть восна тыш (1917-1918). Сыктывкар, 1961, 107 с.; Доронин П.Г. Коми крайын гражданской война // Би пыр мунём вояс. Сыктывкар, 1957. С.3-29.

13. Иоффе А.Е. Установление и упрочение Советской власти в Коми крае // История СССР. 1957. № 5; Белянцев Е.И. Из истории классовой борьбы в Коми в 1917 – 1918 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1961. Вып. 52. С. 84-91; Он же. Из истории церковной контрреволюции в период борьбы за установление советской власти у коми (февраль 1917 – 1918 гг.) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1967. Вып. 83. С. 109-110.

14. Королева Е.Г., Попов А.А. Гражданская война в Коми крае. Сыктывкар, 1957, 207 с.; Попов А.А. Коми край в период иностранной интервенции и гражданской войны. Сыктывкар, 1962, 112 с.

15. Доронин П.Г. Изваильские партизаны. Сыктывкар, 1957, 59 с.

16. Прошев В.И. Участие трудящихся Коми края на фронтах гражданской войны // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1970. Вып. 12.; Он же. Развитие интернациональной дружбы коми народа с другими народами в годы гражданской войны // Труды ИЯЛИ Коми

филиала АН СССР. Сыктывкар, 1973. Вып.15.; Он же. Трудящиеся Коми края в борьбе за власть Советов (1918-1920 гг.). Дисс. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1974; Он же. За власть Советов. Сыктывкар, 1980. 119 с.

17. Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 159-175.

18. Зыкин В.Г. Беднота Усть-Сысольска в 1918 г. // Войвыв кодзув. 1950. № 11. С. 41. (На коми яз.); Он же. Борьба за землю в Коми крае в 1917-18 гг. // Войвыв кодзув. 1957. № 7. С. 55-59 (На коми яз.); Зыкин В.Г. Первые шаги Советской власти на территории Коми АССР // Ученые записки Коми государственного педагогического института. Сыктывкар, 1951. Вып. 3. С. 20-39; Иванов Н.Д. Революционные преобразования в народном хозяйстве Коми края в 1918 - 1920 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1967; Он же. Первые шаги к социализму (Революционные преобразования в экономике Коми края в 1918 - 1920 гг.). Сыктывкар, 1967.

19. Чупров В.И. Коми край в трех русских революциях. Сыктывкар, 1985; Чупров В.И. Национальный вопрос в Коми крае на первых съездах Советов (1917-1918 годы) // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 23-29.

20. Чупров В.И. Социально-политическая жизнь северной деревни (1895-февраль 1917г.). М., 1991. С.16.

21. Призваны революцией. Сыктывкар, 1987, 127 с.; Борцы за советскую власть. Сыктывкар, 1988, 237 с.

22. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т.2.; Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964; История Коми АССР. Сыктывкар, 1978, 1981; Очерки истории Коми областной организации КПСС. Сыктывкар, 1987.

23. Би пыр мунём вояс. Сыктывкар, 1957; Комитеты бедноты в Коми крае. Сыктывкар, 1958; Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае. Сыктывкар, 1966.

24. См., напр.: НАРК. Ф. 1346, оп. 1, д. 57, 58, 81, 82, 153-155 и др.; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5, оп. 2, д. 60, 61.

25. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. 26 с.; Они же. Февральская революция и смена власти в Коми крае // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С.33-41; Иванов Н.Д., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Революция 1917 года и гражданская война в Коми крае // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С.70-75; Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994, №6 С.65-73; Он же. Борьба большевиков за власть в Усть-Сысольске и Яренске в 1918 году // Ориентир. 1994, №1-2; Он же. Большевистский переворот в

Яренске в 1918 г. // Вычегодский край в истории России. Сыктывкар, 1994; Он же. Борьба за власть в Коми крае в 1917 – середине 1918 гг. Коми край в годы гражданской войны // История Республики Коми. Научно-популярные очерки Сыктывкар, 1996 С.156-194; Он же. Народ и власть (Коми край в период революции и гражданской войны) // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып.IV. С.91-127; Он же. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. 1996, №4 С.31-33; Он же. Чёрные годы // Памятники отечества. 1996 С.176-182; Он же. Революция и гражданская война в Коми крае // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997. С.118-121; Он же. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. Сыктывкар, 2001; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Крашенные. Страницы истории гражданской войны в Коми крае. Сыктывкар, 2000. 136 с.; Они же. Годы испытаний // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 242 – 249.

26. Жеребцов И.Л. А.М.Мартюшев и события в Усть-Сысольске летом 1918 г. // Это нашей истории строки. Сыктывкар, 1990; Он же. Коми край в 1918-1919 гг.: отношение населения к властям // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Сыктывкар, 1991; Он же. «Остался навсегда беспартийным» (автобиография Алексея Мартюшева) // Родники пармы-93. Сыктывкар, 1993; Он же. Человек Февраля // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С.183-204.

27. Таскаев М.В. Партии и партийность населения в Коми крае в 1917 г. // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Сыктывкар, 1991. Вып.1. С.5-16; Он же. «В борьбе обрешь ты право свое!» (Эсеры в Коми крае) // Родники пармы-93. Сыктывкар, 1993, С.132-138; Он же. Деятельность партии эсеров в Коми крае в 1917-1918 гг. (по материалам периодической печати Архангельской и Вологодской губерний) // Крестьянство Европейского Севера России в XVII – XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993, С.63-70; Он же. Национальный аспект в деятельности непролетарских партий и политических обществ в Коми крае (1905-1920 гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1993; Он же. Белая Армия в Коми крае (численность, дислокация, кадровый состав) // Материалы XII Коми республиканской молодежной научной конференции. Сыктывкар, 1994, С.83-91; Он же. «Жалкая авантюра» // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып.4. С.128-165; Он же. Социально-экономическая деятельность белогвардейцев и земства в Печорском уезде (1918-1920 гг.) // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996, С.42-50; Он же. Печорское земство (1917-1920 гг.) // Общее дело, 1996, №1, С.55-60; Он же. Степан Латкин // Белая Армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997, №3, С.50-77; Он же. Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое

дело. Екатеринбург, 1997, №4, С.74-96; Он же. Гражданская война на севере Коми-Пермяцкого автономного округа (1919 г.) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997, С.228-230; Он же. Боевые действия частей Северного фронта белых на территории Березовского уезда Тобольской губернии // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998, С.79-81; Он же. Антибольшевистское движение в Коми крае (1917-1925 гг.). Дисс. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1996; Он же. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917 – 1920 гг.). Сыктывкар, 2000. 116 с.

28. Вайровская С.В. Земства и Советы в 1917-1918 гг. (по материалам Коми края). Сыктывкар, 1994; Она же. О ликвидации земских учреждений в Коми крае // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1993; Она же. Мориц Мандельбаум в оценке историков и современников // Вестник культуры Коми АССР, 1990, № 1.

29. Кузиванова О.Ю. Актуальные проблемы становления и развития коми национальной государственности (1917-1930-е гг.). Дисс. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1992; Она же. Защитник интересов крестьянства В.Ф.Попов и общественно-политическая жизнь Усть-Сысольского уезда в 1917 г. // Ориентир, 1991, № 7-8; Наймушин М.Е. Государственное строительство в Коми автономной области в 20-е годы: деятельность судебных и правоохранительных органов. Дисс. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1997; Он же. Щит и меч революции // Служим Отечеству. Сыктывкар, 1998. С. 16-36; Попов А.А. Документы свидетельствуют // Служим Отечеству. Сыктывкар, 1998. С 43-51.

30. Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А. Усть-Цильма – край печорский. Сыктывкар, 1991. С.61-72; Игнатов М.К. Взгляд сквозь годы. Сыктывкар, 1998. С.36-46; Хатанзейский Н.К. На земле Ижемской. Сыктывкар, 1982. С.15-24; Аксюта И.В., Максимова Л.А. Установление советской власти в селе Усть-Ухта // Вестник культуры Коми ССР. 1991, №4. С.45-46, и др.

Глава 1. ОТ «СМЕНЫ ВЫВЕСКИ» – К СМЕНЕ ВЛАСТИ

«Произошел страшнейший переполох».

Первые месяцы 1917 года. Третий год идет мировая война. Ее последствия: хозяйственная разруха, «обострение выше обычного нужды и бедствий...», крепнущее убеждение почти всех слоев населения в том, что сохранение прежнего порядка управления губительно для страны... В светлый разум государя-императора и его кабинет министров больше не верят даже в глухой провинции, которой являлся тогда Коми край.

Россия обладала значительным потенциалом развития. Но и времени, достаточного для постепенного решения этих проблем, у страны не оказалось. Вспыхнувшая мировая война привела к тому, что процесс постепенной, эволюционной модернизации общества, направленный на расширение экономической свободы, складывание гражданского общества, медленную трансформацию функций государства в экономической сфере, был прерван. Возобладала противоположная тенденция к все большему контролю государства за хозяйственной жизнью, ограничению числа собственников и ущемлению их прав. Общественная мысль под влиянием войны и ее последствий стала все больше склоняться к целесообразности проведения быстрых, революционных перемен в политике и экономике...

В конце февраля 1917 г. в Петрограде начались волнения рабочих, затем вспыхнул солдатский бунт, который неожиданно для всех политических сил страны привел к падению монархии в России. 27 февраля (12 марта) был образован Временный комитет Государственной Думы под председательством Родзянко. 2 (15) марта император Николай II отрекся от престола. Власть была передана Временному комитету.

В Коми крае тлеющие в глубине грядущие конфликты между разными слоями населения еще не разгорелись в разрушительное пламя, никто не хватался за оружие. Местные власти решали обычные текущие вопросы хозяйственной жизни: движение сумм Усть-Сысольского городского общественного банка, организация в городе ассенизационного обоза, отвод плановых мест для застройки – в общем, рассчитывали строить, а не крушить...

Здесь получили вест о свершившейся Февральской революции 6 (19) марта – видимо, только тогда до Усть-Сысольска и Яренска дошли телеграммы Вологодского губернского комитета Всероссийского союза городов от 2 (15) марта о падении старого правительства и передаче власти Временному комитету Госдумы и от 4 (17) марта с призывом поддержать всеми силами «новое народное правительство», а также телеграмма Вологодского губернского временного комитета от 5 (18) марта, в которой органам городского и земского самоуправления предлагалось совместно с представителями воинских частей, общественных организаций, кооперативов

и политических партий организовать Временные уездные комитеты, принявшие бы на себя руководство уездами.

Участник тех событий Н.Лодыгин вспоминал: «19 марта около полудня исправник получил телеграмму об отречении императора. Исправник побежал в земскую управу, где заседала особая комиссия из высших чинов по приемке армейских сапог. Исправник доверил телеграмму воинскому начальнику... Между чиновниками произошел страшнейший переполох, и всеми ими овладело любопытство. Исправник огласил текст: «Из Вологды Усть-Сысольскому уездному исправнику. Император арестован и отказался от престола. Образовано Временное революционное правительство. Я подчинился последнему и сдал губернию выбранному народом Комиссару. Порядок в Петрограде полнейший, посему предлагаю к оружию не прибегать. Бывший губернатор». Чиновники ужасно растерялись, решили телеграмму не разглашать. На следующий день один из земских служащих «пропал». Всю ночь ходил он по Нижнему Концу города, созывал какие-то собрания, а затем явился к зампред управы и потребовал от последнего передачи кассы в руки революционного народа».

В целом местные власти отреагировали очень спокойно. Они не стали скорбеть о лишенном трона государе, а деятельно взялись за организацию новых органов управления. В Яренске уездный временный комитет (УВК) был создан в тот же день, 6 марта. В него вошло 12 человек, в том числе воинский начальник Богуслав, земский начальник В.В.Воинов, член окружного суда Н.И.Белецкий, а также священник, учитель, письмоводитель податного инспектора, техник уездного земства и др. Председателем УВК стал врач К.Е.Добряков.

Усть-сысольский городской голова А.Е.Суханов 6 марта отправил в Вологду телеграмму с запросом о возможности созыва чрезвычайного заседания городской думы. Получив разрешение и пожелания успеха от Губернского Временного комитета, он 7 (20) марта собрал экстренное заседание. Присутствовало 17 гласных Думы, на собрание были приглашены также зам. председателя уездной Земской управы А.А.Попов, протоиерей А.С.Малевинский, воинский начальник подполковник С.Д.Колпаков и глава полиции уездный исправник А.Л.Дядик. А.Е.Суханов зачитал собравшимся телеграммы из Вологды об отречении от престола Николая II и Михаила и об учреждении в столице России новой власти – Временного комитета Государственной Думы. Суханов предложил обсудить вопрос о том, подчинится ли городская дума новым правителям. Единогласно решено было подчиниться и организовать соответствующий уездный орган управления. С.Д.Колпаков доложил, что организовал охрану порядка в Усть-Сысольске (посты при казначействе, винном складе и на почте), но городской гарнизон невелик, и сил у него на случай каких-либо серьезных эксцессов недостаточно. По предложению гласного Н.И.Забоева Дума выразила подполковнику

благодарность за принятые меры по охране города. А.Е.Суханов предложил временно ввести в городе ночные караулы, что и было принято единогласно. Исправник А.Л.Дядик согласился оказать помощь в охране порядка. В час дня дума закончила свою работу. Присяга на верность Временному правительству России была дана Усть-Сысольской городской думой на следующий день, 8 (21) марта 1917 г. (присутствовало 16 гласных).

После экстренного заседания городской голова разослал извещение: «Покорнейше прошу господ представителей воинских частей, общественных учреждений и организаций, рабочих кооперативов и представителей политических партий пожаловать во вторник 7-го сего марта в час дня в помещение городской управы для участия в избрании членов Временного уездного комитета».

Тем временем о петроградских событиях стало известно в городе. С наибольшим энтузиазмом откликнулась на новости учащаяся молодежь. Около 10 часов утра 7 (20) марта усть-сысольские гимназисты, возбужденные известием о революции, сорвали занятия и высыпали на улицу. Тут же нашелся заводила, призвавший «молодежь идти к новой, счастливой жизни». «Молодежь», видимо, задумала пойти туда немедленно и, раздобыв где-то красный флаг, с бодрым пением революционных песен продефилировала по Спасской (Советской), Суханова (Бабушкина), Троицкой (Ленина) и Покровской (Орджоникидзе) улицам аккуратно к женской гимназии. Там «революционно настроенные» юноши решительно вовлекли в свои ряды гимназисток. Не остались в стороне и ученики приходских училищ, молодежь из пригородных слободок. На митинге у здания городской думы состоялся митинг, на котором, как водится, говорилось о свободе, равенстве, братстве. Большая же часть населения отнеслась к революции сдержанно, отчасти с опаской и даже некоторым сожалением; что будет дальше, никто толком представить не мог..

Во второй половине дня 7 (20) марта состоялись выборы Усть-Сысольского уездного временного комитета. В них участвовали горожане-мужчины, достигшие 21 года (всего их пришло 322 человека). Подсчет голосов производили уже ночью выбранные специально для этого уполномоченные. Результаты выборов были объявлены в 11 утра на следующий день – 8 (22) марта. Среди 15 членов УВК и 5 кандидатов были С.Д.Колпаков, бухгалтер земской управы Н.И.Забоев, а также податной инспектор, письмоводитель управления воинского начальника, акцизный чиновник, врач, учитель, приказчик купца и т.д. А.Е.Суханов был избран председателем УВК, С.Д.Колпаков и Н.И.Забоев – его товарищами (заместителями).

По данным историка В.И.Чупрова, примерно в те же дни, что и в Яренске и в Усть-Сысольске, возник УВК в Печорском уезде. К Временным комитетам и перешла власть в уездах. Несколько позже был введен пост уездного

комиссара Временного правительства. В Яренске его занял К.Е.Добряков, в Усть-Сысольске – лесной ревизор Н.И.Митюшев, в Усть-Цильме – врач А.Б.Фукс. Уездные комиссары занимались делами административного характера и действовали в сотрудничестве с УВК. Это была первая реформа системы местного управления.

Переход власти к новым органам осуществился довольно легко и безболезненно, что и неудивительно: среди членов «новых» руководящих органов, имевших к тому же явно временный, переходный характер, преобладали прежние чиновники, ставшие, как по команде, большими «демократами»; абсолютное большинство населения края не участвовало в их формировании. Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. прямо заявили: «Местная власть в Зырянском крае ныне находится в руках пришлых и ничего общего с интересами местного населения не имеющих чиновников, назначенных еще старым правительством, ...которые препятствуют проведению демократических идей в крестьянскую массу». По-иному и не могло случиться: в Коми крае фактически не существовало оформившихся партийных организаций, имелись только отдельные сторонники той или иной партии, склонявшиеся, в основном, к кадетским или эсеровским взглядам. Не было и сколь-либо влиятельных организаций, способных стать выразителями интересов достаточно широких слоев общества. Этим успешно воспользовалось чиновничество – наиболее организованная и сплоченная группировка, державшая в своих руках все рычаги воздействия на массы.

Представители бывших оппозиционных сил в составе УВК были крайне немногочисленны: в Яренске – В.Ф.Попов, в Усть-Сысольске – А.Н.Вешняков, Н.В.Лодыгин (бывший политссыльный, социалист-революционер) и, возможно, В.А.Тентюков (вступивший позднее в организацию левых эсеров). О В.Ф.Попове и А.Н.Вешнякове, чьи имена еще не раз появятся на страницах нашей книги, стоит рассказать подробнее.

Алексей Николаевич Вешняков (1862 г., с. Койгородок – 3 декабря 1934) в дореволюционный период работал учителем, в конце 1905 г. организовал небольшую группу кадетской партии в Усть-Сысольске. Она стала одной из первых политических формирований Коми края. Кадеты собирали деньги для политзаключенных, распространяли воззвания. А.Н.Вешняков был арестован. Его дело рассматривала Московская судебная палата. 2 мая 1908 г. палата приговорила Вешнякова к заключению в крепость сроком на 6 месяцев с учетом времени, проведенного подследственным в предварительном заключении. После суда и освобождения Вешняков был под особым надзором полиции, работал доверенным лесопромышленной фирмы Майманского товарищества.

Василий Филиппович Попов (5 апреля 1866 – 21 июня 1927) с 1892 г. сотрудничал с усть-сысольским земством, работал земским статистиком, в

1905 г. был избран гласным усть-сысольской городской думы. В 1905-1906 годы В.Ф.Попов входил в усть-сысольскую кадетскую группу А.Н.Вешнякова, за что лишился места земского статистика. За ним был установлен негласный полицейский надзор. В 1912 г. В.Ф.Попова выбрали в городскую думу. Его дважды выбирали выборщиком и кандидатом в депутаты Государственной думы, но результаты выборов не были утверждены властями.

«Считать революцию законченной».

17 апреля Усть-Сысольский УВК был реорганизован. Его состав расширили до 35 человек, 14 из которых составили руководящий орган – Совет УВК. В числе новых членов УВК оказались два будущих кадета: В.Н.Городецкий и И.П.Петроканский, причем последний стал его председателем. Партии кадетов симпатизировал и Н.И.Митюшев, а К.Е.Добряков принадлежал к близкой ей партии народных социалистов. В то же время В.Ф.Попов несколько отошел от кадетских взглядов (некоторые исследователи называют его воззрения эсеровскими, но это, пожалуй, преувеличение – в его выступлениях, в частности, на I уездном съезде крестьянских депутатов, продолжало сказываться определенное влияние либерально-демократических положений), а А.Н.Вешняков (не попавший на этот раз в УВК) стал поддерживать социалистов-революционеров.

Временные комитеты занимались решением текущих вопросов хозяйственной жизни Коми края и не планировали проведение каких-либо значительных реформ, ограничиваясь косметическими мероприятиями. Например, Усть-Сысольский УВК 22 марта обратился к настоятелю городского Троицкого собора со следующим письмом: «Завтра... в день погребения в Петрограде жертв революции... комитет просит отслужить... панихиду по павшим жертвам революции. Панихида имеет быть отслужена на Рыночной площади у часовенки в 11 часов дня, куда и надлежит прибыть духовенству с иконами и хоругвями...» Из других «революционных деяний» новой власти можно упомянуть лишь замену полиции милицией в середине марта 1917 г. (кстати, именно с этого времени и следует вести отсчет времени существования коми милиции). В результате этой реформы, впрочем, едва ли не весь полицейский аппарат остался на прежнем месте (может, это было и к лучшему – по крайней мере, у полицейских был какой-то опыт работы), а начальником милиции в Усть-Сысольске, например, стал бывший исправник А.Л.Дядик. На этом, как вспоминал позднее один из яренских политических деятелей Ф.С.Коковкин, стоявшие у власти лица «считали революцию законченной».

Необходимость дальнейшего реформирования системы местной власти, создания подлинно представительных демократических властных органов, выражавших бы интересы населения края, вскоре была осознана большинством коми политических и общественных деятелей. Уроженец Усть-

Щугора член Петроградского Совета А.М.Мартюшев обратился к «гражданам зырянам» с призывом: «Идет организация страны до созыва Учредительного собрания, которое должно дать нам землю и волю, установить порядок управления страной... Призываю вас, граждане зыряне, к участию в строительстве новой России. Организуйтесь! Создавайте местные организации для устройства своей жизни на новых началах свободы, равенства и братства».

Под влиянием демократических идеалов Февраля в Коми крае появились новые общественные и политические организации. Большинство их – «Союз служащих Усть-Сысольского земства», «Организация учащихся Усть-Сысольского уезда», «Союз служащих правительственных учреждений г. Яренска», «Союз рабочих и служащих г. Яренска и уезда», «Союз служащих казенных и общественных организаций», «Лига равноправия женщин» и т.п. – объединяло людей по профессиональному признаку и имело узкие задачи (защита материальных интересов своих членов, регулирование отношений между ними и руководителями учреждений и т.д.).

С 20–21 марта в Яренске существовал Временный комитет солдатских депутатов (23 июля на его основе возник Яренский Совет солдатских депутатов, а три дня спустя он объединился с «Союзом рабочих и служащих г. Яренска и уезда» в Яренский Совет солдатских и рабочих депутатов). Но этот орган заметной политической роли не играл. Образованный в Усть-Цильме Совет солдатских депутатов был довольно пассивен.

Разумеется, само существование этих организаций в определенной мере сдерживало, ограничивало власть уездных временных комитетов и комиссаров. Уже в самом начале деятельности Усть-Сысольского УВК подполковник С.Д.Колпаков докладывал на одном из заседаний «о малочисленности состоящей в его распоряжении команды» и о возможных затруднениях с обеспечением безопасности в городе. А с возникновением в апреле 1917 года Совета солдатских депутатов усть-сысольского гарнизона положение УВК стало еще более шатким. Хотя поначалу во главе гарнизонного Совета стоял «чиновник военного времени», а затем офицер, этот орган под давлением солдат постепенно выходил из-под контроля Временного комитета. Солдаты были недовольны, в частности, ходом реорганизации полиции в милицию. В мае на одно из заседаний Совета УВК «вошла толпа солдат от 10 до 15 человек, притом четверо из них были вооружены и находились в страшно возбужденном состоянии и, видимо, ...в состоянии опьянения. Вооруженные в повышенном тоне стали предъявлять... требования», угрожая, что арестуют весь Совет УВК. Правда, кончилось все мирно; солдаты заявили, что «доверяют» УВК и «извиняются», после чего покинули заседание.

«Приступить к созданию сплоченной организации».

В Усть-Сысольском уезде положение стало постепенно меняться в апреле, когда здесь появились оставивший земскую службу и членство в яренском УВК В.Ф.Попов и его давний знакомый А.М.Мартюшев, сыгравший одну из ключевых ролей в событиях, произошедших в Коми крае в 1917-1918 годах. Алексей Макарович Мартюшев (26 марта 1874 – после 1933) с 1900 г. находился на земской службе, в годы первой русской революции придерживался тех же либерально-демократических взглядов, что и В.Ф.Попов с А.Н.Вешняковым, и, подобно им, был отстранен от земской деятельности, арестовывался, был приговорен к трехмесячному заключению.

С началом I мировой войны А.М.Мартюшева мобилизовали в армию. Во время Февральской революции он служил в Петрограде, поэтому оказался в гуще событий. Его написанные с некоторой долей иронии воспоминания довольно ясно характеризуют обстановку тех дней, когда сделать политическую карьеру было при желании (а то и без него) весьма несложно. После Февральской революции «офицеры поникли головой, а солдаты наших ополченческих рот были совершенно серы и неграмотны», писал Мартюшев, поэтому ему, человеку начитанному, быстро удалось выделиться среди других: «После первого же выступления я сделался центральной фигурой. Хотя сам я почти не разбирался в разных политических программах, но горячо мог клеймить полицейский монархический строй, говорить о бессмысленности продолжения войны. Этого было вполне достаточно, чтобы заслужить у своих солдат полный авторитет».

Оставаясь, подобно В.Ф.Попову, беспартийным, А.М.Мартюшев постепенно стал склоняться более к партии эсеров, чем к кадетам. Он всем сердцем воспринял принесенные революцией демократические ценности и остался привержен им в последующие годы. Мартюшева выбрали членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом качестве А.М.Мартюшев обратился к «гражданам зырянам» с призывом: «Идет организация страны до созыва Учредительного собрания, которое должно дать нам землю и волю, установить порядок управления страной... Призываю вас, граждане зыряне, к участию в строительстве новой России. Организуйтесь! Создавайте местные организации для устройства своей жизни на новых началах свободы, равенства и братства».

А.М.Мартюшев участвовал в упоминавшемся выше собрании коми солдат в Петрограде, которое постановило: «Мы, революционные солдаты, являющиеся... представителями почти всех волостей края, находим необходимым настойчиво рекомендовать своим односельчанам немедленно приступить к созданию крепкой, сплоченной крестьянской организации в уезде», организовать «уездный комитет, в руках которого и должно быть... управление уездом, вплоть до выбора уездного исполнительного органа на основе всеобщего, равного и прямого голосования». «Мы... можем

рекомендовать для выбора в уездную организацию... товарища нашего, солдата Алексея Макаровича Мартюшева... как стойкого защитника интересов трудящегося крестьянства».

С этим наказом А.М.Мартюшев, демобилизовавшийся в конце апреля 1917 г., отправился в Коми край. В Яренске нашедший в Усть-Сысольск паромом сел В.Ф.Попов, к своему удивлению встретивший там давнего знакомого, возвращавшегося из столицы. Мартюшев поведал Попову о собрании солдат, о выдвинутых там предложениях. Вероятно, тогда-то у них и возникла идея основать свою политическую организацию, способную изменить сложившуюся в Усть-Сысольском уезде ситуацию. По прибытии в Усть-Сысольск В.Ф.Попов и А.М.Мартюшев нашли А.Н.Вешнякова, который поддержал это предложение.

Инициатива В.Ф.Попова, А.М.Мартюшева и А.Н.Вешнякова оказала большое воздействие на развитие политических событий в уезде. Образованное ими 30 апреля 1917 г. «Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» преследовало следующие цели: «Пробуждение трудового населения Усть-Сысольского уезда к сознательной общественно-политической жизни и активное его участие в местных органах самоуправления», чтобы «заручиться достойным представительством от крестьянского и трудового населения уезда, ...способным взять на себя руководящую роль и господствующее положение во всех организациях и учреждениях». Первоначально планировалось создать «партию обновления», но затем решено было образовать общество, которое объединило все силы, недовольные упорно державшимися за власть прежним чиновничеством – деятелей либерально-демократической ориентации, сторонников партии социалистов-революционеров (такие составляли большинство) и даже представителей пробольшевистских сил.

Председателем исполкома общества стал В.Ф.Попов, его заместителями В.М.Чуистов и А.П.Кудинов, казначеем – А.Н.Вешняков, секретарем А.Д.Синцов, членами – А.М.Мартюшев, М.Д.Кузьбожева, Е.Ф.Вежева и др. Обновленцы активно занялись пропагандистской работой среди местного населения, издали три номера своей газеты «Известия Общества обновления...» (первый номер вышел в мае). Именно она являлась первой газетой в Коми крае. Огромный интерес жителей вызвало адресованное им воззвание «Коми йӧз!» («Коми люди!»). В нем критиковались местные органы власти, в которых работали все те же чиновники, что и до Февраля, говорилось о необходимости реформ. В волостях стали возникать отделения общества.

Руководители Усть-Сысольского УВК почувствовали угрозу своей власти и попытались оказать давление на «Общество обновления». 9 мая 1917 г. УВК принял постановление, в котором говорилось: «Так как данным воззванием («Коми йӧз!» – авт.) внушается населению недовольство выборами должностных лиц, происходившими в марте и апреле сего года, и вселяется

недоверие к народной власти, ...что может иметь неблагоприятные последствия в настоящее время, когда всюду замечается самоуправство и игнорирование распоряжений местной власти, то просить Комитет «Общества обновления местной жизни» воздержаться от распространения данного воззвания, всемерно поддерживать порядок и спокойствие и призывать население к единению и доверию к народной власти». Употребление слова «просить» очень показательно – реальных сил для воздействия на обновленцев у Временного комитета оставалось все меньше.

Впрочем, «Общество обновления», разумеется, испытывало потребность в сохранении сотрудничества и с УВК, и с другими органами местного управления, в частности, с усть-сысольской городской думой. Например, 25 мая 1917 г. обновленцы обратились к городской думе с просьбой «об оказании материальной помощи для осуществления мероприятий, намеченных обществом к ознакомлению населения с текущим моментом». Но дума, сославшись на «недостаточность средств в данное время у города», денег решила не давать (вероятно, закономерно рассудив, что «Общество обновления», пожалуй, охарактеризует «текущий момент» совсем не так, как хотелось бы думе и УВК).

В Яренском уезде оппозиционные чиновничеству силы стали группироваться вокруг образованного в Яренске 6 мая оргкомитета по созданию уездной организации партии социалистов-революционеров (председатель оргкомитета С.П.Гулынин). Вслед за Яренском эсеровские ячейки появились в Гаме, Усть-Выми и других селениях уезда. Социалисты-революционеры были нацелены на взятие власти в уезде. Эта цель была подтверждена позднее, 30–31 июля 1917 г., на Вологодском губернском съезде эсеровской партии, где была принята резолюция об основных задачах партийной работы в губернии. Первый пункт резолюции ориентировал эсеров на «захват в руки партии всех публично правовых органов губернии» (волостных, уездных, губернских земств, городских самоуправлений, продовольственных, земельных и других комитетов).

На гребне «Февральской волны».

К лету 1917 года оппозиционные силы (эсеры и обновленцы, позиция которых также в целом была очень близка программным установкам социалистов-революционеров) стали пользоваться заметным влиянием среди крестьянства и интеллигенции Коми края. 4 мая «Общество обновления» избрало В.Ф.Попова и еще двух человек членами уездного продовольственного комитета (чрезвычайно важного органа). 15 мая на заседании общества В.Ф.Попов был выбран в комитет уездной учительской организации. 18 мая уездная земская управа постановила бесплатно пересылать корреспонденцию «Общества обновления» и разрешила лекторам-обновленцам бесплатно пользоваться услугами земских почтовых

станций. 22 мая общество избрало членом УВК Е.Ф.Вежеву. 27 мая на заседании УВК было принято решение о создании «Бюро по организации земельных комитетов при Усть-Сысольском уездном комиссаре». Это Бюро стало играть важную роль в жизни уезда. Позднее оно было преобразовано в уездный земельный комитет. Председателем его стал В.Ф.Попов.

В мае 1917 г. в Усть-Сысольске состоялось уездное собрание землевладельцев, выдвинувшее своего делегата на I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Им стал один из лидеров «Общества обновления» Степан Осипович Латкин (1886 – 1927), сыгравший видную роль в политической жизни Коми края. Латкин занимал политической деятельностью с 1903 г., когда он познакомился в Казани с группой социалистов-революционеров и проникся ее идеями. Накануне и в период первой русской революции Латкин не раз арестовывался и отбывал заключение за распространение эсеровских листовок, под псевдонимом «Дядя» писал в разные газеты смелые обличительные статьи. После революции С.О.Латкин отошел от эсеров и стал склоняться к либерально-демократическим взглядам. Февральская революция застала его в уральском г. Верхотурьинске. Латкин принял участие в создании новых органов власти, в марте 1917 г. возглавил милицию Верхотурьинска. Пробыв в этой должности около месяца, он вернулся на родину, возобновил прежние контакты с земскими деятелями и активно включился в работу «Общества обновления...».

На Всероссийском съезде С.О.Латкину поручалось «защищать интересы трудового народа-земледелца». Съезд прошел в Петрограде в конце мая – начале июня. Одним из его организаторов являлся П.А.Сорокин. Из Петрограда Латкин выехал в Москву, где в июле принял участие в работе Всероссийского мещанского съезда, на котором собрались представители мелкого и среднего предпринимательства. На съезде Латкин был выбран товарищем (заместителем) председателя съезда В.Е.Гринева.

На чрезвычайном заседании усть-сысольской городской думы 6 мая 1917 года (помимо гласных, на заседании присутствовал председатель земской управы Н.А.Бронников) обсуждался вопрос о выборах в городскую Думу согласно новому положению Временного правительства. Для избирательной комиссии гласные выделили кредит в сумме 1000 руб. Выборы состоялись летом и принесли победу оппозиции.

Весной в Усть-Сысольском уезде стали возникать волостные временные комитеты, подчинявшиеся УВК. Показательно, что они быстро установили тесные контакты с «Обществом обновления». Например, Маджский волостной временный комитет 2 мая обратился к председателю «партии обновления» с просьбой «способствовать к удовлетворению ходатайства» местных крестьян «о воспреещении вывоза леса» из волости. «Общество обновления» также обращалось к волостным комитетам – в частности, с призывами к созданию на местах отделений общества и обсуждению на

волостных сходах целей и задач «организующейся крестьянской, трудовой организации». Эти призывы не оставались без внимания. 25 мая Ручевский волостной комитет организовал сход, на котором было решено «немедленно организовать на месте отделение общества». 28 мая на сельском сходе в Лойме было образовано отделение «Общества обновления» и выделены деньги на выпуск «Известий Общества...».

Можно сказать, что в конце мая начался второй этап борьбы за власть в Коми крае, продолжавшийся до начала августа 1917 г. Если на первом этапе, весной 1917 г., у власти в крае оставались «старые», дореволюционные руководители, а оппозиционные организации только формировались, то во время второго этапа происходило постепенное укрепление влияния оппозиционных сил, выдвижение деятелей оппозиции на руководящие должности. 29 мая (11 июня) был реорганизован «в желательном для крестьянства направлении» Яренский УВК. В его составе появился официальный представитель партии эсеров А.А.Черепанов, а также представители рабочих типографии, солдат, профсоюзов служащих и даже один портной. Однако председателем УВК остался уездный комиссар К.Е.Добряков. Как сообщал позднее (2 августа 1917 г.) С.П.Гулынин, «партийная организация социалистов-революционеров должна была взять на себя организацию Яренского совета крестьянских депутатов, для чего и был созван съезд крестьянских депутатов». Он открылся 30 мая 1917 года и объявил себя выразителем интересов всего крестьянства уезда.

Избранный на I съезде Яренский уездный Совет крестьянских депутатов высказался «за демократическую республику как единственно справедливую форму правления России». Совет не претендовал на передачу ему власти, но указал на «засилие царской, чуждой народу бюрократии» в существующих органах власти, декларировал свое «право контролировать и вмешиваться во все области местной жизни» и решительно потребовал, чтобы Яренский УВК считался с его мнением. В те же дни проводились выборы в земскую управу, продовольственный и земельный комитеты, куда, по словам С.П.Гулынина, «удалось выдвинуть членов партии социалистов-революционеров». На съезде был создан и исполком уездного Совета из пяти человек, все – эсеры. Председателем исполкома стал С.П.Гулынин, секретарем С.А.Марков, членами – А.А.Черепанов, В.А.Исаков и Д.А.Батиев.

Будущий «отец Коми автономии» Дмитрий Александрович Батиев (19 (31) октября 1896 – 22 ноября 1941) стал интересоваться политикой во время учебы в учительской семинарии (в с. Хреново Кинешемского уезда) под влиянием ранее учившегося там же Н.Д.Кондратьева – будущего крупнейшего российского экономиста, пользовавшегося мировой известностью и репрессированного в 1930-х гг. по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии». Н.Д.Кондратьев и обучавшийся в той же семинарии годом курсом старше его П.А.Сорокин увлеклись эсеровскими идеями,

руководили кружком социалистов-революционеров, в который и вступил Батиев в 1916 году.

Во время Февральской революции Батиев проявил себя активнейшим образом. Он стал председателем комитета учащихся семинарии, членом комитета всех средних учебных заведений Кинешемского уезда, «был одним из организаторов фабрично-заводских комитетов и проводником арестов консервативных элементов». Вернувшись в мае 1917 г. домой, Батиев организовал первую в Яренском уезде волостную ячейку эсеров в Гапе, стал ее председателем, был избран делегатом уездного съезда крестьянских депутатов.

В Печорском уезде деятели «февральской волны» не имели такого влияния, как в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Однако и там прежним руководителям к лету стало ясно, что властью придется частично поделиться. 12 июня в Усть-Цильме открылось организационное собрание Временного Печорского уездного земского комитета. В нем приняли участие делегаты 12 волостей и представители Комитета общественной безопасности, Продовольственного комитета, Совета солдатских депутатов, объединения кооперативов, госучреждений. А.Б.Фукс сложил полномочия уездного комиссара. Этот пост занял учитель Г.Г.Недашковский из Бакурской волости (исследователи иногда называли его эсером, однако сам он сообщал, что не принадлежал к какой-либо партии; вместе с тем программа социалистов-революционеров, вероятно, оказала определенное влияние на формирование его политических взглядов). Временный земский комитет принял политическую резолюцию, в которой, в частности, отмечалось: «Россия должна стать Демократической Республикой с коллективным органом во главе с одной законодательной палатой, периодически сменяемой». 18 июня была избрана Печорская уездная земская управа из пяти человек (в число которых вошел и А.Б.Фукс, оставшийся одним из наиболее влиятельных политических деятелей уезда). Председателем управы стал Н.И.Стародубровский. Однако эта земская управа так и не приступила к работе из-за отсутствия средств.

В течение лета влияние оппозиционных сил в Коми крае еще более возросло. Постепенно «старые» уездные и городские руководители отходят на второй план. Стремительно рос авторитет деятелей «Общества обновления» в Усть-Сысольском уезде. 9 июня 1917 г. уездный комитет по делам о предоставлении военнообязанным отсрочек от призыва в армию обратился в «Общество обновления» с предложением выделить двух представителей общества в состав этого комитета (туда делегировали А.Н.Вешнякова и А.П.Кудинова). 17 июня Совет УВК сообщил обществу о создании специального суда Совести при городском суде и предложил избрать туда одного из членов «Общества обновления» (им стал В.Ф.Попов). Комитет организации учащихся г.Усть-Сысольска приглашал лидеров общества на совещание для консультаций в связи с предстоящими выборами городского

самоуправления. Уездная земская управа 22 июня просила избрать представителя «Общества обновления» для участия в работе по организации волостных земств в Усть-Сысольском уезде (была выбрана М.Д.Кузьбожева).

Обновленцы и «Бюро по организации земельных комитетов» выступили с призывом организовывать волостные Советы крестьянских депутатов и созвать уездный съезд крестьянских депутатов. В июне 1917 г. в Прилузье возникли первые волостные Советы: 13 июня – в Объячево, 18 июня – в Ношуле, 25 июня – в Спаспорубе (Шиловская волость). 13 июня Объячевский исполком Совета крестьянских депутатов обратился в «Общество обновления» с предложением «Усть-Сысольское общество обновления местной жизни переименовать в скорейшем времени в уездный совет крестьянских депутатов» и созвать уездный съезд крестьянских депутатов. Переименовываться общество не стало, но 23 июня комитет общества решил взять на себя функции организатора такого съезда. 29 июня комитет общества постановил согласовать этот вопрос с уездным земельным комитетом (планировавшим созыв съезда волостных земельных комитетов).

Уездная земская управа попыталась было отстранить обновленцев от подготовки съезда и 18 июля сообщила комитету общества, что «организация по созыву уездного съезда крестьянских депутатов оставлена за земством». Возможно, принятое ранее (28 июня) уездным комитетом по делам отсрочек военнообязанным решение о том, что члены «Общества обновления» А.Н.Вешняков и А.П.Кудинов «не являются представителями от уездной организации крестьян, потому и не могут участвовать на заседаниях комитета», также было связано с попытками уездных властей противодействовать стремлению общества взять на себя роль главного и единственного выразителя крестьянских интересов. Уездные власти не стали поддерживать издание «Известий Общества обновления...», и вышедший в середине июля третий номер оказался последним.

Но оставить «Общество обновления» в стороне от важнейших мероприятий общественно-политической жизни уезда было уже невозможно. Лидеры обновленцев стали самыми популярными и авторитетными фигурами в Усть-Сысольске и уезде. Это подтвердили состоявшиеся 23 июля (по другим источникам, 12 июня) первые в истории Усть-Сысольска демократические («на началах всенародного голосования... в порядке Временных Правил, утвержденных 15 апреля 1917 г.») выборы в городскую думу Усть-Сысольска. Из 2426 избирателей (841 мужчин, 1575 женщин), достигших 20 лет на момент выборов, на выборы явились 1520 чел., 63 избирательные записки были признаны недействительными. В новую Думу сроком на полтора года (до января 1919 г.) были избраны 29 гласных, представлявших пять общественно-политических группировок города: торгово-промышленные организации (гласные В.П.Комлин, Н.И.Забоев, И.П.Комлин), организацию учащихся г.Усть-Сысольска (Г.Г.Кассандров, Э.А.Смолковский, П.П.Ползунов, М.И.Тентю-

кова), группу домовладельцев г. Усть-Сысольска (А.Е.Суханов, А.С.Малевинский), группу граждан (бывших мещан) г. Усть-Сысольска (В.И.Коданев, В.С.Сорвачев, И.П.Лыткин, М.Г.Сидоров, В.А.Прокопьев, И.В.Фролов, И.Д.Заболоцкий, А.К.Титов, П.И.Шешуков, И.Е.Кузнецов, Ф.Ф.Надеев, А.С.Фролов, А.И.Лыткин, М.Д.Сорвачев, П.Ф.Осипов, П.А.Елькин), комитет «Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» (В.Ф.Попов, С.О.Латкин, Е.Ф.Вежева, Г.Н.Нестеров). О том, что в состав Усть-Сысольской городской думы впервые попали две женщины, сообщили все вологодские губернские газеты. На пост председателя новой думы выдвинули шестерых: В.Ф.Попова, Г.Г.Кассандрова, Э.А.Смолковского, Н.И.Забоева, С.О.Латкина и И.Д.Заболоцкого. В ходе выборов победил В.Ф.Попов; городским головой по-прежнему остался А.Е.Суханов.

На своем первом заседании, состоявшемся 2 августа 1917 г., «Усть-Сысольская Зырянская Городская Дума, избранная всенародным голосованием, ...единогласно постановила выразить полное доверие коалиционному Временному правительству и в лицах министра-председателя Керенского и министра внутренних дел Авксентьева приветствовать твердое решение их со всей полнотой власти вести страну на путь борьбы с внешним врагом и с внутренней разрухой на счастье Свободной России».

Эпитет «Зырянская» по-своему весьма показателен. Для умонастроений передовой части коми населения того времени характерны слова коми писателя В.Т.Чисталева, в апреле 1917 г. писавшего: «Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зыряндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...». И устьсысольские политики (в частности, гласные городской думы) видели себя не просто представителями городской власти, но и подчеркивали национальный характер органа, представлявшего в известном смысле, интересы коми народа или хотя бы коми населения, обитавшего в центре Коми земли, единственном в крае городе Усть-Сысольске. Причем это осознание городскими думцами себя в качестве представителей коми народа может быть прослежено и по документам более раннего периода. Еще в 1883 г. председатель усть-сысольской городской управы В.Латкин (однофамилец С.О.Латкина) обращался к губернскому начальству с просьбой разрешить выбрать на очередном усть-сысольском уездном земском собрании «депутацию **от зырянского края** (выделено нами – авт.) с целью повергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданические чувства зырян по случаю 500-летней годовщины присоединения зырянского края к Московскому государству» (датой присоединения В.Латкин считал образование Пермской епархии в 1383 г.).

Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. одними из первых поставили и обсуждали проблему возможности образования коми автономии (в том числе, видимо, выдвигалась и идея

«полной автономии», т.е. фактического обособления, отделения от России). По словам А.М.Мартюшева, «мы... работали над этим вопросом и, обсудив всесторонне, отвергли целесообразность сепаратных идей среди зырян». В принятой на собрании резолюции говорилось: «Отвергая пользу в проведении сепаратных идей среди зырян и отстаивания краевой автономии, признать желательным возможно быстрое восприятие общей российской культуры. Широкое использование природных богатств края возможно лишь с помощью русской промышленности и техники».

Вопрос об автономии коми ни местными Советами, ни земствами не ставился. Подразумевалось, что окончательное решение о форме государственного устройства России и ее регионов, в том числе и Коми края, откладывается до созыва Учредительного собрания. Но среди части коми идея Зырянской автономии постепенно приобретала популярность. Так, группа коми солдат 11-го Псковского полка (А.И.Михайлов, В.И.Чуистов, Ф.И.Бульшев и другие), обсудив осенью 1917 г. целесообразность образования коми автономии, обратилась к «гражданам зырянам» с призывом: «Пришло и нам время поработать. Ведь и мы имеем право на самоуправление. Ведь и в нас еще горит чувство национального самолюбия. Неужели мы не пошевелим пальцем для восстановления своих национальных прав? Неужели предоставим свободно исчезнуть свою бывшую когда-то вольную нацию, чтобы она вымерла и пропала без следа? ... Возьмемся же дружно за работу, за восстановление своих национальных прав, за право на самоопределение, за автономную зырянскую республику. Да здравствует автономная зырянская республика!». Более обстоятельно национальный вопрос стал рассматриваться коми политиками позднее, в первой половине 1918 года.

31 июля 1917 г. уездная земская управа, оценив складывающуюся в уезде ситуацию, сообщила комитету «Общества обновления» об организации при управе смешанной комиссии по организации крестьянского съезда и о включении в нее председателя общества В.Ф.Попова. Комитет общества потребовал, чтобы в комиссию включили также В.М.Чуистова, А.Н.Вешнякова и А.Д.Синцова. 1 августа 1917 г. был избран Усть-Сысольский городской Совет земледельцев (мещан); председателем исполкома Совета выбрали В.Ф.Попова.

О влиянии партии большевиков на население Коми края говорить не приходится. Несмотря на большевистскую агитацию некоторых демобилизованных или приезжавших в отпуск солдат и матросов (можно упомянуть В.В.Удоратина из с. Деревянск и Ф.М.Русь (Муравьева) из Ыба), на появление в коми селах газеты «Правда», население мало что знало о РСДРП(б), а местные органы власти относились к ним однозначно недоброжелательно. Вот, например, резолюция Усть-Сысольского уездного временного комитета от 25 мая: «...Ленина же и его сторонников, на немецкие деньги проповедующих поражение России и ядом своих учений отравляющих

малодушных и истомленных людей, мы признаем злыми врагами нашей свободы и требуем против них применения самых решительных мер, включительно до высылки их из пределов России в объятия их кровожадного друга – германского императора».

Совет солдатских депутатов Усть-Сысольского гарнизона, узнав об июльских выступлениях пробольшевистских сил под лозунгами «Долой Временное правительство!» в Петрограде, отправил телеграмму: «Солдаты Усть-Сысольского гарнизона единодушно выражают полное доверие Временному правительству и готовы поддержать и по первому требованию идти на защиту Родины и революции».

Земство приходит к власти.

Можно считать, что в августе начался третий этап борьбы за власть в Коми крае, завершившийся в октябре 1917 г. Для него были характерны окончательный отход прежних руководителей на второй план и закрепление у власти бывших оппозиционеров. 6 августа 1917 г. открылся первый Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов, в работе которого активнейшим образом участвовали лидеры «Общества обновления» В.Ф.Попов, М.Д.Кузьбожева и другие. С.О.Латкин стал председателем съезда, А.М.Мартюшев и И.М.Коданев – товарищами председателя. Еще одним товарищем председателя съезда являлся Дмитрий Яковлевич Попов (1862, с. Вильгорт – 1921, с. Деревянск), священник, коми поэт, депутат Государственной Думы с 1912 г., член партии эсеров, один из крупнейших политических деятелей Коми края, приехавший на съезд из Петрограда.

На I уездном съезде крестьянских депутатов был избран Совет и его исполком. Председателем исполкома стал С.О.Латкин, товарищем председателя – А.Н.Вешняков. Вошли в Совет и исполком В.Ф.Попов, М.Д.Кузьбожева, С.Ф.Матюшев и другие деятели «Общества обновления». На съезде вопросы о задачах уездного Совета крестьянских депутатов не рассматривались, на передачу ему власти Совет не претендовал, но вполне понятно, что образование такого влиятельного органа значительно ограничивало влияние УВК.

Чрезвычайно интересна позиция крестьян Коми края в отношении частной собственности. I Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов решил, что «в основу земельной реформы в Учредительном собрании должны быть положены следующие положения: 1) частная собственность на землю в пределах Российской республики отменяется навсегда (!). 2) Земля со всеми водами, недрами и лесами объявляется всенародным достоянием. 3) Все граждане и гражданки имеют равное право на пользование землей при условии обработки ее личным трудом в пределах не свыше трудовой нормы...»

I Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов также постановил «поддерживать всеми силами Временное правительство в его

твердой решимости охранить страну и революцию от гибели». На съезде выбирали кандидата в депутаты будущего Учредительного собрания. Предложили было С.О.Латкина, но он снял свою кандидатуру, сославшись на «утомленность и нездоровье». Вместо него была выдвинута кандидатура Питирима Александровича Сорокина, политика и ученого, будущего всемирно известного социолога, родившегося в вымском селе Турья. П.А.Сорокин с 1907 г. жил в столице, но связей с Коми краем и Устюгом, откуда был родом его отец, не терял. После Февральской революции Сорокин стал членом редакции газеты «Дело Народа», созданной эсерами, через некоторое время оставил эту газету и стал редактором газеты «Воля народа». По предложению А.Ф.Керенского он занял пост секретаря по проблемам науки во Временном правительстве. Занимался Сорокин и организацией Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Он являлся одним из лидеров партии социалистов-революционеров.

В августе и особенно после съезда деятельность «Общества обновления» стала гораздо менее активной – вероятно, потому, что надобность в существовании организации, объединявшей столь различные политические силы, по мере укрепления положения лидеров обновленцев в различных политических структурах уезда и уездного центра, мало-помалу отпадала сама собой. Кроме того, в августе в Усть-Сысольске уже существовали организации партии социалистов-революционеров (эсер С.О.Нестеров выступал на уездном съезде крестьянских депутатов с изложением программы своей партии по земельному вопросу на коми языке) и партии кадетов, объединявшие в значительной мере тех же обновленцев.

Официально «Общество обновления» было распущено только 15 октября по решению комитета общества (подписанному А.М.Мартюшевым), но в последние два-три месяца оно существовало, пожалуй, только на бумаге. Как писал позднее А.М.Мартюшев (пожалуй, несколько сгущая краски), «месяца через два» после возникновения «забыли о существовании общества... даже мы сами, организаторы». Газета «Вольный голос Севера» 31 августа иронично писала об «общественной жизни» Усть-Сысольска: «Есть еще в городе «Общество обновления местной жизни». Раза два или три оно обновило чьи-то стены своими заседаниями и почilo на лаврах». Впрочем, та же газета весьма скептически отзывалась и о делавшей первые шаги усть-сысольской организации социалистов-революционеров: «Есть в городе маленькая группа эсеров, положение ее среди враждебно настроенной уездной обывательщины, да еще со старыми пошибами властей предержавших – воистину ужасное. За отсутствием средств и недостатком в работниках, группа мало пока чем проявила себя».

В Яренском уезде эсеровская организация была значительно сильнее. Эсеры играли главную роль в «Яренской газете», первый номер которой вышел 20 июня 1917 г. (в газете отмечалось, что она издается «при ближайшем

участии Яренской культурно-просветительской комиссии, уездной организации социалистов-революционеров и исполкома Совета крестьянских депутатов Яренского уезда»). Газета сыграла огромную роль в пропаганде общедемократических идей в уезде.

Членами уездного земельного комитета, созданного на заседании УВК 21 июня, стали, в основном, социалисты-революционеры или сочувствующие им. 2 августа в Яренске открылся уездный съезд эсеров (присутствовали 48 человек с правом решающего голоса), на котором был создан уездный комитет партии в составе семи человек (председатель – А.А.Черепанов, казначей – М.Ванеев).

Выступая на съезде с докладом о задачах партии, Г.П.Иванов сказал: «Личность совершенная – идейное стремление социалистов-революционеров; развитие этой личности даст социалистическое будущее, общество взамен капиталистического настоящего, где с одной стороны мы видим классы эксплуататоров капиталистов и с другой стороны класс эксплуатируемых, трудовое крестьянство и рабочие... Капиталистическая эпоха не дает совершенствоваться человечеству ни физически, ни духовно. Она должна быть заменена строем социалистическим, царством трудового народа... Социалисты-революционеры причисляют к рабочим и трудовое крестьянство – не разделяя их, а объединяя в один класс эксплуатируемых. 2000 лет тому назад раздалось учение социализма в учении Христа, ...проповедовали его ... Фурье, Сен-Симон, Роберт Оуэн...» Выступил на съезде и Д.А.Батиев, доложивший «о возникновении Гамской партийной ячейки и о работе ее». 6 августа открылся II Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, работой которого руководили социалисты-революционеры. Они же и возглавили исполком уездного Совета (В.А.Исаков – председатель, С.А.Марков – секретарь). Вошел в состав руководящих органов и Д.А.Батиев. В августе 1917 г. в Вологде состоялся губернский съезд эсеров, в котором участвовал П.А.Сорокин.

В Печорском уезде общественно-политическая жизнь была развита гораздо слабее, чем в других уездах края. Сведений о существовании здесь в 1917 г. каких-либо партийных организации не обнаружено. Но и в управлении этим регионом постепенно происходили изменения. 27 июля наконец-то начала работу Печорская уездная земская управа обновленного состава (председателем ее стал учитель А.В.Попов, членами – Н.Стародубровский, П.И.Кириллов, Н.К.Чупров). Управа деятельно занялась организацией волостных земств.

Мирному сосуществованию различных местных органов власти способствовало то, что все они имели одну основную цель – созыв Учредительного собрания, которое должно было решить все главные вопросы устройства России, объявленной 1 сентября 1917 г. республикой. Окончательно уступить власть политикам «февральской волны» старые

чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Усть-Сысольском и Яренском уездах они состоялись в сентябре, в Печорском уезде – в октябре. В результате, например, председателем Усть-Сысольской земской управы стал С.О.Латкин, земскими гласными были избраны А.М.Мартюшев, В.Ф.Попов, Д.Я.Попов. Уездные временные комитеты прекратили существование. Должность уездного комиссара Временного правительства сохранялась до конца 1917 г., но власть теперь была сосредоточена в руках земства.

Таким образом, в борьбе за власть в Коми крае (в первую очередь, в Усть-Сысольском и Яренском уездах) между старым чиновничеством и деятелями бывшей демократической оппозиции можно выделить три периода: 1) весна 1917 г. – период господства «старых» руководителей и формирования оппозиционных организаций; 2) конец мая – начало августа – постепенное укрепление влияния оппозиционных сил, выдвижение деятелей оппозиции на руководящие должности; 3) август – осень 1917 г. – окончательный отход прежних руководителей на второй план, доминирование бывших оппозиционеров (обновленцев, эсеров) в уезде и закрепление их у власти в результате выборов в земские собрания и ликвидации уездных временных комитетов.

Время шло. Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политическом строе, сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей, конца которым было не видеть. Не хватало самого необходимого. «В последнее время в городе нельзя найти ни одного коробка спичек. Скоро ли будут они и кто будет заботиться об обеспечении ими населения – судить трудно. Думают ли об этом кому нужно?» – писала осенью 1917 года «Яренская газета». «Главные затруднения в уезде возникают из-за продовольствия», – сказал на заседании устьсысольской городской думы 10 октября 1917 г. председатель уездного Совета крестьянских депутатов С.О.Латкин. В связи с этим местные жители ряда волостей требовали, в частности, выселения из уезда «в более хлебородные губернии» размещенных здесь немцев-военнопленных, которым тоже требовались продукты.

Наличие немецких военнопленных в Усть-Сысольске, между прочим, сказывалось даже на «интересах учащихся в гимназиях, в особенности младших классов». Оказывается, как заявил на заседании городской думы 10 октября Г.Г.Кассандров, немцы были размещены в квартирах в центре города, и учащимся (неместным) пришлось «нанимать квартиры на окраинах города (в Кируле и Нижнем конце)»; между тем «многие из них бедняки, не имеют теплой одежды и обуви, почему им приходится очень трудно ввиду наступления зимы». Кассандров предложил выселить немцев на окраины города, поскольку «им ходить каждый день в город незачем, а ученики должны... посещать классы каждый день», и им надлежит жить ближе к школе, в центральной части города. Председатель думы В.Ф.Попов в ответ на

выступления Латкина и Кассандро́ва пояснил: «Германское правительство чрезвычайно чутко относится к судьбам и интересам своих подданных, оставшихся в плену, и оно через норвежскую и шведскую миссии, очевидно, постоянно находится в курсе вопроса – где и каково в России живет германским военнообязанным и пленным. Он, председатель, опасается, чтобы наше постановление, слишком резко сформулированное и проведенное, не повредило участи русских пленных, находящихся в Германии».

Нервозности добавляло ожидание частичной демобилизации армии «и вследствие этого большого скопления в городе солдат» и «эксцессов на почве отсутствия квартир» для их размещения (об этом, в частности, писал 7 октября 1917 г. Усть-Сысольский УВК городской думе, прося ее «принять меры к организации казарменного размещения имеющих прибывать солдат»). «Эксцессов» ждали (и ожидания эти, как мы увидим в дальнейшем, оправдались) из-за того, что солдатская масса была крайне политизирована и под влиянием пропаганды различных партий (не только большевиков) и окопной жизни в значительной мере утратила прежнее доверие к органам управления, действовавшим после Февраля. В условиях тяжелого экономического положения населения, также лишившегося значительной части своих симпатий к власти, выступление солдат могло оказаться губительным для уездных руководителей.

Последние сознавали шаткость своего положения. «В последнее время внутри России во многих местах начались погромы, повальные грабежи и пожары, от которых гибнет достояние населения. Возможно, что волна погромов может перекинуться и в нашу местность, а именно при возвращении солдат на родину, в свои края», – говорил на заседании устьсысольской городской думы 22 октября 1917 г., за три дня до Октябрьского переворота в Петрограде, гласный Э.А.Смолковский. «Хотя в нашем уезде помещичьих и крупных... имений не имеется, но не исключается возможность нападения деревни на город. Появление в газетах телеграммы министра внутренних дел губернским комиссарам о содействии местным общественным управлениям и прочих беспартийных организаций к предотвращению погромов нужно рассматривать как крик о помощи...». Смолковский предложил организовать в Усть-Сысольске «охрану из местных жителей», но это не было сделано.

В конце октября 1917 г. начали работу первые сессии Земских собраний нового состава Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов. Выступая в Усть-Цильме на заседании сессии, председатель Земской управы А.В.Попов особо отметил «важность момента открытия первого в Печорском крае уездного Земского собрания». На повестку дня были вынесены вопросы социально-экономических преобразований демократического характера в уездах. Но внезапно ситуация резко изменилась...

Глава 2. ОТ ЗЕМСТВ – К НЕБОЛЬШЕВИСТСКИМ СОВЕТАМ

«...Признать большевизм врагом Родины и революции».

27 октября (9 ноября) в Усть-Сысольск пришло из Вологды ошеломляющее известие: «В Петрограде большевики захватили власть...» Телеграммы об этом получили уездный комиссар Н.И.Митюшев и председатель уездного Совета крестьянских депутатов С.О.Латкин. В адресованной последнему телеграмме от Вологодского губернского Совета крестьянских депутатов, в частности, говорилось: «Временное правительство частично в Петропавловской крепости. Всероссийский крестьянский Совет и Центральный исполнительный комитет, Совет рабочих и солдатских депутатов, Петроградская городская дума и представители партий, кроме большевиков, образовали Комитет спасения Родины и революции. Необходимо сплочение крестьянства вокруг Советов (крестьянских депутатов – авт.) и всех крестьянских организаций вокруг организации Комитета спасения Родины и революции для восстановления и создания Временного революционного правительства, могущего довести страну до Учредительного собрания, предотвратить тыл от анархии, фронт от голода и уничтожение страны от гибели...» Аналогичные телеграммы пришли и в другие уездные центры.

Все местные органы власти в Коми крае встретили весть о перевороте в столице резко отрицательно. Февральская демократия, с таким трудом дошедшая до Коми края, очутилась под угрозой. В Усть-Сысольске полученные 27 октября телеграммы были тотчас оглашены на заседании земского собрания. «Для выяснения отношения к происходящим событиям и совместного обсуждения вопроса о настоящем весьма тревожном моменте в Петрограде» земцы решили созвать совещание с широким составом участников.

В тот же день в Усть-Сысольске состоялось объединенное заседание уездного земского собрания и представителей уездного земельного комитета, городской думы, исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, кооперативов, «политических и общественных организаций». На заседании «с разъяснением значения событий, совершившихся в Петрограде», выступили Д.Я.Попов, В.Ф.Попов и С.О.Латкин. В принятой на собрании резолюции говорилось, что «все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии, к разрушению армии и дезорганизации тыла», выражались «глубоко продуманное негодование и решимость не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми и решительными мерами». Резолюция была направлена в Петроград (Комитету спасения Родины и революции), в Вологду (Совету крестьянских депутатов), а также распространена по волостям в качестве обращения уездной земской управы к населению Усть-Сысольского уезда.

29 октября (11 ноября) состоялось заседание усть-сысольской городской думы «с представителями духовенства». В.Ф.Попов сообщил о поступивших в городскую управу телеграммах из Москвы, от Комитета Всероссийского Совет крестьянских депутатов «с призывом не верить Петроградскому Совету рабочих и Солдатских депутатов и теснее сплотиться вокруг своих крестьянских организаций» и «о готовности казачества содействовать водворению спокойствия и порядка в стране», и о других полученных в городе известиях. После обсуждения сложившегося положения единогласно решено было направить Комитету спасения Родины и революции в Петроград телеграмму, в которой говорилось, что «...гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением живых сил страны вокруг комитета спасения Родины и революции и восстановлением коалиционного Временного правительства, – что городская дума ставит себе священным долгом и неотъемлемой обязанностью». В адрес Петроградской и Московской Дум была отправлена телеграмма: «Усть-Сысольская Городская Дума, возмущенная насилием большевистского правительства, издавшего декрет о роспуске законно избранной всенародным голосованием столичной Думы, постановила выразить сочувствие и пожелание успехов в борьбе за право и порядок».

В Петроград и иные места полетели и другие подобные телеграммы из Коми края: «Яренское объединенное заседание представителей местных самоуправлений, комитетов и организаций рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно протестует против захвата власти большевиками, требует признать большевизм врагом Родины и революции...» Печорское Земское собрание приняло резолюцию «не подчиняться той власти, которая будет организована большевиками». «Весь Усть-Сысольский гарнизон, как один человек, присоединяется к казачеству с надеждой восстановить в стране твердую власть и порядок, которые готовы защищать с оружием в руках. Просим принять самые решительные меры в борьбе с большевизмом и анархией», – телеграфировал Совет солдатских депутатов.

Для населения края, впрочем, октябрьские события прошли почти незаметно, поскольку сколь-либо влиятельных пробольшевистских организаций здесь не было и «организовать массы» для выражения поддержки Ленину и Троцкому было некому. Разве что в Керчомье 29 октября (11 ноября) 1917 г. по инициативе группы бывших военнослужащих был создан «Рабочий комитет», занявший пробольшевистскую позицию. Видную роль в его создании и деятельности играл Александр Павлович Гичев (он родился в 1873 г. в Керчомье, служил на Балтийском флоте в Кронштадте, в 1916 г. снова мобилизован, служил на крейсере «Двина» Балтфлота, попал под влияние большевиков, вступил в РСДРП(б), летом 1917 г. демобилизован, вернулся в Керчомью). Особым влиянием «Рабочий комитет» в первое время не пользовался.

В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, наглядно показавшие расстановку политических сил в Коми крае в этот период. За список кандидатов № 1 (от Совета крестьянских депутатов и партии социалистов-революционеров) в Усть-Сысольском уезде проголосовало 83% избирателей, в Яренском уезде – 87%. В Пожегской волости Усть-Сысольского уезда за социалистов-революционеров проголосовали 655 человек из 723 участвовавших в выборах, в Пажгинской – 852 из 931, в Ручевской 876 из 910, в Ношульской – 1231 из 1268, в Усть-Сысольске – 1108 из 1735, и т.д.

Кже знакомый нам Батиев осенью 1917 г. ездил по уезду и призывал жителей выбирать в Учредительное собрание эсеров и их представителя П.А.Сорокина. К его розвальням был прикреплен плакат: «Коми народ, не забывай своего Питирима!». Не исключено, что и сам Сорокин приезжал в Коми край во время подготовки к выборам в Учредительное собрание. Питирим Сорокин и партия эсеров одержали на выборах в Яренском уезде полную победу; в Гамском избирательном округе за списки эсеров проголосовали 316 человек, а за четыре списка остальных партий (в том числе социал-демократов) – всего 25... В Айкинском округе из 217 голосовавших 207 высказались за список эсеров, сходным образом складывалась ситуация и в других округах (за исключением г. Яренска, где эсеры уступили народным социалистам и кадетам, городского гарнизона, где они были на втором месте после РСДРП, и Георгиевского округа Ертомской волости, в которой социалисты-революционеры следовали после народных социалистов). В Печорском уезде победу на выборах также одержали социалисты-революционеры: «Поголовно почти все желают подать голос за партию социалистов-революционеров», сообщала газета «Воля Севера». П.А.Сорокин стал депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии, однако принять участие в работе Учредительного собрания он не смог, так как был арестован в начале января 1918 г.

«Наконец-то дождались господ большевиков».

У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистское владычество не установится. Но дни шли, и надежды эти таяли. В губернских центрах установилась Советская власть. В Архангельске это произошло 17 ноября, в Вологде – 6 декабря. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. В пригородной Кодзвильской волости Илья Семенович Юрьев в еще в сентябре 1917 года создал пробольшевистскую солдатскую группу – «ячейку советской власти и партии большевиков». (И.С.Юрьев родился 10 июля 1875 г., служил в Санкт-Петербургской бригаде Отдельного корпуса пограничной стражи, работал надзирателем Усть-Сысольской тюрьмы, писцом и курьером Земской управы. В годы Первой Мировой войны проникся на фронтах идеями большевизма, на родину вернулся в августе 1917 года).

Появились и специально направленные солдаты-агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных сторонников нового российского большевистско-левоэсеровского правительства. В частности, в Усть-Сысольске появился во главе небольшой группы прибывший по поручению Московской солдатской секции М.Ф.Зайков, сочувствующий левым эсерам. Он вступил в контакт с И.С.Юрьевым, договорился о совместных действиях по реорганизации власти в уезде.

Усть-сысольский корреспондент газеты «Северное эхо» 17 (30) декабря 1917 г. так писал о приезде московских посланцев в Усть-Сысольск: «Наконец-то дождались и мы господ большевиков. 2-го (15) декабря приехали в город официальные представители Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов для распространения большевизма среди населения. Первым делом, конечно, они явились в Земскую управу просить оказать содействия. Когда председатель управы узнал, кто такие эти господа (приехали 4 человека), он потребовал документы от них, приказал в канцелярии снять копии с них и потом заявил: «Я, как председатель уездной Земской управы, заявляю, что по вашим документам видно, что вы изменники Родине и Временному правительству, что вы являетесь членами той банды, которая предаёт свою Родину, которая в союзе с Германией терзает страдающую Россию, а поэтому я, как сын своей великой Родины, как гражданин и как председатель уездной Земской управы, считаю своим долгом передать вас всех в распоряжение местного воинского начальника, как дезертиров. Документы ваши также будут переданы г. воинскому начальнику». И после этого г. председатель сам отвёл этих непрошенных гостей к воинскому начальнику и передал их в его распоряжение... По слухам, едут ещё три большевика, но к тому времени вероятно успеет соорганизоваться Союз для борьбы с большевиками; конечно, ни один большевик в пределы нашего города или уезда не проникнет». Говорили также об оплеухе С.О.Латкина советскому агитатору М.Ф.Зайкову.

Пытаясь оградить Усть-Сысольск от большевизма, местные земцы приняли решение о запрете большевистской пропаганды в уезде. Председатель управы С.О.Латкин 8 декабря 1917 г. издал распоряжение о «немедленном изъятии из употребления всей большевистской литературы в виде брошюр, листовок, газет и т.п.». Постепенно сил для осуществления антибольшевистских мер у местных органов управления становилось всё меньше, а давление новой центральной власти нарастало. 1 (14) декабря 1917 года «Яренская газета» сообщила: «В ночь на 30-е ноября (13 декабря – авт.) в Яренске образовался Военно-революционный комитет. Цель и задача его – быть проводником идей «Народных Комиссаров». Сразу же комитетом был смещен начальник милиции, приступлено к учету товаров в магазинах...»

В уездные центры поступали суровые телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с указаниями большевистских лидеров. Стало ясно, что надежды на провал

большевистского переворота и на то, что до Коми края их разрушительная деятельность докатиться не успеет, не оправдались. 10 (23) декабря 1917 г. В.Ф.Попов на заседании усть-сысольской городской думы сказал: «В России многое изменилось. События идут быстрым темпом. Большевистское правительство, захватив власть, укрепляется... Необходимо нам организовать самозащиту от всяких хулиганствующих шаек, выступающих обыкновенно в подобные острые моменты для грабежей и погромов под флагом борьбы с «буржуазией»...» О «решительной борьбе с большевизмом» речь уже не заходила – день спустя тот же В.Ф.Попов подчеркнул, что «народная охрана» «нужна не в целях борьбы с вооруженными силами большевистского правительства, а для самообороны и для предупреждения в разных подонках местного населения нежелательных самочинных действий, и главное, для реального противодействия возможным самочинным выступлениям темных элементов с целью погромов и грабежей». Городская Дума признала необходимым создание в городе «народно-охранной дружины» для защиты городской и частной собственности. Во главе дружины решено было поставить прапорщика И.И.Евтушенко.

Атмосфера в крае между тем накалялась. Присланные из столичных и губернских центров агитаторы и находившиеся под большевистским влиянием демобилизованные солдаты предприняли попытки захвата власти. 6 (19) декабря 1917 г. керчомский Рабочий комитет потребовал от волостной земской управы обложить налогом купцов и подрядчиков, конфисковать частные мельницы, установить твердые цены на хлеб и запретить вывозить его из волости. Позднее, в середине декабря (старого стиля) в Керчомье возник «Солдатский комитет», также пробольшевистский; возглавлял его, вероятно, Дмитрий Михайлович Ваддоров (он родился 8 ноября 1880 г. в Керчомье, служил в армии, где попал под влияние большевиков, после демобилизации в 1917 г. вернулся в Керчомью).

В Усть-Сысольске 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) организовал пробольшевистское выступление Алексей Андреевич Хатанзейский. (Он родился в тундре в семье ненца-оленевода, работал в Петербурге на заводе, попал под влияние большевиков, участвовал в забастовках, был призван в армию, воевал на фронте, дослужился до старшего унтер-офицера, занимался пропагандой среди солдат, в 1917 г. демобилизовался и приехал в Архангельск). В конце года А.А.Хатанзейский был направлен большевистским Архангельским губисполкомом на нижнюю Печору для организации Советов. Оказавшись проездом в Усть-Сысольске проездом на Печору, он с группой демобилизованных солдат при участии некоторого числа жителей городских окраин устроил митинг и демонстрацию и объявила о своей поддержке Октябрьского переворота в Петрограде, о переизбрании Совета солдат местного гарнизона и потребовала передачи власти избранному на этом собрании новому Совету солдатских депутатов (именовавшемуся

также «Усть-Сысольским Советом рабочих и солдатских депутатов»); в состав Совета вошли Хатанзейский, Панюков, Чепелев, Панин и Логинов. Секретарь нового Совета А.А.Хатанзейский сообщил о произошедшем в столицу (в Совнарком) и попросил: «Просим указать, куда нам обращаться за помощью о свержении старого Совета?» Никаких сведений о том, что из столицы посоветовали (и посоветовали ли) местным «путчистам», не имеется.

Жители Коми края к новоявленным претендентам на власть отнеслись с осторожностью. Когда Яренский военно-революционный комитет (ВРК) предложил крестьянам с.Айкино послать своих представителей для работы в этом комитете, то «общее мнение схода было резко отрицательное к идее организации нового, неизвестно для чего организуемого военно-революционного комитета, и решено было не посылать никаких депутатов в Яренск. Впрочем, на всякий случай намечены были всё же два кандидата», – сообщает «Яренская газета». Сходным образом отреагировали и в других волостях уезда. ВРК остался на бумаге, а его функции как органа власти возложили на исполком Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Продолжало действовать и земство; лишь уездный комиссар К.Добряков подал в отставку.

Керчомское земство отвергло требования местного «Рабочего комитета». И в Усть-Сысольске требование А.А.Хатанзейского и его сподвижников о передаче им власти было отвергнуто. «Старый» Совет солдатских депутатов не признал перевыборы законными и продолжал функционировать в прежнем составе и проводить прежнюю политику. Земские служащие решили добровольно власть не отдавать, а в случае насильственного захвата власти в уезде большевиками намеревались прекратить работу во всех учреждениях, «так как всякий честный гражданин и истинный патриот должен считать позором и предательством службу большевикам». С.О.Латкин известил низовые земские органы в волостях, что «всемерно избранные представители уездной земской управы не оставят власти до тех пор, пока власть эта не будет захвачена изменниками и предателями родины путем грубого насилия, и земская управа до последней возможности строго будет выполнять все обязанности по земскому управлению и хозяйству».

Возможности эти были, однако, весьма ограничены. Снабжение региона товарами и продовольствием все ухудшалось. Обстановка в Коми крае обострялась, чему способствовала деятельность пробольшевистских сил. Возникали все новые претенденты на руководство. Совет, руководимый А.Хатанзейским, просуществовал недолго – его лидер уехал из Усть-Сысольска в Печорский уезд, дабы там готовить захват власти. Но в городе появился еще один пробольшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (СРСКД) во главе с С.П.Малыгиным и И.С.Юрьевым, организованный на собрании жителей пригородных слободок (где жила, в основном, беднота) между 20 и 22 декабря (2-4 января 1918 г.). Этот Совет

распорядился закрыть и опечатать магазины Усть-Сысольска, проводил обыски у торговцев, осуществлял конфискации. Против этого выступил Совет солдат усть-сысольского гарнизона; произошли стычки между гарнизонными солдатами и сторонниками СРСКД. С.О.Латкин своей властью отменил это распоряжение и вновь разрешил торговлю.

Усть-сысольский уездный Совет крестьянских депутатов тоже осудил действия СРКСД и сообщил волостям: «В городе Усть-Сысольске небольшой кучкой граждан образован никем не признанный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Выпускаются самозванные... объявления... Исполнительный Комитет... предлагает вам никаких распоряжений, исходящих от новой организации, не выполнять и ни в какие сношения с ней не входить». Помимо вышеназванных Советов, функционировали уездное земское собрание и его управа, действовала городская дума.

26 декабря 1917 г. (8 января 1918) группа Юрьева направила во все сысольские и вычегодские волости воззвание-инструкцию, как организовывать на местах «ячейки советской власти». 29 декабря 1917 г. (11 января 1918) группа граждан пригородных слободок Усть-Сысольска (примерно 150 чел.) собралась на митинг и устроила стихийные перевыборы Городской Думы и городского головы. Были избраны 24 новых гласных Думы. Руководили самочинными выборами И.С.Юрьев и члены городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В поддержку новых гласных Думы были собраны подписи 600 граждан города.

31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы, целиком посвященное обсуждению текущих событий в городе. На заседании присутствовали председатель Думы В.Ф.Попов, городской голова А.Е.Суханов и 16 гласных. Кроме них, прибыли уездный комиссар Временного правительства Н.И.Митюшев и представители силовых ведомств – начальник гарнизона А.И.Новлянский, начальник уездной милиции М.М.Кипровский, начальник городской милиции И.И.Евтушенко. На заседание были приглашены также депутаты Земского собрания (в том числе А.М.Мартюшев), члены уездной Земской управы (в том числе ее председатель С.О.Латкин), уездной Земельной управы, уездной Продовольственной управы и Совета крестьянских депутатов (в числе последних была, в частности, М.Д.Кузьбожева). Впервые на заседание Думы были допущены представители городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов И.С.Юрьев, И.П.Кузнецов, В.А.Малыгин и М.И.Молодцов.

Заседание открыл В.Ф.Попов, с негодованием поведав собравшимся о продолжающихся самочинных обысках по городу товаров и продуктов, а также о попытке «перевыборов Городской Думы». С.О.Латкин выступил с резкой речью о непризнании советских органов власти в городе. Началась перепалка между депутатами Думы и присутствующими членами городского Совета. И.С.Юрьев предъявил гласным подписные листы усть-сысольцев,

одобрявших перевыборы Думы. Городской голова А.Е.Суханов, узнав о выборах нового городского головы, сложил с себя обязанности и подал в отставку. Собрание «встало», как написано в документе и попросило городского голову остаться на должности. Суханов согласился остаться до очередного январского собрания. Гласный Г.Г.Кассандров призвал собравшихся «не доводить конфликт между Думой и Горсоветом до резких выступлений и насилий, как это наблюдается во многих городах». Кассандров предложил провести в городе референдум жителей об отношении к Думе и Совету. Заседание окончилось ничем, поскольку И.С.Юрьев и другие представители Совета ушли, заявив, что вопрос о референдуме они будут обсуждать отдельно у себя в Совете 1 (14) января 1918 г. Поистине, трудно было разобратся в нагромождении разнообразных усть-сысольских «руководящих органов»...

Часть населения Усть-Сысольского уезда поддержала пробольшевистский СРКСД. В Керчомье 24 декабря 1917 г. (6 января 1918) возникла большевистская ячейка, секретарем которой стал А.П.Гичев (официально она не была утверждена вышестоящими большевистскими органами). В конце декабря Керчомские Рабочий и Солдатский комитеты объединились в Комитет рабочих и солдатских депутатов (в книге Е.Г.Королевой, А.А.Попова «Гражданская война в Коми крае» объединенный орган именуется – «Керчомский Рабочий и Солдатский Комитет», в книге В.И.Чупрова «Коми край в трех русских революциях» – «Совет крестьянских депутатов Керчомской волости»; мы приводим название, зафиксированное в письме этого комитета в Усть-Сысольск от 25 декабря 1917 г.). Председателем комитета стал Д.М.Ваддоров, его заместителем («товарищем») – А.Е.Бульшев. 25 декабря (7 января) Комитет рабочих и солдатских депутатов затребовал из Усть-Сысольска от СРКСД «оружие до 20 штук (винтовок) с патронами» для «защиты прав беднейшего слоя населения» Керчомья «от спекулянтов и буржуазии». 26 декабря (8 января) в Керчомье организовали первый в Коми крае отряд Красной гвардии (20 человек) во главе с И.К.Ваддоровым.

Большинство волостей поддерживало Совет крестьянских депутатов и иные «легальные», «законные» органы, доверие к которым в то же время стремительно падало. Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края, пострадавшие от нехватки всего, чего только могло не хватать, обращали свои взоры не к большевикам, эсерам, кадетам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть.

Об этом точно сказал один из видных деятелей местного демократического движения Д.Я.Попов: «Тревога за хлеб, за жизнь заставляет желать какой-либо власти. Такая власть необходима для объединения народа и успокоения, чтобы никто не препятствовал никому трудиться для себя и на пользу

государства. Власть желательно создать сильную, верховную, единую... Бывшая до сих пор власть потеряла авторитет, а без нее может наступить анархия... Неавторитетная власть вызовет всеобщее недоверие и вражду». Этот «поп-расстрига», «буржуазный националист», как долгое время величали его на страницах различных трудов, был глубоко прав.

Выступление Д.Я.Попова перекликается со словами П.А.Сорокина уроженца Коми края, очень популярного среди местных жителей П.А.Сорокина (в то время – одного из лидеров партии эсеров, секретаря А.Ф.Керенского), сказанными им в сентябре 1917 года в Петрограде перед открытием Демократического совещания (в нем участвовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д.; обсуждались вопросы о положении в стране, о власти). П.А.Сорокин сказал тогда: «Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на всё глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падет благодаря экономике и новый строй...»

«Мы создали верховную власть»...

Никто из «старых» и «новых» претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами. На призыв СРСКД к населению уезда прислать делегатов от волостей на съезд для решения вопроса о власти 15 (28) января 1918 г. откликнулись немногие – в Усть-Сысольск прибыло 16 человек, а волостей в уезде насчитывалось более 50.

Совет солдат гарнизона, в свою очередь, обратился к земским деятелям с предложением организовать новую власть в уезде «для предотвращения наблюдаемых разных скандалов и беспорядков, нарушающих тишину и спокойствие». В результате переговоров земских деятелей с солдатами гарнизона руководители земской управы убедились, что солдатам «что-то... хочется сделать, но что и сами (они) не знают». С.О.Латкин 15 (28) января 1918 г. созвал 48-ю сессию уездного земского собрания, 16 (29) января – продовольственный съезд. По предложению Совета солдатских депутатов гарнизона и по согласованию с земством участники всех этих форумов (в том числе и приехавшие по призыву СРСКД), а также представители всех уездных и усть-сысольских городских органов власти для того, чтобы «ввести местную жизнь в колею», собрались 17 (30) января 1918 г. на учредительный съезд (своего рода местный аналог Демократического совещания).

Открыл работу этого съезда Д.Я.Попов, председательствовал на нем А.М.Мартюшев, товарищами председателя были эсеры Д.Я.Попов и Г.Г.Кассандров, секретарями большевик И.С.Юрьев и беспартийные

Н.М.Фоминых и А.Д.Синцов. Съезд работал крайне нервно. Представители разных партий и организаций с трудом понимали друг друга. Кадет И.П.Петроканский обращал внимание делегатов на то, что «власть (в уезде и городе) уже есть – земское и городское самоуправление», и, следовательно, разговоры о создании власти выглядят по меньшей мере странно. Г.Г.Кассандров заявлял, что «народная власть должна представлять все отдельные группы населения и прежде всего крестьян», а последние в претендующем на верховенство пробольшевистском СРСКД не представлены. Большевик С.П.Малыгин возражал: «Там есть и крестьяне – 16 человек». А.Н.Вешняков вопрошал: «Что же будет делать Земское собрание, если мы организуем новую верховную власть?». И.С.Юрьев заявил: «Новая власть должна быть обязательно верховной. Земское собрание и его постановления будут утверждаться новой властью».

Участвовал в работе съезда и С.О.Латкин, выступивший с разъяснительной речью, где защищал свои распоряжения в декабре 1917 г.: «Мне бросили обвинение, во-первых, в разрешении торговли, закрытой Советом Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Но как же я мог поступить иначе, когда ко мне приходили местные жители и крестьяне дальних деревень и просили распоряжения, как лица, имеющего отношение к самоуправлению... открыть магазины для производства закупок необходимейших товаров. Просьбы были настойчивые, и мне ничего больше не оставалось, как только исполнить желание населения. Во-вторых, по вопросу об уничтожении большевистской литературы... Я только исполнял постановления Чрезвычайного Земского Собрания – не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям». Съезд оставил Латкина на свободе, хотя раздавались голоса об аресте председателя управы за антисоветские действия. Но земство пока еще существовало, и его авторитет играл свою роль.

Именно на учредительном съезде в Усть-Сысольске впервые в практическую плоскость как одна из задач новой власти был поставлен вопрос о коми автономии. В конце работы съезда Д.Я.Попов выступил с очень важной речью. «Сегодня мы... создали верховную власть, после чего я могу свободно сказать вам о чрезвычайной важности автономии для нашего края, по примеру других автономных единиц. Богатство нашего Севера и открывающиеся после войны перспективы позволяют нам создать свою автономную единицу. Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш раньше служил лишь окраиной Великороссии, когда он имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море. Мы должны послать делегата на имеющий быть в недалеком будущем съезд представителей Северо-Восточных губерний для выработки общего положения об образовании из губерний: Уфимской, Пермской, Вятской, Ярославской,

Костромской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской особой автономной окраинной единицы. Мы должны послать нашего делегата, чтобы заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах». Д.Я.Попов закончил речь под аплодисменты: «Да здравствует свободный зырянский народ и его Совет!». О важности автономии говорили также Г.Г.Кассандров и Н.И.Митюшев; последний предложил созвать специальное учредительное собрание «от всего населения» для обсуждения и принятия окончательного решения по этому вопросу.

Наконец земцы согласились с созданием новой верховной власти в уезде, которая должна была быть обязательно беспартийной, поскольку, как выразился В.Ф.Попов, «интересы народа понимаются разными партиями различно, а партий много». Новый орган власти стал именоваться (в соответствии с политическими реалиями) Усть-Сысольским уездным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Был избран временный уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ставший верховной властью в уезде. В состав Совета вошли представители всех групп населения, включая духовенство (его представлял протоиерей А.Малевинский). Председателем Совета и исполкома стал А.М.Мартюшев. По словам Алексея Макаровича, он стал своего рода буфером между левыми и правыми; его знали как человека демократических взглядов, образованного, чуждого авантюризму и к тому же выходца из народных низов. Мартюшев не являлся ни эсером, ни социал-демократом, «в жизни ни к какой партии не примыкал, ни на одном партийном собрании не участвовал, так и остался навсегда беспартийным» (из его автобиографии). Его заместителем («товарищем») избрали Д.Я.Попова. Должность уездного комиссара была упразднена. Земство как хозяйственный орган продолжало существование, а Латкин по-прежнему оставался председателем уездной управы. Так в Усть-Сысольском уезде была установлена Советская власть. Все ранее существовавшие Советы объявили о своем самороспуске. С поддержкой свергнутого большевиками правительства было покончено.

Конец усть-сысольской городской думы.

После образования уездных органов советской власти усть-сысольская городская дума продолжала работу. 22 января 1918 г. состоялось очередное ее заседание, посвященное в основном взаимоотношениям между созданным уездным исполкомом и городской думой. Было принято решение организовать в городе «всенародный референдум посредством опроса городских избирателей для выяснения вопроса: признают ли они необходимым переизборы нынешнего состава гласных Городской Думы». В заключение заседания председатель думы В.Ф.Попов подал в отставку «в силу

переутомления и сложившихся обстоятельств», а городской голова А.Е.Суханов взял отпуск по болезни.

30 января 1918 г. городская дума вновь решала вопрос о «референдуме» (заседание вел заместитель председателя думы Г.Г.Кассандров). На заседании присутствовали с правом голоса представители уездисполкома И.С.Юрьев и С.П.Малыгин. Дума решила провести «референдум» в городе «путем подачи записок следующего текста: Голосую за избрание новой думы или Голосую за старую думу», в «референдуме» могли участвовать все граждане города с 18 лет. В конце заседания гласный П.П.Ползунов ознакомил собравшихся о результатах своей поездки в Москву на Всероссийский съезд представителей земств и городов в поддержку Учредительного собрания. Большевики не разрешили проведение подобного форума, и Ползунов принял участие в целой серии частных московских совещаний 11-15 января, о чем и поведал собравшимся.

23-24 февраля (по нов. ст.) 1918 г. в Усть-Сысольске состоялись перевыборы городской думы. Было выбрано 24 новых гласных, из старого состава в думу попали только двое (И.В.Фролов, И.Д.Заболоцкий). Первое заседание новой думы открылось 25 февраля 1918 г. На заседании присутствовал временный комиссар Усть-Сысольского городского управления левый эсер Н.П.Багин. Состоялись выборы председателя думы и городского головы. Председателем стал А.В.Трубачев. На должность городского головы были выдвинуты кандидатуры Е.В.Коданева и Х.Ф.Кудинова, победил Коданев. В конце заседания был заслушан приговор граждан 6 десяти о замене гласного И.В.Фролова, «т.к. он был в прежнем составе Думы». Вместо Фролова в думу был кооптирован И.П.Клыков. 26 февраля комиссия гласных новой думы принимала кассу старой городской управы, в которой оказалось, например, 751 руб.40 коп. «городского благотворительного капитала», 7575 руб.86 коп. «запасного городского капитала», 3820 руб.45 коп. «богадельного капитала» и т.д.

2 марта 1918 г. состоялось очередное заседание новой Думы, на котором гласные обсуждали многочисленные вопросы городского хозяйства. На заседании была зачитана телеграмма уездисполкома о необходимости решать все вопросы, имеющие «общественное значение» только в соответствующих комиссариатах уездного Совдепа. Под конец заседания гласные постановили впредь заседать не по будним дням, а исключительно по воскресеньям или по праздникам. Последнее заседание усть-сысольской городской думы прошло 10 марта 1918 г. В мае 1918 г. Дума была официально закрыта.

«Положить основание автономному зырянскому штату».

Первое заседание Усть-Сысольского уездного Совета открылось 18 января. Был избран исполнительный комитет Совета во главе с А.М.Мартюшевым. В первые месяцы 1918 года исполком Усть-Сысольского уездного Совета занимался организационной работой: формировались отделы исполкома и

т.д. На заседаниях Совета в январе 1918 г. Д.Я.Попов (возглавивший, кстати, отдел народного хозяйства) развил свою мысль о статусе организованной власти и об автономии для коми. По его мнению, уездная (а в будущем подразумевалась, вероятно, и краевая) власть должна создаваться с участием всех групп населения, на «беспартийной» (правильнее, вероятно, – многопартийной, коалиционной) основе, но признавать решения II Всероссийского съезда Советов.

Новой власти в Коми крае, считал Д.Я.Попов, «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления». Она действовала бы исключительно в интересах местных жителей: «Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны – то согласимся, если не правильны, не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчинение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности». «Мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе». Выступления Д.Я.Попова содержали в себе целую программу по созданию автономной Коми республики в составе России – первую программу национально-государственного строительства в крае

14 февраля 1918 г. в газете «Северо-Двинский край» появилась статья «Зырянская автономия», где говорилось о возможности создания автономии для зырян: «...Если наша новая власть действительно станет твердой, – она положит основание если не зырянской республике, то во всяком случае созданию автономного зырянского штата какой-нибудь северо-восточной федеративной республики». Это была первая публикация о Коми автономии в средствах массовой информации.

Вероятно, под влиянием идей Д.Я.Попова в Помоздино в первой половине (по некоторым данным, в феврале) 1918 г. возникла организация «Коми автономист чукор» (группа коми автономистов). Непосредственным инициатором ее создания был Афанасий Андреевич Маегов (2 (14) июля 1893* – 30 января 1942). Во время учебы в Тотомской семинарии, по собственному признанию Маегова, у него «сложилась сумбурная анархо-революционная программа, направленная к свержению бога, царя, национального гнета и власти богачей». Работая учителем в Коми крае, Маегов выступал за реформирование системы образования, получая за это выговоры, писал бунтарские стихи. Во время Февральской революции

* В исследованиях в качестве даты рождения указывается обычно 3 июля – день крещения. Настоящая дата установлена исследователем биографии Маегова Б.Р.Колеговым.

А.А.Маегов был в армии, был избран членом полкового комитета, весной 1917 года «с организацией в полку ячейки эсеров вошел туда, но через месяц или два... вышел из ячейки» (из его автобиографии). В январе 1918 г. Маегов вернулся на родину и «принял активное участие в разгоне земских волостных управ и в организации советской власти в Помоздинской и Пожегодской волостях», «провел агитацию за Советы, за отделение церкви от государства, отчуждение земель от попов и борьбу с контрреволюционными элементами» (из автобиографии). Он работал народным судьей Вычегодско-Печорского участка.

Предполагалось, что «Коми автономист чукёр» будет политической партией, которая боролась бы за образование «национальной автономной Зырянской республики». Эта организация не получила известности в крае до июня 1918 г., когда в одном из первых номеров газеты «Зырянская жизнь» появилось воззвание «автономистов». В воззвании, подписанном Н.А.Шаховым, в частности, говорилось: «Товарищи зыряне!.. Устраивайте сами свою судьбу, своё счастье. Русские уже «устраивали» нашу судьбу в течение нескольких столетий, – скажите, товарищи, по совести, какую нам пользу принесли?.. Не пора ли нам задуматься об этом?»

Взгляды Д.Я.Попова, вероятно, оказали влияние и на общественного деятеля из с. Вильгорт А.А.Чеусова. За несколько лет до этого он писал: «...категорически заявляю: для «коми», зырян, нет почвы ни для квасного зырянского патриотизма, ни для «культурно-национального», так называемого самоопределения, по меньшей мере в переживаемое время». Но затем А.А.Чеусов, по его словам, осознал «необходимость... коми автономии» и 5 марта 1918 г. создал «Общество обновления жизни коми», программа которого, в частности, гласила, что «Общество является организацией народа «коми» на страже нового строя советской автономии края», которая борется за «частично-территориальную автономию народа коми; создание и защиту законодательной и исполнительной власти автономного народа».

Очевидно, по инициативе Д.Я.Попова была отправлена телеграмма Архангельскому областному съезду, в которой говорилось, что желательно «выделить в особую автономную единицу зырян по этнографическим границам с правом законодательства». Как отмечает историк В.И.Чупров, это первый официальный документ по вопросу автономии, отправленный органами власти Коми края в вышестоящие органы власти.

3 марта 1918 года в Усть-Сысольске состоялась городская манифестация, организованная для того, чтобы продемонстрировать силу Советской власти. Во главе демонстрантов под красным флагом с лозунгом «Да здравствует Интернационал!» шествовал отец Дмитрий Попов. О его деятельности, мягко говоря, не вполне укладывавшейся в принятые для служителя Церкви рамки, из Усть-Сысольска было сообщено в Вологодскую духовную консисторию: «В городе идет неопишная смута, возникновение которой местная

интеллигенция приписывает священнику Дмитрию Попову». Консистория 16 апреля рассмотрела жалобу, потребовала от Д.Я.Попова объяснений. Тот не представил их и был «извергнут из священного сана» указом от 4 мая 1918 года. Рясу, впрочем, он еще долго носил, выделяясь одеянием среди прочих деятелей Совета.

23 марта 1918 года открылся Первый съезд Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда (завершился он 2 апреля). На нем была продолжена дискуссия об автономии и полноте полномочий местных органов власти. Мнения об автономии высказывались самые разные. Д.Я.Попов считал, что «не надо отпускать благоприятного времени для создания автономии; когда Россия придет в устойчивое положение, будет уже поздно и придется жить по чужим законам». Позиция А.М.Мартюшева была весьма взвешенной и реалистичной. «Я... не принадлежу к автономистам... – говорил он. – Полная автономия может застопорить жизнь зырян на 100 лет... Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч. ...Наша автономия будет только на бумаге». П.И.Петроканский констатировал, что «мысль об автономии, красивое будущее для своей родины манит сильно», но проблему эту следует обсудить на местах, чтобы принять решение, «согласное с волей зырянского народа». В конечном итоге съезд постановил «стремиться к созданию автономной зырянской единицы», но не торопиться с этим, а проводить постепенную подготовительную работу.

Стремление к обособлению коми от соседних административных единиц несколько позднее проявилось и в том, что 17 июня 1918 г. в Устюге на съезде представителей Сольвычегодского, Велико-Устюжского, Никольского, Яренского и Усть-Сысольского уездов делегаты двух последних отказались от вхождения в новую Северо-Двинскую губернию. В эти же дни, 22 июня 1918 г., в Яренске (вероятно, по инициативе П.А.Сорокина) была создана организация, одной из целей которой было «образование особой административной зырянской единицы» – общество «Коми котыр». В его состав входили А.С.Сидоров, В.А.Молодцов, В.И.Лыткин, Д.А.Батиев. После большевистских переворотов лета – осени 1918 г. проекты государственного строительства, создания автономии на время перестали разрабатываться советскими деятелями (можно упомянуть только о комиязычной публикации в «Зырянской жизни» 22 декабря 1918 г., содержавшей призыв объединить территории с коми населением «в одну автономную землю»). К ним вернулись уже в середине 1920 года. Но мы забежали вперед...

I Усть-Сысольский уездный съезд Совета обсудил представленный Д.Я.Поповым план «плодотворного использования природных богатств» Коми края, включавший поиски месторождений полезных ископаемых, строительство промышленных предприятий и дорог и др. План всем был хорош, да вот только денег у местной власти на его выполнение не было...

Съезд принял решение ликвидировать земства. Бывший председатель уездной Земской управы С.О.Латкин содержался к этому времени за решеткой. В феврале 1918 г. он был арестован за игнорирование советской власти (а конкретно – за новое разрешение свободной торговли). В связи с арестом председателя Союз земских служащих объявил забастовку и обратился к I съезду Советов с требованием об освобождении Латкина. Съезд объявил амнистию политзаключенным. А.М.Мартюшев, выступая на съезде, заметил по этому поводу: «Большой беды нет, что Латкин, будучи председателем Земской управы, не зная уверенно, укрепиться ли Советская власть, разрешил открыть магазины».

27 марта С.О.Латкин вышел из тюрьмы, чтобы спустя два дня снова очутиться в камере. На этот раз он был арестован за скандал в городской аптеке, заведующий которой Карл Пильберг уволил без согласия Земской управы, но с ведома Совета служащего. Латкин зашел в аптеку и отчитал Пильберга за самоуправство. Последний обратился к съезду Советов с просьбой оградить его от происков земца. Съезд постановил арестовать Латкина за новое непризнание им Советской власти. В марте был также арестован за выступления против советской власти заместитель председателя Усть-Сысольского уездисполкома Совета крестьянских депутатов А.В.Старцев.

Сообщения источников о дальнейшей судьбе Степана Осиповича расходятся. По одной версии, Латкина освободили из тюрьмы 1 апреля 1918 г. по ходатайству его приятеля, комиссара юстиции Н.В.Лодыгина. Комиссар выступил на съезде с речью, в которой, в частности, заметил, что «виновность Латкина сомнительная, между тем общепринятый срок для предварительного заключения до суда 48 часов уже истек». Лодыгин предложил освободить Латкина, отобрав у него вид на жительство и взяв подписку о невыезде, что и было будто бы сделано по постановлению съезда. По другой версии, Степан Осипович с конца марта и по июнь 1918 г. содержался в заключении, о чем было известно даже Вологодской духовной консистории, получившей в апреле 1918 г. жалобу Судебной организации Усть-Сысольска на действия уездного Народно-революционного трибунала. Просьба заступничества священнослужителей, Судебная организация писала: «Самочинно возникшее... судилище – трибунал... заключает по своим приговорам ни в чем не повинных людей в тюрьму, как это было с председателем Усть-Сысольской Земской управы Латкиным, осужденным на три месяца в тюрьму только за то, что он не признал Советской власти». Консистория, разумеется, ничем не могла помочь Степану Осиповичу, разве что лишила духовного сана Д.Я.Попова, комиссара по земским делам.

На I съезде был избран уже не временный, а постоянный исполком Совета, который вновь возглавил А.М.Мартюшев. В избранный на этом съезде уездный исполком вошли деятели различной ориентации: семь

сочувствующих левым эсерам (среди них А.Ф.Богданов, Д.Я.Попов, М.Ф.Зайков, А.О.Канов и др.), большевик П.Н.Елькин, трое сочувствующих большевикам (в том числе И.С.Юрьев), три интернационалиста (В.Н.Конанов, А.А.Чеусов и Я.П.Потапов) и беспартийные. Председателем вновь стал А.М.Мартюшев, его «товарищами» – Д.Я.Попов и Александр Филимонович Богданов (2 (14) октября 1894, Палауз – декабрь 1933, Сыктывкар), политический опыт которого был, в общем-то, невелик: бывший учитель, во время революции он служил в армии, демобилизовался только в январе 1918 г., был выбран делегатом первого съезда Усть-Сысольского уездного Совета.

После съезда началась организация волостных Советов депутатов как действительных органов власти на местах (в марте-апреле они появились почти повсеместно), земские органы управления ликвидировались. 15 мая 1918 г. был организован Усть-Сысольский городской Совет, сменивший ликвидированную городскую думу.

«Крестьянин – плохой “советник”».

Весной 1918 г. Советская власть (в лице уездных Советов крестьянских депутатов) была установлена в Яренском и Печорском уездах. III яренский уездный съезд крестьянских депутатов, проходивший 5-14 марта 1918 г., объявил об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на небольшевистских позициях. В июне 1918 г. в исполком входили 2 эсера, 8 левых эсеров, 1 трудовик, 1 интернационалист, 1 большевик и 1 анархист. Земские учреждения в Яренском уезде функционировали до лета 1918 г. В июле 1918 г. на IV уездном съезде крестьянских депутатов было решено ликвидировать их. Уездные земские органы прекратили существовать в июле, волостные – в ряде мест действовали еще и в августе.

В Печорском уезде в январе 1918 г. группа демобилизованных солдат объявила о создании в Красноборе «РСДРП большевиков» (т.е. ячейки этой партии); официально она не была зарегистрирована вышестоящими большевистскими органами. Красноборские большевики заявили о своем намерении бороться против волостного временного комитета и за Советскую власть. «Борьба» эта, впрочем, затянулась до марта...

Первый в Печорском уезде Совет возник в с. Ижма. Организационное собрание по выборам в Совет проходило 23 января 1918 года, в состав оргкомиссии входили Ф.П.Попов, М.Филиппов и Канев. Совет начал работу 24 января под председательством Ф.П.Попова. Земская управа сдала ключи Совету. Была организована милиция из 6 человек. Предложено организовать Совет исходило от Н.И.Зыкова – фигуры весьма примечательной.

Николай Иванович Зыков (1898 – 1918) был сыном торговца, сблизился на заводе в Перми с социалистами-революционерами и стал принимать некоторое участие в революционной работе (в частности, в печатании и

распространении листовок). Позднее Н.И.Зыков называл себя «бывшим пермским боевиком 1907 г.», но участвовал ли он в самом деле в каких-нибудь террористических актах боевой организации пермских эсеров, не известно. В 1907 г. его арестовали по заявлению собственного отца, недовольного тем, что сын не помогает ему в лавке. И.Т.Зыков пожаловался в полицию, что его сын вместо торговли общается с революционерами и попросил припугнуть его, наставить на путь истинный. Результат этого обращения оказался сильнее, чем, вероятно, рассчитывал И.Т.Зыков. Николая Зыкова арестовали и вследствие «принадлежности к революционной организации» отправили под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию – сначала в Кемь, а через полгода – в Печорский уезд. В начале 1909 г. Н.И.Зыков попал в село Мохча на Ижме.

В 1911 г. срок ссылки закончился, но Н.И.Зыков из Мохчи не уехал. Он женился и пошел-таки по стопам отца, открыв мелочную лавку и занявшись торговлей. Дело приносило доход, так что Н.И.Зыков имел, в частности, возможность выписывать немало журналов и газет. Он внимательно следил за событиями в стране по сообщениям периодической печати, но политической деятельностью не занимался, жил обычной размеренной деревенской жизнью. В 1914 г. Н.И.Зыков стал работать писарем в волостном правлении. Как человек грамотный, начитанный, хозяйственный, составлявший к тому же различные прошения семьям солдат-фронтовиков, он приобрел определенный авторитет в глазах местных жителей. Осенью 1917 г. Н.И.Зыкова избрали гласным (депутатом) волостного земского собрания. Участвуя в работе этого органа, Н.И.Зыков занимался, в основном, поисками возможностей разрешения продовольственных трудностей в волости и уезде. Особенно видной роли в земском собрании Н.И.Зыков не играл. К большевизму Н.И.Зыков первоначально никакого расположения не испытывал; в своем дневнике он высказал недоумение, почему никто не убьет лидера РСДРП(б) В.И.Ульянова (Ленина).

Зимой 1917–1918 гг. Н.И.Зыков решил выступить инициатором установления в Мохче власти Советов. Сделать это было довольно сложно. Сам он писал в Архангельск, что «почва здесь для Советов крайне скверная. Крестьянин – плохой «советник». Вот унылый вывод, к которому я пришел после 10 лет жизни в разных уголках этой... губернии». Поэтому опорой Н.И.Зыкова должна была стать та часть населения волости, которая хотя бы в какой-то мере оторвалась от собственно крестьянской жизни: в первую очередь, демобилизованные солдаты и матросы, а также вернувшиеся домой временные рабочие лесопильного завода «Стелла поларе» (завод располагался в низовьях Печоры), те, кто трудился на сезонных лесозаготовках, и, наконец, работники точильного промысла и деревенская беднота.

25 января 1918 г. (нас ледующий день после начала деятельности Совета в Ижме) в Мохче состоялся сход, на который пришло около полутора сотен

человек, в основном принадлежавшие к вышеперечисленным категориям. Выступив перед ними, Н.И.Зыков предложил упразднить в Мохче земскую управу и образовать волостной Совет крестьянских депутатов. Собравшиеся поддержали его призыв, однако принятое на сходе решение не было осуществлено: очень уж небольшая часть жителей волости участвовала в этом собрании. Н.И.Зыков писал: «У нас население тысяч пять. На собрание обычно приходит человек 100 мужчин. Для выборов Совета собралось 150. Выбрали Совет. А буржуи кричат потом: «Кто вас выбирал?» Передача власти Совету от земской управы не состоялась, а сам Зыков был арестован волостным судом; через некоторое время его освободили под залог в сумме 500 рублей, и он продолжил работать в земской управе.

В феврале 1918 г. в Мохчу поступила телеграмма от архангельского Совета с требованием повсеместной организации Советов и красногвардейских отрядов, обложения чрезвычайным налогом «буржуазии». В том же месяце (13 февраля) бывшие фронтовики Мохчинской волости созвали свое собрание (с участием представителей некоторых других волостей) и приняли решение: «Время настало, дальше откладывать вопрос о создании на Печоре Советской власти нельзя». 23 февраля к Н.И.Зыкову у управу пришли 5-6 вновь прибывших в Мохчу демобилизованных солдат. В ходе обсуждения существовавшего положения, писал Н.И.Зыков в своем дневнике, «я разошелся, решил, что дальше ждать – преступление. Будь что будет, а я выступлю без промедления». 25 февраля состоялось новое собрание мохчинцев, на котором присутствовало 270 человек. Н.И.Зыков выступил с докладом «Кто такие большевики и какая разница между Советами и земством?» Он высказался в поддержку большевиков и вновь предложил создать волостной Совет. Около двухсот человек поддержали его, проголосовав за создание Мохчинского волостного Совета крестьянских депутатов. Это был первый Совет в Печорском уезде. Там же было решено создать вооруженный отряд Красной гвардии (в него записался 21 чел.), ставший опорой Совета. «Совет без оружия – писарь без руки, – считал Зыков. – Дурака и подлеца без палки не уверишь» (из письма в Архангельск 14 марта 1918 г.).

Узнав о событиях в Мохче, в село 3 марта 1918 г. приехал уездный комиссар. Он созвал собрание мохчинских граждан, на которое пришли 496 чел. Убедившись в популярности идеи Советов среди значительной части населения, уездный комиссар предложил придать волостному Совету статус наблюдателя за деятельностью земской управы, сохранив в то же время руководство в руках последней. Но, как писал позднее Н.И.Зыков, «народ еще чище подчеркнул, что земством он сыт. За нас (за Совет – авт.) было 420 голосов, против – 76». Собрание постановило окончательно упразднить волостное земство.

После этого Н.И.Зыков и руководимый им Совет занялись изъятием «излишков» продовольствия у зажиточного крестьянства в пользу бедноты, пы-

таясь таким образом решить проблему нехватки продуктов. Конфискации вызвали недовольство немалой части населения. «Сильно портит дело укрепления Советской власти вековая привычка населения чтить капитал», – писал Н.И.Зыков. В противовес Красной гвардии противники Совета стали создавать свой вооруженный отряд. Атмосфера в селе накалялась. Положение Мохчинского Совета было не очень прочным. Несмотря на успех на прошедших собраниях, Н.И.Зыков отдавал себе отчет, что в избрании Совета большинство населения не участвовало (сходное положение было и в других волостях). «Советы избираются как попало, – писал он. – Иногда на собраниях присутствует 30-40 крестьян из 5-6 сотен. Какие же это выборы? И какой возможен Совет, когда его выбрали 30 человек?» «Сторонники всеобщего, равного, прямого и т.д. (избирательного права, голосования – авт.) то и дело кричат, что Совет выбрала кучка людей». При этом Н.И.Зыков считал вполне возможным и приемлемым «захват власти 30-40 людьми во имя свободы и блага народа». Однако, наблюдая равнодушие или переменчивость настроения жителей, активизацию противников Совета, он выражал беспокойство, что таким же путем, как и они, может поступить и противная сторона: «Но всегда ли можно рассчитывать на то, что захват произведен именно нами, а не «ими»? Не будучи в силах рассчитывать на поддержку большинства жителей в борьбе с противниками Совета, Н.И.Зыков просил Архангельский губисполком помочь Мохченскому Совету вооружением: «Если получим оружие – мы им сумеем показать...», – писал он.

20 марта 1918 г. по инициативе уездного комиссара Г.Г.Недашковского в Усть-Цильме был создан уездный съезд Советов крестьянских депутатов, избран исполком, но власть осталась у прежних органов. Вопрос об установлении Советской власти в уезде считался преждевременным даже некоторыми из немногочисленных печорских большевиков, входивших в созданную уже знакомым нам А.А.Хатанзейским 1 марта 1918 г. «фракцию большевиков». В частности, А.М.Томилов говорил на заседании «фракции» 17 марта 1918 г.: «Нельзя все сразу сделать, а нужно постепенно наладить, и притом же Советскую власть не все население признает законной властью, а некоторые личности обзывают бандой хулиганов, а членов (Совета – авт.) – кучкой мошенников... В Совете нет хороших работников, и стало быть власть захватывать мы не можем, а захватом же хорошо налаженную организацию (управления – авт.) разрушим, а новую трудно создать». Видимо, того же мнения придерживалось и большинство других членов «фракции большевиков», потому что ее организатор и лидер А.А.Хатанзейский, настаивавший на немедленном захвате власти (он писал в Архангельск, прося прислать оружие для созданной им Красной гвардии), вскоре был исключен из фракции за неумение руководить и авантюризм и вынужден был уехать в Архангельск.

В Мохче обстановка продолжала ухудшаться, 19 марта 1918 г. Н.И.Зыкова ранили. 20 марта он отправил в Архангельский губисполком телеграмму:

«Черная сотня перешла в наступление. Меня ранили в голову. Пошлите помощь. Надо оружия побольше». Своими силами совладать с ситуацией не удавалось: слишком много недовольных было среди середняков и зажиточных крестьян. Да и состав самого Совета не удовлетворял Зыкова. «Идеал Советской власти не скоро еще привьется в этом болоте. В Совет полезли и кулаки, и черная сотня, и вся эта рвань, которая прежде орала: «Не надо нам Советов, земство – то же, что и Совет» и т.д.», – писал он. Требовалась помощь из губернского центра. 24 марта 1918 г. Н.И.Зыков отправил еще одну телеграмму: «Для торжества народного дела в уезде необходимо прислать организаторов и оружия человек на сто... Буржуазия многочисленна и упорна. Необходимы хорошие вожжи». 31 марта 1918 г. Архангельский губисполком постановил: «Послать телеграмму Мохченскому Совету – употребить все силы и меры сохранить Совет, и отправить туда оружие и комиссара губисполкома».

К концу марта 1918 г. волостные Советы существовали в Бакуре, Гаме, Ижме, Красноборе, Мохче, Сизябске, Усть-Ухте, Щельяуре, в апреле они имелись в большинстве волостей. На II уездном съезде Советов, открывшемся 14 апреля 1918 г., решено было провозгласить Советскую власть и ликвидировать земские органы (сказалось возросшее давление центра). Вместе с тем уездный исполком оставался на небольшевистских позициях. Волостные земства в значительной части волостей сохранились до лета 1918 г.

Это был компромисс, вынужденное соглашение всех политических сил – от большевистских до либерально-демократических. Никто в Коми крае в тот момент не мог удержать власть в своих руках в одиночку. Пробольшевистские элементы были слишком слабы. Ориентировавшиеся на павшее Временное правительство круги также поняли невозможность продолжения прямой конфронтации с большевистскими центральными властями. В руках уездных и волостных Советов находилась тогда реальная, а не декларируемая власть. Правда, таковой она оставалась недолго, всего полгода...

Одной из наиболее острых проблем, ставших перед руководителями уездов, был недостаток продовольствия. В конце апреля голодало более 60% населения Яренского и Усть-Сысольского уездов. 15 мая 1918 года уездный исполком «ввиду острого продовольственного кризиса» запретил въезд в Усть-Сысольский уезд «ищущим работы и желающим поселиться». «Прибывающие без разрешения... будут выселяться принудительным порядком обратно», – писали в своем распоряжении А.М.Мартюшев и Д.Я.Попов. Аналогичное положение было в соседних уездах, в связи с чем Мартюшев издал распоряжение: «Ввиду запрещения въезда в Котлас, Устюг, Вологду, Архангельск и Усть-Сысольск билеты на пароходы без разрешения Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никоим образом выдаваться не должны».

Однако было ясно, что одними запретами не отделаешься. Вопреки широко распространенному мнению, что «добольшевистские» исполкомы

палец о палец не ударили, чтобы помочь голодающим, первые советские руководители, например, Усть-Сысольского уезда решили изъять под проценты вклады состоятельных устьсысольцев в сберкассах и обложить местных торговцев чрезвычайным налогом специально для закупки продовольствия. Мартюшев предложил обратиться к сельским обществам с призывом «принять такие же меры по отношению к капиталистам на местах». Когда зажиточные горожане отказались выплатить деньги, их на некоторое время заключили в тюрьму. По инициативе Д.Я.Попова уездный Совет объявил о своем праве реквизировать с применением вооруженной силы любые товары (в первую очередь, муку) у состоятельных жителей. «Нужно умело распределить запас между населением... Богатым крестьянам, забывшим бедных крестьян, нужно уступить бедному... народу, у которого и денег нет, тем более хлеба», – призывал член усть-сысольского исполкома А.А.Чеусов. Удалось добиться получения кредитов для выплаты долгов по заработной плате учителям, медикам, почтовым служащим.

В июне 1918 года Д.Я.Попов ездил в Москву «выбивать» деньги, встречался с председателем Высшего Совета народного хозяйства А.И.Рыковым и даже, по некоторым сведениям, с председателем Совнаркома В.И.Лениным. Усть-Сысольскому уезду выделили было 800 тысяч рублей, но деньги до Коми края дойти не успели.

Несмотря на недостаток средств, уездным властям удалось наладить выпуск газеты. Первый номер газеты «Зырянская жизнь» вышел 10 июня 1918 г. тиражом 400 экземпляров. Официально считалось, что «Зырянская жизнь» издается при Исполнительном комитете Усть-Сысольского уездного Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов и является «общественно-политической, экономической и литературной газетой». Газета выходила два раза в неделю на русском языке, печаталась в частной типографии «З.Д.Следников и К°». Цена первого номера назначалась в 25 коп. Редакция и контора газеты помещались в Усть-Сысольске по адресу: «дом бывшего купца Комлина, против Исполнительного Комитета». Первым редактором газеты являлся Дмитрий Степанович Попов. При нем в редколлегию «Зырянской жизни» входили А.О.Канов, П.Ф.Игнатов и Д.И.Розанов. Из них только Д.И.Розанов являлся большевиком. А.О.Канов, правда, спустя некоторое время поменял свои левозсеровские взгляды на большевистские, но поначалу и он числился среди левых эсеров. О Д.С.Попове известно немного. Был он сравнительно молод, являлся студентом Пермского университета, входил в усть-сысольскую организацию левых эсеров, причем играл в ней ключевую роль.

О появлении в захолустном Коми крае собственной газеты сообщила своим читателям в одном из своих последних номеров вологодская газета кадетского направления «Северное эхо». 26 июня 1918 г. «Северное эхо» писало: «В понедельник, 10 июня нов. ст. вышел в свет первый № газеты

«Зырянская жизнь», издаваемой Усть-Сысольским Совдепом. С внешней стороны № скомпонован довольно прилично, с внутренней стороны официоз как официоз».

При всех существовавших трудностях, Коми край оставался в целом довольно стабильным в политическом положении регионом. Не случайно именно сюда, спасаясь от столичных невзгод, перебралась в мае 1918 года семья преследного премьера Временного правительства А.Ф.Керенского: Ольга Львовна Керенская (1873 – 1975) с сыновьями Олегом и Глебом и матерью В.Л.Барановской. Привезли ее в Коми край П.А.Сорокин и его давний приятель коми архитектор Александр Викентьевич Холопов, уроженец Кочпона, с которым Керенские были знакомы по Петрограду. А.В.Холопов возглавлял рисовально-чертежное отделение на мебельной фабрике «Мельцер» в Петрограде, был известен своими работами в области производственного дизайна. Когда положение в Петрограде стало стремительно ухудшаться, он вместе с женой Верой Дмитриевной и дочерью решил вернуться к младшему брату, жившему близ Усть-Сысольска, в Кочпоне. Сорокин, выпущенный из Петропавловской крепости, встретился в Москве с Керенским и в мае 1918 г. отправился со своей супругой на север России для организации антибольшевистского движения, заодно увезя по просьбе А.Ф.Керенского его жену и детей в более спокойный регион. Так Керенские оказались в Кочпоне, где сняли квартиру у Александры Степановны Холоповой.

Надо сказать, жила Керенская здесь довольно тихо, по словам квартирной хозяйки, «знакомства с местными жителями решительно никакого не имела». И кочпонские власти тоже сообщали позднее, что «жила она в совершенном уединении». Сама О.Л.Керенская рассказывала, что «несколько раз заходила с Верой Дмитриевной Холоповой... к ее родственнице Авдотье Павловне Холоповой и раза 3 заходила к Анне Павловне Камбаловой, но подолгу нигде не бывала». Впрочем, от людей и властей Керенские не прятались, в «подполье» не уходили. Об их пребывании здесь было известно, и «Зырянская жизнь» даже опубликовала заметку «Керенская приехала». В газете сообщалось, будто бы горожане недовольны тем, что Керенская, не торгуясь, покупает продукты на базаре, и продавцы, пользуясь этим, поднимают цены. О.Л.Керенская не стала отмалчиваться, и 20 сентября в той же газете появилась ее ответное письмо: «...Гибнет Россия – наша родина, в борьбе изнемогают брошенные нами наши союзники, немцы уже готовы праздновать кровавый пир победы, а для «Зырянской жизни», конечно, важнее, какую цену платит Керенская за продукты, причем сообщаются заведомо ложные сведения... Я покупаю на базаре наравне с прочими обывателями и не умаю, что крестьяне, пришедшие из разных деревень, осведомлены, которая именно [из покупателей – авт.] Керенская – значит цены я плачу те же, что и все обыватели». На этом интерес газеты к Керенским, по-видимому, иссяк, либо в связи с изменившейся в городе и уезде ситуацией прессе стало просто не до нее...

Большевики и сочувствовавшие им требовали от исполкомов более решительных действий, т.е. более последовательного осуществления насильственных мер, выходящих за рамки основных законов и связанных с изъятием «излишков», перераспределением земли. В апреле 1918 г. во время подготовки к севу руководимый Н.И.Зыковым Мохчинский Совет изымал у зажиточных крестьян семена. Обстановка продолжала накаляться. Острый конфликт между различными слоями мохчинского крестьянства неизбежно должен был вылиться в кровопролитие. Это случилось 27 мая 1918 г. Н.И.Зыков был убит, еще двое красногвардейцев ранены мохченцами из числа противников деятельности волостного Совета. Похожая ситуация складывалась и в некоторых других местах Коми края.

Если руководители Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов с нежеланием шли на применение насильственных мер и считали их вынужденными и кратковременными, то их оппонентам виделась иная перспектива: насилие должно было сделаться постоянным структурным элементом системы власти в ущерб более-менее мирному сосуществованию, связанному с постепенным, более медленным вытеснением «эксплуататоров» с помощью экономических методов. (Именно такого, последнего курса держалось Советское правительство в первые месяцы после Октября). В тот переходный период А.М.Мартюшев и его коллеги стремились строго придерживаться буквы и духа принятых советских законов и по возможности избегать крутых мер, способных в это сложное время вызвать обострение социальной напряженности и привести к острым конфликтам. Насколько удачно они действовали, в чем были правы и в чем ошибались - это тема для отдельного серьезного разговора. Отметим главное: беда демократических деятелей заключалась в том, что за отмеренный им срок они просто не могли в тех условиях решительно оздоровить обстановку. А население устало ждать. Экономическая разруха, угроза голода отнюдь не способствовали остужению страстей. Часть населения требовала немедленных решительных действий, улучшения положения любым путем, в ущерб законности, правам человека, не взирая на возможные катастрофические последствия. Выразителем интересов этой части населения стали большевики.

Глава 3. БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ

Настало время «чрезвычайщины».

Действия беспартийного председателя многопартийного усть-сысольского исполкома и его партийных коллег в Яренске и Усть-Цильме до поры до времени укладывались в рамки требований центральных органов власти, контролировавшихся большевиками. Но в середине 1918 года в стране произошел поворот. Руководители большевистской партии пришли к выводу,

что в условиях продовольственного кризиса и начинавшейся интервенции продолжать курс на постепенное вытеснение капиталистических элементов города и деревни через систему товарного производства и товарного обращения невозможно. Решено было осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике.

Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 11 июня 1918 года декрета ВЦИК о создании деревенских комитетов бедноты (комбедов). Комбеды должны были, во-первых, содействовать органам власти в изъятии излишков и кулацких запасов хлеба, а во-вторых, распределять хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия. В руках комбедов оказалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением остальной – большей части крестьянства.

Лидеры левых эсеров выступили против комбедов, объявили комбеды антисоветской организацией, подменяющей советскую демократию диктатурой сброда. Один из левых эсеров, Трутовский, говорил большевикам, казалось бы, очевидные вещи: «Беднота – это ведь не класс. Здесь и пьяница, и трудолюбивый неудачник, и батрак, и проходимец. Почему они становятся первыми фигурами в деревне? Что в этом социалистического? Где пределы взаимной экспроприации? Почему нужно формировать армию для борьбы против своих и мириться с тем, что немцы эшелонами вывозят хлеб в Германию (согласно условиям Брестского мира – авт.)? Ведь страшен, страшен будет результат: раскол России сверху донизу, резня, запустение, ненависть навеки...»

Эту опасность поняли руководители уездов Коми края, не ставшие создавать комбеды. IV Яренский уездный съезд Советов отверг решение о создании комбедов и продотрядов. Аналогичную позицию заняли власти Усть-Сысольского и Печорского уездов.

Осуществить (или, по крайней мере, возглавить осуществление) провозглашенных мер могли – и должны были – лишь коммунисты, от которых этого требовала как партийная дисциплина, так и собственная убежденность в необходимости скорейшего построения социализма. Но в Коми крае коммунисты не пользовались известностью и авторитетом в массах. Об этом сообщали и руководители местных парторганизаций. В докладе Яренского уездного комитета (укома) РКП(б) от 19 марта 1919 года говорилось: «Организационная и агитационная работа (коммунистов – авт.) в... Яренском уезде началась вести только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке».

Сходное положение было и в Усть-Сысольском уезде. Большевики и сочувствующие им не имели до середины июня в уезде даже своей официально зарегистрированной организации. В Усть-Сысольском уездном исполкоме Совета был только один пробольшевистский деятель – врач Д.И.Розанов, активный пропагандист «свободной любви» и защитник права

женщин на занятие проституцией (Октябрьская революция, убеждал он на педагогическом совете в одном из городских училищ своих менее прогрессивных коллег, освободила женщин, и те могут теперь делать всё, что захотят), да и тот в мае – июне отказался работать в недостаточно левом для него органе. В уездисполкоме преобладали левые эсеры: из 16 уездных комиссаров 10 примыкали к левым эсерам или сочувствовали им.

В Яренском и Печорском уездисполкомах большевиков и сочувствовавших им не было вовсе, а об отношении жителей к большевистским идеям достаточно красноречиво свидетельствуют приводившиеся выше слова Н.И.Зыкова и А.М.Томилова.

Прийти к власти большевики, не пользовавшиеся достаточным авторитетом в уездах, могли только путем переворота, причем перевороту должны были содействовать внешние силы. В крестьянском крае и не могло быть иначе. Аналогичные условия создались, например, на Украине. Украинский писатель, революционер, социал-демократ и коммунист В.Винниченко отметил в своем дневнике 20 июля 1920 года: «Революция на Украине проводится военными силами. Пролетариата почти нет. Тот, что был, расплылся по селам, бросился в спекуляцию, ушел на фронт». В Усть-Сысольске такой силой стал красноармейский отряд С.Н.Ларионова.

Степан Николаевич Ларионов (1897 – 1918), уроженец Онежского уезда Архангельской губернии, во время мировой войны стал большевиком. В мае 1919 г. он вошел в состав Архангельского горкома компартии. Вскоре Архангельский губисполком получил с Печоры телеграмму, в которой говорилось об убийстве председателя Мохчинского Совета Н.И.Зыкова и ранении двух красногвардейцев и содержалась просьба «оказать помощь оружием и людьми». На Печору был отправлен небольшой красноармейский отряд во главе с С.Н.Ларионовым. 31 мая отряд отбыл из Архангельска на пароходе вверх по Сев. Двине, затем вверх по Вычегде и 13 июня прибыл в Усть-Сысольск.

В это время в Усть-Сысольске стремительно развивался острый конфликт, связанный с имением торговцев Кузьбожевых в местечке Човью. О них стоит рассказать поподробней, тем более что в имеющихся публикациях историков указанные события трактуются несколько однобоко (порой даже последовательность событий менялась).

Драма в Човью.

Кузьбожевы являлись наиболее крупными землевладельцами Усть-Сысольска. Согласно законам, принятым Советской властью, все частновладельческие земли национализировались. Однако владельцы имели право пользоваться находившейся у них землей при условии, что они сами, своим трудом будут ее обрабатывать. 27 мая 1918 г. Кузьбожевы обратились в городской земельный отдел с просьбой разрешить им самим обрабатывать их девять десятин земли, но получили отказ. Тогда Кузьбожевы адресовали

ту же просьбу в уездный Совет. 30 мая уездный земотдел и исполком решили предоставить Кузьбожевым право обработки земли, но только в текущем году и «с отнесением могущего быть урожая в общегосударственный продовольственный фонд». Вопрос с передачей земли в постоянное трудовое пользование Кузьбожевых должен был решиться позднее, с учетом законов и норм, выработанных центральными и местными земельными органами. Пока же, констатировал исполком, все земледельцы Усть-Сысольска продолжают обрабатывать свои наделы «по прежним основаниям впредь до равного уравниения земли между трудящимися». Трудно со всей уверенностью говорить, в силах ли были Кузьбожевы обрабатывать эту землю своими силами. Но несомненно одно: исполком, действуя в рамках закона, не учел субъективного фактора – настроений безземельной и малоземельной бедноты города, рассчитывавшей получить наделы в Човью и крайне отрицательно относившейся к попыткам Кузьбожевых сохранить землю в своем пользовании, пусть даже и в «трудовом».

В принципе горожане могли обжаловать решение уездных властей, обратившись в губернский земотдел (так же, как Кузьбожевы обжаловали решение городских органов в уездных). Но события (вероятно, под влиянием декрета о комбедах) стали развиваться иначе. Произошел взрыв недовольства, непосредственным поводом к которому стал следующий инцидент. Еще весной горземотдел решил поселить на части Кузьбожевских земель безземельного устьсысольца М.Цивилева. После разрешения уездных властей на обработку земли Кузьбожевы собрались выселить Цивилева. Тот пожаловался соседям по слободке Нижний конец, и группа разъяренных горожан решила провести передел земли явочным порядком.

13 июня 1918 года около 20 вооруженных жителей Нижнего конца явились в Човью, избili двух членов семьи Кузьбожевых и потребовали, чтобы Кузьбожевы покинули Човью, угрожая в противном случае на следующий день сжечь их вместе с домом. А.М.Мартюшев, получив известие об этом во время совместного заседания исполкома и съезда лесничих, посоветовавшись со своим заместителем А.Ф.Богдановым, направил туда члена исполкома А.А.Чеусова. По сообщению газеты «Зырянская жизнь», «товарищ Чеусов, явившись с отрядом в Човью, застал полную картину разрушения... По предварительному дознанию пять человек, участвовавших в погроме и избиении, были арестованы и приведены в городскую милицию». В Човью для охраны Кузьбожевых от ожидавшегося посягательства на их жизнь был оставлен милиционер Потапов.

Известие об аресте взбудоражило население Нижнего конца. Собравшаяся толпа в две-три сотни человек по инициативе председателя горземотдела Х.Ф.Кудинова явилась в город к зданию, где размещалась милиция. В этом стихийном участии приняли участие и руководители городского Совета, придерживавшиеся пробольшевистских взглядов. Немногочисленных

милиционеров разоружили, арестованных освободили, пытались найти также жившего в том же доме А.М.Мартюшева, чтобы убить его «за приказание арестовать погромщиков» (к счастью, Мартюшева не было дома). Член исполкома В.Н.Конанов, прибывший к месту происшествия и пытавшийся образумить собравшихся, едва не был поднят на штыки. Вмешался командир отряда красноармейцев С.Н.Ларионов, прибывший в город в разгар описываемых событий.

Он заявил, что не допустит самосуда. Часть отобранного у милиции оружия была передана красноармейцам. После этого в центре города наступило относительное затишье. Но поздно вечером Х.Ф.Кудинов и еще четыре-пять вооруженных людей явились в Човью и попытались ворваться в дом Кузьбожевых. Находившийся там милиционер потребовал сообщить, кто они и зачем пришли. Не получив ответа и зная об угрозах по адресу Кузьбожевых, он применил оружие и застрелил одного из нападавших (им оказался Кудинов). Остальные ретировались. Опасаясь повторного нападения, Кузьбожевы отправились в с.Слободу.

В 5 часов утра 14 июня экстренно собравшийся уездный исполком постановил «ввиду происходящих вооруженных выступлений анархической толпы, самосуда, произведенного над гражданами Горовым и Кузьбожевым, и обезоружения милиции объявить город Усть-Сысольск на военном положении». Свою позицию А.М.Мартюшев и его коллеги сформулировали чуть позднее так: «Исполнительный комитет как местный орган власти, стоя на страже истинного социализма, равенства, братства и неприкосновенности личности, не может... стать на такую позицию, чтобы вопреки ясных законов Советского правительства некоторые граждане, хотя бы и бывшие буржуи, были вне всякого закона о гарантии жизни и чтобы можно было их свободно бить и убивать кому вздумается». На экстренном заседании прозвучало сообщение, что «вооруженные выступления анархической толпы» организовали и возглавляют русский большевик И.П.Андрианов, прибывший в город ранее и успевший войти в тесный контакт с руководителями горсовета, и городской Совет (позднее выяснилось, что сообщение не соответствовало истине, так как события начались стихийно). Опасаясь переворота, исполком обратился за помощью к только что прибывшему в город красноармейскому отряду под руководством С.Н.Ларионова как к наиболее организованной силе, попросив произвести аресты предполагаемых вожаков беспорядков. В списке подлежащих аресту значилась и фамилия И.П.Андрианова.

Поначалу Ларионов как военный комендант города взялся за наведение порядка. Утром 15 июня были арестованы несколько человек как организаторы и активные участники анархических выступлений (в их числе оказался член горсовета В.Осипов). Но к вечеру положение резко изменилось.

«Я вижу, что наступает анархия».

Днем 15 июня с Ларионовым удалось встретиться И.П. Андрианову. Иван Павлович Андрианов (1889 – 1967), уроженец Воронежской губернии, служил на линкоре «Гангут», за участие в бунте направлен в дисциплинарный батальон в Архангельск. После Февраля 1917 г. Андрианов стал председателем ревкома службы связи, в Архангельске встретил и Октябрь 1917 г. «К весне восемнадцатого (года – авт.), – вспоминал позднее И.П. Андрианов, – собрался домой. А тут слух прошел, будто посылают в Сибирь каких-то агентов за хлебом для губернии, говорили, что вывезить его будут по Ледовитому океану. Справился в губкоме (РКП(б) – авт.), сказали: ...ледоколы пойдут в Енисей или Обь, а ты, дескать, матрос, тебе самый раз в эту экспедицию. Загорелся я, подумал, а что мне дом? ...Отец с матерью померли перед революцией... Пошел к комиссару Беломорского военного округа...». Тот сказал, что ищет, «кого бы послать на Вычегду представителем военно-речного контроля». В мае 1918 г. И.П. Андрианов уехал из Архангельска на пароходе «Социализм» и в конце мая прибыл в Усть-Сысольск с полномочиями на проверку документов и грузов пароходов на маршруте Усть-Сысольск – Котлас.

Подробности разговора Андрианова и Ларионова неизвестны, но ясно, что именно после этого Ларионов прекратил поддерживать уездный исполком и стал на сторону анархизирующих элементов и поддерживавшего их городского Совета. Вероятно, на упомянутой встрече решено было использовать стихийно возникшую ситуацию для осуществления переворота с целью усиления влияния большевиков в уездных органах власти. Опорой переворота стал отряд Ларионова.

С.Н. Ларионов не сообщил уездному исполкому о крутой перемене своей позиции. Но уездные власти, возможно, получили какую-то информацию об этом, поскольку в тот же день, 15 июня, постановили «ввиду наступившего сравнительного спокойствия в г. Усть-Сысольске освободить Архангельский отряд красноармейцев от охраны порядка и спокойствия в городе, о чем телеграфировать Архангельскому губисполкому», и «возложить охрану... на отряд местной Красной Армии, ...который... должен руководствоваться указаниями у исполкома». Однако было уже поздно – инициатива находилась в руках С.Н. Ларионова.

Вечером 15 июня Ларионов организовал в здании женской гимназии собрание с участием членов горсовета, своих красноармейцев, представителей городской бедноты с окраин, солдат местного гарнизона и крестьян Вильгортской волости, а также нескольких членов уездного исполкома и сотрудников некоторых его отделов. Вначале он сделал доклад «о текущем политическом моменте». Принятая по докладу резолюция (заботливо подготовленная заранее) призывала объединить «все революционные силы» и особенно «беднейших крестьян» для поддержки политики Совнаркома и

ВЦИК (и в первую очередь декрета о комбедах) и объявляла «беспощадный террор всем врагам трудового народа и завоеваний Октябрьской революции».

Затем Ларионов взялся за воплощение этой резолюции в жизнь. Вторая половина заседания была посвящена разбору городских событий. Во вступительном слове С.Н.Ларионов сказал, что исполком ему «обрисовал Городской Совет как учреждение, постоянно тормозящее работу исполнительного комитета, а выступление крестьян и разоружение милиции как выступление контрреволюционное. Я прошу собрание объяснить, кто виноват и кто прав». «Но, – как писала местная газета «Зырянская жизнь», – сделав такое торжественное заявление беспристрастного судьи, Ларионов все собрание вел с заранее определенным направлением – обвинить исполнительный комитет... Он не давал долго говорить тем, кто хотел выступить в защиту исполнительного комитета и всегда сам говорил за реорганизацию исполкома и за удаление намеченных членов исполкома..., говорил, что члены исполнительного комитета ушли вправо и стали на защиту мелкой буржуазии». Однако, подчеркивала газета, «конкретных и определенных фактов», говорящих о необходимости немедленной реорганизации исполкома, Ларионовым «не было указано».

С.Н.Ларионов вел себя по отношению к председателю исполкома «как на суде», задавая ему вопросы, которые должны были, по его мнению, обрисовать «мелкобуржуазную деятельность исполкома»: почему «революционные действия» горсовета и горожан назвали «анархическими», почему в местной газете печатали заметки О.Керенской (жены бывшего главы Временного правительства, жившей тогда в Усть-Сысольске) и т.п.

В конце концов было предложено вывести из исполкома председателя и четырех членов. Двое из них в знак протеста покинули собрание, заявив о выходе из уездного исполкома, еще двоих исключили в результате голосования. Таким образом, частично Ларионову удалось выполнить задуманное. А.М.Мартюшев и члены исполкома В.Н.Конанов, А.А.Чеусов и И.И.Евтушенко были отстранены от должностей, вместо них ввели коммунистов и их сторонников (Д.И.Розанова, И.П.Андрианова, М.М.Фролова и В.И.Сорвачева). Андрианов стал начальником милиции вместо Евтушенко.

Примечательно, однако, что несмотря на подбор участников собрания, Ларионову и Андрианову не удалось добиться безоговорочной поддержки. Они не смогли, в частности, записать во «враги народа» и удалить из исполкома одного из активных его деятелей А.Ф.Богданова: большинство собравшихся, к неудовольствию организаторов собрания, решило оставить его членом исполкома и даже «временным заместителем председателя». А представители вильгортских крестьян заявили, что вообще отказываются от голосования, поскольку «один город не имеет право производить реорганизацию исполкома, а это... может решить [только] весь уезд». Возможно, поэтому

организаторы переворота не довели его до конца и не заменили полностью весь состав уездного руководства своими ставленниками. Это могло вызвать недовольство значительной части населения, а отряд Ларионова не смог бы дольше задерживаться в Усть-Сысольске, чтобы охранять полностью прокоммунистическое руководство от направленных против него выступлений – нужно было уходить на Печору, где тоже остро требовались «организаторы». Но часть дела была сделана.

Для того, чтобы завершить переворот и окончательно уездных руководителей, свергнуть избранных на съезде Советов, решено было срочно создать большевистскую ячейку. 16 июня 1918 г. в Усть-Сысольске по инициативе Ларионова, его помощника Дубровина и Андрианова состоялось организационное собрание местных прокоммунистических сил из числа работников горсовета и членов «Союза бывших военнослужащих». Ларионов поведал слушателям о том, что такое партия большевиков и откуда она взялась, а затем предложил образовать большевистскую ячейку, что и было исполнено. В организационный комитет партии вошли 16 человек (в том числе и Д.И.Розанов). Председателем оргкомитета стал И.П.Андрианов, его заместителями – В.И.Чуистов и А.О.Канов, казначеем – В.П.Осипов, секретарем – М.А.Молодцова. Организаторы сразу же поставили перед ячейкой задачу овладения властью. С.Н.Ларионов высказался на сей счет достаточно ясно: «Политическая борьба есть единственный путь к достижению экономических требований»; «необходимо, чтобы у власти были свои люди», а для этого «нужна организованность». Создание тогда еще немногочисленной, но облеченной доверием и поддерживавшейся губернскими властями коммунистической организации стало одним из важнейших шагов к ликвидации демократических органов власти, установлению коммунистической диктатуры в Коми крае и фактическому лишению местного населения каких-либо прав.

17 июня уездный исполком с участием «старых» и «новых» членов обсуждал вопрос о произошедших событиях. Большинство осудило переворот и анархические события населения. Розанов же предложил считать июньские события – чем бы, как вы думаете? – нет, отнюдь не революцией уездного масштаба; по мнению коммунистов, всё случившееся было вызвано... «недоразумением»! В конечном итоге решили временно согласиться с произошедшими в составе уездисполкома изменениями, дабы не обострят обстановку, и созвать для окончательного демократического решения вопроса о власти уездный съезд Советов.

А.М.Мартюшев на прощание заявил: «Отстаивать свое право и продолжать службу под дулом направленного на меня револьвера я, конечно, не могу. Я слагаю с себя нравственную ответственность за всякие нежелательные для населения уезда явления, могущие произойти... Я ушел под давлением силы и насилия... В своей деятельности я руководствовался,

когда уезд поставил меня во главе исполкома, постановлениями съезда и писаными нормами прав человека и гражданина. Теперь, когда говорят, что никаких норм, никаких законов не нужно, и что всякая кучка никем не уполномоченных людей может явочным порядком в любое время удалить со службы представителей своего уезда – я уже вижу, что в стране наступает анархия со всеми разрушительными последствиями». Эти слова оказались пророческими...

Конечно, рассчитывать на то, что организовавшиеся и почувствовавшие вкус власти большевики согласятся на демократические выборы руководства, было по меньшей мере наивно. Уже 17 июня Розанов и Андрианов (в руках которого осталась милиция) объявили, что на съезд «должны быть присланы истинные защитники Советской власти, а если будут присланы другие, то им место в тюрьме». При этом право решать, кто «истинный» защитник, а кто не истинный, они оставляли, очевидно, за собой... Дальнейшая деятельность по большевизации уездного исполкома проводилась уже без участия С.Н.Ларионова – 18 июня он с отрядом погрузился на пароход и отправился вверх по Вычегде (по пути, в Усть-Куломе, С.Н.Ларионов получил телеграмму от пробольшевицки настроенных крестьян из Керчомьи, просивших помощи для усиления своего влияния на местное население. Ларионов отправил им ручные гранаты и посоветовал действовать решительнее). В Усть-Сысольске его дело продолжили Андрианов и Розанов.

18 июня Андрианов опубликовал в «Зырянской жизни» обращение «К братьям-зырянам», в котором призвал: «Воспрянь, брат-зырянин! Оживи революционный дух в твоей больной груди, встань во весь твой зырянский рост, ведь вас большинство, идите же сами на борьбу с жалкой кучкой ваших угнетателей... Удалите вредную для вас, трудящихся, местную власть – власть капитала, которая, как вампир, пьет вашу больную кровь, угнетая вашу свободную жизнь и душит, и отравляет мысль». 31 июня губернское руководство разослало на места указание о необходимости «разгонять вооруженной силой» негодные большевикам Советы.

Пример большевиков, создавших свою ячейку, оказался заразительным и для левых эсеров. 1 июля 1918 г. «Зырянская жизнь» известила об организации в Усть-Сысольске «партии левых социалистов-революционеров», в комитет которой вошли Н. Суворов, Чеусов и др. Председателем исполкома левых эсеров в Усть-Сысольске был Н.Н.Суворов, представлявшийся всем, как композитор, поскольку умел играть на рояле. Надо сказать, что в левых эсеров Усть-Сысольске было много и до создания организации. Называл себя левым эсером и «комиссар в рясе Д.Я.Попов». Организация левых эсеров была даже вынуждена выпустить в № 7 «Зырянской жизни» объявление: «Партия левых эсеров (интернационалистов) за лиц, занимающих ответственные места во всех советских учреждениях, не состоящих членами партии левых эсеров, партия левых эсеров никакой ответственности не несет. Всех

именующихся себя левыми эсерами и не состоящих в партии считать жалкими авантюристами». Левые эсеры объявили, что «великие завоевания социализма в смертельной опасности» и объявили запись в свою «боевую дружину»: «В партию и к оружию!.. Да здравствует Всемирное восстание трудящихся против всех угнетателей, грабителей и империализма!». Клуб левых эсеров помещался там, где сейчас Центр национальных культур (кинотеатр «Октябрь»).

4 – 10 июля 1918 г. в Усть-Сысольске проходил Второй уездный съезд Советов, на который было избрано 99 делегатов, среди них 32 левых эсера. Фракцию левых эсеров на съезде возглавляли Д.С.Попов и Н.Н.Суворов. Председателем съезда абсолютным большинством голосов выбрали А.Ф.Богданова. Выдвинутый коммунистами Д.И.Розанов собрал лишь шесть голосов – и это при том, что 31 делегат относил себя к большевикам и сочувствующим! Похоже, что своим «товарищам по партии» руководство серьезным делом они доверить боялись...

Как уже говорилось, съезд отверг декрет о комбедах. показания о подробностях голосования съездом Советов против Декрета о комбедах. Вот что говорил председатель Усть-Сысольского уездисполкома А.Ф.Богданов (сочувствовавший левым эсерам), уже отстраненный от власти, 22 июля 1918 г.: «Относительно декрета об организации Комитетов деревенской бедноты я должен сказать, что сразу же по получении такового мною были приняты меры по проведению в жизнь этого декрета, но левые социалисты-революционеры в лице редактора газеты «Зырянская жизнь» тов. Попова и лидера фракции тов. Суворова высказались против организации таких комитетов и предложили вопрос о принятии или о непринятии декрета по местным условиям внести на обсуждение съезда. В допущении голосования резолюции, отвергающей декрет, с моей стороны не было никакого злого умысла». Левые эсеры понимали, что организация в крестьянском Коми крае комбедов, резко разделяющих крестьянство на друзей и врагов революции, приведет к новому витку гражданской войны. Коммунистическая фракция на II съезде Советов в полном составе голосовала за принятие Декрета о комбедах и учреждении их в Коми крае, но беспартийная масса делегатов присоединилась к левым эсерам. В итоге уездный съезд Советов «отверг декрет об устройстве деревенских комитетов бедноты как учреждений, могущих повлечь в деревнях раскол и посеять вражду среди крестьян, и как учреждений, дающих возможность одной части населения жить за счет другой». В знак протеста лидер большевиков на съезде Д.И.Розанов отказался от мандата делегата и покинул съезд.

Одновременно, «считая необходимостью прибегнуть к самым серьезным мерам для спасения голодающей части населения уезда, съезд почти единогласно постановил немедленно сформировать особые продовольственные отряды и направить их на Сысолу. Задачей таких отрядов будет реквизиро-

вать излишки хлеба...». Д.С.Попову и Н.Н.Суворову не удалось противодействовать организации продотрядов в Коми крае. В знак протеста Д.С.Попов отказался печатать в своей газете инструкцию о формировании продотрядов.

II съезд Советов объявил амнистию политзаключенным. Вышел из тюрьмы, в частности, С.О.Латкин. Он решил вновь поработать уездным агрономом и подал прошение об этом в Усть-Сысольский Земельный комитет. Одновременно редактор уездной газеты «Зырянская жизнь» левый эсер Д.С.Попов предложил Латкину стать зав. отделом сельского хозяйства в газете. В письме к Латкину Попов «с почтением» писал: «Степан Осипович! Редакция «Зырянской жизни» обращается к вам с просьбой: не примете ли Вы участие в издании газеты, в частности, не возьмете ли на себя вести в газете отдел сельского хозяйства? За каждую строчку Ваших статей вы будете получать 10 коп.» Но грянувшая вскоре «большевизация» местного уездного Совета сорвала планы Степана Осиповича. (Возможно, именно попытка Д.С.Попова сделать Латкина журналистом возбудила в последнем интерес к коми прессе. Уже будучи в эмиграции в Лондоне С.О.Латкин выписывал из Советской России коми областную газету «Югд туй» – наследницу «Зырянской жизни» – и даже вступал в переписку с ее редакцией).

Съезд Советов осудил предпринятое Ларионовым смещение Мартюшева (большевики и левые эсеры опять предложили считать все это «недоразумением») и решительно отреклись от какого-либо руководства выступлениями «народных масс», говоря, что присоединились к бунтовавшему народу одними из последних). Была принята специальная резолюция, в которой осуждались июньские выступления усть-сысольской бедноты и действия красноармейского отряда, «исполнявшего волю неорганизованной толпы мешан». переворот был объявлен «недостойным советских граждан и не отвечающим идее истинного народовластия».

После того как съезд избрал исполком, где коммунисты не получили большинства, последние решили выполнить свою угрозу, высказанную еще в июне. Решено было осуществить новый переворот, более организованный и последовательный, чем в июньские дни. Организатором переворота стала руководимая И.П.Андриановым большевистская организация, которая, как писала местная газета «Зырянская жизнь», «зорко следит за всеми отношениями и действиями ответственных лиц». 21 июля 1918 г. руководимые Андриановым усть-сысольские коммунисты, «предугадывая последствия при нахождении вредных элементов у власти» (под «вредными элементами» имелись в виду ведущие уездные деятели небольшевистской ориентации), постановили: «Партия полагает, что современный состав исполкома должен быть безотлагательно реорганизован с отстранением тех из его членов, которые показали себя единомышленников партии левых эсеров..., с преданием их суду революционного трибунала». Решено было также немедленно снять «со всех ответственных постов» служащих, которые не

придерживались коммунистических взглядов, и заменить их большевиками и сочувствующими им.

В тот же день, сообщила позднее (25 июля) «Зырянская жизнь», «было экстренное заседание Чрезвычайной комиссии по реорганизации исполкома» (созданная, очевидно, на упомянутом собрании местных коммунистов), постановившее «удалить... с преданием революционному суду» председателя и трех членов исполкома, «а на место отстраненных ввести» большевиков, что и было исполнено на следующий день, 22 июля. Были арестованы члены исполкома интернационалист В.Н.Конанов, активисты левозсеровской партии Королев и Рочев. За Кононова вступился было Союз студентов г.Усть-Сысольска под председательством Семерикова, утверждая, что «арест тов. Кононова... идет в разрезе постановления Советской власти» (Кононов, как уже говорилось, называл себя интернационалистом, а не левым эсером), но на собрание студентов был послан наряд милиции из пяти человек с приказом студентов «разогнать силою и всех арестовать». В тот же день в с. Корткерос были арестованы пять крестьян, обвиненных в игнорировании распоряжений советской власти, оскорблении членов волисполкома и волостной милиции.

С председателем Богдановым (в вину ему было поставлено «допущение голосования [на съезде] резолюции, отвергающей декрет» о комбедах обошлись) милостиво (возможно, учитывая его авторитет среди населения): его отстранили от должности и взяли подписку не агитировать «против существующей ныне Советской власти» (пригрозив в противном случае отправить за решетку). Председателем уездисполкома стал большевик А.А.Кузнецов, его заместителем – В.И.Сорвачев, политическим секретарем – М.А.Молодцова.

Тогда же состоялось собрание с участием большевиков и части членов уездного исполкома. По требованию коммунистов все руководящие посты в исполкоме были переданы им. Фактически власть перешла от избранного на II уездном съезде Советов исполкома к усть-сысольской организации коммунистов, руководимой И.П.Андреановым, которая отныне определяла кадровый состав и политику уездных органов управления. Одним из первых действий нового руководства было решение о создании в Усть-Сысольском уезде комбедов.

В тот же день, 22 июля 1918 г., большевистский уездисполком принял постановление «Об удалении от должности редактора и назначении на такую должность»: «Принимая во внимание, что в бытность г. Попова на должности редактора газеты «Зырянская жизнь» последним сделана масса декретов (так в тексте – авт.) и недопустимых случаев помещения в газете своей статьи, не отвечающей переживаемому моменту, считать г. Попова от занимаемой должности редактора устраняется, назначив вместо его редактором т. Розанова» (стиль документа сохранен – авт.). Первый редактор «Зырянской жизни» был отстранен от должности. Но он был еще на свободе...

Среди большевиков нашелся, правда, один человек, который протестовал против узурпации власти своей партией – это был бывший левый эсер А.О.Канов, ставший коммунистом буквально накануне всех этих событий. Канов подал письменный протест против удаления левых эсеров из уездисполкома и обвинил Д.И.Розанова «в действиях, ведущих Советскую власть к разрухе». Протест Канова был рассмотрен на заседании большевистского уездисполкома 30 июля 1918 г., на котором решили «передать заявление в ЧК».

«Дело по обвинению гражданина Ленина».

23 июля 1918 г., на следующий же день после «большевизации», усть-сысольский уездный исполком постановил организовать «временную Чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем» во главе с И.П.Андриановым (в состав ЧК вошли также Д.И.Розанов, В.И.Чуистов и А.А.Сивков) – видимо, надо было срочно разворачивать борьбу с «классовым врагом». Была образована и «боевая дружина», состоявшая из членов компартии, на которую также опиралось новое руководство.

Большевики быстро приняли ряд мер по ликвидации оппозиции. 15 августа 1918 г. «Зырянская жизнь» писала: «Работа Усть-Сысольской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем быстро продвигается вперед. В местную тюрьму заключен ряд лиц, упорно не желавших работать с народом и для народа, старавшихся в то же время сеять смуту среди населения».

Ряд либеральных деятелей был расстрелян. Усть-Сысольская ЧК завела, например, «Дело по обвинению гр. Ленина в контрреволюционных действиях». Конечно, это был не председатель Совнаркома и лидер российских большевиков, а усть-сыsoleц Леонид Александрович Ленин (19 октября 1868 – 24 сентября 1918), сын вологодского губернского секретаря Александра Егоровича Ленина, с 1912 г. проживавший с семьей в Усть-Сысольске. По сведениям исследователя М.Д.Игнатова, после смерти дяди Л.А.Ленина Николая Егоровича Ленина в 1902 г. лидер российских большевиков В.И.Ульянов, возможно, пользовался его паспортом для конспирации и взял его фамилию «Ленин» себе в качестве псевдонима. Для Л.А.Ленина приход к власти человека, которому они «одолжили» свою фамилию, оказался роковым...

С 1916 по 1918 год Л.А.Ленин являлся председателем съезда мировых судей Усть-Сысольского уезда. Он составил обращение усть-сысольской судейской организации к патриарху Тихону, содержащее резкие выпады в адрес новых руководителей страны: «Правление большевиков, захвативших власть в России, непоправимо сгубило наше дорогое Отечество. Их всеуничтожающие и разрушительные декреты внесли полную путаницу в жизни народа, разделив его на два лагеря, и породили классовую вражду: крестьяне явно призываются к уничтожению интеллигенции. Теми же

декретами возбуждается открытое гонение на Церковь Христову, Его учение: оно считается ненужным. Это ли не гибель Родины! Как в соседних уездах, так и у нас, в Усть-Сысольске, образовался совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Образовался он из подонков общества, и в состав его вошли лица даже с порочным и уголовным прошлым...».

Не удивительно, что деятельность представителей Съезда мировых судей Устьсысольского уезда и его председателя Л.А.Ленина была сочтена контрреволюционной. Среди «контрреволюционеров» был и Степан Николаевич Клочков (10 сентября 1869 – 24 сентября 1918), сын священника Корткеросской Троицкой церкви, православный миссионер (в 1891 – 1916 годах он проповедал среди раскольников Яренского и Усть-Сысольского уездов), депутат Государственной Думы от Вологодской губернии (в 1907 – 1912 годах). По сведениям М.Д.Игнагова, С.Н.Клочков в 1916 – 1918 годах исполнял обязанности мирового судьи в Усть-Сысольске.

В сентябре 1918 г. Л.А.Ленин, С.Н.Клочков, бывший уездный комиссар Временного правительства Н.И.Митюшев, упоминавшиеся на страницах этой книги бывшие члены уездного временного комитета кадеты П.И.Петроканский и В.Н.Городецкий, а также близкие им по взглядам А.Веллинг, А.Харьюзов, В.Сидоров были арестованы по «делу Ленина» и вскоре расстреляны по приговору Революционного полевого трибунала при штабе командующего Котласским районом.

Некоторые оппозиционеры смогли бежать из родных мест. С.О.Латкин понимал, что рано или поздно усть-сысольская ЧК расправится с ним, как с явным врагом советской власти. Как раз пронесся слух, что в Яренск приехал и выступает там с лекциями старый знакомый Латкина депутат Учредительного собрания П.А.Сорокин. С.О.Латкин втайне от всех (жене он сказал, что идет на рыбалку) покинул Усть-Сысольск и направился в Яренск, надеясь встретиться там с Сорокиным. Его бегство не сразу было замечено. Но осенью чекисты всюду разыскивали по Усть-Сысольскому уезду скрывшегося невесть куда бывшего председателя уездной Земской управы. 19 сентября 1918 г. председатель усть-сысольской ЧК М.М.Ляпунов разослал по всем волостным совдепам уведомление: «Усть-Сысольским ЧК разыскиваются скрывшиеся Кононов В.Н., Попов В.Ф., Латкин С.О., Фролов А.С. Гражданам, знающим их местожительство, предписывается немедленно довести до сведения ближайших Советов, которые должны их немедленно арестовать и под строгим конвоем представить в распоряжение Чрезвычайной Комиссии. Виновные в укрывательстве несут... ответственность по законам осадного положения». Латкин в это время был уже вне досягаемости Ляпунова.

В.Ф.Попов после захвата большевиками власти в Усть-Сысольске скрывался в лесах Усть-Сысольского уезда. Сын его был взят в заложники. В конце концов В.Ф.Попов, не примыкавший во время гражданской войны ни

к белым, ни к красным, был арестован и за «ложное информирование населения о падении Советской власти», «противодействие восстановлению и укреплению Советской власти» 30 марта 1919 г. приговорен к расстрелу, но амнистирован. По некоторым данным, в том же году он был вновь арестован «за непризнание Советской власти», но дело прекращено «за отсутствием улик». (В 1923 году В.Ф.Попова снова арестовали, в 1924 г. приговорили к тюремному заключению и поражению в правах...).

А.Ф.Богданов уехал в Петроград, поступил на учебу. Он отошел от политики, занимался педагогической деятельностью, даже вступил в компартию. (Это позволило отсрочить неизбежное «пролетарское возмездие», но прошлое в конце концов аукнулось: в 1933 году его стали обвинять в былых прегрешениях. Богданов не стал ждать ареста и застрелился...).

1 августа 1918 года Усть-Сысольская уездная ЧК расследовала дело по обвинению бывшего редактора «Зырянской жизни» Д.С.Попова в антисоветской агитации, но ему повезло – ЧК постановила: «суду революционного трибунала не предавать, но впредь предупредить, чтобы в газетных статьях не умалять значение Советской власти». Бывший редактор был отпущен на свободу. К сожалению, дальнейшие сведения о судьбе первого редактора «Зырянской жизни» нам неизвестны. По некоторым данным, в середине 1920-х гг. он работал в редакциях коми газет. Как-то на полях архивной рукописи 1935 г. одному из авторов встретилась приписка карандашом, что Д.С.Попов был в это время служащим Госбанка.

19 августа 1918 года в Усть-Сысольск поступило телеграфное распоряжение Котласской ЧК: «Сделайте розыск Керенской, арестуйте, сделайте дознание, представьте арестованную Котлас». 20 августа 1918 г. на квартире Керенской в Кочпоне был устроен обыск, в котором участвовали заместитель председателя ЧК (и будущий ее председатель) М.М.Ляпунов, начальник городской милиции А.Сивков и чекист С.М.Колегов. Ничего «подозрительного как из переписки так и из имущества не найдено» (из протокола обыска). Были изъяты, впрочем, три письма, адресованные В.Л.Барановской, а также «один фунт табаку 2-го сорта», привезенный из Петрограда. Похоже, табачок оказался самым ценным результатом обыска – в городе с куревом была напряженка. Под тем предлогом, что табак находится «у некурящих лиц», он был тотчас реквизован (но не «за так», а «за законную плату») и сдан «на распоряжение в городскую милицию». С доставленной в ЧК на подводе О.Л.Керенской потребовали письменного объяснения целей своего приезда в Усть-Сысольск («С единственной целью – дать возможность детям моим... быть сытыми хотя бы в течение лета и отдохнуть от тяжелой зимы, которую нам пришлось пережить», – ответила Ольга Львовна). О ее поведении запросили квартирную хозяйку, соседей, председателя Кочпонского волостного исполкома, но никакого «компромата» не собрали.

23 августа О.Л.Керенскую допросили в ЧК. Она сообщила, что «в середине августа по старому времени» (стилю) собирается «ехать обратно в Петроград, чтобы найти какую-нибудь работу, так как существовать в Усть-Сысольске без работы... больше не могла». Усть-сысольские чекисты Д.И.Розанов и Панюков приняли весьма либеральное по тем временам решение: «Не находя... никаких поводов к обвинению ее в контрреволюционных действиях, ...гражданку Ольгу Львовну Керенскую из-под ареста освободить, предоставив ей право проживать в пределах гор. Усть-Сысольска на правах остальных граждан». Ляпунов все же настаивал исполнить распоряжение Котласской ЧК о высылке. В конце концов на исходе августа 1918 г. Керенскую и ее семья в сопровождении В.А.Савина, являвшегося тогда секретарем ЧК, и С.М.Колегова были этапированы из Усть-Сысольска в Котлас, оттуда, возможно, – в Великий Устюг. В 1920-1921 гг. О.Л.Керенская эмигрировала с детьми в Эстонию, затем в Швецию и Англию, работала секретарь-машинисткой. Брак ее с А.Ф.Керенским распался.

«О коммунистах знали понаслышке».

В Яренске распоряжение о разгоне до сентября 1918 года выполнять было некому, хотя уже летом здесь появились посланцы губернских властей, среди которых были и братья Степан и Павел Покровские, уроженцы вычегодского села Пезмог, сыновья священника и педагога Ивана Степановича Покровский, уважаемого в Коми крае человека, оказавшего, в частности, немалую помощь в поступлении в школу в с. Гам своему дальнему родственнику П.А.Сорокину. Во время учебы в школе Питирим Сорокин сблизился с семьей Покровских, вероятно, довольно тесно общался с сыновьями Ивана Степановича и, покинув Гам в 1904 г., сохранил о них самые лучшие впечатления. 14 лет спустя им впору было смотреть друг на друга только в прицел винтовки...

Братья Покровские учились в Юрьевском (Тартуском) университете, там попали под влияние социал-демократов, после захвата Юрьева немцами, не закончив университет, уехали в Вологду, сотрудничали там в местной печати. Степан Покровский, в частности, активно писал статьи для различных газет, причем как большевистских, так и эсеровских.

П.А.Сорокин, привезший в Коми край О.Л.Керенскую, лето и осень 1918 г. провел в Яренском уезде, в районе Устюга, Котласа, поначалу действуя легально, выступая с лекциями, затем ему пришлось уйти в подполье, скрываться в лесах. Судьба развела его и братьев Покровских по разные стороны баррикад. 13 июля председатель Северо-Двинского губисполкома И.М.Шумилов распорядился произвести «следствие по контрреволюционной деятельности П.А.Сорокина» и арестовать его в случае необходимости; по иронии судьбы, Шумилов находился в родстве с Сорокиным, ибо супругой председателя губисполкома была дочь И.С.Покровского Екатерина, приходившаяся, как вы помните, дальней родственницей Питириму

Александровичу... В конце концов Сорокин решил сдаться чекистам и был заключен в устюжскую тюрьму. В конце ноября его отправили в Москву, в декабре 1918 г. освободили. Вскоре П.А.Сорокин уехал в Петроград, преподавал в университете. Его несколько раз собирались арестовывать, в 1921 г. лишили права преподавания, в сентябре 1922 г. выслали за границу...

П.И.Покровский 15 июля 1918 года стал секретарем редакции газеты «Известия Вологодского губернского исполкома», но вскоре был направлен в Яренский уезд для работы в агитационном отделе уездного военкомата. В том же месяце в Яренск приехал и Степан Покровский. Как уже достаточно опытный журналист, он возглавил местную газету «Известия Яренского Совета крестьянских депутатов». Номер газеты, в котором он впервые указан редактором, вышел 20 июля 1918 г. «Известия...» являлись органом уездного исполнительного комитета, среди членов которого в то время не было ни одного большевика. С.И.Покровский не являлся членом РКП(б), но придерживался пробольшевистских взглядов, что находило выражение в публиковавшихся в газете его статьях. Позиции уездного исполкома в отношении комитетов бедноты (создание которых уездные власти считали ненужным и даже вредным) и по некоторым другим вопросам расходились с позицией С.И.Покровского. После опубликования одной из его статей, где содержался призыв к обострению классовой борьбы в деревне между различными слоями крестьянства, исполком предложил ему изменить тональность выступлений в печати и назначил соредактором газеты С.Епова (редактировавшего «Известия...» до приезда Степана Покровского).

31 июля 1918 г. зав. отделом внутреннего управления губисполкома с аристократической французской фамилией Конде грозно телеграфировал яренским властям: «ИМЕЯ В ВИДУ ЧТО ВОЛОСТНЫХ СОВЕТАХ УЧАЩАЮТСЯ СЛУЧАИ ХОДА (избрания – авт.) КУЛАКОВ ПРЕДЛАГАЮ СТРОГО РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ СОВЕТСКОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ ПРИ ВЫБОРАХ ТОЧКА КУЛАЦКИЙ СОВЕТ РАЗГОНЯТЬ ВООРУЖЕННОЙ СИЛОЙ» (хороша «советская конструкция»!). Приняв под давлением губернских властей 13 августа 1918 г. постановление об организации в Яренском уезде комитетов деревенской бедноты, уездный исполком не спешил проводить его в жизнь, считая, что создание и деятельность комбедов неизбежно приведет к обострению обстановки и серьезным конфликтам между различными слоями населения деревни. Обеспечить создание комбедов как чрезвычайных органов пролетарской диктатуры в деревне должны быть коммунисты и сочувствующие им, однако в Яренском уезде у них не было для этого сил; авторитетом среди населения они не пользовались.

Деятельность П.И.Покровского в уездном военкомате летом 1918 г. не принесла ощутимых результатов в плане пропаганды большевизма (впрочем, он ею, скорее всего, и не занимался). В январе 1919 г. Павел Иванович самокритично отметил, что до осени 1918 г. в уезде «население совершенно

ничего не знало о коммунистах». Яренский уездный комитет РКП(б) докладывал в марте 1919 г., что «организационная и агитационная работа [коммунистов – авт.] в... Яренском уезде началась... только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке». Немногочисленные яренские большевики и сочувствующие даже не были объединены в партийную ячейку.

Любопытно, что обстоятельства появления большевистской организации в Яренске не вполне ясны, ибо на роль ее «отцов (или матерей?) – основателей» обнаруживается несколько претендентов, прибывших в Яренск из ближайшего большевистского центра – Котласа. Ни братьям Покровским, ни кому-либо другому из местных большевиков (если таковые вообще имелись – Е.П.Тарасова, одна из котласских эмиссаров, писала в воспоминаниях, что к ней подошли в Яренске с предложениями помощи «беспартийные», кои и составили впоследствии ядро большевистской ячейки) мысль о создании коммунистической партиячейки почему-то в голову не приходила – а, может быть, у них была создана организация какой-то другой партии?

Мысль эта кажется довольно бредовой, однако... Прочитаем сообщение местной газеты: «1 сентября... по инициативе т. Жавнер было созвано собрание членов революц[ионной] коммунистической партии и сочувствующих коммунистам». Казалось бы, все ясно и правильно, да вот незадача – «революционными коммунистами» называли себя... бывшие левые эсеры, решившие сотрудничать с большевиками после известного левоэсеровского выступления в Москве и разгрома партии левых социалистов-революционеров. Что это – просто ошибка провинциальной газеты, решившей подчеркнуть р-р-революционность местных коммунистов, или же Покровские и впрямь имели какое-то отношение к левым социалистам-революционерам? По крайней мере, как уже говорилось, с эсеровской прессой в Вологде они сотрудничали. А в Яренске летом 1918 г. Покровские довольно тесно сошлись с небезызвестным Д.А.Батиевым – одним из организаторов эсеровского движения в Яренском уезде (сохранилось несколько фотографий того времени, на которых они запечатлены вместе; отметим, что позднее, после большевистского переворота в Яренске, Батиева оставили в составе исполкома, хотя он не был ни коммунистом, ни сочувствующим). И случайно ли Павлу Покровскому пришлось потом доказывать свою принадлежность к большевистской партии с 1917 года? Может быть, у его сотоварищей были на сей счет сомнения? Да и то сказать – различия между коммунистами и левыми эсерами в Коми крае в 1917 – 1918 гг. виделись весьма туманно; и те, и другие заявляли о верности социализму и связывали оный социализм ни с чем иным, как – угадайте с трех раз – с христианским вероучением, именуя Христа своим Учителем! Именно так высказался, например, Усть-Сысольский уездный съезд коммунистов в декабре 1918 г., совершенно ошарашив вышестоящих партийных начальников...

Так кого же рекрутировал в состав партячейки Станислав Адамович Жавнер, представитель командования Котласким военным районом, прибывший в Яренск с группой политработников и агитаторов 6-й армии красных в конце августа 1918 г.? Да и он ли? В воспоминаниях Е.П.Тарасовой говорится: «Первого сентября 1918 года в [Яренском] уезде была создана первая [большевистская] партийная организация, инициаторами ее создания были А.И.Мурзин и я», – а про участие в этом товарища Жавнера ни слова (он упомянут лишь вскользь как один из присланных из Котласа для организации комбедов)! Еще более интересно, что упомянутый Тарасовой «инициатор создания коммунистической ячейки» А.И.Хуппонен-Мурзин, по ее же словам, был бывшим (бывшим ли?) анархистом, волей судьбы заброшенным в Яренск, где он якобы «скрывался от эсеров». Это же надо – заявиться «скрываться от эсеров» именно в тот город обширнейшего Севера, где эсеры все еще находились у власти! Впрочем, Александр Иванович являлся счастливым обладателем револьвера с сотней патронов, что, наверное, имело более важное значение в глазах организаторов коммунячейки (кто бы они ни были), чем его анархистское прошлое (или даже настоящее). Сохранившаяся фотография «орггруппы РКП(б) в Яренске», сделанная, по-видимому, в самом конце августа 1918 г., являет нам в числе организаторов и С.А.Жавнера, и Е.П.Тарасову, и А.И.Хуппонена-Мурзина, и целый ряд других достойных товарищей – Берту Пукит, Гульбиса, Верновского, Зайцева...

Как бы то ни было, «яренская группа коммунистов в 9 членов партии и 24 сочувствующих» была создана, и в нее вступили и братья Покровские. Новая организация сразу же нацелилась на захват власти. «Мы, организовавшись, сразу же поставили очередной задачей нашей партии борьбу с уездным исполнительным комитетом», – говорил П.И.Покровский на II Северо-Двинском губернском съезде РКП(б). Возможность компромисса, коалиции, налаживания диалога с демократическими, небольшевистскими слоями населения решительно отвергалась: «Рано ли, поздно ли жизнь должна была сделать нас или коммунистами, или решительными противокмунистами... Кретины и провокаторы говорят о возможности соглашения, компромисса. Нет! Средних позиций не найти...» – заявил в местной газете в связи с созданием коммунистической организации С.И.Покровский 4 сентября 1918 г.

Особенно непримиримую позицию занимали Покровские по отношению к интеллигенции, представители которой составляли значительную часть членов уездных органов власти. Степан Покровский называл интеллигентов «недоноском капитализма» – именно так он озаглавил посвященную им статью в местных «Известиях...» (7 сентября 1918 г.). С.И.Покровский писал: «Нет ничего печальнее и жалче той роли, которую суждено было сыграть в русской революции нашей интеллигенции, Чиновники, адвокаты, врачи, журналисты, писатели, учителя и т.д. – это та самая... «интеллигенция», которая ...была тормозом на пути революции и заслоном на пути развития

подлинно-классового «народного» сознания... Здесь речь идет не об отдельных представителях интеллигенции, а о всей массе интеллигентных работников». Эта «ничтожная экономически, маленькая, бессильная группка приспособилась... к капиталистическому строю... и ее идеология не выходит существенно за рамки этого строя». «Если даже в массе своей она была исканием социальной правды, то дальше этой боли, переживаний тонких, щекочущих ее нос и слезящих глаза, он не шла. Проститутка (!!!) может только мечтать о хорошей жизни», – заключал С.И.Покровский, самым недвусмысленным образом характеризуя так российскую и коми интеллигенцию и отношение к ней большевиков (Степан Иванович, надо отметить, шел поистине «ленинским курсом» – вспомните ставшее теперь знаменитым высказывание Владимира Ильича о том, что «интеллигенция – г..но»). Интересно, вспоминал ли Степан Покровский, выводя на бумаге эти строки, своего покойного отца, одного из интеллигентнейших людей Коми края?..

«Принять все меры по реорганизации Советов».

4 сентября 1918 г. первый съезд коммунистов Северо-Двинской губернии (в его работе участвовал П.И.Покровский, ставший членом губкома компартии) постановил «принять все меры по реорганизации Советов, не допуская туда левых социал-демократов и других элементов». 5 сентября 1918 г. Совнарком РСФСР под руководством Я.М.Свердлова принял постановление «О красном терроре», согласно которому «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью»; «необходимо обеспечить Советскую Россию от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»; «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные (!) к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». В тот же день, словно готовясь к осуществлению постановления, яренские большевики рекрутировали в свои ряды еще 20 человек. Правда, пару дней спустя они призадумались, что «быстрый рост коммунистической ячейки может навести на мысль, что в нее могут попасть негодные элементы», тем более, что «запись новых членов идет без рекомендаций» – и ведь как в воду глядели! Пришлось через некоторое время объявлять в своих рядах чистку...

На следующий день после принятия постановления «О красном терроре», 6 сентября 1918 г., объявила о начале своей работы яренская ЧК, организованная приехавшими из Котласа и Устюга работниками. Возглавил ее уже известный нам А.И.Хуппонен-Мурзин, его заместителем стал политработник 6-й армии Верновский. Товарищ Хуппонен, между прочим, сделал любопытную карьеру. В начале 20-х гг. он работал в петроградском уголовном розыске и однажды даже явился с сыскной собакой для поисков портфеля Е.П.Тарасовой, украденного... в одном из питерских райкомов партии! «Следственное действие» превратилось в вечер воспоминаний, райком почтительно внимал воспоминаниям бывшего «председателя Чеки»,

забывшего о своих служебных обязанностях, «а собака обходила по комнате всех и, видимо, не знала, зачем ее привезли». Портфеля, естественно, найти не удалось... Похоже, Александр Иванович не достиг больших успехов и в других делах, поэтому, по словам Е.П.Тарасовой, решил позднее переквалифицироваться в водопроводчики – впрочем, и тут, и там очистка... Но мы, кажется, отвлеклись. Вернемся в год 1918-й...

Чрезвычайная комиссия взялась за «обеспечение тыла». Действовала она автономно от исполкома и ему фактически не подчинялась. Более того, Чека порой едва ли не приказывала исполкому выполнять чекистские постановления. Вот документ, направленный Хуппоненом уездному руководству 11 сентября: «Чрезвычайная комиссия постановила конфисковать дом Быстрова... Проживающим там очистить помещение в 3-х дневный срок... Просим (хорошо хоть не «приказываем»! – авт.) принять экстренные меры». 13 сентября Хуппонен отправил в исполком «Предписание»: «Чрезвычайная комиссия... предписывает всем лицам, выезжающим из г. Яренска и уезда, брать разрешение в Чрезвычайной комиссии... Проверка документов производится на пристани дежурным членом, а также секретно на шоссе, о чем и сообщаем в исполком Яренского Совета... В силу нашего предписания просим уезжающих направлять в Чрезвычайную комиссию»...

9 сентября состоялось объединенное заседание уездного исполкома и комитета яренской организации коммунистов, лидером которого являлся П.И.Покровский; присутствовал на заседании и его брат Степан. Исполком считал: «Наша задача – тишина и спокойствие в уезде. Если населению хорошо, то незачем натравлять одну часть населения против другой», создавая комбеды; надо «избегать конфликтов между частями населения». Это была разумная позиция, но большевиков она, ясное дело, не устраивала – в обстановке «тишины и спокойствия» они действовать не могли, им нужны были враги, обострение ситуации, ибо только в жестокой борьбе с «классовым врагом» (а не в кропотливой созидательной работе) местные коммунисты могли проявить себя. Под давлением большевиков и особенно С.А.Жавнера, опиравшегося на авторитет штыков 6-й Красной армии, было принято решение о созыве 1 октября 1918 г. Чрезвычайного уездного съезда Советов, на котором коммунисты планировали провести своих кандидатов в уездные органы власти. П.И.Покровский как председатель яренской организации РКП(б) получил право участвовать в заседаниях исполкома. Но съезда большевики ждать не стали.

11 сентября из Устюга пришла телеграмма с требованием «немедленно приступить к организации» комбедов; «ответственность за неисполнение предписания, – подчеркивалось в телеграмме, – всецело ляжет на председателей Советов депутатов». Однако уездные руководители по-прежнему не спешили с организацией комитетов бедноты. 12 сентября 1918 г. в Яренске получили телеграмму за подписью наркома внутренних дел Г.И.Петровского. В ней, в

чужасти, говорилось: «...Чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны местных Советов показывает, что несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет. С таким положением должно быть немедленно покончено. Все известные местным правые эсеры должны быть взяты немедленно под арест. Из буржуазии, офицерства должны быть взяты значительное количество заложников. При дальнейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейских рядах должен применяться безоговорочно массовый расстрел... Все означенные меры должны быть проведены немедленно. О всяких нерешительных... действиях... местных Советов... немедленно донести Народному комиссариату внутренних дел. Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора». После получения этой телеграммы подготовка переворота перешла в завершающую стадию. Окончательно все было решено на совместном заседании чекистов и коммунистов 13 сентября; среди заговорщиков были и братья Покровские.

14 сентября яренская ЧК при содействии братьев Покровских и других коммунистов арестовала председателя и нескольких членов исполкома. Е.П.Тарасова описывала эти события так: «Я предложила пригласить председателя (исполкома – авт.) для переговоров относительно охраны города» в ЧК и здесь предложить ему принять большевистские требования; «он, конечно, откажется, и это будет поводом объявить его арестованным». «Когда же председатель окажется в наших руках, остальных будем вызывать от имени председателя и... объявим их арестованными». Для «вызова» заговорщики организовали три «четверки» («из них двое входят в квартиру, а двое остаются незамеченными на улице»), две из них возглавили братья Покровские. К осуществлению переворота решили приступить с наступлением темноты. «Погода в эту ночь нам благоприятствовала, с вечера моросил дождь, – вспоминала Е.П.Тарасова. – Город совершенно не совещался, ночь была очень темная»; одним словом, самое милое время для грабежей и социалистической революции уездного масштаба.

Несмотря на хитрый расчет, заговор мог провалиться, потому как председатель исполкома Д.И.Козлов вообще отказался было выходить из дому, несмотря на просьбы и уговоры посланцев. Спасла дело яренской революции, совсем того не желая, жена председателя. Ей, видать, изрядно прискучили надоедливые поздние (или уже ранние?) гости, и она сказала мужу: «Ну сходи, что они тебе сделают». Послушавшись супругу, Козлов попал прямо в расставленную ловушку. Может быть, увидев наведенный на него Хуппоненом-Мурзиным револьвер, он вспомнил старое изречение: «Посоветуйся с женщиной и сделай наоборот»... Председателя заперли в амбар, а вооруженный винтовкой Степан Покровский остался его сторожить.

Остальные заговорщики пошли арестовывать прочих «врагов трудового народа» и успешно завершили дело.

А.И.Мурзин от имени ЧК составил воззвание к населению Яренска. Как писала местная газета, «Чрезвычайная комиссия предложила выделить» коммунистам «из своей среды заместителей на места арестованных». П.И.Покровский позднее, на Северо-Двинской губпартконференции в январе 1919 г., сообщил: «Раньше, чем уездный исполнительный комитет был сменен съездом, он был арестован Чрезвычайной комиссией, и тогда весь комитет партии коммунистов прошел в исполнительный комитет». «Все правильно оценивали эти события как переворот», – констатировали яренские «Известия...». П.И.Покровский стал председателем исполкома, Степан Покровский – заведующим отделом народного образования.

Хуппонен-Мурзин со товарищи, видимо, решил на всякий случай посадить в кутузку побольше народа, и под его горячую руку попали и совершенно случайные люди. Среди последних оказался преподаватель начального училища из с. Шошка (на Выми) С.И.Митрошин. «14 сентября я неожиданно для меня был арестован Яренской Чрезвычайной Комиссией, – писал он Покровским и их коллегам по исполкому 27 сентября, – и до сих пор не освобожден... из Яренской тюрьмы... Не находя за собой никакой вины, за которую бы можно было так жестоко наказать и очень желая с начала учебного года приступить к занятиям с учениками..., покорнейше прошу... возбудить ходатайство перед соответствующими органами о скорейшем освобождении меня из-под ареста... Я летом сего года лишь временно работал в Советской канцелярии из-за недостатка работников (в качестве делопроизводителя), никогда не числился членом Яренского исполкома, ...никогда не был замечен ни в каких контрреволюционных выступлениях...» Увы, попасть в тюрьму (до большевистского переворота долгое время пустовавшую) было легче, чем выйти из нее. Вероятно, даже временная работа простым канцелярским служащим в Советских (!!) органах до их «большевизации» стала вызывать подозрение. Во всяком случае, П.И.Покровский вместо того, чтобы вызволить учителя из кутузки, ...уволит его со службы! Наверное, ссориться с Хуппоном-Мурзиным, приведшим его к власти, Павлу Ивановичу не хотелось; к тому же, как известно, «у нас так просто не сажают»!

Поначалу предельно простые, доступные пониманию жителей обещания большевиков быстро накормить людей с помощью ужесточения политики реквизиций «излишков» продовольствия и имущества в сочетании с наглядно продемонстрированной ими решительностью действий, пренебрежением к законности и – что особо важно – с поддержкой их акций центром (за ними стояли компартия и Красная Армия) привлекли на их сторону немалую часть населения Коми края. Конечно, основная масса жителей не была настроена пробольшевистски, но она оказалась равнодушна и к демократическим деятелям, не оправдавшим их надежд на улучшение жизни. Это-то

равнодушные к судьбе избранных органов власти сыграло громадную роль в успехе организованных красноармейцами, чекистами и коммунистами переворотов в Усть-Сысольске и Яренске и в том, что население не выступило против организаторов переворотов, приняло власть новых большевистских Советов.

«Устанавливать революционную законность».

В Печорском уезде ситуация сложилась иначе. «Организаторы торжества народного дела» (о присылке которых просил весной Н.И.Зыков) появились там в июне – июле 1918 года. В середине 1918 г. верхняя Печора (Троицко-Печорская, Савиноборская и Щугорская волости) вошла в состав Чердынского уезда Пермской губернии. 2 июня 1918 г. в верхнепечорские волости выехал Пермский экспедиционный отряд губчека под руководством некоего Семенова. Отряд имел четкие цели: «Организация местных чрезвычайкомов, перевыборы кулацких Советов, разоружение отрядов белой армии, конфискация звонкой монеты, товаров и припасов у кулаков».

Газета «Известия Пермского губернского исполкома Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов» в номере от 1 сентября 1918 г. так писала о действиях Семенова на верхней Печоре: «Экспедиция навела свои порядки, поарестовала некоторых кулаков из наиболее сознательно-контрреволюционных; собирали сходы, на которых в популярной форме излагалась сущность советской власти. Говорить приходилось с переводчиком, так как громадный процент населения даже не понимает русского языка... Пермская экспедиция работала вместе с Екатеринбургской, посланной для перевыборов Советов и национализации пароходства на Печоре. В результате 20-дневной работы было найдено: 25 винтовок, около 50 револьверов, около трех пудов золота, серебра около пуда и восемь пудов медной монеты.» Газета информировала, что в сентябре отряд Семенова снова выехал на Печору.

Имеются свидетельства очевидцев о развязанном пермскими чекистами «красном терроре» на верхней Печоре. В Савиноборе, например, отряд Семенова расстрелял В.К.Мезенцева и А.Е.Попова, трупы их были сброшены в Печору. Председатель Савиноборского волисполкома А.П.Мезенцев, наверное, обвиненный в принадлежности к кулачеству, был арестован и увезен в неизвестном направлении. (По другой информации, эти же действия в июне 1918 г. совершил в Савиноборе отряд под командованием Э.Ф.Аппоги).

Почти одновременно с Семеновым на нижней Печоре находился архангельский экспедиционный отряд С.И.Ларионова. Перейдя с верховьев Вычегды на Печору, С.И.Ларионов и его красноармейцы вновь погрузились на пароход и поплыли вниз по реке. Отряд побывал во многих селах и деревнях Печорского уезда, где, как и в Усть-Сысольске, Степан Ларионов «устраивал собрания, делал обновления в составе Советов и давал указания

им в работе», опираясь на бедноту и противопоставляя ее середнякам и зажиточным крестьянам. Действовал Ларионов решительно и очень жестко, порой – жестоко (не случайно белые называли его отряд «знаменитым»). В начале июля С.Н.Ларионов прибыл в Мохчу, где пытался провести расследование убийства Н.И.Зыкова. Он собрал в Мохче крестьянский сход и потребовал выдать ему убийц Зыкова. Сход отказался это сделать. Тогда Ларионов арестовал двух самых богатых граждан волости Хозяинова и Терентьева, в свое время выразивших недовольство деятельностью Зыкова, и расстрелял их как «главных организаторов убийства». В ответ на робкую просьбу мохченского общества заменить расстрел денежной контрибуцией один из красноармейцев ларионовского отряда заметил: «Мы приехали не продавать своих товарищей за деньги, а устанавливать революционную законность». Законность была соблюдена.

Прибыв в июле в Усть-Цильму, С.Н.Ларионов распустил руководившую уездом земскую управу, организовал новый волостной Совет, устроил собрание с участием демобилизованных солдат и крестьян-бедняков, на котором выступил с докладом «о текущем моменте» и организовал прием в компартию. В конце июля (по другим данным – в самом начале августа), получив сведения об ухудшении положения красных в Архангельске, вывел свой отряд из Усть-Цильмы и двинулся по тракту на запад. Оставленная без военной поддержки коммунистическая ячейка не смогла захватить власть.

По дороге связь с Архангельском прервалась. Комиссар отряда предложил двигаться на юг, к Вычегде, а по ней – на Сев.Двину, так как этот путь был безопаснее. С.Н.Ларионов настаивал на том, чтобы идти к Архангельску кратчайшим путем. Произошла ссора, отряд разделился на две части. С.Н.Ларионов со своей группой от Усть-Вашки на Мезени перешел на Пинегу. Поскольку Архангельск был уже в руках белых, отряд Ларионова на пароходе поднялся вверх по р.Пинеге и, миновав Веркольское, в пешем строю отправился к Сев.Двине для соединения с красными. В конце августа отряд был разбит белыми, сам Ларионов ранен и попал в плен. Его и других красноармейцев привезли в Архангельск. До конца октября 1919 г. С.Н.Ларионов находился в тюрьме, а белые власти в это время проводили расследование его действий. 24 октября командующий союзными силами в России английский бригадный генерал Э.Айронсайд приказал передать дело С.Н.Ларионова на рассмотрение Особого военного суда. 25 октября Особый военный суд, «рассмотрев дело бывшего офицера Степана Ларионова» и других красноармейцев его отряда, нашел их «виновными в умышленном убийстве жителей с. Мохчи Хозяинова и Терентьева и в грабеже, ...и потому на основании статьи 279 книги XXII Свода военных постановлений приговорил всех... подсудимых к лишению всех прав состояния и к смертной казни».

3 ноября 1919 г. С.Н.Ларионов и пятеро его товарищей были расстреляны. Н.Пластинин, очевидец казни Ларионова, впоследствии рассказывал, что

«... расстрел был устроен... в 3 часа дня на дворе тюрьмы... Кровопийцы хотели завязать глаза нашим. Ларионов, куривший папиросу и с величайшим презрением смотревший на белую рвань, крикнул: «Себе глаза завяжите, а не нам! Нам не требуется!» Потом вынул из кармана красный платок и воскликнул: «Да здравствует революция!» Пал с товарищами, сраженный пулями. Тела их валялись до утра».

В начале августа 1918 г. белый Архангельск разослал во все уездные центры губернии предписание о немедленном роспуске Советов. На 12 августа 1918 г. в Усть-Цильме намечался III Печорский уездный съезд Советов. Предполагалось обсудить множество насущных политических и хозяйственных вопросов, были намечены выборы нового состава уездисполкома. Но по получении известий из Архангельска программа работы съезда резко изменилась. Сразу по открытии бывший уездный комиссар при Временном правительстве Г.Г.Недашковский ознакомил делегатов с новостями из Архангельска, проинформировал о выезде на Печору из губернского центра парохода «Сергий Витте» с белогвардейским отрядом подпоручика Можаева. Съезд постановил признать власть Верховного управления Северной области (из 18 делегатов съезда только четверо проголосовали против такого решения). В Архангельск отправили телеграмму: «Совет слагает свои полномочия во избежание остановки жизни, разрухи и волнений. Телеграфируйте срочно, как должна быть организована уездная власть. В уезде спокойно.» 15 августа в Усть-Цильме был создан Печорский Временный правительственный комитет из трех человек: Г.Козлов (правительственный комиссар), А.Терентьев и Т.Чупров. Любопытно, что Козлов в сентябре 1918 г. жаловался в Архангельск, что «во многих волостях остаются власти, члены исполкомов, парализующие все усилия благоразумного населения к их низложению. Даже в правительственном комитете Чупров и Терентьев члены бывшего исполкома – большевики-коммунисты.»

Тем не менее, во всех крупных волостях Советы самоликвидировались. В ряде мест работавшие на Печоре архангельские большевики-агитаторы попытались защитить советские органы власти. Например, агитатор Саук созвал в Усть-Усе крестьянский сход, где призвал крестьян с оружием в руках встать на защиту Советов, но к концу речи оратора слушатели разошлись. 11 августа, еще до уездного съезда, был распущен Мохченский Совет. Усть-Цилемская Красная Гвардия под начальством Т.С.Батманова на нескольких буксирах бежала вверх по Печоре и, достигнув Щельяюра, распалась. Оставленные С.Н.Ларионовым в Усть-Цильме красноармейцы были арестованы. В Ижме, Сизябске и Мохче разоружили красногвардейцев, арестовали и увезли их в усть-цилемскую тюрьму, откуда, впрочем, часть арестованных была освобождена потом по просьбе местных обществ. Арестовали и нескольких большевиков, которых позднее вывезли в Архангельск. Из арестованных выделялся председатель клуба коммунистов

Филипп Тиранов по прозвищу «Бакич», как вспоминали современники, «человек решительный, могущий влиять и влияющий на крестьянские массы. Сторонник решительной борьбы («Буржуй безвреден с перерезанным горлом»), большой сторонник также комитетов бедноты».

Дальнейшие события в Усть-Цильме были связаны с красноармейским отрядом А.М.Черемных. Еще в конце июля 1918 г. на нижнюю Печору прибыла Чердынско-Печорская экономическая экспедиция «Уралснабжения» под начальством эсера Сахарова, организованная Уральским областным комиссариатом снабжения. Экспедиция представляла из себя караван барж с мукой (10 тысяч пудов), солью, порохом, свинцом и другими товарами. Все это обменивалось на печорскую семгу, мясо и масло. Грузы экспедиции были выгружены в Усть-Цильме, Ижме и Пустозерске, начался товарообмен с печорским населением, причем часть товаров «Уралснабжения» выдавалась в качестве аванса под рыбу. В этот момент на Печору прибыли скупщики рыбы из Архангельска, предложившие за нее более высокие цены. Печорские крестьяне решили продать рыбу архангельцам, а часть вырученных за нее денег отдать «Уралснабжению» в уплату за товарный кредит. Такой «товарообмен» не устраивал Сахарова. Он вызвал из Перми вооруженный отряд, а сам выехал в Архангельск (тогда еще советский) для переговоров о порядке торговли на Печоре (после антибольшевистского переворота Сахарова расстреляли белые). Между тем, вызванный Сахаровым вооруженный отряд под командованием А.М.Черемных в начале августа прибыл на среднюю Печору. Он насчитывал 25 человек с пулеметом. Вместе с отрядом Черемных весь штат «Уралснабжения» составлял около 50 человек. Черемных принялся силой изымать у печорцев предоставленные «Уралснабжением» в обмен под рыбу товары, конфискуя заодно рыбу. В некоторых волостях вспыхнули конфликты, например, в Мохче не допустили пароход Черемных к пристани, дав вооруженный отпор.

После того, как Усть-Цильма признала власть ВУСО, представители «Уралснабжения» Владимирцев и Бабин договорились с Печорским правительственным комитетом, что последний не будет препятствовать эвакуации грузов экспедиции с Печоры. Отряд Черемных на двух пароходах «Алексей» и «Александр» уплыл в Пустозерск. Уезжая вниз по Печоре, красноармейцы, как пишут очевидцы, «бросили угрозу, вернувшись, угнать вверх все пароходы, увезти казначейство и даже хлеб, который по слухам был привезен из гор.Архангельска. Население было чрезвычайно взволновано и стало принимать ряд мер к самозащите. Были посланы гонцы по деревням собирать вооруженный отряд. Деятельное участие по организации вооруженной дружины принимал бывший при Совете народным судьей гр.Филиппов. Масса населения отнеслась к этому, хотя и сочувственно, но в дружину не пошла по случаю разгара сенокоса. Все же Ижемский район и с.Усть-Цильма собрали отряд около 100 вооруженных людей. В с.Усть-Цильме

был устроен ряд окопов, захвачено и не пропущено вверх несколько пароходов, которые шли снизу...» Командование над усть-цилемской дружиной самообороны приняли прапорщик Е.А.Попов и подпрапорщик Красиков.

15 августа 1918 г. в устье Печоры бросил якорь пароход «Сергий Витте», на борту которого находился отряд белогвардейцев под командованием подпоручика Можаяева из Архангельска в количестве 12 человек с тремя пулеметами (начальник пулеметной команды подпоручик Маньков). В Куде Можаяев задержал на время пароход «Александр» и арестовал шесть красноармейцев из отряда Черемных. На лесозаводе «Стелла Полларе» 12 бойцов Можаяева разоружили мощную большевистскую ячейку из 69 членов, арестовали двух ее лидеров, причем одного, Г.Хатанзейского, вскоре отпустили «за малой виновностью», а второго, Е.З.Ануфриева, как «участника убийств и грабежей» вывезли в Архангельск. Получив из Усть-Цильмы сообщение, что вооруженная помощь в десоветизации уездного центра не нужна, Можаяев 18 августа отбыл обратно в Архангельск.

Отряд А.М.Черемных с эвакуированными грузами «Уралснабжения» с низовьев Печоры подошел к Усть-Цильме 21 августа 1918 г. Посланная красными в село разведка на пароходе «Алексей» не вернулась. Вскоре стало известно, что представитель «Уралснабжения» в Усть-Цильме Бабин арестован. Тогда Черемных отдал приказ прорваться через Усть-Цильму с боем. Днем это сделать не удалось, хотя красные атаковали село, высадив солдат на берег и обстреливая Усть-Цильму с парохода «Александр». После четырехчасового боя Черемных был вынужден отступить. В ночь на 22 августа «Александр» проскочил Усть-Цильму, непрерывно обстреливая берег из пулемета и винтовок.

Благополучно добравшись до Троицко-Печорска, Черемных дал телеграмму в Чердынский военкомат: «В Печорском уезде Совдепы распущены, начали действовать вооруженные банды местной контрреволюции. В устье Печоры 15 сего августа высадился прибывший из Архангельска офицерский отряд с 3 пулеметами. Я на двух пароходах вместе с членами «Уралснабжения» доходил до морской пристани, но вынужден отступить за малочисленностью отряда и из-за враждебности населения. В ночь на 22 августа в Усть-Цильме бандиты пытались задержать мой отряд стрельбой из ружей и винтовок. С одним пароходом пробился, второй задержан в Усть-Цильме белыми, семь красноармейцев с Бабиным схвачены бандитами, а Владимирцев и остальные из экспедиции со мной... Требуется высылка отряда в 100 чел. с опытным командиром и пулеметом.»

Через несколько дней Черемных отправил вниз по Печоре разведотряд из 14 чел. Разведка сообщила, что в зауральский Саранпауль (Ляпино) прибыло огромное количество хлеба для Печорского уезда (около 250 тыс. пудов), проданного Сибирским Временным правительством архангельским кооператорам. Черемных известил Чердынь о ляпинском хлебе, а сам с отрядом в 17 штыков добрался до Усть-Шугора, где остановился сторожить дорогу на Ляпино. Дело шло к войне...

Глава 4. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ

Образование Северной области.

В годы I Мировой войны через Русский Север (архангельский и мурманский порты) шло союзное снабжение царской армии. Только в Архангельске скопилось, например, грузов военного значения на сумму в 2,5 млрд. долларов. Для охраны морских караванов и северного побережья царское правительство в 1915 г. попросило Великобританию прислать на Север России эскадру военных кораблей. В Мурманск прибыли английский линкор «Глори», крейсер «Ифигения» и отряд тральщиков. Командование над ними было возложено на контр-адмирала (с 1917 г.) Т.У.Кемпа. В дальнейшем влияние англичан в северном регионе России усилилось после принятия соглашения между Россией и Великобританией от 26 апреля 1916 г., согласно которому все порты Белого моря и Северного Ледовитого океана закрывались для судов, не получивших специального разрешения британского Адмиралтейства.

Октябрьский переворот 1917 г. и захват власти большевиками вызвали настороженность во всех союзных России государствах. Стремление большевиков к заключению сепаратного мира с Германией подтолкнуло союзников к поиску антибольшевистских сил в России, могущих в первую очередь продолжать политику войны. Союзники поддерживали любые местнические и сепаратистские настроения антибольшевистской ориентации, надеясь на отторжение от большевистской России отдельных территорий, где они смогли бы использовать русские ресурсы в своих целях. Начальник британской миссии снабжения в России генерал Пуль писал в январе 1918 г.: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами». Английское правительство не намеревалось выводить свои морские силы из Мурманска, более того, рассчитывало усилить их вследствие растущей германской угрозы на Севере.

В начале марта 1918 г. немцы высадили десант на Аландских островах в Балтийском море, а 3 апреля 1918 г. Балтийская дивизия под командованием фон дер Гольца начала высадку в Финляндии, где вступила в гражданскую войну на стороне белофиннов. 14 апреля 1918 г. немцы и белофинны взяли Гельсингфорс (Хельсинки), а 29 апреля пал красный Выборг. Белофинны вынашивали план создания Великой Финляндии, куда намеревались включить Карелию, Мурман, Петроград и Новгород. Германия должна была получить на мурманском побережье свободную гавань. Немцы усилили концентрацию своих войск в Финляндии, планируя наступление на петроградском направлении.

В сложившихся условиях большевики были вынуждены обратиться за поддержкой к союзникам. 1 марта 1918 г. нарком иностранных дел Л.Д.Троцкий телеграфировал Мурманскому Совету : «Принять всякое содействие союзных миссий». Это означало согласие большевистского правительства на высадку союзного десанта с целью отражения потенциальной немецкой агрессии на Севере. 2 марта 1918 г. в Мурманске было выработано «Словесное, но дословно запротоколированное Соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского Края», согласно которому «высшая власть в пределах Мурманского края» оставалась в ведении Мурманского Совдепа, но «командование всеми вооруженными силами района» принадлежало «военному совету из 3 лиц – одного по назначению Советской власти и по одному из англичан и французов». Союзники брали на себя продовольственное снабжение населения края. В конце марта – начале апреля 1918 г. совместные отряды советских частей, красных финнов и англо французских десантников отразили наступление белофиннов на Мурман и Карелию в нескольких направлениях. В начале июня 1918 г. также совместными усилиями советских войск и союзных отрядов было отражено наступление белофиннов на Кемь.

После подписания Брест-Литовского мирного договора с немцами в марте 1918 г. большевики не разорвали соглашения с союзниками. В.И.Ленин в беседе с английским дипломатическим представителем в России Р.Г.Брюс-Локкартом заметил : «Пока существует немецкая опасность, я готов рискнуть на сотрудничество с союзниками, которое временно будет выгодно для обеих сторон. В случае немецкой агрессии я соглашусь даже на военную помощь». Троцкий, занявшийся в начале 1918 г. строительством Рабоче-Крестьянской Красной Армии, планировал использовать офицерский корпус Антанты в России в качестве военных советников. Был учрежден союзный комитет в составе генерала Ромэя, генерала Лаверня, майора Риггса и капитана Гарстина для оказания помощи большевикам в деле создания Красной Армии. Союзники рассчитывали на продолжение войны России с немцами, разрыв большевиками Брест-Литовского сепаратного договора и восстановление Восточного фронта.

Когда левозсеровская фракция делегатов V Всероссийского съезда Советов в июле 1918 г. внесла на рассмотрение съезда предложение о разрыве Брест-Литовского мирного договора и возобновлении войны с Германией идея нового открытия Восточного фронта, казалось, была близка к осуществлению. Но вспыхнувший и быстро подавленный левозсеровский мятеж окончательно развеял надежды союзников, что Советская Россия будет продолжать войну с Германией.

В июне 1918 г. Верховный военный совет Антанты разработал план союзной интервенции на Север России. По данным В.И.Голдина, цели интервенции были определены следующими: «Противодействовать растущей

угрозе со стороны немцев и финнов на Севере; удержать последние коммуникации, связывающие союзников с центральной Россией; помочь предстоящей союзной интервенции в Сибири и наладить взаимодействие северной и сибирской экспедиций; обеспечить успех переброски чехословаков на Север, оказать им необходимую помощь и использовать их в борьбе с немцами, а затем прикрыть эвакуацию их и сербов. В документе подчеркивалось, что оккупации Архангельска и Мурманска добиваются не только союзные представители в России, но и «большинство русских партий». Интервенция считалась антигерманской, но фактически носила и антисоветский характер, так как должна была осуществляться вопреки воле Советского правительства.

По требованию германского правительства и его московского посла В.Мирбаха Совнарком в июне 1918 г. направил несколько нот союзникам, информируя их о невозможности дальнейшего пребывания сил Антанты на Севере России. В.И.Ленин писал в Мурманский Совет: «Английский десант не может рассматриваться иначе, как враждебный против Республики... На Мурманский краевой совдеп возлагается обязанность принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся на советскую территорию наемники капитала встретили решительный отпор... Если вам до сих пор неудобно понять Советскую политику, равно враждебную и англичанам и немцам, то пеняйте на себя...».

30 июня 1918 г. Мурманский краевой Совет под председательством А.М.Юрьева пошел на разрыв с Москвой, установив «дружеский контакт с союзниками». Юрьев аргументировал решение Совета следующими обстоятельствами: «1. Союзники отсюда не уйдут, что бы мы ни говорили; 2. Союзники находятся здесь, чтобы сохранить край от германо-финнов для России; 3. Союзники поддержат местную русскую власть, если та будет стремиться искренне оборонять край; 4. Экономическое, продовольственное благосостояние невозможно без помощи союзников; 5. Местное население всецело сочувствует союзникам и просит их продолжать оставаться в крае». Народный митинг в Мурманске поддержал действия своего Совета. В ответ Москва объявила А.М.Юрьева, «перешедшего на сторону англо-французских империалистов и участвующего во враждебных действиях против Советской республики, ...врагом народа».

Союзники приступили к формированию в Мурманске «Славяно-британского легиона» – первого белогвардейского соединения на Севере России. Интервенция вопреки воле Москвы и формирование «легиона» превратили военно-стратегическую акцию Антанты в политическую. Союзники втягивались в гражданскую войну на Севере на стороне антибольшевистских сил. В июле англичане высадились на Соловецких островах. Создание на Севере антибольшевистской зоны с центром в Архангельске становилось делом времени.

В июне-июле 1918 г. в ряде уездов Вологодской и Архангельской губерний вспыхнули антибольшевистские восстания. 6 июля вспыхнуло Ярославское восстание, 16 дней повстанцы удерживали город в своих руках. После поражения ярославцев началось Шенкурское восстание, возглавляемое учителем М.Н.Ракитиным. Всюду носились слухи о готовящемся выступлении в Архангельске. Туда со всех сторон тайно стягивались отряды кадровых офицеров царской армии, готовивших в городе антибольшевистский переворот. Большую роль в переброске офицеров на Север сыграла т.н. «британская организация» Томсона (капитана 2 ранга Г.Е.Чаплина) из Петрограда. Незадолго до переворота в Архангельск выехала группа депутатов Учредительного собрания, где был и П.А.Сорокин, которая должна была образовать в городе антибольшевистское «правительство». По воспоминаниям П.А.Сорокина, одновременно с Архангельском готовились перевороты в Великом Устюге и Котласе, но они были сорваны.

По договоренности с союзниками «организация» Г.Е.Чаплина подняла восстание в Архангельске 2 августа 1918 г. Оно было успешным. Большевистское руководство Архангельской губернии и города бежало. Интересно, что в борьбе против русских большевиков Чаплин привлек отряд красных финнов под командованием финского большевика Токой, находившийся в это время в Архангельске. Красные финны, стремившиеся выехать из города в Финляндию, активно способствовали свержению советской власти. Сам Чаплин так писал об этом в своих воспоминаниях: «В один прекрасный день явился ко мне, как к английскому офицеру, лидер финских большевиков Токой, с просьбой отправить в Мурманск для следования в Финляндию до 120 красных финнов, которые после занятия немцами Финляндии голодали в Архангельске. После долгих переговоров мне удалось убедить этого последователя Ленина, что для блага грядущей финской советской республики ему необходимо предоставить всех финнов в мое распоряжение для борьбы с русскими большевиками. Нужно помнить всю запутанность политической обстановки в то время. Немцы помогали в те дни белым финнам, англичане в противодействие немцам оказывали поддержку красным финнам, но в то же время считали, что большевики русские действуют по указке немцев. Одним словом, результат был тот, что Токой всех своих 120 молодцов отдал всецело в мое распоряжение и эта часть под командой красного же финна-инженера честнейшим образом содействовала свержению местной советской власти».

Образованное в Архангельске Верховное управление Северной области (ВУСО) в составе шести эсеров и двух кадетов под председательством народного социалиста Н.В.Чайковского (почти все члены правительства были в прошлом депутатами Учредительного собрания) обнародовало в августе 1918 г. в ряде воззваний к населению своеобразную программу своих действий. В частности, намечались «...организация местного управления в

Северной области..., оборона... области... от дерзких посягательств на территорию и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран..., воссоединение с Россией..., восстановление погрязших свобод и органов истинного народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум..., действительное обеспечение прав трудящихся на землю..., устранение голода среди населения...». Советские органы власти повсеместно упразднялись, восстанавливались земства (интересно, что Мурманский Краевой Совет был ликвидирован только 5 октября 1918 г.). Стремясь привлечь основную массу населения на Севере крестьянство – на свою сторону, ВУСО, а впоследствии Временное правительство Северной области, сформированное в октябре 1918 года, выпустили в свет ряд аграрных деклараций и законов «по действительному обеспечению прав трудящихся на землю». В основу их был положен принцип «социализации земли», содержащийся в земельном законе Учредительного собрания, принятого 5-6 января 1918 г. Все категории земель, в том числе частные и монастырские передавались в управление земства. По данным В.А.Саблина, принятые правительством Северной области земельные акты являлись «своеобразным симбиозом кадетской и эсеровской аграрных программ» и при условии их осуществления «преследовали цель насадить в деревне «крепкое» крестьянское хозяйство, основанное на применении для обработки земли рабочих рук владельца участка и членов его семьи, свободное от принудительной опеки общины». Архангельские аграрные законы предусматривали «наследственный принцип пользования» всеми категориями земли «прежними владельцами и их законными правопреемниками», что означало изъятие земель у лиц, получивших ее на основе советского Декрета о земле. В то же время частная торговля землей запрещалась.

В области рабочего законодательства правительство Северной области взяло курс на примирение рабочих и предпринимателей. Прошедшее 11 августа в Архангельске совещание земств, городов, общественно-политических организаций (в том числе профсоюзов) охарактеризовало позицию рабочего класса на Севере как «нейтральную». Говорилось также об «условной поддержке» ВУСО со стороны рабочего класса, пока правительство будет проводить политику в интересах трудящихся.

Был отменен декрет о рабочем контроле, вместо него вводился «широкий государственный контроль с участием в нем рабочих представителей». Образован был также особый комитет по пересмотру постановления об охране труда на предприятиях, ВУСО удалось добиться 10 % отчислений прибыли буржуазии на страхование рабочих. Положительную реакцию в среде рабочих вызвал также факт признания красного флага символом Северной области (правда, под давлением союзников красный флаг в итоге был заменен на российский «триколор»).

Все эти меры способствовали тому, что в конце августа 1918 г. архангельский губсовпроф заверил ВУСО о безусловной поддержке его рабочим классом, «дабы всякие группы населения не толкали бы его вправо».

Тем не менее, основной опорой белогвардейского режима стали, как и повсеместно по России дворяне, буржуазия, средние слои, интеллигенция, офицерство и старое чиновничество, имевшие самые различные политические установки – и монархические, и либерально-демократические. Главной объединительной идеей их союза стал антибольшевизм. Крестьянство и рабочие на Севере занимали скорее выжидательную позицию к белому режиму, чем поддерживали его.

Союзники, высадившись в Архангельске, придерживались антигерманской причины пребывания здесь вплоть до ноября 1918 г., т.е. до завершения I Мировой войны. Затем был задействован климатический фактор, дескать, в суровых северных условиях войска Антанты зимой не могут покинуть Россию. Все это время Антанта поддерживала антибольшевистское движение на Севере, вмешиваясь в гражданскую войну в России. Экономические выгоды, которые союзники извлекли из поддержки Северного Архангельского правительства, немалые. Так, по данным академика И.И. Минца, союзники в навигацию 1918 г. вывезли ценностей (лен, фанера, смола, марганцевая руда, сивушное масло и т.д.) из Северной области на общую сумму в 4726000 английских фунтов. В навигацию 1919 г. Антанта вывезла грузов на сумму до 48242169 царских рублей.

Белая и Красная армии на Северном фронте.

Много усилий потратили союзники на строительство боеспособной русской белогвардейской армии на Севере, оказав существенную помощь русским военным кадрам оружием, обмундированием, транспортом, медикаментами, продовольствием. В августе 1918 г. в рядах Северной Добровольческой белой армии насчитывалось около тысячи человек под общим командованием каптеранга Г.Е. Чаплина.

Последний писал в своих воспоминаниях: «В первый месяц по приходу союзников сил в Архангельске было крайне мало. Кроме значительного числа английских военных судов, которые по своей осадке были непригодны для действий вверх по Двине, союзники, кроме вспомогательных частей, высадили две французские роты и одну роту Славяно-британского легиона. Русских частей было всего пять рот, батарея и эскадрон. Надеяться на проведение немедленной мобилизации не приходилось. Этому препятствовало полное незнание настроения в деревнях и отсутствие нужного аппарата, как-то: воинских начальников, списков и готовых офицерских кадров. Все это неминуемо привело бы к полному провалу мобилизации и, естественно, к провалу «белой» власти. Приходилось на первое время рассчитывать лишь на лобровольцев... Приходилось волей-неволей высылать

на фронт наскоро сколоченные части под командой первых попавшихся под руку офицеров... Одна рота и батарея, почти сплошь офицерского состава, под командой капитана Орлова (имеется в виду Н.П.Орлов, воевавший впоследствии в Коми крае – авт.) и Дилакторского (оба убиты в 1919 г.) были посланы на Двинское направление, где с французской ротой и польским отрядом разбили красных в целом ряде боев, причем белые дошли до Нижней Тоймы, пункта, который нами впоследствии никогда не был достигнут... Целый ряд офицеров с оружием, обмундированием и снаряжением был послан в Онежский уезд и Усть-Цыльму (Печору), где были сформированы части и после целого ряда боев окончательно закреплена белая власть».

Численность армии росла медленно. Ситуация не изменилась и при новом командующем русскими вооруженными силами на Севере полковнике Б.А.Дурове, занявшем эту должность в середине сентября 1918 г. Г.Е.Чаплин был отстранен от командования за мятеж против правительства.

5-6 сентября 1918 г. группа монархически настроенных офицеров (среди которых были в том числе и бывшие корниловцы) под командованием каперанга Чаплина и кадета Н.А.Старцева арестовала практически всех министров-социалистов ВУСО и выслала их в Соловецкий монастырь. Мятежники выпустили обращение «К гражданам Архангельска и Северной области», где писали о ВУСО: «Никем не избранное, никому в Северной области неизвестное, оно взялось за восстановление страны, сохранив старые рамки партийности». Чаплин стоял за военную диктатуру в области, весьма критически отзывался об Учредительном собрании «Учредилке», «избранной в период смуты под явным давлением большевиков, и члены которой разбежались по первому окрику большевика-матроса». Однако, вмешательство союзников, а также всеобщая политическая стачка в Архангельске помешали планам мятежников. Г.Е.Чаплин был вынужден подать в отставку. 7 октября 1918 г. в Архангельске было сформировано новое Временное правительство Северной области (ВПСО). В его составе не было ни одного эсера, преобладали кадеты. Председателем правительства являлся все тот же Н.В.Чайковский.

Основную тяжесть борьбы с большевиками на фронте несли союзнические войска. Общая численность войск Антанты на Северном фронте осенью 1918 г. составляла около 16 тысяч человек, из них 5600 американцев, 6200 англичан, 1600 французов и др. В сентябре 1918 г. американский экспедиционный корпус взял Шенкурск – второй по величине город в Архангельской губернии. Одновременно войска Антанты на Мурманском участке фронта совместно с красными финнами предприняли наступление на позиции белофиннов в приграничных районах Карелии. В начале октября 1918 г. белофинны были разбиты и оставили Карелию. В это же самое время была отражена попытка белофиннов захватить Печенгу. Тем самым, осенью 1918 г. войска Антанты на Мурмане косвенно оправдывали

свое присутствие здесь, участвуя в военных действиях с прогерманскими вооруженными силами. Германские оккупационные войска в Финляндии планировали наступление на Петроград и северном направлении в августе 1918 г., но благодаря усилиям советских дипломатов, предложивших добавочные статьи к Брест-Литовскому соглашению, это наступление было предотвращено.

После объявления ВПСО мобилизационной кампании медленно начался рост численности Северной Добровольческой армии. Командование над ней в ноябре 1918 г. принял генерал-майор В.В.Марушевский. К концу 1918 г. в рядах армии насчитывалось 7441 человек, из них около 4 тысяч были мобилизованными. В феврале 1919 г. общая численность русских белогвардейцев на Северном фронте составляла 9775 человек.

Красные осенью 1918 г. развернули формирование VI Красной Армии на базе войск Северо-Восточного участка завесы. Первоначально в состав Северного фронта красных входили две армии, но VII Красная Армия защищала подступы к Петрограду, и вся тяжесть военных операций непосредственно на Севере легла на VI Красную Армию. Штаб фронта находился в Ярославле. Командование советскими силами на Севере поначалу было возложено на М.С.Кедрова. В.И.Ленин лично следил за посылкой войск на Север, предупредив, что «6 генералов (бывших) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа (речь идет о снабжении войск оружием – авт.)... будут расстреляны за саботаж, если не исполнят».

В сентябре 1918 г. VI Красная Армия насчитывала в своих рядах 9879 штыков и сабель при 178 пулеметах и 56 орудиях разного калибра. К 1 января 1919 г. ее силы возросли почти в три раза, составив 32955 бойцов и командиров, 323 пулемета и 98 орудий. В составе армии имелась Северо-Двинская военная речная флотилия (в октябре 1918 г. в флотилию входили пять пароходов, две плавучие батареи, гидроавиация). Командовали армией В.М.Гиттис, и с декабря 1918 г. А.А.Самойло, бывший генерал-майор царской армии. М.С.Кедров так отзывался о Самойло: «Один из тех немногих генералов, которые явились красной и гордостью Красной Армии... прямо и смело высказывал свое мнение... Он не был коммунистом, но на него можно было положиться, как на самого надежного партийца».

В августе 1918 г. в районе Котласа был создан укрепрайон под началом А.И.Геккера. Здесь потом оперировала 18 дивизия VI Красной Армии под командованием 24-летнего И.П.Уборевича. Номинально в состав этой дивизии входили и советские войска в Коми крае.

Северный фронт растянулся на всем пространстве Европейского Севера России – от Урала и Печоры до Финляндии.

Коммунисты против власти Советов.

Тем временем в Коми крае процесс, начавшийся с захвата большевиками руководства в уездных Советах, развивался дальше. Все Советы должны были находиться под полным контролем коммунистов. Еще 21 июля 1918 года устьсысольские большевики приняли решение: «На будущее время при подборе служащих руководствоваться рекомендацией таковых со стороны Усть-Сысольского комитета РКП(б)». 15 сентября 1918 года из Усть-Сысольского горсовета вывели всех беспартийных, и там остались только большевики.

По волостям Яренского уезда после сентябрьского переворота отправились агитаторы, которые организовывали комбеды и коммунистические ячейки и с их помощью осуществляли «чистку» волостных Советов от небольшевистки настроенных крестьян и проводили отбор делегатов на V Чрезвычайный уездный съезд Советов. «Наши агитаторы... поставили почти повсюду бедноту у власти, – говорил позже П.И.Покровский, – и только беднота послала своих представителей на Чрезвычайный крестьянский съезд». В результате 58 и 67 делегатов открывшегося в начале октября 1918 г. съезда записались в коммунистическую фракцию. Предварительная фильтрация делегатов привела к тому, что съезд представлял меньшинство населения уезда, ибо большая часть крестьянства (средняки и зажиточные) была лишена возможности выдвигать своих кандидатов. Неудивительно, что, как писали яренские «Известия...» 4 октября 1918 г., съезд, «собравшийся через две недели после яренского переворота, одобрил тактику коммунистов и вынес полное порицание политике старого коалиционного исполкома». Большевики заявили на съезде, что «все поступающие в Совет должны иметь рекомендации или от организации коммунистов или от деревенских комитетов бедноты». Председателем избранного на съезде уездного исполкома стал П.И.Покровский. В состав исполкома вошел полностью весь комитет яренской организации РКП(б). В резолюции I съезда РКП(б) Усть-Сысольского уезда (декабрь 1918 года) говорилось: «Все ответственные служащие в советских учреждениях должны быть партийными, и вся работа должна вестись под контролем партии коммунистов».

Решения о создании комбедов в уездах были приняты тотчас после прихода коммунистов к руководству уездными исполкомами, и несмотря на сопротивление значительной части крестьянства (например, в Читаево местные жители на общем собрании 7 августа отказались от организации комитетов деревенской бедноты), вскоре они под давлением большевиков появились повсеместно. Функции комбедов быстро вышли далеко за рамки, определенные декретом ВЦИК. Они стали заниматься организацией хозяйственной жизни деревни (если то, что они делали, можно назвать «организацией»), мобилизацией в Красную армию, переделом земли и т.д. Партячейки и комбеды, которые в большинстве вскоре также стали состоять из коммунистов, фактически подменили собой волостные Советы, лишив

последние всякой власти. Об этом прямо сказал на Северо-Двинской губпартконференции делегат от Усть-Сысольской уездной коммунистической организации Д.Н.Улитин: «Волостные ячейки сразу после своей организации взяли в свои руки всё управление волостью».

Логическим завершением всего этого могло стать... полное упразднение Советов депутатов как демократически избираемых органов власти всего трудового населения – т.е., по сути, ликвидация Советской власти на местах в том виде, в каком она создавалась и в каком была с энтузиазмом воспринята немалой частью населения. Намерение сделать этот последний шаг существовало и даже начало осуществляться. 9 ноября 1918 года VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов под диктовку коммунистов принял решение о перевыборах на местах, причем их проведением должны были заниматься комбеды (которые после этого подлежали роспуску). Но перевыборы Советов депутатов, осуществлявшиеся под контролем коммунистов и комбедовцев, должны были дать в итоге качественно иные органы власти – Советы бедноты.

19 декабря 1918 года яренские «Известия...» сообщили: «В уезде приступлено к организации советов бедноты, единого органа Советской власти вместо совдепов и комбедов. Потребность этой единой организации советской власти в деревне сказывалась местами очень остро. Постоянно возникали трения между Советами и комбедами. Советы бедноты явятся тем постоянным и подлинным выразителем бедной... деревни, который будет главной опорой при проведении в жизнь декретов из центра, коренным образом переустраивающим крестьянское хозяйство. Беднота, полупролетарии деревни, в совете бедноты будет его ядром... Тов. коммунистам деревни предстоит большая работа: провести своих верных и твердых людей в совбеды». Итак, в отличие от Совдепов, избираемых (по крайней мере, в теории) демократически всем крестьянством, в Совбедах основная роль однозначно отводилась бедноте, меньшинству населения. Среднякам (при том, что, по свидетельству той же газеты, «наш крестьянин-средняк где-нибудь в центральных или южных губерниях считался бы настоящим бедняком») обещалось лишь некое «представительство» (очевидно, немногочисленное) в совбедах, причем и эти представители должны были идти «за беднотой». О зажиточных крестьянах, естественно, и речи не велось.

В принципе, создание Совбедов являлось попыткой использовать популярное слово «Советы» для сохранения несколько реформированных в угоду политической конъюнктуре комбедов и для того, чтобы избавиться раз и навсегда от Совдепов – этого раздражителя, лишённого власти, но продолжавшего пользоваться определенной популярностью у населения. В документах 1919 года можно встретить упоминания как о Совделах, так и о Совбедах, но попытка ликвидации Совдепов в конечном итоге провалилась – вероятно, из-за резко отрицательного отношения населения к этой затее большевиков.

Издержки бесконтрольной власти.

Осенью 1918 года власть коммунистов и комбедовцев в Коми крае стала фактически бесконтрольной – по крайней мере, со стороны большей части беспартийного местного населения. А любая бесконтрольная власть развращает обладающих ею людей. Тем сильнее это сказывается тогда, когда они не обладают достаточными политическими и иными знаниями. А это было, к несчастью, характерно для коми коммунистов, причем не только в 1918 году, но и в последующее время. «Большинство волостных ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительную, ни агитационную» работу, – говорилось в сводке по парработе Яренского укома РКП(б) за июль 1919 года. В марте 1923 года секретарь обкома А.М.Чирков сообщал на IV облпартконференции: «Марксистов у нас... во всей областной организации не более пяти...»; устьсысольская организация «из 200 человек может выделить не более 30 членов в марксистский кружок пониженного типа, остальных нужно посадить за политграмоту. Это передовая организация...» Март 1924 года, V облпартконференция: в докладе о работе отдела агитации и пропаганды обкома констатируется, что «до 80 процентов членов всей областной организации политически неграмотно». В январе 1926 года на VII областной конференции РКП(б) говорилось: «Последняя партпроверка в нашем областном центре показала всем, что политически грамотных только 14,2 процента, малограмотных – 33,1 процента и кое-как разбирающихся – 19 процентов». И Коми край не был исключением. По данным общепартийной переписи, в 1922 году 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными.

Делегат IV облпартконференции С.С.Трофимов сказал: «В деревнях при изучении программы и устава партии случаются казусы. Некоторые параграфы программы являются такое новостью, что можно думать, что члены РКП(б) попали в партию по недоразумению». О недоразумении, впрочем, говорить не приходится. В.И.Ленин в 1920 году писал о том, что многих охватил «соблазн вступления в правительственную партию». «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать», – отмечал он в «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Но в словах Ленина – не вся правда. В правящую партию вступали не только карьеристы и проходимцы, которых, действительно, хватало и среди коми коммунистов, но и простые крестьяне. Оценив сложившуюся осенью 1918 года обстановку, они поняли, что в условиях беспомощности Советов и всевластия партийных ячеек единственный способ влиять на решения местных властей, иметь какие-то привилегии – это вступление в РКП(б). К этому их порой просто вынуждали обстоятельства.

Организатор кажимской ячейки РКП(б) Леушин рассказал на губпартконференции, что поначалу в ячейке состояло шесть человек. Но после того, как поступили сведения, что голодающее население получит хлеб, если в поселке будет крупная парторганизация, сразу же «навербовалась партия в 120 человек, куда вошли спекулянты, купцы и т.п. Я не в силах был с этим бороться», – говорил Леушин. Один из местных руководителей Е.А.Напалков вспоминал, что в селе Керчомья осенью 1918 года «членов партии доходило до 150 человек и сочувствующих около 300 человек. Благодаря такому сильному росту в партию попадал совершенно чуждый элемент, и организация потеряла свой большевистский облик. Во время «красного террора» в партию вошли даже противники Советской власти».

Неудивительно, что уже 3 ноября 1918 года Яренский уком РКП(б) постановил «произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов». О необходимости тщательного отбора кандидатов в компартию говорилось в резолюции I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б), весьма красноречиво характеризующей уровень политической грамотности местных большевистских лидеров: «Мы, коммунисты, открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, ...давая им понять, что идея коммунизма – священная идея и что социальный строй – это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус».

Чистки, впрочем, мало помогли. Численность коммунистов в Коми крае, особенно в Усть-сысольском уезде, достигла феноменальных по тем временам размеров. Д.Н.Улитин на губпартконференции в январе 1919 года отметил: «Усть-Сысольский уезд стоит на первом месте в губернии по численности действительных членов. Их более двух тысяч человек и также более двух тысяч сочувствующих. В этом отношении его можно сравнить со всеми остальными вместе взятыми уездами нашей губернии». (Для сравнения скажем, что до конца тридцатых годов численность всей Коми областной парторганизации была меньше, чем численность коммунистов одного Усть-Сысольского уезда в январе 1919 года, причем до конца двадцатых годов – более чем в два раза меньше: в 1921 году – 617 членов и 116 кандидатов, в 1930 году – 1222 и 569, в 1933 году – 2081 и 1789, в 1939 году – 1647 и 1197). В отчете Яренского укома РКП(б) за май 1919 года говорилось: «В Яренском уезде ячейки выросли быстро. В каждой волости было по ячейке, а в некоторых даже по две и по три. Но когда стали объявлять мобилизации, то ячейки стали распадаться одна за другой... потому, что были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма».

От местных большевистских лидеров ждали – как до этого от всех предшествовавших руководителей уездов – улучшения жизни. Но обещанное

улучшение не наступало. Да и можно ли было добиться каких-нибудь улучшений, если организационная, хозяйственная работа отошла для новых руководителей на задний план. «Деятельность исполкома, – признавал П.И.Покровский, – ...была не столько организационной, сколько политической. Во главу угла комитет партии, т.е. тот же исполком, поставил разделение деревни. Мы тогда в деревне проводили Октябрь... Мы проводили деление деревни беспощадно и бескомпромиссно». Разделение, раскол деревни на два лагеря – прокоммунистический (беднота) и середнячко-зажиточный – большевики провели успешно, а вот с остальным дела у них не ладилась. 30 октября 1918 года устьсыольский уездный продовольственный комиссар Е.М.Мишарин докладывал: «Население Усть-Сыольского уезда голодает. Положение с продовольствием... приняло угрожающие размеры...» В июне 1919 года на Усть-Сыольском уездном съезде Советов крестьянской бедноты делегаты сообщали о тяжелейшем положении жителей: «Едим одну кору и опилки, нет даже соломы», «съедаем по 50 пудов коры в день», «умирают от голода дети и взрослые». «Голод грозит довести народ до отчаяния, до нравственного безразличия, до пробуждения зверя», – отмечала «Зырянская жизнь» 28 июня 1919 года.

Отрицательно сказывались на состоянии населения и негативные последствия всевластия большевистских ячеек и комбедов, в деятельности которых наблюдалось немало «перегибов» и прямых злоупотреблений властью (в том числе грабежей и пыток своих односельчан). Вот что услышали делегаты I Усть-Сыольского уездного съезда РКП(б) от представителя Большелугской парторганизации: «Первоначально ячейка действовала удовлетворительно, но впоследствии некоторые члены во главе с председателем Поповым стали преследовать личные цели и проявлять систематическую форму обирательства граждан, забирая у них, питающихся соломой и разными суррогатами, последние предметы первой необходимости». Делегат от Аныбской волости рассказал съезду эпизод из деятельности своей коммунистической организации: «По слухам, один солдат Аныбской волости Лобанов привез с военной службы 18000 руб. Ячейка потребовала эти деньги целиком, но Лобанов не хотел дать их добровольно, за что он в виде острастки был опущен в прорубь на непродолжительное время, но не по горло, а только помочил ноги» (какой, однако, «гуманизм» – а могли ведь вообще бросить в прорубь с камнем на шее...).

Доставалось не только беспартийным. Позднее, в 1922 году на III облпартконференции, делегат Липин сделал такое примечательное заявление: «Не мешало бы указать Леканову (секретарю укома партии – авт.), чтобы он изжил битье сапогами членов партии». Интересно, как относился Липин (тоже не рядовой коммунист) к битью беспартийных?..

Керчомские коммунисты во главе с Д.М.Ваддоровым решили в 1918 году заняться организацией церковной жизни: устроили выборы священника,

которым стал член партии, участвовали в церковных песнопениях. Ваддоров по случаю первой годовщины Октября издал специальный приказ о порядке празднования с включением богослужения в церкви, «целодневного звона», церковной панихиды на могилах коммунистов и т.п. Об этом с иронией сообщила даже губернская газета «Борьба бедноты».

Далеко не всегда большевики, причем не рядовые, были примером в том, что касалось выполнения решений своего же руководства. Так, побывавшие в Часово петроградские большевики-агитаторы докладывали, что волостной комиссар коммунист Логинов «спрятал хлеб от учета. Но крестьяне нашли, и пришлось его (Логинова – авт.) арестовать. Это страшно отразилось на крестьянах, которые волновались на собраниях, указывая, что вот вам и коммунист, а хлеб прячет... Были страшно возмущены... Пришлось действовать на них угрозой...»

«Красная горячка».

Пожалуй, самые поразительные события произошли в Усть-Сысольске в начале ноября 1918 г. Чтобы хоть как-то скрасить безрадостную картину бытия, руководство Усть-Сысольского уезда организовало празднование первой годовщины Октябрьской революции. Начиналось оно чинно и благопристойно. Накануне, 6 ноября, один из местных большевистских деятелей Д.И.Розанов выступил в Усть-Сысольске с лекцией, авторитетно пояснив почтительно внимавшим слушателям, что «прошлое русской революции таково, что ей безусловно принадлежит не только ближайшее, но и отдаленное будущее», какового, ясное дело, лишена «всякая нечисть» – «буржуазия» и «соглашатели».

7 ноября в Усть-Сысольске состоялась манифестация. По окончании этого действия большинство местных руководителей собралось на банкет. Там присутствовали председатель Усть-Сысольского уездного исполкома В.П.Осипов и член губисполкома А.А.Кузнецов, военные комиссары И.Г.Казаков (он же возглавлял уездный Революционный совет) и Цивилев, лидер уездных коммунистов, председатель Усть-Сысольского комитета РКП(б) В.И.Чуистов (он был также заместителем председателя ЧК и заведовал отделом внутреннего управления, которому подчинялась милиция), председатель уездной ЧК М.М.Ляпунов, зам. председателя уездисполкома А.О.Канов, член уездисполкома и ЧК И.С.Юрьев, член уездисполкома и уездного Военного совета С.П.Малыгин, и другие (всего 27 человек). Поскольку со снабжением винно-водочными изделиями даже у руководителей имелись тогда трудности, а пить самогон было как-то не по чину, «отцы» города и уезда распорядились изъять из городской аптеки «для технических нужд» изрядное количество спирта (три ведра и еще 12 бутылей). «Злоупотребив властью при требовании спирта», как позднее было отмечено следствием, бравые руководители напились «открыто, в обществе, до

состояния явного опьянения». Как рассказывал позднее Д.И.Розанов, «член исполкома Дмитрий Яковлевич Попов, всегда украшающий своими речами собрание, обратился к нам с прочувственным приветствием по поводу великой годовщины, причем я сразу заметил, что он был заметно в нетрезвом состоянии».

Ничего особенно страшного по местным меркам в этом не было (хотя, напомню, уже шла гражданская война). Как пояснил позднее коми коммунист, член губкома РКП(б) В.И.Сорвачев губернскому партийному руководству, «там (в Усть-Сысольске – авт.) с психологической стороны на пьянство не смотрят так (строго – авт.), как здесь», в губернском центре. Пили в Коми крае изрядно, изводя на самопокушение немало зерна, которого так не хватало. Например, из Чухлома в 1918 году сообщали: «Хлеба много, но он уничтожается на самогон. Пьянство сильно развито... Одна часть населения голодает, а другая моет голову самогоном». Попытки искоренить самогонварение встречались населением в штыки. Когда Д.А.Батиев (известный впоследствии коми политический деятель) в 1918 году на Яренском уездном съезде Советов выступил против самогонварения в селе Жешарт, то после заседания группа возмущенных жешартцев намяла ему бока...

Не имело особого значения и то, что кое для кого из участников «банкета» эта пьянка была уже «рецидивом»: в августе 1918 года уездный исполком оштрафовал за попойку весь (за исключением председателя И.П.Андрианова) руководящий состав Усть-Сысольской ЧК – Д.И.Розанова, В.И.Чуистова, А.А.Сивкова и примкнувшего к ним уездного военкома И.Г.Казакова, Д.И.Розанов тогда, видать, сильно переживал за свой проступок и даже «ввиду наличности однофамильцев» сообщал в местной газете «Зырянская жизнь»: «Штрафу подвергнут именно я, редактор настоящей газеты, ...штраф мною уже внесён полностью, в чем... имеется расписка». В коллективной руководящей гулянке 7 ноября он уже не участвовал, однако отнюдь не из-за того, что стал вести исключительно трезвый образ жизни...

Вполне вероятно, что празднование первой годовщины Октября в Усть-Сысольске, несмотря на лившийся ведрами спирт, прошло бы относительно спокойно. Но все благолепие испортил конфликт, назревший к этому времени в уездном руководстве... Как докладывал губкому компартии в декабре 1918 года В.И.Сорвачев, осенью 1918 г. в Усть-Сысольском уезде «лица..., стоящие у власти, начали узурпировать власть. Не поделив что-то, «лица, имеющие власть, разделились на две стороны, одна из них опиралась на партию, другая на Красную армию». В расколе и соперничестве между уездными вождями «большую роль играла Чрезвычайная комиссия, которая своим усердием создала из себя болезненное впечатление».

И вот в то время как В.П.Осипов, В.И.Чуистов и прочие «опиравшиеся на партию» мирно выпивали и даже, возможно, закусывали (о последнем документы умалчивают), другая часть местных активистов, находившихся

на втором плане (к ней принадлежали Д.И.Розанов, В.П.Павлов, В.П.Юркин, М.В.Молодцов и, возможно, А.А.Маегов), решила «опереться на армию» и без ведома выпивавших организовала... красноармейское патрулирование города. Несколько человек из компании Чуистова и Осипова, менее титулованных, были задержаны военными патрулями за безобразничание на улице в пьяном виде (подгулявшее начальство каталось на лошадях). Их доставили в милицию, где намеревались держать до протрезвления.

Но и это было бы еще ничего – проспались бы и пошли себе опохмеляться; в конце концов не буржуазный же праздник отмечали! Однако «водители», узнав, что их собутыльников засадили в кутузку, распорядились освободить их. В.И.Чуистов лично возглавил операцию по спасению товарищей. С наганом в руке он сурово прикрикнул на патрульных красноармейцев и велел им разойтись. После вызволения «пленных» празднество продолжалось до следующего дня (благо, спирта хватало). Крупного скандала и после этого могло не быть. Но, как на грех, в ход усть-сысольских событий властно вмешалась германская революция...

Нет-нет, уважаемый читатель, не пугайся неожиданного полета авторской мысли: они в добром здравии и даже не пьяны. Как ни странно, революционно настроенные германские трудящиеся, сами того не зная, подложили изрядную свинью своим зырянским братьям по борьбе: в свое время отцами города «уже было обещано, когда будет революция в Германии, то будет отпущено спирту» всем красноармейцам и коммунистам Усть-Сысольска. События в Германии как раз в эти дни разгорались; вслед за Кильским восстанием назревало Берлинское, всюду шумела группа «Спартак» – и начитанные усть-сысольские красноармейцы сделали политически правильный вывод: пора бы выдавать им спирт. Эх, если бы, – с грустью говорил членом губкома РКП(б) В.И.Сорвачев, – «Красная армия получила тут же свою порцию, которую давали прочим» участникам банкета, то «результаты пьянства не были бы такие плачевные». Однако увлекшееся празднованием руководство не сумело вовремя оценить международную обстановку и решительный настрой местных народных масс...

Обиженные невниманием к их нуждам красноармейцы и рядовые коммунисты собрались 8 ноября в коммунистическом клубе для обсуждения текущего момента. Не знаю, до чего бы они договорились, но чекисты и во время гуляния (оно все продолжалось) оказались начеку и информировали о происходящем расслаблявшееся руководство. Последнее, видимо, изрядно подустало, поскольку узрело в созыве красноармейско-коммунистического собрания ни больше, ни меньше чем... «провокацию неизвестных темных сил» и даже «белогвардейский мятеж»(!), и сгоряча объявило город на военном положении (!!!) (Это, пожалуй, смахивало уже на «белую горячку» – только вместо зеленых чертиков перед глазами перепившихся партийных вожаков запрыгали-заскакали белые мятежники; а может, это была «красная

горячка?»). Спешно вынесенным постановлением запрещались «всякие сборища и собрания», воспрещалось выходить из дома после 5 часов вечера; следовало «немедленно арестовать» организаторов красноармейско-коммунистического собрания, распустить «местную Красную армию», а взамен набрать новый состав, «заменить все посты и городе, состоящие из красноармейцев, коммунистами и милиционерами», верными руководством. По известной большевистской традиции первым делом решили занять почту и телеграф (дабы обезопасить их от «мятежников»). Не хватало, пожалуй, только захвата мостов и выстрела «Авроры» – и хорошая получилась бы годовщина Октября...

По распоряжению В.И.Чуистова «летучие отряды» ЧК отправились разгонять «белогвардейское собрание». Коммунистический клуб был окружен, а затем чекисты под руководством своего председателя М.М.Ляпунова и зампреда уездного исполкома А.О.Канова с отчаянным криком «Руки вверх!!!» ворвались внутрь с винтовками наперевес, размахивая бомбами и револьверами. Ляпунов заявил красноармейцам и коммунистам, что их «сборище» незаконно. Канов зачитал упоминавшееся постановление, после чего чекисты очистили помещение от борцов за справедливость. Несколько наиболее ретивых коммунистов и красноармейцев арестовали, а десять человек как главных «белогвардейцев» посадили в тюрьму. Началось разоружение красноармейцев. Город патрулировали верные Осипову и Чуистову люди. Естественно, успешно были взяты почта и телеграф. 9 ноября ситуация не изменилась. В «борьбе», надо сказать, участвовали не все местные лидеры – иные предпочли тихо праздновать сами по себе. Например, И.С.Юрьев при разборе произошедших событий позднее заявил: «Нигде помину нет про члена исполкома о. Дмитрия Попова, может быть, за эти праздники он и выпил спирту три бутылки, но остался в стороне».

Наконец 10 ноября взбудораженные прошедшими праздниками, окончательно победившей в Германии революцией, а главное – так и не выданным спиртом, «рядовые члены большевистской партии», по выражению историка 30-х годов В.М.Подорова, наконец-то «поняли, что партийное руководство сошло с большевистских рельсов и предает революцию». Вооружившись, они вместе с красноармейцами устроили второе, на сей раз более удачное экстренное собрание, «на котором был дан бой зарвавшимся руководителям». Томившихся за решеткой освободили. Созданная специальная комиссия изучила «события 7-9 ноября» и утром 11 доложила усть-сысольским коммунистам о пьяных безобразиях их лидеров. Чуистова и Ляпунова тут же исключили из РКП(б); остальных гуляк в последующие дни постигла та же участь.

Выяснив все леденящие душу подробности праздника, коммунисты и красноармейцы снова собрались 12 ноября и устроили Осипову и прочим изрядную взбучку. Дело едва не дошло до рукопашной схватки, а то и до перестрелки. Как деликатно выразился на страницах «Зырянской жизни»

будущий коми литературный классик В.А.Савин, собрание «носило весьма напряженный характер, и было несколько критических моментов для участников «подавления белогвардейского выступления», но организованность и самостоятельность членов-коммунистов удержала от возможного замешательства, призвав товарищей к соблюдению порядка и спокойствия». Все участники «пьяного разгула» были разоружены, главных «закоперщиков» сняли с должностей. Позднее был реорганизован и военкомат; усть-сысольская организация РКП(б) по решению губкома компартии была полностью распущена и создавалась заново. Постановили также созвать уездные съезды коммунистов, Советов и комбедов, где обсудить приключившееся. Новый состав ЧК 13 ноября арестовал В.И.Чуистова, В.П.Осипова, М.М.Ляпунова и И.Г.Казакова «за измену партии». Арестанты упорствовали, не желая «откровенно признать свою вину», и даже намеревались сбежать из тюрьмы. За дело взялись губернские органы. Запахло расстрелом...

Тут усть-сысольские коммунисты сообразили, что, пожалуй, переборщили в низвержении начальства. 26 ноября на общем собрании они решили хлопотать о смягчении участи своих бывших лидеров. В губком РКП(б) и губчека было отправлено ходатайство: «Усть-сысольская организация РКП(б), обсудив положение исключенных из партии членов В.П.Осипова, В.И.Чуистова, М.М.Ляпунова и И.Г.Казакова, которым по имеющимся материалам может угрожать расстрел за целый ряд преступлений по должности и за измену партии, и принимая во внимание их прежнюю колоссальную работу по борьбе... с кулацким элементом в уезде, сознание своей силы и партийной мощи в эпоху подъема социальной революции во всем мире (это они о германской революции – авт.), признает уничтожение перечисленных выше лиц в данное время излишним, во избежание ликования в лагере испытавшей их работу буржуазии, а потому ходатайствует... о замене грозящего им расстрела следующей ступенью наказания». В общем, погорячились ребята, бес попутал, с кем спьяну не бывает...

В виде наказания четверо едва не расстрелянных экс-вождей уездного масштаба были отправлены на фронт воевать против истинных, а не мнимых белогвардейцев. Сходное наказание понесли и другие: например, А.О.Канов и М.К.Волошин возглавили партизанские отряды, посланные на Удору. Член уездного комитета РКП(б) и уездной ЧК (позднее – руководитель этих почтенных органов) В.А.Савин в декабре 1918 года писал по поводу ноябрьских событий в Усть-Сысольске: «Революции нужны честные работники, истинные строители новой жизни на обломках старых развалин, ей нужны идейные в глубоком смысле слова политические руководители, идущие рука об руку с трудовым народом по строго определенному пути, и если нечестные спотыкаются и падают (очень подходящие слова для данного случая, не правда ли? – авт.) поперек этого пути, они недостойны называться

сынами пролетарской революции, и долой их с пути!» Через некоторое время «споткнувшиеся и упавшие» сумели подняться на ноги, и многие из них вновь заняли ответственные должности. И.Г.Казаков, например, в ноябре 1919 года исполнял обязанности заместителя начальника войск Пинега-Печорского края. В.И.Чуистов был в 20-х годах на ответственной работе в Коми обкоме компартии. А вот обличавший их Д.И.Розанов «отошел от активной политической деятельности» – не та, видать, закваска...

«Кого-то надо расстрелять».

Трудности с продовольствием, реквизиции, сопровождавшие всякого рода «перегибами» и «искривлениями», вызвали конфликты в деревне, об опасности которых предупреждали свергнутые большевиками лидеры Советов. Росло недовольство и сопротивление властям. Но одновременно и власть, почувствовав это, усиливала нажим на деревню, стремясь силой провести в жизнь «генеральную линию». Это не могло не привести к террору с обеих сторон – власти против населения и населения против власти.

Сообщения газет, донесения местного руководства осенью 1918 года, уже через месяц-полтора после «большевизации» местных органов власти, напоминают сводки с театра военных действий. «6 сентября в деревне Граддоре Шошкинской волости неизвестными лицами убит крестьянин Арсений Васильевич Сивков. Следственной комиссией по этому делу арестованы 5 человек» («Зырянская жизнь», № 25). «В ночь на 9 сентября в с. Керчомья неизвестными лицами убит секретарь волисполкома Александр Павлович Гичев» («Зырянская жизнь», № 27). 18 сентября «керчомский комитет партии коммунистов-большевиков доносит, ...что следствие об убийстве... А.П.Гичева продолжается. В первое время было арестовано более 20 человек, 3 человека как главные виновники убийства расстреляны на месте (позднее выяснилось, что они Гичева не убивали – авт.), а двое убежали. Реквизиции и конфискации имущества и лишних вещей продолжаются. Установлен полный порядок».

Жители Гарьи в начале сентября решили распустить свой контролировавшийся комбедовцами волостной Совет, утративший всякое их доверие, избрать в Совет новых людей. В ответ на это, сообщила «Зырянская жизнь», «был командирован туда отряд в количестве 40 человек с пулеметами, который восстановил старый состав исполкома»; активистов выступления арестовали. 22 октября в Керчомье во время завязавшейся при реквизиции скота перестрелке крестьянином Самариным был убит дружинник-коммунист Жикин. Керчомская ЧК сообщила: «Вся родня Самарина арестована в числе 21 человек обоего пола. Следствие продолжается и аресты...» Самарин с сыном скрылись в лесу, за ними были отправлены «200 человек, вооруженных чем попало... На рассвете нами отправлен добавочный отряд в 600 человек...». Самариных настигли в лесу и на месте расстреляли. В качестве доказательства

выполнения задания у одного из убитых отрубили кисть руки и доставили ее в следственную комиссию (пожалуй, оставалось только начать снимать скальпы...).

«29 октября 1918 года в селе Лозым группа из 5-ти хулиганов ворвалась в дом секретаря исполкома Н.Макарова, намереваясь его убить... Покушавшиеся арестованы» («Зырянская жизнь», № 37). 9 ноября помоздинский волвоенком сообщил в Усть-Сысольск: «В Скородумской волости раскрыт контрреволюционный заговор, направленный открыто на свержение Советской власти. Главари в числе 7 чел. арестованы. Ввиду распутицы, препятствующей препровождению в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?» (Да, в распутицу лучше было в «заговорах» не участвовать...)

В ноябре в Кибре (Курагово) был распущен волостной Совет. «Тотчас же было отдано распоряжение отряду красноармейцев, находящемуся недалеко от Кибры, восстановить порядок, что и было сделано. Главари арестованы. Поводом к беспорядкам послужило наложение контрибуций на кулаков, реквизиция лошадей», – доложил уездный военком командующему Котласским районом А.И.Геккеру. 20 декабря уездный военком телеграфировал губернским властям: «В с. Мыелдино собрание кулаков... на сходе постановило удалить весь состав исполкома. Принимаются меры комиссией Чрезвычайкома...» 25 декабря позтыкеросский волвоенком сообщал уездному начальству: «Настроение масс... по волости явно контрреволюционное...»; 22 декабря в Позтыкеросе «собравшаяся толпа подступила к находящимся в канцелярии волисполкома членам... ячейки коммунистов-большевиков и с криками и угрозами стала вытаскивать всех за волосы и топтать... Потом... приступлено было к перевыборам всего состава волостного Совета», а прежние начальники обратились за помощью к уездным властям.

О наиболее ярких эпизодах провинциальной политической жизни сообщала и центральная пресса. «Петроградская правда» 5 марта 1919 года опубликовала статью И.А.Шергина «Коквицкие «коммунисты»», ясно выразившую отношение демократической интеллигенции к событиям такого рода. Комбед деревни Нижние Коквицы обложил в январе 1919 года чрезвычайным налогом зажиточных крестьян Полугрудова, Паршукова и других. Те отказались платить; вспыхнул конфликт с взаимными угрозами. Оказавшиеся в меньшинстве комбедовцы обратились за помощью в село Коквицы. На следующий день «в 5-ом часу... в деревню... наехали 139 «коммунистов», вооруженных винтовками... Все спали... «Коммунисты» ворвались в дом П.Д.Полугрудова», избивали его прикладами. «В дом десятского были согнаны пять человек. Началось истязание. В 200 саженьях от деревни... есть озеро. Туда и погнали «коммунисты» после истязаний несчастных», которые были там расстреляны. «... – Один не умер! – прорычал Окулов (коммунистический активист – авт.). – Давайте еще патроны! – Пока Окулов

ходил за патронами, «коммунисты» добились Паршукова штыками...» После расстрела в доме одного из убитых участники акции «потребовали хлеба, масла, молока, ...весело пировали. Окончив «поминки», коквицкие «коммунисты» принялись за обыски», забрали продукты, деньги, шерсть, кожу, гимнастерку, шинель...

И дело было не только в «примазавшихся к партии элементах», в случайных ошибках или в скверных личных качествах какого-то поддавшегося соблазну человека (всё это неизбежно присутствует в любом движении). Действия или слова «настоящих», идейных коммунистов, добровольно взваливших на себя нелегкую участь – железной рукой гнать коми крестянство к счастью, ожесточенно борясь со всеми, кто «сознательно» или «по недомыслию» противился этому, порой тоже вызывают, мягко говоря, противоречивые чувства. Яренский большевик П.И.Покровский сказал на Северо-Двинской губпартконференции: «Ведя борьбу, ячейки иногда, может быть, превышают свою власть». По его словам, характерны «в этом отношении коквицкие события», когда «местная ячейка расстреляла пять кулаков. Это вопреки всем декретам и распоряжениям центральной власти, вопреки тому духу политики, который оттуда идет». И какой же вывод сделал Покровский из своих обличительных слов? – «Товарищи, если вы, коммунисты, поймете психологию, которая у нас творилась с Октября, то я думаю, что у вас не найдется слова осуждения для коквицких коммунистов».

Шесть участников коквицкого убийства были ненадолго арестованы, затем освобождены и заняли подобающие своей революционной сознательности должности. Яренский уком РКП(б) отметил лишь «революционную прямолинейность тактики Коквицкой организации». То, что события в Коквицах – не исключение, признавали и сами большевистские вожаки. В докладе Яренского укома РКП(б) 19 марта 1919 года говорилось: «Коммунисты нередко зарывались, делали ошибки... У нас еще не кончен деревенский Октябрь. То, чем разрядилась раскаленная борьбой атмосфера деревни в Коквицах, могло случиться почти в любом другом месте уезда, в любой волости. Атмосфера везде напряженная...»

Кстати, со словами Покровского о том, что действия коквицких коммунистов «противоречили» распоряжениям и «духу» политики центральной власти, трудно согласиться. Разве деяния коквицких коммунистов хоть чем-то противоречили цитируемому выше постановлению Совнаркома России «О красном терроре» и телеграмме наркома внутренних дел Петровского с требованием применения массовых расстрелов, а также широко известным ныне указаниям В.И.Ленина и других лидеров большевистской партии на сей счет?.. Да и Яренский уездный съезд Советов в октябре 1918 года высказался за «организованный красный террор» в уезде.

Наступило то самое время, о котором задолго до 1917 года писал русский писатель Д.Мережковский: «Во всякой революции наступает такая

решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять и притом непременно с легким сердцем, как охотник подстреливает куропатку»... Именно так и поступали как многие местные коммунисты и их противники, так и некоторые появившиеся в Коми крае осенью 1918 года красные и белые военачальники, речь о которых впереди...

Полковник Естифеев против комиссара Аппога.

Печорский правительственный комиссар Г.Козлов неоднократно просил Архангельск выслать на Печору кадровый белогвардейский отряд. Наконец его известили, что 28 августа 1918 г. в Усть-Цильму выехал отряд полковника П.Ф.Естифеева, назначенного командующим Печорским районом Северного фронта белых (до революции полковник занимал должность штаб-офицера в управлении архангельского генерал-губернатора). Отряд насчитывал 12 человек (в числе офицеров поручики Пономарев и Павлов, подпоручик Сергачев, уже побывавший в устье Печоры с отрядом Можаяева, подесаул Бородин, прапорщик Кривин) с двумя пулеметами. Кроме того, отряд вез в Усть-Цильму 100 винтовок для местных добровольцев. Естифееву поручалось создать на месте боеспособную единицу Северной Добровольческой армии и отразить потенциальный натиск противника.

2 сентября Естифеев высадился в устье Печоры, откуда сообщил в Архангельск, что арестовал ряд активистов советской власти: «Что с ними делать? Пока я их в усть-цилемскую тюрьму. Есть такие, что толпа просит дать их для самосуда – я, конечно, не даю, но расстрел одного-двух успокоил бы толпу и поднял бы нас в их глазах. Телеграфируйте. Для экспедиции вверх надо настоящего войска хотя бы 1/2 роты и пуценку для остратки...»

5 сентября Естифеев прибыл в Усть-Цильму, где занялся созданием отдельного печорского батальона. Основой последнего послужила усть-цилемская дружина самообороны. Однако население, занятое сельскохозяйственной уборочной кампанией, не стремилось записываться в ряды Белой армии. Полковник информировал Архангельск о «непонятном, преступном равнодушии местного населения к моим задачам». Все же, к середине сентября 1918 г. под началом Естифеева насчитывалось около 160 человек.

15 сентября на двух пароходах «Урал» и «Алексей» отряд белых под общим командованием поручика Пономарева в составе 140 человек двинулся в развед рейд в сторону Усть-Щугора. Усть-Щугор в это время стал базой двух красных отрядов. Помимо отряда А.М.Черемных, здесь появился отряд чердынского военного комиссара Эрнста Фрицевича Аппоги (бывшего рабочего Лысьвинского металлургического завода Пермской губернии) из 10 бойцов на пароходе «Москва».

В ночь на 17 сентября (по другим данным, 18 сентября) белые подплыли к Усть-Щугору. В селе было довольно шумно, раздавалась музыка (был устроен вечер танцев для красноармейцев). Посланная белыми разведка

сообщила, что у пристани стоит пароход и по-видимому, красных в Усть-Щугоре много (на самом деле там насчитывалось меньше 30 красноармейцев). Пономарев предложил угнать пароход и с 12 добровольцами в четыре часа утра пробрался на усть-щугорскую пристань, а затем на борт парохода «Москва». Только случайность спасла Э.Ф.Аппогу от плена. По рассказам современников, Пономарев ворвался в каюту комиссара с криком «Руки вверх, ты арестован!». Аппога в ответ выхватил из-под подушки маузер и открыл огонь. Проснувшись от стрельбы, красноармейцы из отряда Аппоги, ночевавшие на пароходе, тоже открыли пальбу, кто в воздух, кто по берегу. Отряд Пономарева поначалу ответил огнем, но потом, испугавшись, рассыпался в разные стороны. Сам Пономарев был ранен и попал в плен. Лощман «Москвы» был убит, а двое красноармейцев получили ранения. Аппога приказал обрубить якорные канаты и немедленно отчаливать. Красноармейцы из отряда Черемных, ночевавшие на берегу, даже не проснулись от перестрелки на пристани и утром были чрезвычайно удивлены отсутствием парохода «Москва».

Основные силы белых, слушая стрельбу в Усть-Щугоре и не дождавшись возвращения поручика Пономарева, запаниковали и спешно отплыли: «Урал» – в Усть-Цильму, «Алексей» – в Усть-Усу. Отряд белых на «Алексее» под командованием прапорщика Е.А.Попова, достигнув Усть-Усы, поднялся вверх по реке Усе, бросил там пароход на произвол судьбы, и лесами двинулся в сторону Урала. Без дорог, совершив беспримерный переход через горы, растеряв половину отряда, уже в зимних условиях прапорщик Попов добрался до Обдорска (Салехарда). Оттуда его командировали оборонять Ляпино.

Полковник Естифеев, получив рапорт о «конфузе» под Усть-Щугором, 21 сентября покинул Усть-Цильму, выехав в Архангельск. С собой он увез 23 арестованных. Часть отряда Естифеева (15 человек) осталась на морской пристани в устье Печоры охранять груз оружия, часть уехала в Архангельск. Усть-Цильма была оставлена без защиты.

Печорский уездный комиссар Козлов отправил в Архангельск донесение: «Наш отряд поднимался до Щугора. Имел столкновение с 2-мя отрядами красноармейцев. Потерпел неудачу. Отступил. Начальник отряда поручик Пономарев ранен, взят в плен. 10 дружинников без вести пропали в верховьях Печоры. Угроза больше, чем ожидалось. Надежда [на на] один отряд добровольцев нет. Противник несравненно превосходит. Первая база располагает 3-мя хорошими пулеметами. Дисциплина образцовая. Со всех волостных пунктов сосредоточены мобилизованные с хорошими инструментами (имеется в виду, наверное, оружие – авт.), с офицерами во главе. Население относится безразлично, даже симпатичнее противнику, который в верховьях дает хлеб. [Последний], ожидаемый на Печору из Ляпино в количестве 500 000 пудов, попадет в руки противника. Немедленная присылка регулярных войск необходима».

В Архангельске П.Ф.Естифеев представил командованию и лично Н.В.Чайковскому обширный доклад о причинах неудач белого дела на Печоре, в основном сетуя на малочисленность своих сил. Архангельская газета «Возрождение Севера» в номере от 16 октября 1918 г. резко раскритиковала действия полковника на Печоре, фактически обвинив его в трусости. 9 октября 1918 г. правительство Северной области провело специальное заседание о положении дел в Печорском крае. Было констатировано, что «посланный отряд не мог достичь существенных результатов в деле ликвидации большевистских банд ввиду своей малочисленности (около 100 чел.) с несоразмерной обширностью района». Правительство постановило «признать необходимой посылку военного отряда в район Печоры для ликвидации большевистского наступления».

Бежавший из Усть-Щугора Э.Ф.Аппога добрался до Троицко-Печорска, вызвал оттуда на подмогу дополнительный отряд из Чердыни, набрал добровольцев из села около 40 человек и с этой силой отправился в Савинобор. Здесь Аппога встретился с отрядом Мандельбаума, прибывшим на Печору из Усть-Сысольска.

Глава 4. «ПЕЧОРСКИЙ ЧАПАЕВ»

Во главе интернационалистов и отрядов ВЧК.

Среди многочисленных борцов за Советскую власть в Коми крае, писать о которых какое-то время назад было столь же популярно, как в последнее время – о борцах против Советской власти, особняком стоит имя Морица Мандельбаума. На его долю еще при жизни выпало достаточно и хвалы, и хулы. «Герой Печорской экспедиции», «наш Чапаев» и в то же время «аферист», «беспардонный мошенник» – таким он был в глазах своих товарищей по партии и оружию. Недаром не одно поколение местных историков гражданской войны мучилось с описанием его деяний: как бы, упоминая этого «борца», нанести возможно меньший ущерб престижу самого процесса установления Советской власти в Коми крае...

Жизнь Морица Мандельбаума, еврея, родившегося в Австрии в 1890 г., получившего среднее образование в школе вольноопределяющихся, оказалась полна причудливых перемен. Думал ли он, профессиональный актер, а с 1914 г. – младший офицер (феенрих) австро-венгерской армии, воевавший в пехоте и пулеметной части на Восточном фронте против русских, что скоро будет командовать совсем другими солдатами далеко-далеко от родных мест? Попав в русский плен в 1916 г., господин Мандельбаум оказался в Ташкенте и вскоре стал «товарищем», возглавив во время Октябрьского переворота 1917 г. один из отрядов Красной гвардии. (У него, впрочем, был некоторый опыт пребывания в социал-демократической партии, куда он записался 16-летним юнцом). Между прочим, не исключено, что и Мандельбаумом-то он стал именно в Ташкенте: позднее А.Г.Колпаков, назначенный по личному указанию Ф.Э.Дзержинского в Печорскую Чрезвычайную Комиссию по инспекции Ижмо-Печорских отрядов Мандельбаума в январе 1919 г., считал, что фамилия «Мандельбаум» – псевдоним, а настоящего имени этого человека никто не знал...

Несмотря на крайне скверное знание русского языка (родным языком Мандельбаума был немецкий, говорил он также по-польски), М.Мандельбаум принял активнейшее участие в борьбе за дело русской революции. В январе 1918 г. он был ранен. Одним из первых этапов боевого пути Мандельбаума стали бои против «белочехов» – по иронии судьбы, тоже бывших военнопленных из австро-венгерской армии. Весной 1918 г. он находился в Поволжье в районе Самары и Сызрани, вступил в один из красногвардейских отрядов. Тогда же в Самаре возникла интернациональная группа, объединявшая пробольшевистски настроенных военнопленных, говоривших на немецком языке; одним из ее лидеров стал М.Мандельбаум, делегированный на Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов – интернационалистов. Съезд проходил в Москве 16-18 апреля 1918 г., в нем участвовало 300-400 делегатов, обсуждались вопросы об организации

военнопленных и ее программе, о политико-воспитательной работе среди военнопленных, возвращающихся на родину. Решено было организовать всероссийскую организацию иностранных рабочих и крестьян; председателем организации, по некоторым данным, избрали М.Мандельбаума. В принятых документах содержался традиционный призыв к борьбе против капиталистического строя, за диктатуру пролетариата. 24 апреля в Москве была создана Немецкая группа РКП(б), объединившая немецкоязычных коммунистов; она входила в федерацию иностранных групп РКП(б). В немецкую группу вступил и М.Мандельбаум. Он стал членом коллегии комиссариата по делам военнопленных.

В начале июня 1918 г. М.Мандельбаум командовал так называемым «отрядом интернационалистов», в составе которого были немцы, венгры, чехи, на Волге под Сызранью. Действовал он решительно и жестко; например, 2 июня приказал направить порожний состав на эшелон с чешскими военнопленными, не подчинявшимися большевистской власти, сбросив его с рельсов. Лето 1918 г. Мандельбаум провел в боях на Волге и Каме. Из «интернационалистов» стал в значительной мере формироваться Корпус войск советской охраны (войска ВЧК). С Волги Мандельбаума отправили на Север в качестве одного из руководителей архангельской роты этого корпуса. Он входил в число тех, кто возглавлял организацию эвакуации советских учреждений из Архангельска в начале августа 1918 г., затем служил в Котласе, куда перебралась часть архангельского руководства.

Плавание «Доброжелателя».

В августе 1918 г. командующий войсками Котласского района Северо-Восточного участка отрядов завесы красных А.И.Геккер получил письмо большевика Д.И.Розанова из Усть-Сысольска, в котором сообщались сведения о ляпинских хлебных запасах и активности белых в печорском бассейне. Красные решили разведать возможность транспортировки ляпинского хлеба для своих нужд. С этой целью, а также для борьбы с белыми на Печоре Геккер отправил в конце августа 1918 г. летучий отряд прифронтовой Чрезвычайной комиссии в составе 12 человек под командованием Морица Мандельбаума в Усть-Сысольск. Ему предписывалось принять меры против появившихся на нижней Печоре немногочисленных белых, занять Печору, Ижму, верхнюю Мезень и среднюю Вашку, затем перейти Уральские горы, захватить Ляпино, а при возможности – и весь бассейн Оби. Кроме того, Мандельбаум должен был заодно проверить деятельность местных волостных органов Советской власти (руководители Усть-Сысольского уезда жаловались, например, что «в селе Троицко-Печорском... орудует исполнительный комитет хулиганов. Необходима ревизия для поддержания авторитета Советской власти»).

28 августа 1918 г. М.Мандельбаум во главе небольшого (10-12 человек – латышей, немцев, венгров) «летучего отряда прифронтовой Чрезвычайной

комиссии» прибыл в Усть-Сысольск. По описанию очевидцев, он был высокого роста, худощавый, с небольшой черной бородкой, которая делала его на вид старше, чем на самом деле. «Обличьем Мандельбаум производил впечатление строго военного человека», ходил в серо-зеленой английской шинели, френче «тоже чужого покроя и галифе с кожей на сидячем месте и коленках», вид имел бравый. Усть-сысольские большевики прозвали Мандельбаума «немцем», поскольку тот очень сильно корежил русские слова, выражаясь, по свидетельству знавших его людей, примерно следующим образом: «Собирайт добриволиц на Петшора» (об этом пишут А.Мурзин и В. Новоселов в книге «Тайна далекой пристани»).

Город с 9 августа находился на осадном положении. Издающаяся в Усть-Сысольском уезде газета «Зырянская жизнь» в номере от 15 августа 1918 г. писала, что вследствие осадного положения запрещено хождение по улицам с 10 часов вечера до 6 часов утра, запрещены собрания, закрыт театр, запрещены все разговоры частных лиц по телефону. Из письма усть-сысольского учителя П.С.Токмакова П.Л.Щекину в Усть-Немь можно узнать, что в это время в городе «идут частые аресты. Переарестовали уже всех интеллигентов... Зажигать огней воспрещается. Наставлены повсюду пулеметы: охрана советской власти от белогвардейцев и англо-французов... Розанов главное действующее лицо и ходит во всей вооруженной силе».

Регулярных войск красных в Усть-Сысольске практически не было. Незадолго до приезда Мандельбаума город покинули отряды «красных гусар», переброшенные под Котлас (при формировании этих подразделений в Усть-Сысольске взломали царские цейхгаузы и одели красноармейцев в формы улан и гусар «времен Очаковских и покоренья Крыма», обнаруженные на складах). Учитывая обострение обстановки, во II половине августа в Усть-Сысольске объявили запись в добровольческий отряд «для защиты Советской власти», однако 30 августа 1918 г. «Зырянская жизнь» сообщила, что «до сих пор ни одного человека» в отряд не записывалось.

Мандельбаум с помощью уездисполкома развернул в городе запись добровольцев в экспедиционный отряд на Печору и в скором времени набрал около 50 (по другой версии, 112) человек. Каждый доброволец подписывал обязательство прослужить в отряде Мандельбаума не менее шести месяцев. Почти в полном составе вошла в экспедицию усть-сысольская организация левых эсеров во главе со своим председателем Н.Н.Суворовым, который был назначен одним из помощников Мандельбаума. Помощниками являлись также Д.И.Розанов, председатель усть-сысольской ЧК матрос И.П.Андрианов, агитатор П.Давыдов, В.Е.Исаков.

Пока в Усть-Сысольске велось формирование добровольческого отряда, который должен был возглавить Мандельбаум, последний съездил в д.Граддор (близ с.Шошка на Сысоле) «для расследования дела об убийстве товарища коммуниста-большевика Арсения Сивкова», убитого 6 сентября. «У подозреваемых

в преступлении лиц, – сообщил Мандельбаум командованию, – мной был произведен обыск, и найденная сумма... конфискована как контрибуция. Дальнейшее расследование... передано Усть-Сысольской... милиции». Снабжение сформировавшегося отряда, по сообщению Мандельбаума, «не обошлось без принятия репрессивных мер по отношению к некоторым гражданам». Так, он приказал арестовать старую владелицу бывшего имения в Човью Кузьбожеву и двух «барышен», ее родственниц, не желавших безропотно отдавать свое имущество красноармейцам.

8 сентября 1918 г. экспедиционный отряд Мандельбаума на пароходе, по иронии судьбы носившем название «Доброжелатель», покинул Усть-Сысольск. Пароход тащил за собой баржу, где находились лошади, сено и ящики с патронами. На вооружении экспедиции, кроме винтовок, имелись скорострельная 37-мм пушка «Маклин» и станковый пулемет. В этот же день на берегу Вычегды у д. Озел Мандельбаум расстрелял свои первые жертвы – трех женщин Н.П.Кузьбожеву, Н.А.Кузьбожеву и И.И.Макарьину, причем последней было всего 17 лет. Поводом для расстрела послужил отказ Кузьбожевых-владельцев имения «Човью» выдать лошадей для экспедиции. Участник событий тех лет Потапов так рассказывал об обстоятельствах расстрела Кузьбожевых: «Во время отправки Мандельбаума на Печору обратились за лошадьми к Кузьбожевым, но они отнеслись к этому, как грабительству и ответили, что не дадут ничего. некогда было разговаривать, схватили их, продержали один день в помещении горкома партии, как арестованных, несколько раз мы их спрашивали, отказываются ли они от этого или нет, но они продолжали настаивать на своем, что мы грабители, банда и т.д. После этого решили, что с ними нянчиться нечего и поручили штабу корпуса Советской охраны (имеется в виду отряд Мандельбаума – авт.) привести в исполнение решение об расстреле. Отряд выехал из Усть-Сысольска вечером на пароходе вверх по течению Вычегды...до Озел... Завтра ранним утром они были расстреляны и зарыты недалеко от берега Вычегды. Это было первое проявление красного террора в ответ на белый – убийство Володарского, покушение на Ленина и др.» Д.И.Розанов в своих воспоминаниях писал, что женщины умоляли оставить их в живых и «за великое счастье считали бы рыть окопы для красноармейцев». Но Мандельбаум был неумолим. В своем донесении в Котлас он отметил, что женщины расстреляны «за оскорбление Российской Коммунистической партии». И.П.Андрианов в одном из своих писем-воспоминаний в адрес Коми обкома КПСС утверждал, что «сама вдова Кузьбожева, ее дочь и внучка – все трое лично мной расстреляны...»

На всем пути следования вверх по Вычегде пассажиры «Доброжелателя» занимались реквизициями, конфискациями и наложением денежных контрибуций на зажиточные слои населения. 9 сентября в Корткеросе контрибуцией в сумме свыше 15 тысяч рублей была обложена семья

Казачьих, в Небдино красные наложили контрибуцию и конфисковали мануфактуру и другие товары у торговцев. В Деревянске Мандельбаум арестовал служащего Усть-Сысольского уездного продотдела Алексея Лыткина, обвиненного в контрреволюции, конфисковав предварительно у него 17 кусков мануфактуры, 5 фунтов чаю и 13 с половиной дюжин ниток. В Кужбе Мандельбаум наложил контрибуцию в размере 1500 рублей на торговца Кузнецова, «ввиду найденных у него портретов бывшей царской семьи, вывешенных на видном месте, и серебряных монет».

Вечером того же дня М.Мандельбаум прибыл в Троице-Стефановский Ульяновский монастырь. На встрече с настоятелем он потребовал, чтобы монастырь оказал помощь его отряду, «подчеркнув необыкновенно трудные условия военной экспедиции, не имевшей времени подготовить и взять с собою все необходимое для похода в далекие глухие чащобы Севера», и заявив, «что у монастыря безусловно должны быть средства». После отказа настоятеля добровольно «помочь» красным Мандельбаум приказал устроить обыск. У монахов конфисковали свыше 40 тысяч рублей, двух коров, трех лошадей, 10 пар обуви, пуд масла, хлеб, церковное вино, перины, подушки.

В ночь на 9 сентября 1918 г. в Керчомье был убит местный большевистский лидер, секретарь волостного исполкома А.П.Гичев. Мандельбаум прибыл в село 10 сентября для «принятия самых строгих мер», арестовал несколько десятков человек и лично их допросил. Во время допроса, но свидетельству участника его отряда Д.И.Розанова, «он часто пускал в ход плетку». Однако, как докладывал начальству сам Мандельбаум, «несмотря на тщательный допрос, никто не признал за собой преступления, а также не указывали точно преступника». Тогда, констатирует Д.И.Розанов, «нам ничего больше не оставалось, как прибегнуть к красному террору: из числа допрошенных было выбрано трое, поведение которых было наиболее подозрительным и которые, очевидно, стояли в оппозиции к молодой советской власти. На другой день, рано утром, их расстреляли. Казнь происходила публично, при большом стечении народа». Позднее выяснилось, что к убийству Гичева эти трое (А.С.Жикин, А.В.Самарин, М.С.Тарабукин) не имели никакого отношения. На Керчомью была наложена контрибуция в размере 30 тысяч рублей, и жителей предупредили, что в случае «повторения убийства кого-либо из товарищей-коммунистов» будет объявлен «широкий красный террор».

15 сентября «Доброжелатель» прибыл в Усть-Нем, где Мандельбауму, по его словам, «также пришлось реорганизовать состав исполнительного комитета», снять председателя и назначить другого. Получив «сигнал», что местный священник «занимается антисоветской пропагандой», называет Советскую власть «властью грабительской», Мандельбаум распорядился арестовать его. Священника В.Спаского увезли на «Доброжелателе», по дороге допросили. Он, по сообщению Мандельбаума, «подтвердил свое

выступление в церкви», но «сказал, что было только сказано в отношении местного усть-немского волостного Совета». Несмотря на то, что, по признанию Д.И.Розанова, «следствие велось с грубейшими ошибками», священника Спасского приговорили к расстрелу, «какое постановление было приведено к исполнению» «где-то возле Помоздино». 16 сентября в Пожеге и 17 сентября в Помоздино с зажиточных и с середняков также были взысканы контрибуции, которые, как докладывал М.Мандельбаум, вносились «в моем присутствии беспрекословно». В Помоздино экспедиция была вынуждена ждать, когда восстановят мост через реку Сойву (ходили слухи, что жители Троицко-Печорска разобрали его, чтобы не допустить Мандельбаума на Печору).

Поход на Усть-Цильму.

Когда, наконец, экспедиция прибыла в Троицко-Печорск, то застала там картину страшной паники. Население гнало стада скота в сторону Большой Сойвы. Ходили слухи о полном разгроме красных отрядов под Усть-Щугором и скором прибытии в верховья Печоры белых. Мандельбаум писал, что в Троицко-Печорске он встретил Э.Ф.Аппогу, набиравшего новое войско.

Мандельбаум погрузил свой отряд (численно он сильно увеличился, поскольку как на Вычегде, так и в Троицко-Печорске шла запись добровольцев и проводилась мобилизация; в отряде были, главным образом коми, что дало Мандельбауму основание называть свое войско «1-м зырянским батальоном») на пароходы «Александр» и «Аксель» и отправился вниз по Печоре, в Савинобор. Туда же прибыл и отряд Э.Ф.Аппоги.

Между красными командирами сразу начались разногласия по вопросу о старшинстве в Печорском крае. Верхняя Печора входила тогда в Чердынский уезд, и братья Аппога представляли здесь уездную власть. Но Мандельбаум заявил, что высшее руководство и на нижней, и на верхней Печоре должно принадлежать ему. Чердынцы были недовольны этим: позднее они жаловались командованию Северного фронта, что Мандельбаум препятствовал их деятельности и требовал, чтобы все указания уездных властей передавались населению верхнепечорских волостей только через него, Мандельбаума. Отношения между красными командирами сложились скверные, чему способствовал, видимо, трудный характер М.Мандельбаума (Д.И.Розанов говорил, что он был человеком несдержанным, горячим, скорым на решения).

Дело осложнилось невыполнением приказов Мандельбаума о расстреле пленного поручика Пономарева и председателя Савиноборского Совдепа, обвиненного в измене советской власти. Поручик был допрошен, избит и приговорен к расстрелу, но красноармейцы отказались почему-то выполнить приказ. Тогда Пономарева отослали в Троицко-Печорск, откуда его отправили в Вятку, где по слухам поручик записался в Красную Армию. Председателя Савиноборского Совдепа спас от расстрела Аппога (председатель был

арестован за якобы белый флаг, водруженный на крыше волисполкома). Мандельбаум вызвал Э.Ф.Аппогу на свой пароход на переговоры, где приказал разоружить чердынца и выбросить его за борт. Новому приказу Мандельбаума помешал гудок парохода «Михаил», приближавшегося к Савинобору. На борту «Михаила» размещался новый чердынский отряд в 60 штыков под командованием чердынского военрука Фрица Фрицевича Аппоги (все находящиеся под его началом красноармейцы были «голые и босые», как пишет Д.И.Розанов). Мандельбаум принес извинения Э.Ф.Аппоге и вернул оружие (По сведениям историков Е.Г.Королевой и А.А.Попова, встреча Морица Мандельбаума с отрядом Ф.Ф.Аппоги произошла не в Савиноборе, а в Усть-Усе).

21 сентября 1918 г. Мандельбаум и братья Аппоги, каждый самостоятельно, выслали в сторону Усть-Щугора разведгруппы по берегу. По возвращении разведгруппы столкнулись в лесу и, не разобравшись, вступили в перестрелку. Мандельбаум приказал открыть орудийный огонь по лесу, где слышалась стрельба. После этого инцидента совместные действия красных стали в принципе невозможными.

Не сумев договориться о единстве действий против белых, 22 сентября Мандельбаум и Аппога решили двигаться вниз по Печоре независимо друг от друга. Трудно сказать, к чему привела бы эта «независимость», если бы белые решили дать им отпор, но красным повезло. По дороге красные занимались открытым грабежом печорских селений, особенно в этом усердствовали чердынцы. В Усть-Усе был захвачен пустой пароход «Алексей» и расстреляны два белогвардейца из отряда прапорщика Е.А.Попова. Мандельбаум отправил через тайгу отряд М.И.Демина в Краснобор захватить телеграф и перерезать связь Усть-Цильмы с Ижмой.

В Усть-Усе красноармейцы из отрядов братьев Аппога занялись грабежом местного населения. У торговки И.Г.Рочевой конфисковали 15 пудов масла, три ящика спичек, 60 пудов рыбы, пять брюк, три пары валенок, три женские рубашки, три женские шубы, три одеяла и т.д. У А.И.Фирсовой из той же Усть-Усы красноармейцы забрали малицу, шелковый сарафан, катушку ниток и пять ложек. У Д.А.Дьячковой увели со двора корову, забрали три пары пим, валенки, две сатиновые женские рубашки, шесть пар нижнего белья, золотое кольцо, три шелковых платка, два ремня и т.д. (Позднее, осенью 1919 г., ограбленные отрядом братьев Аппога усть-усинцы обратились с жалобами в Усть-Цилемскую цездную Земскую управу, и белые выделили Усть-Усе денежную компенсацию).

Комиссар М.Т.Трубачев, имевший дело с Мандельбаумом в 1919 г. писал, что он «военным не бывал и не имел никакого правильного понятия о военных действиях». Мнения о Мандельбауме среди рядовых красноармейцев, воевавших вместе с ним, расходятся. Т.Е.Игнатов из Помоздино вспоминал: «На мой взгляд, взгляд рядового солдата, Мандельбаум был бездарным человеком и большим трусом. Личный состав его очень не уважал, не говоря

уже о местных ижемцах. Метод разговора – плеть и угроза расстрелом. Из трусости носил с собой два нагана, три бомбы. Из-за своей грубости он даже своих бойцов боялся». А вот красноармеец К.А.Хозяинов, наоборот, высоко ставил своего командира: «Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев перед своими бойцами». Его характеризовали также «боевым», «смелым, в бою очень храбрым» человеком, который «мог сам идти вперед и бойцов за собой вести в атаку», порой с «бесшабашной удалью».

А.Г.Колпаков в письме коми ученому и писателю П.Г.Доронину так описывал действия Мандельбаума на Печоре: «О себе говорил: мы, западноевропейцы. Этот «западноевропейец», подплывая на своем пароходе с баржей к селу на Печоре (когда ехал по ней в первый раз) сперва обстреливал из пушки село, а потом уже высаживался на берег. Будучи профаном в военных делах, он не догадывался сперва отправлять разведку, а для страха просто стрелял по селу, рассуждая, что снаряд сам должен найти кулаков и отличить их от бедняков, а ему – Мандельбауму до этого дела нет, так как все «русские – свиньи»...».

На подходе к Усть-Цильме красным удалось захватить пароход «Урал». 27 сентября 1918 г. экспедиция красных подошла к уездному центру Печорского уезда. Братья Аппоги высадили десант в 80 штыков, конную разведку и атаковали Усть-Цильму по суше. В верхней части села, где размещался штаб дружины самообороны вспыхнул короткий бой. Красноармейцы закидали штаб ручными гранатами. Шесть белых дружинников было убито. Одновременно Мандельбаум высадил свои отряды и приказал открыть по селу артиллерийский огонь, намереваясь «стереть его с лица земли», как написано в донесении агента белых в Архангельск, но в последний момент огонь не был открыт.

«27 сентября утром, – докладывал Мандельбаум, – нами была занята Усть-Цильма без малейшего сопротивления, каковое явление произошло по причине отсутствия белогвардейских банд». Начались аресты, расстрелы, конфискации. На месте расстреляли хозяина дома, где размещался штаб белой дружины самообороны. Народный судья Г.Филиппов по приказу братьев Аппоги был пропущен «сквозь строй» – на протяжении 250 сажень судью провели между двумя шеренгами красноармейцев с нагайками в руках. Под конец пути Филиппов свалился. Аппоги хотели растоптать его лошадьми, но животные не пошли на человека. Тогда судью добились выстрелами из револьверов. В числе арестованных оказались правительственный комиссар уезда Г.Козлов, председатель продовольственного комитета В.М.Воробьев, священник Ифаил Суровцев, инспектор народных училищ Долинов, казначей Семиряков, подпрапорщик Красиков и несколько крестьян. Козлов был сразу расстрелян, остальных казнили чуть позже (часть в Усть-Щугоре, часть в Покче, причем Красикову удалось выжить).

В «Архиве русской революции» сохранилось свидетельство о преступном разбое Мандельбаума: «Отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору.

Окружив какое-нибудь белое селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще «пригодятся» для красных. Можно себе представить, какой характер после этого принимала взаимная борьба, принимая во внимание невысокий культурный уровень населения, большую часть которого составляли полудикие зыряне». У автора этого свидетельства все близкие были убиты красными, а его самого пытали «грудь его была в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода».

У усть-цилемских купцов Семяшкина, Чупровых, Дуркина и других конфисковали все ценности. Мандельбаум, кроме того, захватил казну уездного казначейства (полмиллиона рублей), снял телеграфные и телефонные аппараты. При дележе трофеев Мандельбаум заявил, что действия чердынских отрядов вне пределов Чердынского уезда неправомерны, следовательно, братья Аппоги не получают ничего. Чердынцы отплыли в Усть-Щугор, по дороге обстреляв отряд М.И.Демина у Краснобора. Вслед за ними покинул Усть-Цильму и Мандельбаум, даже не позаботившись о восстановлении советской власти!

Вообще отношения Мандельбаума с советской администрацией за все время пребывания его в Коми крае были сложными. По всей видимости, этот человек не считался ни с какой властью, кроме собственной. Так, в Кужбе Мандельбаум, недовольный деятельностью председателя местного исполкома, мобилизовал его в свой отряд «в качестве конюха». В январе 1919 г. Мандельбаум чуть не взорвал усть-куломский волисполком, обвинив его в саботаже (задерживалась подача подвод для его отряда).

Ничем не отличались от своего командира и его помощники. Например, в начале октября 1918 г. посланный Мандельбаумом в Савинобор В.Е.Исаков разбирал там жалобы крестьян на действия комбеда. Активный член комбеда Алексей (фамилия не сохранилась), бывший политссыльный, пытавшийся что-то сказать в свое оправдание, был убит. В Троицко-Печорске зажиточная часть населения, обиженная советской властью, обратилась к Мандельбауму с просьбой разобраться с незаконными, по их мнению, действиями местного совдепа. Мандельбаум отправил в Троицко-Печорск В.Е.Исакова. Последний созвал крестьянский сход, на глазах которого избил плеткой председателя совета Г.Е.Бажукова и его помощника А.П.Пыстина. Бажуков и Пыстин пожаловались в Усть-Сысольск на непонятные действия Исакова и Мандельбаума, но их письмо было перехвачено и доставлено Мандельбауму в Усть-Щугор. В.Е.Исаков вновь побывал в Троицко-Печорске, снова собрал сход и предложил расстрелять Пыстина, как автора «клеветы» на Мандельбаума. В последний момент за Пыстина вступился А.М.Черемных. Тогда Исаков распустил именем Мандельбаума Троицко-Печорский совдеп,

арестовал Бажукова и Пыстина и увез их с собой в Усть-Щугор, где размещалась тюрьма красных (в ней в конце 1918 – начале 1919 гг. находилось 36 арестантов).

«Положение нельзя желать лучше».

Выехав из Усть-Цильмы, Мандельбаум захватил на реке Ижме пароход «Межень», после чего направился в Усть-Щугор, намереваясь разобраться с братьями Аппога. В Котлас было отправлено донесение, что «...чердынский отряд... оставил у населения впечатление, как будто красноармейцы только и умеют делать, что забирают все, что ни попало». Его сообщение было правдиво, вот только Мандельбаум не стал говорить, что местные жители не видели особенной разницы в действиях отрядов Аппога и его собственного. Уроженец Щугора А.М.Мартюшев, находившийся к то время на верхней Печоре, позднее писал, что «начавшуюся там вакханалию Мандельбаума и другого такого... командира Аппоги» он «никак не мог переваривать ни в душе, ни в мыслях. Поэтому решил выбраться из Печоры куда глаза глядят». Примеру Мартюшева рады были бы последовать и многие другие жители печорских селений...

«Так как Печорский уезд сравнительно богат, жители... к большевизму относятся отрицательно», – отмечалось в белогвардейских документах. Чувствовал это и Мандельбаум, занявший по отношению к печорскому крестьянству очень жесткую позицию. «Производя реквизиции и конфискации у кулацкого элемента», он «терроризировал и среднее крестьянство»; среди расстрелянных им людей «были и невинные»: неудивительно, что «жестокость и неправильный подход к населению вооружили против него последнее», – говорится в статье А.А.Цембера, написанной в 1920-х годах на основе воспоминаний участников экспедиции Мандельбаума.

Мандельбаум высадился в Усть-Щугоре, где под угрозой применения артиллерии заставил чердынский отряд разоружиться. Оставшись единственным красным командиром на Печоре, Мандельбаум 5 октября 1918 г. с удовлетворением сообщил в Усть-Сысольск: «Наше положение на реке Печоре нельзя желать лучше. Нами заняты главные стратегические пункты Белогвардейские банды разоружаются и уничтожаются». Из штаба А.И.Геккера подоспела депеша с требованием доставить в Котлас Э.Ф.Аппогу. Безоружные чердынские красноармейцы под началом Ф.Ф.Аппоги были посажены на пароход и отправлены домой. Мандельбаум вместе с арестованными Э.Ф.Аппогой и Дубровским (Эйхвальдом), помощником Аппоги, выехал в Котлас. Командиром печорского экспедиционного отряда был оставлен Н.Н.Суворов.

11 октября 1918 г. Усть-Сысольск информировал северо-двинского губвоенкомиссара Г.С.Дудникова об итогах печорской экспедиции: «Белогвардейские отряды рассеяны. Нами взят паровой катер, 2 парохода,

50 винтовок, 30 револьверов. Руководитель белогвардейцев полковник Естифеев бежал... Печорский отряд состоит частью из Усть-Сысольского [отряда] Красной Армии, коммунистов, дружинников, частью из латышей.

В Троицко-Печорске Мандельбаум разоружил еще один небольшой чердынский отряд под командованием председателя Чердынского уездного Совдепа М.М.Барабанова. По свидетельству В.П.Кунгина, разоружаемые чердынские красноармейцы даже поначалу обрадовались, думая, что попали в плен к белым (!). Мандельбаум захватил у чердынцев много награбленного у печорских крестьян имущества, в том числе золото и серебро. Часть вещей чердынцы утопили в реке, не желая, чтобы оно досталось команде Мандельбаума.

В Троицко-Печорске Мандельбаум оставил Дубровского, а сам двинулся далее в Котлас. За время его отсутствия чердынцы привезли на Печору артиллерию, а Дубровский написал в Вологду, где размещался штаб VI Красной Армии, гневное письмо: «Дальнейшие действия с Мандельбаумом невозможны, как с человеком, у которого не все дома». Дубровский сообщал о незаконных арестах, произведенных Мандельбаумом, об изъятии последним продовольственных грузов экспедиции «Уралснабжение» и добавлял, что «... необходимо принять срочные меры об освобождении их-под ареста Аппоги П (Э.Ф.Аппоги – авт.), которому вполне грозит опасность жизни... Необходимо срочно командировать на Печору командующего для уложения конфликта, ибо чердынский отряд, оставшись без ответственного руководителя, имея на руках артиллерию..., может при приближении мандельбаумовского отряда к Троицко-Печорскому... произвести обстрел, погубив пароходы».

В Котласе, несмотря на жалобы Аппога, Мандельбаума встретили как «героя Печорской экспедиции». Командующий Котласским районом А.И.Геккер дал о нем самые лестные отзывы члену Реввоенсовета Северного фронта Е.М.Пятницкому. Из Котласа Мандельбаума и Э.Ф.Аппогу отправили в Вологду к командованию 6-й армией, где после долгих разбирательств Аппога был освобожден. Где он воевал потом, неизвестно. В начале 1930-х гг. Э.Ф.Аппога входил в состав Реввоенсовета СССР. Его брат Ф.Ф.Аппога погиб во время антибольшевистского мятежа в коми-пермяцком селе Юрла в январе 1919 г.

Мандельбаум из Вологды поехал в Ярославль, в штаб Северного фронта, где получил рекомендательное письмо в Реввоенсовет Республики и отбыл в Москву. В столице он еще раз встретился с Е.М.Пятницким, и эта встреча произвела на последнего неблагоприятное впечатление. Чуть позднее, вспоминая об этом, Пятницкий говорил: «Мне кажется, Мандельбаум или фанатик, или же беспардонный и бессердечный мошенник». Однако в Реввоенсовете Республики фанатизм Мандельбаума (подлинный или мнимый) пришлось, видимо, по душе: «герой Печорской экспедиции» добился полной поддержки своих действий чуть ли не со стороны самого председателя РВСР

Л.Д.Троцкого (А.Г.Колпаков писал, что Мандельбаум был лично знаком с Троцким); по словам Е.М.Пятницкого, «Мандельбаум получил несколько сот тысяч рублей, ему была обещана вся необходимая для ведения боевых действий на Печоре помощь живой силой и техникой». Обласканный на таком высоком уровне, он вернулся в Печорский край.

Второе пришествие красных.

Тем временем состоялось второе пришествие красных в Усть-Цильму. 11 октября 1918 г. временно исполняющий обязанности командира отрядов Печорского района Н.Н.Суворов издал директиву: «Селения Усть-Цильма, Усть-Уса, Усть-Щугор, Троицко-Печорское объявляются на осадном положении. Воспрепятствуются всякого рода собрания, митинги. Гуляния на улицах должны прекращаться в 6 часов вечера. В случае неповиновения, виновных немедленно арестовывать».

В этот же день И.П.Андрианов выехал в Усть-Цильму на пароходе «Михаил» с отрядом в 30 человек, имея при себе пушку и два пулемета. На всем пути следования красные беспощадно проводили реквизиции продовольствия и ценных товаров у населения, облагали волости крупными денежными контрибуциями. Так, на Галово была наложена контрибуция в размере 500 тысяч рублей, которую жители должны были выплатить к 15 ноября, в противном случае село ожидала суровая кара. Здесь же в Галово Андрианов конфисковал полторы тысячи замшевых шкур. Подобное творилось в других печорских селениях. Нетрудно предположить, как местное население стало относиться после этого к красным. Однако в своем донесении в Усть-Сысольск от 22 октября 1918 г. И.П.Андрианов писал, что «... по пути нашего следования население дружелюбно нас встречало и просило достать им хлеба, ибо жители на Печоре абсолютно голодают».

Белый Архангельск тем временем отправил в Усть-Цильму баржу с продовольствием и товарами (8 тысяч пудов канадской муки, 7230 пудов овса, 164 пуда кожи, 198 мешков конопли и 133 бочки керосина). Одновременно с низовьев Печоры пришел в Усть-Цильму пароход «Артельный», на борту которого находилось около 300 больных «испанкой». Белые привезли телеграфный аппарат Морзе и собирались проложить связь между Усть-Цильмой и морской печорской пристанью.

Андрианов тем временем восстановил советскую власть в Мохче и Ижме, а затем двинулся в Усть-Цильму. По пути он встретил пароход «Артельный», везущий больных «испанкой» в ижемскую больницу, лучшую на Печоре. Красные обстреляли «Артельный» и заставили его шкипера повернуть пароход обратно в Усть-Цильму.

В ночь на 13 октября 1918 г. Усть-Цильма была разбужена грохотом выстрелов – на берег высаживался отряд Андрианова, стреляя в воздух. Красные подняли всех на ноги и заставили перевозить больных «испанкой»

в местную больницу. Но последняя располагала всего шестью койками и не была рассчитана на такое огромное количество больных. Тогда заняли помещение чайной-читальни. Как пишет агент белых в Архангельск, «паника в населении была огромная... Доктор и два фельдшера работали не покладая рук, но за отсутствием медикаментов и рабочих рук для ухода не могли оказать большой помощи. К утру было 8 умерших...»

Вечером 13 октября (по другой версии, утром 14 октября) красные созвали на берегу Печоры крестьянский сход, на котором и была восстановлена советская власть в Усть-Цильме. В Усть-Цилемский Совдеп избрали семь человек, из которых пять были большевиками. Попал в Совет и один эсер, бывший полицейский провокатор С.М.Шиманский.

Андрианов сделал попытку пробиться в условиях шуги в низовья Печоры, чтобы забрать оружие белых с морской пристани, но был вынужден повернуть обратно. Возвращаясь в Усть-Щугор, красные мобилизовали в свой отряд усть-цилемского доктора Кирилловича. Врача заставили оставить больных под угрозой расстрела.

Покидая Усть-Цильму, красные забрали с собой баржу с архангельским продовольствием и товарами. В донесении в Усть-Сысольск Андрианов писал, что «... по пути следования снабжал население захваченным хлебом, керосином, порохом, кожей. Население Печоры на месяц обеспечено хлебом. Голодная опасность для населения Печоры миновала, а зимним путем овладеем ляпинским хлебом, который будет мною взят».

В начале ноября 1918 г. в Усть-Цильме открылся уездный съезд Советов, на котором был выбран большевистский уездисполком под председательством В.Ф.Батманова. Уездным военным комиссаром назначили А.Н.Терентьева, командиром отряда красногвардейцев – П.Ф.Артеева. Съезд проходил в мрачных условиях – в Усть-Цильме свирепствовала эпидемия «испанки». Е.Г.Королева и А.А.Попов писали: «Делегатам, собравшимся в начале ноября на уездный съезд Советов... самим приходилось убирать трупы ежедневно умиравших десятков жителей. Лишь в середине ноября эпидемия начала постепенно затихать и съезд смог закончить работу».

За ляпинским хлебом.

В ноябре 1918 года фортуна улыбнулась красным: им удалось захватить богатые запасы хлеба в Ляпино (Саранпауле). История ляпинского хлеба такова. В мае-июле 1918 г. Северная продовольственная управа через Москву вела переговоры с Сибирским Временным правительством о закупке 500 тысяч пудов хлеба для Русского Севера (в том числе, Печорского края). Сибирские белогвардейцы продали Советской России хлеб в обмен на промтовары. Для доставки хлеба из Архангельска в Сибирь были командированы Г.Г.Мартынов и Кудрявцев. В августе 1918 г. хлебный караван из 12 барж, буксируемый четырьмя пароходами, направился по реке Обь к

устью, чтобы далее морем следовать в Архангельск. Из Березова часть хлеба (около 250 тысяч пудов была отправлена в Ляпино, откуда планировалось транспортировать его далее на Печору). После начала Гражданской войны ляпинский хлеб стал главной целью как белых, так и красных в Коми крае.

1 октября 1918 г. продотдел Архангельской губернской Земской управы информировал штаб фронта о положении с хлебом на Печоре: «Продотдел... отправил в Печорский край 30 тысяч пудов муки. На этих днях будет отправлено еще 30 тысяч пудов... Получено продотделом из Сибири 200 тысяч пудов... На пути продвижения хлеба в селе Щугор находятся красноармейцы, продвигающиеся к с. Усть-Цильме с целью захватить весь хлеб в свои руки и воспрепятствовать его распределению... вторично обращаемся к вам с просьбой об оказании... содействия против действий красноармейцев... правильной доставки на места хлеба».

В Ляпино агенты продотдела Архангельской губземуправы Терентьев, Бушенин и Кличман совместно с купцом 1 гильдии Алексеевым организовали дружину для несения караулов хлебных запасов (кстати, кроме хлеба, в Ляпино находились большие партии рыбы, масла и мяса). С большой неохотой ляпинские власти отпускали хлеб на Печору, где установилась советская власть. Нередко печорские обозники пускались на хитрости, чтобы получить хлеб. Так, например, обоз из Петруни имел при себе документы на получение хлеба с печатями как волисполкома, так и земской управы. Прибыв в Ляпино и оценив ситуацию, петруньцы, конечно же, предъявили печати с земскими штампами.

В Ляпино вели две дороги: Сибиряковский тракт от Усть-Щугора длиной 184 версты и заброшенный волок Аранец-Ляпино длиной 256 верст. Красные для захвата Ляпино выбрали заброшенный волок. Подготовка ляпинской экспедиции велась в строгой тайне. Планировалось захватить Ляпино врасплох. Командиром экспедиции был назначен И.П. Андрианов. Отряд насчитывал 123 человека, имел на вооружении, кроме винтовок, скорострельную пушку и три станковых пулемета (пулеметной командой руководил венгр Иштван-Шандор Челле). Агитатором (или комиссаром – авт.) отряда ехал П. Давыдов, взводами красноармейцев командовали И.М. Зарубин, В.Е. Исаков, Сорвачев и Симаков. В Аранце в отряд был мобилизован под угрозой расстрела проводник Канев, который и повел красных в Ляпино. 19 ноября 1918 г. Андрианов двинулся к Уральским горам.

Шли восемь дней, спали прямо в снегу, костры не разжигали, опасаясь, что заметят дымы. Однако, все предосторожности красных оказались напрасными. Усть-щугорский крестьянин по прозвищу «Матрос Мить» по Сибиряковскому тракту добрался до Ляпино раньше и предупредил там всех о приходе советского отряда (впоследствии «Матрос Мить» был пойман красными и расстрелян). Ляпинская дружина устроила в Щекурье небольшой деревушке недалеко от Ляпино – засаду в 42 человека.

На подходе красных к Щекурью проводник Канев бежал. Красноармейцы стреляли по нему, но не попали. И.П.Андрианов со взводом В.Е.Исакова поскакал в разведку в Щекурью, где и попал под огонь засады. Андрианов и Исаков получили тяжелые ранения. Командование экспедицией красных принял на себя Иван Михайлович Зарубин, бывший унтер-офицер легендарного лейб-гвардии Преображенского полка. По Щекурью открыли артиллерийско-пулеметный огонь. Белые в беспорядке отступили.

Газета «Зырянская жизнь» в номере от 4 декабря 1918 г. писала о захвате Щекурьи: «Наши части заняли Щекурьинское, что в пяти верстах от Ляпина. При занятии ранены 6 товарищей, в том числе командир усть-сысольского коммунистического отряда тов. Андрианов и его помощник Исаков. Убито 6 лошадей».

27 ноября 1918 г. красные вошли в Ляпино. В селе почти никого не было – все население, включая женщин и детей, бежало в леса. И.М.Зарубин приказал превратить Ляпино в укрепрайон. Красноармейцы начали рыть окопы, рубить деревья вокруг села в зоне ружейного обстрела, укреплять позиции мешками с песком. В Щекурью Зарубин поставил заставу в 15 штыков.

2 декабря Ляпино посетил с инспекцией Н.Н.Суворов. Он оставил Зарубину небольшое пополнение – 30 человек и по возвращению в Усть-Щугор велел начать вывоз хлеба. Вскоре за Урал потянулись обозы за хлебом. Для контроля вывоза Усть-Сысольск отправил в Усть-Щугор уездного комиссара продовольствия М.М.Фролова. Хлеб вывозился сначала в Усть-Щугор, а потом в Троицко-Печорск, откуда планировалась дальнейшая переброска его на Вычегду (45% хлеба намечалось для нужд VI Красной Армии). Вывозка проходила в очень трудных условиях, особенно не хватало сена для лошадей (овес местные лошади не ели), приходилось кормить животных даже их собственными экскрементами, подсушив их на кострах.

Всего красные вывезли из Ляпино 1976 пудов муки-сеянки, 6549 пудов овса и 3750 пудов пшеницы – 12275 пудов. Голодная Печора не получила почти ничего. Мориц Мандельбаум заявил, что «Печора слишком контрреволюционна», чтобы есть хлеб (Ижме и Усть-Ухте все же было отпущено по 700 и 300 пудов хлеба).

«Батюшки-офицеры приехали!»

В середине ноября 1918 г. усть-цилемский уездисполком отправил в низовья Печоры красногвардейский отряд П.Ф.Артеева с целью захвата оружия белогвардейцев, находящегося на морской пристани. В Усть-Цильме осталось 18 красногвардейцев для охраны уездисполкома. С целью несения патрульной службы на Койнасском тракте, связывающем Печору с Мезенью, у деревушки Мыла была организована красногвардейская застава из 5 человек – это и без того расплыло небольшой отряд красных в Усть-Цильме. Основные советские силы стояли в Усть-Щугоре. Этим обстоятельством

решили воспользоваться зажиточные слои усть-цилемского общества. Они послали в Усть-Вашку (Лешуконское), где размещалась ставка командующего Мезенским районом Северного фронта белых полковника Д.Д.Шапошникова, ходока (это был, по некоторым данным, подпрапорщик Красиков) с просьбой помочь в деле свержения советской власти на Печоре. Полковник выделил для этого отряд под командованием штабс-капитана Г.П.Алашева в 40 штыков. В конце ноября 1918 г. белые выступили из Усть-Вашки на Усть-Цильму.

В 60 км от Усть-Цильмы отряд Алашева напоролся на заставу красных под Мылой. Красногвардеец Василий Дуркин метким выстрелом убил подпоручика Д.А.Рябова и ранил еще одного офицера. Белогвардейцы закололи Дуркина штыками.

30 ноября 1918 г. отряд Г.П.Алашева атаковал Усть-Цильму. Вот как описывает события того дня очевидец: «Около 10 часов утра вблизи старообрядческой церкви раздались выстрелы, произведшие на крестьян суматоху... Немного погодя послышались выстрелы и в верхнем конце села. Паника усилилась. На улицах появилась цепь вооруженных винтовками мужиков в малицах и совиках и тужурках, беспорядочно стрелявших... Перед белыми на коленях стоял мужик лет 40, крестился на церковь и кричал: «Слава богу, власть законная долгожданная приехала, батюшки-офицеры приехали!» Появилось несколько золотопогонников. Один из них направился к арестному дому, другой - к почте. Остальные пошли с несколькими усть-цилемами ловить большевиков. Настроение большинства усть-цилемов было торжествующее. На убитых и раненых смотрели с нескрываемым злорадством, оказывая белым помощь в розысках большевиков с криками «Теперь власть наша, а не ваша!». Во время этого переворота были убиты... Батманов и около 20 человек милиционеров и красногвардейцев».

После получения донесения Г.П.Алашева о взятии Усть-Цильмы полковник Шапошников информировал Архангельск: «В субботу тридцатого Усть-Цильма на Печоре взята нами. Часть Красной Армии разбежалась, остальные убиты. Убит председатель Усть-Цилемского Совдепа Батманов. С нашей стороны убит подпоручик (второй лейтенант) Рябов. В низовьях Печоры в Хабаровке остался отряд красноармейцев, подлежащий ликвидации. Административные должности временно займут офицеры». Позднее командующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант В.В.Марушевский в своих мемуарах оценил операцию по захвату Усть-Цильмы, как «блестящую».

Красногвардейский отряд П.Ф.Артеева, находящийся в конце ноября 1918 г. в низовьях Печоры, был окружен в селении Великовисочная местной добровольческой дружиной Я.Я.Тиранова и В.А.Дуркина (по другим источникам, дружиной командовал унтер-офицер Михеев). Есть также версия, что красных окружили в районе Росвинской волости, где они незадолго до этого разогнали земство и провели обыски у зажиточных крестьян. Дружинников было больше двух сотен, красногвардейцев же всего 22

человека. Несмотря на это, Артеев принял неравный бой. После перестрелки стороны вступили в переговоры и решили разойтись. Артееву обещали беспрепятственный уход в Усть-Цильму.

Однако спустя несколько дней дружина начала преследовать красногвардейцев. В Ермице вновь вспыхнула перестрелка, один красногвардеец был убит. П.Ф.Артеев организовал арьергард из семи человек, которым были переданы почти все оставшиеся у красных патроны. Эта группа прикрытия сдерживала погоню белых дружинников в районе Марицы и Нового Бора, потеряв одного красногвардейца убитым. После боя, в котором красные расстреляли весь свой боезапас и попали в плен, оставшихся в живых шесть красногвардейцев расстреляли. В районе Среднего и Верхнего Бугаево произошло последнее столкновение. Отряд красных был уничтожен, четверых красногвардейцев расстреляли (в том числе самого Артеева).

Есть и другая версия гибели П.Ф.Артеева. Она была опубликована в газете «Красный Балтийский флот» (Артеев был бывший балтийский матрос) в номере от 17 февраля 1920 г.: «Ровно год, как не стало товарища Артеева, этого стойкого бойца за идеалы коммунизма... После занятия Архангельска англичанами местная белая свора подняла голову и стала искать случая пожрать неустанных бойцов-коммунистов. Однажды, когда тов.Артеев с 20 вооруженными коммунистами задумал захватить три ящика винтовок у белых, товарищи были окружены превосходящими их во много раз силами – двумястами богатых оленеводов. Товарищи не струсил и принял бой. Они отстреливались до последнего заряда, а затем вступили врукопашную. Герои-коммунисты погибли все, как один. Товарищ Артеев остался жив, но, не желая попасть в плен, застрелился». Несколько красногвардейцев из отряда Артеева сумели убежать в Хабариху, где их арестовали в середине декабря 1918 г. и вывезли в Усть-Цильму, а оттуда – в Архангельск.

Печорским уездным правительственным комиссаром был назначен есаул Н.П.Ушаков, комендантом – штабс-капитан Глазов. Временный Земский комитет возглавил Г.Г.Недашковский. 1 декабря 1918 г. началась запись добровольцев и мобилизация в ряды Народной Армии Печорского уезда (так первоначально назывался отдельный печорский батальон Г.П.Алашева). Как и везде, запись добровольцев и мобилизация начались с офицерства. Каждый печорский офицер царской армии, вступая в ряды белых давал расписку: «В бытность в Совдепии не производил действий, порочащих честь и доброе имя русского офицера». В Народную Армию Печорского уезда вступили штабс-капитан Новиков, подпоручики Хозяинов, Рочев, Иванов, Пономарев (брат попавшего в плен к красным поручика Пономарева), Семушин, прапорщик Терентьев и др. Общее количество рядовых стрелков в отряде Алашева к середине декабря 1918 г. насчитывало около 160 штыков. В Народную Армию входили и несколько белых партизан-одиночек, прозванных «охотниками за черепами». В «Архиве русской революции» сохранилось

свидетельство, что один такой охотник за время войны уничтожил около 60 красных солдат, ставя на них капканы, как на зверя, и стреляя из засад.

Народная Армия Печорского уезда содержалась на крестьянские деньги, для этого был введен особый военный налог. В фондах ЦГА Республики Коми сохранилась приходно-расходная книга по сбору военного налога на содержание Народной Армии по Печорскому уезду, начатая 1 декабря 1918 г. Финансирование осуществлялось и из Архангельска. Так, 24 января 1919 г. член усть-цилемского комитета безопасности Н.И.Попов просил Архангельск срочно прислать выделенные для Народной Армии Печорского уезда деньги в размере 18400 рублей.

6-7 декабря 1918 г. штабс-капитан Г.П.Алашев начал продвижение по Печоре и Ижме. Были заняты Краснобор, Няшабож, Кычкара (Брыкаланск), Диюр, Ижма, Мохча, Бакур, Сизябск. Красногвардейцы и совслужащие бежали в Усть-Кожву и Аранец под защиту красноармейских отрядов Н.Н.Суворова. В Мохче отряд подпоручика Хозяинова арестовал было весь состав местного Совета, не успевший эвакуироваться, но затем отпустил всех совслужащих и большевиков «под надзор».

В своем рапорте в Архангельск о положении отряда Г.П.Алашева в Печорском уезде от 15 декабря 1918 г. полковник Д.Д.Шапошников писал: «Доношу, что в настоящее время на весь Печорский уезд работает лишь один отряд, посланный мною под командой штабс-капитана Алашева и подпоручика Мельникова. Отряд состоит из 160 штыков без пулеметов. Несомненно, этого отряда мало для постоянного ядра в Усть-Цильме и самостоятельных вооруженных групп на протяжении от Усть-Цильмы до Пустозерска и от Усть-Цильмы вверх по Ижме до с. Ижемского и дальше... Так как Печорский уезд сравнительно богат, жители, несомненно, к большевизму относятся отрицательно, но боязнь за завтрашний день многих удерживает от активного участия в работе по очистке края от большевиков. Такая же неуверенность замечается между добровольцами и между призывниками. Немного и нужно, чтобы [они] были бодры духом и уверенно смотрели в ближайшее будущее».

Полковник предложил командованию план наступления на красных вверх по Печоре с целью овладения Ляпино: «С занятием Печоры невольно возник вопрос о дальнейшем [снабжении] продовольствием уезда. По поступившим ко мне сведениям еще до занятия Печорского уезда, а теперь с несомненностью подтвердившимся, видимо, что жители всего уезда, как один человек, заинтересованы в судьбе зерна, своевременно закупленного ими в Сибири. 200 тыс. пуд. хлеба и 30 тыс. пуд. овса лежит в Ляпино (за Уралом на восток от Усть-Цильмы, в верховьях р. Сосьвы). Зимний тракт на Ляпино лежит через дер. Щугорскую (по Печоре) и дальше через Урал. Советская власть, дабы сохранить за собой это зерно и не допустить вывоз его на Печору, держит на пути в Ляпино (т. е. в Усть-Щугорске) отряд 200-250 штыков, 4

пулемета и 2 полевых легких орудия... Стараясь не переходить границ моей компетенции, позволяю себе, однако, высказать свой взгляд по поводу изложенного. Поход на Ляпино имеет двоякую, на мой взгляд, заманчивую цель – возвращение зерна собственникам, т.е. Печорскому уезду, что слагает с правительства сложную и необходимую работу по доставке уезду хлеба из Архангельска. От Усть-Цильмы до Ляпино значительно ближе, нежели до Архангельска и, кроме того, установить связь с Сибирью по Оби через Тобольск, откуда, я полагаю, мы можем получить боевую поддержку».

Шапошников просил командование выделить ему для успешного наступления вверх по Печоре и на Ляпино «ядро в 60-80 чел. сравнительно дисциплинированных, обученных солдат при 6 офицерах, 300 винтовок, 6 пулеметов при 3 офицерах и с прислугой 2 орудия». План наступления Шапошникова был одобрен штабом Северного фронта белых.

Однако в середине декабря 1918 г. красные сами нанесли контрудар по противнику на Печоре и Ижме...

Бои за Ижму.

Известие о взятии белыми Усть-Цильмы достигло Усть-Сысольска как раз в тот момент, когда в городе находился возвращавшийся на Печору Мориц Мандельбаум. Последний тотчас выехал в Троицко-Печорск, по дороге формируя краснопартизанские и красноармейские отряды. Из Помоздино по направлению к Ижме через Извайль, Усть-Ухту и Кедвавом Мандельбаум направил отряд в 60 человек под начальством В.В.Завьялова.

Тем временем красные в Усть-Кожве и Аранце, сгруппировав силы, 18 декабря 1918 г. начали контрнаступление на белых. Была отбита попытка неприятеля взять Усть-Усу. Отряд в 120 штыков при скорострельном орудии и с двумя пулеметами под командованием А.М.Черемных выступил на Ижму по лесной тайболе. Одновременно вниз по Печоре ушел отряд С.М.Ногиева из 68 человек (по другим данным, этот отряд количеством в 56 штыков возглавлял П.М.Терентьев, а С.М.Ногиев командовал пулеметной командой отряда из 12 человек). Отряд Терентьева – Ногиева с боем захватил Щельябож, окружив село и подвергнув его обстрелу. Белогвардейский гарнизон из 100 стрелков бежал, 12 человек попали к красным в плен. Известно, что по крайней мере, один из захваченных белогвардейцев (Канев, прибывший домой лечиться) был расстрелян.

В Кычкар (Брыкаланск) стали стягиваться беженцы с занимаемой красными территории. Красный партизан Е.П.Сметанин в своих воспоминаниях рассказывал о беженцах, распускавших в Брыкаланске слухи, что «отряд Ногиева грабит, убивает и всякие прочие нелепости». В Брыкаланске стоял отряд белых под начальством некоего «Яран Яка». 22 декабря 1918 г. красные атаковали Кычкар (Брыкаланск). Конная разведка красных сходу проникла в центр села и ворвалась в штаб белых. Среди

последних началась паника, и они спешно оставили село, отступив до Няшабожа.

Тем временем А.М.Черемных подошел к Ижме и выслал в село разведку из пяти человек. Разведка напоролась на заставу белых, один из разведчиков был убит. Тогда красные атаковали заставу, вынудив белых отойти в Ижму, потеряв двоих убитыми. обороной Ижмы командовал фельдфебель А.А.Терентьев. Он сосредоточил свои силы у ижемской церкви и при появлении красноармейских цепей командовал: «Рота, по оборванцам, пли!». Красные в свою очередь открыли по Ижме артиллерийский огонь, целясь прежде всего по колокольне (они думали, что там устроено пулеметное гнездо, в то время как у белых пулемета не было). В течение трех часов шла перестрелка, после чего А.А.Терентьев приказал отступить из села (по другой версии, бой за Ижму шел 14 часов).

Отступая, белые забрали с собой всех заключенных ижемской тюрьмы (16 человек, 15 из них потом отправили в Мудьюгский концлагерь). По рассказам очевидцев, «желающих уйти с белыми, несмотря на раннее утро, оказалось много». Одновременно с ижемцами эвакуировались «интеллигенция, учителя из Сизябска. Главная улица Сизябска была запружена подводами... Учительство района ушло под благовидным предлогом учительского съезда в Усть-Цильме». Утром 25 декабря 1918 г. красные вошли в Ижму. 28 декабря сюда подошел отряд В.В.Завьялова – объединенные советские силы стали насчитывать около 200 человек.

Белые решили незамедлительно вернуть Ижму. 29 декабря село было окружено многочисленными отрядами белогвардейцев общей численностью до полтысячи человек (по другим источникам, около 300). Отрядами командовали подпоручик Василий Хозяинов (на фронтах I Мировой войны он был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней за храбрость), штабс-капитан Новиков и подпоручик Рочев. Хозяинов являлся старшим офицером.

Вечером 29 декабря в Ижму по тайболе Усть-Кожва – Ижма прибыл Мориц Мандельбаум с небольшим отрядом. С собой он привез трехдюймовую пушку. Заставы белых беспрепятственно пропустили Мандельбаума, приняв его команду за вспомогательный отряд из Няшабожа. Мандельбаум обратил внимание на чересчур большое количество патрулей на улицах Ижмы и отметил это в разговоре с А.М.Черемных, штаб которого нашел после длительных поисков (красные в Ижме через день меняли местопребывание своего штаба). Как оказалось впоследствии, большая часть патрулей представляла из себя засланных в село белогвардейцев.

30 декабря в 5 часов утра белые атаковали Ижму со всех сторон. Стоял жестокий мороз. Бесшумно были сняты часовые у штаба красных (который на этот раз размещался в доме купцов Норицыных) и в верхнем конце села. Оленья кавалерия белых ворвалась в Ижму. Штаб красных подвергся обстрелу

сразу с двух противоположных сторон, что в конечном итоге и спасло его от гибели, поскольку белые, обстреливая штаб, сильно мешали друг другу. Штабные работники и красноармейцы отстреливались в одном нижнем белье. От белогвардейского огня в штабе погибло 11 человек. У красных началась паника.

Тогда Мандельбаум приказал выкатить со двора орудия на улицу и открыть прямой наводкой артиллерийский огонь. У белых в этот момент тяжело ранили подпоручика В.Хозяинова (от полученных ран он потом скончался). Артиллерийский огонь красных и потеря командира вызвали замешательство в рядах наступающих. В 8 часов утра белые начали отход из-под Ижмы (по другой версии, бой в Ижме шел шесть часов), потеряв убитыми, ранеными и пленными, по разным данным, от 40 до 67 человек. Участник ижемского боя красноармеец В.Е.Юдин утверждал позднее, что «в плен, конечно, мы не брали», пленных сразу расстреляли. Ижемская учительница Е.Филиппова укрыла в своем доме одного из раненых белогвардейских офицеров (считается, что это был Красиков). 26 июля 1919 г. учительницу за проявленное мужество наградили Георгиевской медалью 4-й степени.

Потери красных в Ижме тоже оцениваются по-разному. Так, согласно Е.Г.Королевой и А.А.Попову, «советский отряд в этом бою потерял пять убитых и 27 раненых». По свидетельствам очевидцев, потери составляли от 34 до 50 человек убитыми и ранеными, а П.Г.Доронин полагал, что красные только убитыми потеряли 50 человек. В рукописи неизвестного автора, посвященной истории гражданской войны на Печоре и хранящейся в фондах Национального архива Республики Коми, общие потери сторон в бою под Ижмой оцениваются в 80 человек убитыми (примерно поровну). Взятие Ижмы было последним успехом, достигнутым на Печоре под командованием Мандельбаума. Дальше начались неудачи.

«Изгибы мысли странного командующего».

К этому времени авторитет Мандельбаума в глазах командования был заметно подорван, чему способствовали и упоминавшиеся заявления Аппога, и «неоднократные жалобы» командующему 3-й армией красных Р.И.Берзину (эта армия располагалась к Прикамью, ее части находились и в Чердынском уезде) «на его (Мандельбаума – авт.) чересчур свободные действия». Реввоенсовет 6-й армии сообщил командованию фронтом, что «в следственную комиссию поступили некоторые дела, в которых его (Мандельбаума – авт.) роль по некоторым вопросам денежного и иного характера не совсем чиста» и что у РВС-6 «нет уверенности, что Мандельбаум будет достаточно содействовать столь сложному государственному предприятию», как вывоз хлеба из Ляпино. Решено было командировать к Мандельбауму для ревизии и инспекции представителя командования Комиссарова. Однако эта «ревизия» началась еще не скоро...

Стремясь закрепить достигнутый успех под Ижмой, 2 января 1919 г. (по другим данным, 3 января) Мориц Мандельбаум двинул свои отряды в наступление на Диюр. Наступление было спланировано неудачно. Среди белых красные подошли к селу и в лоб стали атаковать позиции противника. В уже упоминавшейся выше рукописи неизвестного автора, посвященной истории гражданской войны на Печоре, утверждается, что «Мандельбаум предполагал всей силой атаковать по реке». В ответ раздался протест других командиров, предложивших ряд обходных маневров, в том числе удар по неприятелю на левом фланге, используя лес в качестве укрытия. Но «Мандельбаум явно переоценивал роль своего орудия и поэтому явно игнорировал другие методы борьбы. В условиях леса он считал артиллерийский обстрел белых позиций вполне достаточным для парализации их действий и почти беспрепятственного наступления в село».

Диюр оборонял взвод штабс-капитана Новикова. Увидев приближающиеся цепи красных, белые в панике сначала бежали из села, но потом одумались и вернулись обратно. Их позиции были довольно сильно укреплены – вокруг села возвышались ледяные горки. За все время сражения взвод Новикова лихорадочно метался вдоль ледяных горок, активно используя трещотку (ее звук заменял пулемет). Красная артиллерия выпустила по Диюру около 100 снарядов, но ни один из них не разорвался. Один из снарядов пробил крышу крестьянского дома и убил двоих детей. Белые от артиллерийского огня сначала были снова запаниковали, но отсутствие разрывов удержало их от бегства.

Красноармейские цепи между тем открыто двигались по льду реки на село. Одновременно лыжная команда красных скрытно подбиралась поближе к позициям неприятеля, намереваясь поразить его внезапным ударом. Под ружейным огнем белых атакующие вскоре залегли и лежали на льду несколько часов. Под конец сражения (а бой под Диюром шел 8 часов) красноармейцы уже были не в состоянии нажимать на спусковые крючки винтовок, настолько они обморозились.

В самый ответственный момент Мандельбаум отдал внезапный приказ об отступлении, что привело лыжную команду в замешательство. Они подобрались к белым уже настолько близко, что легче было наступать, чем отступить. Все же лыжники начали отход. Нескольких из них белые поймали и потом расстреляли. Отступление всего отряда красных вылилось в беспорядочное, никем не контролируемое бегство. Пушка была брошена по дороге в снегу. Группами и поодиночке красноармейцы добирались до Ижмы, где выяснилось, что потери в бою под Диюром составили 13 человек убитыми и ранеными, кроме того 20 человек пропали без вести.

Часть красноармейцев осталась недовольна действиями командира. Один из них позднее писал: «Приказ об отступлении означал банкротство командования, выразившееся в отсутствии плана наступления и доведения операции до конца». Это недовольство усугубили последующие указания

Мандельбаума, который решил снять и Брыкаланскую заставу (отряд, который прикрывал среднее течение Печоры от возможного продвижения белых со стороны Усть-Цильмы) и все наличные силы красных сосредоточить в Ижме.

Однако когда красноармейцы из Брыкаланска добрались по лесной дороге в Ижму, у Мандельбаум созрело новое решение: снова занять Брыкаланск (!). Красноармейцы были рассержены чехардой принимавшихся Мандельбаумом противоречивых решений. По воспоминаниям того же участника событий, «командиры отряда и группа партизан-ижемцев, пришедшие к командиру, стали объяснять ему, что занимать Брыкаланское, если (уже) заняли его белые, не так легко, как его сдать без боя. Партизаны готовы были броситься на Мандельбаума с кулаками... Возмущение было тяжелое...»

Тем не менее Мандельбаум оказался непреклонен и велел красным идти обратно к Брыкаланску. Чтобы как-то успокоить их, он придал отряду пушку. Однако каково же было удивление пошедших в атаку на село красных бойцов (Брыкаланск действительно был уже в руках белых, и пришлось вступить в бой), когда орудие неожиданно... увезли назад в тыл, не сделав ни единого выстрела по врагу! И только когда белые отступили, пушку привезли обратно на позицию... Выяснилось, что такое распоряжение отдал командиру орудия Мандельбаум, боявшийся, что противник сможет в ходе сражения захватить пушку, которой он очень дорожил (видимо, больше, чем жизнью своих бойцов). Этот эпизод не способствовал укреплению авторитета Мандельбаума в глазах его подчиненных. «Трудно судить о тактических изгибах мысли этого странного командующего», – не без иронии заметил в своих воспоминаниях один из его соратников. «История с орудием говорит о весьма нелестных чертах этого командира – о двуличности и большой трусости. Во всяком случае, он... не отвечал единственному, но самому важному требованию для боевого командира: не изменять принятого боевого решения, не перерешать его на ходу, а доводить операцию по принятому решению до конца. В отношениях с солдатами и с населением не имел нужного такта».

Но немалая часть красноармейцев продолжала доверять Мандельбауму, и даже много позже бывшие бойцы Печорского отряда говорили: «Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев перед своими бойцами»; «он в моем понимании был настоящий командир». Вероятно, красноармейцам импонировало то, что Мандельбаум при всех своих недостатках был все же храбрым человеком: недаром те, под чьим началом он позднее воевал на Южном фронте, называли его «боевым», «смелым, в бою очень храбрым» человеком, который «мог сам идти вперед и бойцов за собой вести в атаку», отмечали его «бесшабашную удаль». Но не только удаль роднила Мандельбаума с Чапаевым. Вот что писали о последнем сами красные: «Тов. Чапаев, этот степной орел, действует... исключительно партизанским способом. Распоряжений штаба не признает. Были случаи, что Чапаев уходил со своим отрядом и пропадавал без вести, а возвратившись через

некоторое время, доставлял трофеи и пленных. Население [районов], по рассказам очевидцев, где появлялся Чапаев, было терроризировано. Его жестокость известна многим. Личность легендарная... Чапаев говорит: я не верю штабу и бумажек его знать не хочу». Примечательно, что Чапаев настолько приглянулся Троцкому, что Лев Давидович лично уговорил Василия Ивановича возглавить дивизию. Вполне возможно, что и Мандельбаум, этот «печорский Чапаев», тоже пришелся Троцкому по душе...

После неудачного наступления на Диюр отряды красных на Печоре и Ижме находились, как отмечает один из очевидцев, «в состоянии прозябания», хотя численность их непрерывно росла (по данным историка В.И.Прошева, уже в конце декабря 1918 – начале 1919 гг. под командованием Мандельбаума насчитывалось около тысячи бойцов). Время от времени возникали периодические перестрелки с разведками белых, но никаких крупных боев после диюрского в течение зимы более не было.

9 января 1918 г. Мандельбаум попросил штаб фронта разрешить ему отступить вверх по Печоре и Ижме. Разрешения на отход он не получил: наоборот, командование VI Красной Армией специальной директивой приказало ему развернуть наступление на Усть-Цильму. Этот приказ не был выполнен. Белые несколько раз совершали зимой налеты на Кипиево, уничтожили продотряд Ф.И.Репина и Н.В.Рочева, посланный Мандельбаумом за продуктами на Усу и среднюю Печору. Был уничтожен также еще один советский продотряд под начальством Липина, посланный в тундру для реквизиции оленей. Получив известие о выезде к нему Комиссарова для ревизии и инспекции Печорского отряда М. Мандельбаума, последний выехал из Ижмы в Щугор, где появился 19 января.

22 января 1919 г. уездный комиссар Печорского уезда есаул Н.П.Ушаков рапортовал в Архангельск о положении дел на Печоре: «15 января я выехал с начальником милиции поручиком Белкиным и принял на себя руководство над партизанскими отрядами для производства белой разведки. Результаты: взято с.Кипиево в тылу красноармейцев, захвачена их касса с 25 000 руб. и выбит их пост на дороге Кычкара – Ижма и потревожены все здешнего района их гарнизоны. Осмотрел наш фронт: в с.Диюре стоит 160 чел. с 3 пулеметами под начальством штабс-капитана Новикова. Сильная позиция, но солдаты страшно распушены. В с.Няше 93 чел. с 2 пулеметами, позиция тоже хорошая, укреплена, партизаны дисциплинированы и подобраны идеально, мирное население по собственному желанию несет караульную службу. Каждые сутки производятся разведки и почти всегда успешно... Дело поставлено действительно серьезно, благодаря прапорщику Терентьеву и охотнику Василию Ивановичу Рочеву. Вернулся в Усть-Цильму 21 января. Главные руководители красных – офицеры Мандельбаум и Черемных уехали к себе в тыл – последний по болезни. Сейчас ими руководят в Ижме Завьялов и Казаков – не имеющие ни опытности, ни большого значения. Красноармейцы

расставлены так: в с.Ижма – 60 чел. при 1 орудии и 1 пулемете, в с.Кычкаре – 150 чел. при 1 орудии и 1 пулемете, в с.Мохче – 20 чел. и в других местах разбросаны заставы. Здесь сильный недостаток главным образом в надежных и опытных офицерах. Желательно Печорский отряд сделать самостоятельным, т.к. руководство полковником Шапошниковым за 360 верст очень неудобно, все, что должно идти сюда, задерживается в большей части у него».

Колчаковцы наступают.

В декабре 1918 г. Сибирская армия А.В.Колчака предприняла мощный натиск на противника. III Красная Армия была наголову разбита и стремительно отступала на запад. «Это не было, строго говоря, отходом, тем более это нельзя назвать организованным отводом частей на позиции,- это было форменное беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее и сколько-нибудь учесть заранее неизбежную катастрофу...» – писали в ЦК РКП(б) И.В.Сталин и Ф.Э.Дзержинский, побывавшие с инспекцией на Восточном фронте в начале января 1919 г.

В Зауралье, в районе Ляпино-Березов белые сконцентрировали батальон князя Вяземского примерно в 400 штыков. Для транспортных нужд Вяземский мобилизовал 50 остяков с оленьими упряжками. 20 декабря 1918 г. белые атаковали заставу неприятеля в деревне Щекурья на Сибиряковском тракте Ляпино-Щугор и почти полностью ее уничтожили. Троицк красноармейцам удалось вырваться из Щекурьи и бежать в Ляпино. Там в это время находился с инспекцией Мориц Мандельбаум. И.М.Зарубин с главным ляпинским отрядом производил разведку боем на Юрты Мункежские на реке Сычве. Мандельбаум отдал распоряжение агитатору П.Давыдову с конным отрядом в 16 всадников осмотреть горный проход между Щекурьей и Ляпино. В горах конный отряд попал в засаду, Давыдов был убит. 22 декабря вернувшийся из разведке И.М.Зарубин выбил белых из Щекурьи после короткого боя. В числе трофеев красные захватили 28 винтовок, 10 дробовиков, 50 пар лыж, 50 оленьих нарт и 150 оленей с упряжью. Попавшие в плен 14 белогвардейцев по приказу Мандельбаума были расстреляны. На следующий день Мандельбаум покинул Ляпино, забрав с собой пушку, выделенную в свое время Н.Н.Суворовым для ляпинской экспедиции.

Красные продолжали вывозку ляпинского хлеба в Троицко-Печорск. 7 января 1919 г. председатель Печорской уездной Земской управы Г.Г.Недашковский и уездный комиссар есаул Н.П.Ушаков обратились в Архангельск со следующей телеграммой: «В Ляпино уполномоченный Мартынов в руках большевиков. Население питается хлебом с примесью мха, соломы. Наступил голод. Положение благоприятно большевикам, имеющим хлеб и могущим голодающих обратить в наших врагов. Для вытеснения большевиков, требуется спешно [прислать] отряд из Архангельска с солидным

вооружением как основу, вокруг которой уверенно и с надеждой организуются местные силы, жаждущие избавления».

В январе 1919 г. батальон князя Вяземского был усилен ротой чехословаков в 134 штыка под командованием (предположительно) поручика Шепека. Кроме того, из Тобольска и Тюмени в район Ляпино-Березов был отправлен добровольческий отряд подпоручика Лушникова. Объединенные силы Вяземского стали насчитывать более 600 штыков. 8 января 1919 г. В.И. Ленин получил письмо от члена РВС VI Красной армии А.Орехова, в котором содержалась следующая информация: «Положение фронта нашей VI армии сугубо неприятное, отступление III армии еще больше ухудшает. В северо-восточной части нашей армии, т.е. в Печорском крае уже за последнее время (как Вы уже вероятно знаете из сводки) появились чехословаки под командованием князя Вяземского, стремящегося к воссоединению Урала с Архангельском. Помешать же этому воссоединению мы абсолютно не можем. Несмотря на целый ряд предупреждений и Севфронта и Реввоенсовета Республики на эту опасность мы до сих пор ничего не получили. И ежели нам своевременно не дадут сил, то через несколько времени мы будем иметь перед собой сплошной фронт противника – Архангельск – Пермь – Урал...»

В ночь на 16 января 1919 г. белые атаковали Ляпино. Предварительно село подверглось минометному обстрелу, а засланные в Ляпино разведчики закидали штаб красных ручными гранатами. Начался пожар. Красные в панике стали разбегаться из села, потеряв в этом бою по одним данным 30, по другим около 60 человек убитыми и пропавшими без вести. С криками «ура» белые вошли в Ляпино. Одновременно Вяземский сделал попытку захватить Щекурью, где размещалась застава А.П.Мезенцева в 54 человека, но встретив сильный пулеметный огонь, был вынужден отступить (По версии П.Г.Доронина, А.П.Мезенцев боя не принял и сразу отступил из Щекурьи в Усть-Щугор). Вскоре в Щекурью стали подходить бежавшие из Ляпино группы красных. И.М.Зарубин принял решение оставить Ляпинский район и отступить на Печору, в Усть-Щугор. Стоял лютой мороз. Большинство ляпинских красноармейцев были одеты налегке, и во время отхода на Щугор 15 человек замерзли насмерть на Сибиряковском тракте.

21 января зарубинский отряд появился в Усть-Щугоре, вызвав там переполох известием о наступлении белых из-за Урала. Мандельбаум приказал А.П.Мезенцеву завалить лесом Сибиряковский тракт между местечками Катяель и Мича Бичевник (30 км). Напрасно Мезенцев убеждал командующего о бесполезности этой затеи зимой, ибо противник мог подойти к Щугору не только по дороге, но и по замерзшей реке. В течение восьми дней взвод Мезенцева валил лес, заваливая тракт деревьями. В местечке Катяель была устроена застава в 26 человек, которая несколько раз предпринимала разведку в сторону Урала. В конце января под Усть-Щугором появлялись разведчики белых из Ляпино.

М.Мандельбаум постоянно и в довольно жесткой форме требовал от командования армии и фронта присылки подкреплений и вооружения, обвиняя штабных работников в измене и саботаже. «Я вижу, что вся телеграфная работа не дает пользу, что часть (работников – авт.) находящаяся (у вас – авт.) изменяет ваш труд и труд революции. О! Несчастливые органы снабжения! Это гибель, товарищ Самойлов (Самойло – авт.)!.. Я боюсь, что будет поздно, но если это будет, больше жить не хочу», – заявлял Мандельбаум командарму А.А.Самойло, возглавившему 6-ю армию в конце ноября. «Я напоминаю, что всегда принимаете меры, когда уже поздно... Я, западный европеец, не буду смотреть, на что падают самые лучшие силы революции на севере. Вся вина лежит на штабах, где находятся большинство изменников революции. Если не получу материальную силу и припасы, я буду действовать по своему усмотрению», – сообщил он в штаб фронта. Вскоре принимать меры действительно стало поздно – в первую очередь благодаря самому Мандельбауму...

Глава 5. БЕЛЫЕ, КРАСНЫЕ И «ЗЕЛЕННЫЕ» НА УДОРЕ

Красный ревизор.

Гражданская война на Удоре чуть было не вспыхнула в августе 1918 г. Ертомский Совдеп конфисковал большую партию соли у важгортского торговца А.Лукина. В ответ «озлобленный кулак», как писали историки Е.Г.Королева и А.А.Попов, набербовав в родной волости отряд добровольцев и попытался напасть на Ертом, чтобы вернуть свою соль. Ертомцы в это же время организовали дружину самообороны села в 250 человек, вооруженных охотничьими ружьями. Прослышав об этом, «банда Лукина» не решилась напасть на Ертом и повернула обратно.

Удорские волости Важгорт и Чупрово издавна тяготели в экономическом отношении к Архангельской губернии. Еще на II уездном съезде Советов Яренского уезда в августе 1917 г. делегаты Важгортской и Чупровской волостей просили передать волости в Мезенский уезд Архангельской губернии, но получили отказ. В июне 1918 г. IV съезд Советов Яренского уезда решил не препятствовать вхождению Чупрово в состав Мезенского уезда. Тем не менее, в июле здесь выполнялись пока распоряжения из Яренска – волостная Земская управа была заменена на волисполком (с тем же составом). Такая же акция была проделана в сентябре 1918 г. в Важгорте. Политработник Котласского полевого штаба С.А.Жавнер распустил волостную земуправу и образовал местный Совдеп. Правда, после отъезда Жавнера из села важгортцы сразу же восстановили управу.

9 августа 1918 г. в связи с архангельским переворотом Яренский уезд был объявлен на осадном положении. В постановлении уездисполкома (в котором, надо заметить, в этот период не было ни одного большевика – одни эсеры, левые эсеры, народный социалист, анархист-коллективист и социал-демократ-интернационалист) говорилось по этому поводу: «Согласно обязательному постановлению командующего Котласским районом, гор. Яренск, дорога к пристани, пристань и прилегающие к ним деревни Софроновская и Курейная объявляются на осадном положении. Всем жителям означенного района неукоснительно исполнять обязательные постановления командующего Котласским районом, объявленное в указанных районах. Все, замеченные в неисполнении обязательных постановлений, будут подвергнуты самым суровым наказаниям военного времени, вплоть до расстрела... Предупредить священников собора и Покровской церкви, что служба должна кончаться к 7 1/2 час. вечера по нормальному (старому времени)... Пользование советским телефоном частными лицами воспрещается». В Яренске началась мобилизация буржуазии на рытье окопов под Котласом (первую партию мобилизованных «буржуев» отправили 30 августа).

13 августа по требованию белого Архангельска самораспустился Мезенский Совет, вся власть стала принадлежать уездному

правительственному комиссару Орлову. 19 августа английский отряд занял Пинегу. В конце сентября комендант Мезени Зеленин начал запись добровольческого отряда для борьбы с большевиками.

Если некоммунистическое советское руководство Яренского уезда не было особенно озабочено доходившими в конце августа до Яренска слухами о симпатии жителей ряда удорских волостей к мезенским белым, то после большевистского переворота настроения в Яренском исполкоме, естественно, изменились. 18 сентября уездные лидеры с неудовольствием узнали, что вместо того, чтобы организовывать комбеды и сдавать хлеб и пушнину яренским коммунистам, удорцы норовят все это продать белогвардейцам и англичанам и вообще по-прежнему подумывают отделиться от советского Яренска и войти в состав враждебного Мезенского уезда. На объединенном заседании исполкома, военкома и чрезвычайкома решено было отправить кого-нибудь на Удору разобраться с тамошними безобразиями. Командующему Северо-Восточным фронтом Кедрову (прославившемуся своей жестокостью при подавлении антикоммунистических выступлений на Севере) послали телеграмму с просьбой «немедленно выслать 100 вооруженных латышей, 2 пулемета, ...150 верст телефонного кабеля, 25 аппаратов с коммутаторами» «для предупреждения вторжения белогвардейцев, подавления на Удоре контрреволюции, прекращения спекуляции».

Подозреваем, правда, что яренские лидеры решили несколько преувеличить грозившую им опасность и вряд ли на самом деле рассчитывали, что Кедров пришлет им латышей с пулеметами для устрашения удорских «спекулянтов». Вряд ли они серьезно задумывались о возможности скорого вторжения белых войск на Удору или каких-нибудь «контрреволюционных выступлений» местных жителей (по крайней мере, выступлений вооруженных, ибо под «контрреволюцией» тогда могли понимать все, что угодно). По воспоминаниям одного из красных командиров, И.В.Епова, исполком «надеялся, что его представитель все уладит мирным путем». По крайней мере, прошло еще шесть дней, прежде чем в Яренске наконец-то определились, кого все-таки послать на Удору.

24 сентября 1918 г. яренский уездисполком принял решение отправить на Удору продармейский отряд Н.И.Ворсина в составе 22 человек. На Н.И.Ворсина выбор пал, вероятно, потому, что он был уже знаком с этим районом (до мировой войны преподавал в школе грамоты в селе Вылиб). Отметим, что в постановлении уездного исполкома 24 сентября говорилось, что Ворсина отправляют лишь для «прекращения спекуляции» и «смягчения продовольственного кризиса» (о «вторжении белых» и речи не было). Впрочем, мандат Николаю Ивановичу выдали грозный, в лучших традициях того времени: «правом производства обысков, арестов, реквизиций, конфискации имущества, наложения контрибуций, смещения должностных лиц и предания их суду, с правом вербовать и принимать на месте в продоотряд

и Красную Армию». Уездисполком предоставил также Ворсину право «в случае сопротивления принимать крутые меры вплоть до расстрела».

26 сентября 1918 г. Ворсин отбыл на Удору. В течение двух недель продармейцы занимались реквизициями и конфискациями излишков хлеба в Глотова, Кослане, Селибе и Ертоме. В Чернутае Ворсин конфисковал около 2 тысяч пудов хлеба. В своем донесении в Яренск Ворсин писал: «Население твердо стоит на платформе Советской власти, за исключением населения с. Чернутаева, где мне пришлось обновить состав сельского исполкома, вычистить оттуда буржуазные элементы... Буржуазные элементы с. Чернутаева в числе 12 чел. мной были подвергнуты денежной контрибуции и конфискации хлебных излишков до 2 тыс. пудов за непризнание распоряжений Яренского уездного Совета и спекуляцию хлебом». В Мучкасе Ворсиным была организована небольшая застава в составе двух человек с целью слежения за передвижениями из советской Удоры на белую Мезень.

С Мезени Ворсин направился в верховья Вашки, в Ертомскую волость. Там беднота составляла большинство жителей, и красногвардейский отряд получил полную поддержку. «В начале октября, – докладывал Н.И.Ворсин, – я встретил в дер. Разгорт агитатора..., побывавшего в ...Важгорте и Чупрове. Он мне заявил, что дела в этих селах «обстоят неблагоприятно для Советской власти: важгортцы и чупровцы не признают распоряжения, исходящие из гор. Яренска, а выполняют только распоряжения, поступающие из Усть-Вашки и гор. Мезени», т.е. от белых. Ворсин получил от агитатора совет: действовать в названных селах «решительно» и «сразу же арестовать местных богатеев». «Закончив благополучно дела в верхних Удорских волостях», Н.И.Ворсин «спешно начал готовиться к выезду в нижние Удорские волости – Важгортскую и Чупровскую» (из его донесения в Яренск).

У страха глаза велики.

Появление двух десятков «ворсинцев» на верхней Мезени и верхней Вашке вызвало большую (но едва ли оправданую) тревогу белых властей Мезенского уезда. Еще в самом конце сентября комендант Мезенского уезда докладывал в Архангельск, что в его распоряжении «имеется отряд из 9-ти (!!!) добровольцев», но, к счастью, противника «в районе уезда нет». Но известия о появлении красного отряда обеспокоили население Важгортской и Чупровской волостей. Опасаясь репрессий за свое неповиновение коммунистической уездной власти, жители этих волостей стали вооружаться и обратились за помощью в Мезенский уезд, вероятно, изрядно приукрасив грозящую опасность. Чупровский волостной земельный комитет обратился к Мезенскому уездному правительственному комиссару Орлову с просьбой о «скорейшей высылке вооружения и трех инструкторов для организации из крестьян добровольческого отряда». Из Чупрово сообщали, что в волости «нет ни единого человека для Красной Армии и тылового ополчения».

И вот 8 октября мезенцы запросили у Архангельска срочной помощи: «Необходимо прислать.. значительный военный отряд, пока не наступила распутица. Если большевики сделают нападение в распутицу, ..население будет разгромлено... Положение серьезное». Конечно, 9 добровольцев супротив 20 красногвардейцев – соотношение пугающее. Однако властям Мезенского уезда не составило бы труда набрать несколько десятков людей из местных жителей, готовых воевать с большевиками (что они, кстати, вскоре и сделали). Но у страха, как известно, глаза велики. К тому же похоже, что мезенские лидеры перепутали Ворсина с неким «бывшим членом усть-вашского исполкома Вурдовым», видимо, изрядно им насолившим, которого они намеревались было арестовать, да не смогли. 10 октября в Архангельск полетела новая отчаянная телеграмма: «Срочно вышлите отряд в 150 человек, 3 пулемета с командой и 50 винтовок» (до чего похоже на обращение яренчан к Кедрову!). «Вурдов формирует по достоверным (да уж! – авт.) сведениям сильный отряд, дав обещание Яренскому Совдепу захватить Мезенский уезд... Движение Вурдова намечается от Глотовской по Мезени на Пыссу, а второй отряд через Чупрово на Вашку... Усть-Вашке угрожает опасность с двух сторон. Население надеется на помощь».

10 октября 1918 г. в Усть-Вашке высадился небольшой отряд военных милиционеров из Мезени в составе 15 человек, которые арестовали местный Совет и образовали Усть-Вашский уездный комитет безопасности. Началась запись в добровольческий отряд под командованием Калининского. По любопытному стечению обстоятельств подпоручик Калининский (родом из Усть-Вашки) в прошлом был, как и Ворсин, учителем, тоже воевал на Первой мировой...

12 октября мезенский уездный комиссар попросил генерал-губернатора «сегодня же выслать в Мезень внушительный военный отряд» и оружие. «В случае неприсылки сил будем поставлены в ужасное положение». В тот же день Временное правительство Северной области (так именовалась территория Европейского Севера России, находившаяся под контролем белых) заслушало «внеочередное сообщение... о наступлении большевиков на Усть-Вашку» и, решив, что положение и впрямь угрожающее, постановило «командировать для освобождения (?) населения Усть-Вашки от большевиков 100 человек» и обратиться к союзникам-иностранцам, чтобы те направили на Вашку «хотя бы небольшой отряд» своих войск.

Комендант Мезени Зеленин 13 октября сообщил в Архангельск, что «поступили сведения о движении красноармейцев в Мезенский уезд в Важгортскую волость» и что «положение безнадежное». Уезд объявили на осадном положении. (Архангельскому начальству показалось, что это уже чересчур, и генерал Самарин начертал на сообщении резолюцию: «Надо указать на недопустимость осадных положений – довольно и военных»). В тот же день набранные на нижней Вашке 50 добровольцев под началом

Калининского были направлены в Важгорт на пароходе, носившем весьма символичное в создавшихся условиях название «Надежда». Вслед за пароходом отплыла баржа с мукой, закупленная важгортским обществом.

14 октября командующий войсками Северной области Б.А.Дуров на заседании Временного правительства отметил, что «продвижение большевиков к Усть-Вашке сильно тревожит весь край». В Архангельске было принято решение: «По выслушании внеочередного сообщения губернского комиссара о наступлении отряда большевиков на Усть-Вашку (село Лешуконское)... командировать для освобождения населения Усть-Вашки от большевиков 100 человек из состава роты военной милиции. Поручить генерал-губернатору в срочном порядке войти в сношение с союзным командованием о выдаче обмундирования и недостающих предметов вооружения изванной роте и просить о подкреплении этого отряда хотя бы небольшим отрядом союзных войск».

17 октября 1918 г. полковник Дмитрий Дмитриевич Шапошников получил предписание Северного правительства о командировании в Мезенский уезд: «Селения, расположенные по верхнему течению реки Мезени и по левому притоку ее реке Вашке подвергаются налетам красноармейцев и примкнувших к ним хулиганов... На Вас возлагается общее командование всеми отрядами... в Мезенском районе». Шапошников с отрядом из 50 военных милиционеров и пятью офицерами (поручик А.М.Стышнев, подпоручик Д.А.Рябов, прапорщики М.К.Соколов, П.И.Верещагин и Н.И.Макаровский) выехал на Мезень. С собой он вез груз оружия. Вместе с Шапошниковым отбыл английский отряд под командованием капитана Перкинса, но добравшись до Мезени, англичане тотчас же выехали обратно в Архангельск. 21 октября Шапошников прибыл в Мезень, а 25 октября отправился в Усть-Вашку, отправив в Архангельск донесение, что именно Усть-Вашка «будет центром подготовительных работ и базой предстоящих операций».

Первая кровь.

Между тем Н.И.Ворсин даже не подозревал о том переполохе, который наделал в самых высших кругах Северной области своим появлением на Удоре, и спокойно продолжал свою экспедицию. В Ертомe он реквизировал лодки для своего отряда. По воспоминаниям С.А.Захарова, «в Ертомe Ворсин вел себя вызывающе, требуя 25 лодок с двумя ямщиками (гребцами – авт.) на каждой, доски с подстилками и брезент в каждой лодке, иначе все будете арестованы. Ертомцы предупреждали Ворсина об опасности... в Важгорте, но он не слушал».

15 октября 1918 г., «закончив с обследованием в Ертомской волости», его отряд выступил вниз по Вашке, дошел до д. Чирки, «где задержался на один день в связи с подготовкой для дальнейшего следования». Местные учителя, только что вернувшиеся из Важгорта с совещания педагогов, сообщили

бывшему коллеге Ворсину, что там «пока все спокойно, белогвардейцев не имеется», и что важгортцы ожидают прибытие «баржи с хлебом, ...заготовленным для жителей» волости белыми властями Мезенского уезда.

Утром 16 октября 1918 г. Н.И.Ворсин выступил из д. Чирки, взяв с собой одну подводку и лодку, на которых он вез ящики с патронами и 18 винтовок «для организации на месте продовольственных отрядов и отрядов охраны» из пробольшевистски настроенной бедноты. Примерно в трех верстах от Важгорга, «в местности, называемой Важгортский перевоз», отряд разделился. Основная часть красных была отправлена Ворсиным вместе с подводой по тракту, а сам он на лодке поехал с проводником М.Осиповым «к Важгортской пристани, где в это время стоял какой-то пароход». «Мне, – объяснял позднее свои действия Н.И.Ворсин, – нужно было скорее попасть к пристани, чтобы проверить, что за пароход там стоит и какие грузы он имеет на борту». Удивительно, что появление судна из белого Мезенского уезда (а больше пароходу взяться было просто неоткуда!) почему-то не заставило красного командира принять хоть какие-то меры безопасности. Мало того, что Ворсин оставил свой отряд; он еще и прихватил с собой... попутчика – статистического служащего Н.И.Бронникова, попросившего подвезти его до Важгорга. Честное слово, Н.И.Ворсин как будто на дачу ехал! Война? Какая еще война...

Но в благодушном настроении Н.И.Ворсин пребывал недолго. «Отъезжав от перевоза, минут через десять» он «услыхал сначала одиночные выстрелы, а потом последовали ружейные залпы со стороны тракта», по которому шел к селу его отряд. Белые добровольцы, к которым, по сообщению Калининского, примкнуло для сражения «против красноармейцев все местное население Важгортской и Чупровской волостей», заняли позиции на подступах к Важгорту и встретили приближавшихся красных огнем. После короткой перестрелки красные, бросив подводку с вооружением и ничего не зная о судьбе своего командира, бежали до самого Ертома. Один красноармеец был убит, четверо «пропали без вести» (позднее они тоже объявились в Ертоме, изрядно поплутав по лесам – видимо, с перепугу не сразу сориентировались, в какой стороне надо спасаться). У белых потерь не было. Это было первое сражение гражданской войны на Удоре...

А Ворсин, заслышав пальбу, по его собственному честному признанию, даже «не успел... как следует уяснить положение», как вдруг «из прибрежных кустов повыскакивали вооруженные люди и стали стрелять», требуя, чтобы Николай Иванович и его спутники высадились на берег. Ворсин «приказал ямщику-проводнику держаться противоположного берега, поняв, что это белогвардейцы». Тогда белые открыли прицельный огонь и убили ямщика. Ворсин «выбросился из лодки в воду, ухватившись одной рукой за нос лодки, стал грести руками к берегу». Выстрелы прекратились. «Когда течением реки лодку прибило к берегу, – докладывал Н.И.Ворсин Яренскому уездисполком, – я выскочил на берег и скрылся в лесу, ничего не зная о судьбе своего отряда».

Бронникова он бросил, а тот во время стрельбы потерял пенсне и, будучи сильно близоруким, не смог сориентироваться в местности и был арестован белыми. Ворсин скитался по лесу, «остерегаясь кулацких засад», и лишь на вторые сутки добрался до с. Ертом, где и встретился со своим отступившим более резко отрядом.

После столь неудачного похода на Важгорт Н.И.Ворсин больше не стал предпринимать ничего. 18 октября 1918 г. он отправил в Яренск донесение, сообщил о событиях («Наши потери убитыми: ящик-проводник...М.Осипов и красноармеец Яранов Иван. Пропали без вести красноармейцы отряда Клюев, Подоров, Некрасов, Габов... Также попала в руки противника наша подвода с винтовками и патронами. Потеряно нами при отходе отряда 7 человек и 24 винтовки») и о том, что «в ожидании дальнейших распоряжений... остановился с отрядом в с. Ертоме», где и будет «держаться... до присылки подмоги».

Теперь пришла уже очередь Николая Ивановича сгущать краски (впрочем, ему посодействовал сбежавший из Важгорта секретарь волисполкома, который сообщил, что «ождается прибытие еще одного парохода с 400 человек при пулеметах и орудиях»). «Жители Ертомской волости надежно стоят за Советскую власть, обещают мне помогать, – писал Ворсин, – но общее положение на Удоре создалось опасное для нас. По слухам, белые ожидали из Усть-Вашки пополнение людьми и оружием и собираются наступать вверх по Вашке и Мезени на советские волости. Очень возможно, что белогвардейцы попытаются оттеснить наш отряд из Удору. Нужно быть готовым ко всему». Ворсин требовал «немедленной присылки... надежного отряда Красной Армии, продовольствия, вооружения», установки телефонной связи.

Его противник Калининский, вернувшись в Усть-Вашку, 21 октября сообщил в Архангельск об одержанной победе («Передовые части красноармейцев, двигавшихся на Усть-Вашку из Яренска, на р.Вашке разбиты... наших потерь нет. В Важгортской волости власть Советов пала. Участвовало в сражении против красноармейцев все местное население Важгортской, Чупровской волостей. Единогласно решили присоединиться к Архангельской губернии. Население просит телеграфно утвердить их присоединение в Мезенский уезд») и в свою очередь предупредил: «Учащие, фельдшера без хлеба и денег. Яренск мстит за свержение Советской власти. Ожидается сильный карательный большевистский отряд. Спешно нужно подкрепление 250 чел. с пулеметами».

Известие о неудачном вооруженном столкновении с белыми под Важгортом было для яренского уездисполкома как гром среди ясного неба. До этого от Ворсина долго не было никаких вестей, но, по воспоминаниям И.В.Епова, «уисполком сильно не тревожился» из-за этого. И вдруг такое... 24 октября 1918 г. созвано экстренное заседание Яренского исполкома. Председатель П.И.Покровский доложил сотоварищам «о положении отряда

тов. Ворсина на Удоре». Решено было отправить на Удору красноармейский отряд и «возбудить ходатайство перед центром об отпуске средств и материалов для телефонной связи с Удорой». 25 октября из Яренска на Удору выступил отряд в 40 штыков под командованием И.В.Епова. Местная газета сообщила, что он «набран из красноармейцев, добровольно пожелавших идти на Удору указать место белогвардейской сволочи. Мы уверены, что белые хулиганы будут висеть на удорских соснах и елях. Там их хватит!» (Между прочим, ругательство «хулиганы» было, похоже, весьма популярно по обе стороны линии фронта: генштаб белых 17 октября сообщал, что удорские селения «подвергаются налетам красноармейцев и примкнувших к ним местных хулиганов»).

В начале ноября красноармейское пополнение появилось в Ертомe. Бойцы Н.И.Ворсина, влившись в отряд Епова, вздохнули свободнее. Белые, кстати, никаких активных действий более не принимали. Их добровольцы разошлись по домам, видимо, удовлетворившись тем, что отбили «грозное нашествие» и спасли важгортцев, Мезенский уезд, а может, и всю Северную область... Красные понемногу тоже успокоились, стали налаживать в верховьях Вашки привычную им жизнь и 7 ноября отпраздновали в Ертомe первую годовщину Октябрьской революции с манифестацией, песнями, лекцией и салютом. «По инициативе товарищей Князева, Ворсина и Помылева был устроен вечерний митинг, на котором вынесена по текущему моменту... резолюция», призывавшая к борьбе с белыми и кончавшаяся словами: «Смерть врагам и паразитам!»).

Неудачное наступление на Важгорт.

В начале ноября 1918 г. полковник Д.Д.Шапошников назначил поручика А.М.Стышнева начальником Важгортского боевого участка. 6 ноября Стышнев и прапорщик Верещагин с 26 солдатами выехали из Усть-Вашки в Важгорт. Там в это время находился подпоручик Н.Калининский с добровольческим отрядом. Интересно, что Н.Калининский развернул в селе своеобразную газетную дискуссию. Из воспоминаний И.П.Чукичева известно, что белые организовали в Важгорте выпуск рукописной газеты «Важгортский листок», в которой обрисовали цели и задачи белого движения. В ответ важгортские учителя выпустили свою газету под названием «Начхать вам на головы», название которой уже говорит о содержании материалов. 10 ноября Стышнев прибыл в Важгорт и отдал приказ о начале записи добровольцев и мобилизации в ряды Северной Добровольческой армии. 13 ноября в важгортском отряде Стышнева – Калининского насчитывалось 188 человек.

В Усть-Вашке был устроен мобилизационный пункт, где врачебная комиссия во главе с доктором Солнцевым осматривала новобранцев. Число последних составляло по несколько десятков человек ежедневно. Так, 9 ноября в Усть-Вашку прибыло 56 мобилизованных, 10 ноября – 59 и т.д.

Некоторые из мобилизованных по политическим настроениям не устраивали Шапошникова. 13 ноября, например, он отправил в распоряжение Мезенской комендатуры 41 человек, «как нежелательный элемент». Отдельных большевиков предупреждали об аресте сами господа офицеры. Подобный случай произошел в Важгорте, где поручик Стышнев имел беседу с учителем И.П.Чукичевым, симпатизировавшим большевикам. Сам Стышнев в прошлом был эсером, что возможно и повлияло на отношения двух представителей некогда союзных партий.

Как писал в своих воспоминаниях Чукичев, разговор начал Стышнев:

« – Вы говорят, большевик?

– Я полагаю, некоторые положения большевистской пропаганды и вы не отрицаете?

– Некоторые – это не значит, что я стою на общей платформе большевиков.

– Ниоткуда не следует, что и я стою на общей платформе большевиков.

– Идите, смотрите, за вами следят».

Активность белых на Удоре в ноябре сильно сковала эпидемия сыпного тифа, внезапно вспыхнувшая на Вашке. 11 ноября 1918 г. Шапошников специальной директивой отдал распоряжение «прекратить активные действия из-за эпидемии...» Поручику Стышневу было сказано: «Если найдете нужным, можете отойти от Важгорта на 25 – 40 верст, дабы предохранить свой отряд от этой ужасной эпидемии. Прекратите всякие активные операции». Д.Д.Шапошников предупреждал: «Мы бедны. Часть вооружения, отряда и 2 пулемета отберу через 12-15 дней, так как предстоит солидный поход в совершенно другом направлении. Постарайтесь скорее покончить с бандами».

Между тем, красные в конце октября – ноябре 1918 г. предприняли ряд наступательных операций в Пинежском уезде. Здесь действовал красноармейский отряд А.П.Щенникова и С.Н.Смелкова. Красные начали плавание по бассейну реки Пинеги на плотках, планируя взять город Пинегу и «произвести вообще переполох в тылу и на флангах противника». 22 октября А.П.Щенников занял Веркольский монастырь и через три дня созвал в селе Верколе Чрезвычайный Пинежский съезд Советов, после которого численность его отряда достигла более тысячи человек. 26 октября 1918 г. полковник Шапошников получил от командования приказ спешно разворачивать свои отряды на пинежском направлении. 10 ноября важгортский отряд под командованием подпоручика Калининского по тайболе занял Нюхчу, но через неделю, 17 ноября, под натиском красных был вынужден отойти обратно в Важгорт. Вместе с ним на Удору отступил отряд, который «сформировал по своему почину» нюхчинский псаломщик И.П.Попов.

Одновременно с пинежским наступлением удорская Ертомская волость стала базой подготовки наступления красных на Важгорт. Здесь размещались два яренских отряда Н.И.Ворсина и И.В.Епова (первый являлся начальником

штаба отряда, последний – командиром). Население волости почти полностью поддерживало большевиков, в ряды красных вступило много добровольцев. Подпоручик Калининский писал о настроениях деревни Коздинги Ертомской волости, занятой им 25 ноября 1918 г.: «Доношу, что жители – страшные большевики, все поголовно. Никак не могу допытаться, в чьем доме была разведка. Разведка передала местным, что в Ертоме красных 800 человек с пулеметами и орудием. Обещают нас угостить в Ертоме, жители восхищены от удовольствия, что нам попадет. Горе берет. Взял бы всех, да и перевешал за провокацию. Не знаю, кого и наказывать, все, как один».

14 ноября (по другим источникам, 19 ноября) 1918 г. красные начали наступление на Важгорт и заняли деревню Чирки, захватив там в плен разведгруппу белых и некую Параню («колдунью»), как писали о ней участники еповского отряда) с массой белогвардейских прокламаций. Население Чирков встретило приход красных враждебно. 25 ноября Епов выслал разведку на Важгорт, но та после перестрелки с противником у Выльвидза вернулась обратно.

27 ноября важгортский отряд белых под командованием А.М.Стышнева окружил красноармейцев Епова в Чирках. Красные пали духом (И.В.Епов дипломатично написал, вспоминая об этих событиях: «Количественный перевес противника несколько умалял уверенность в свои силы»). Решено было «на случай неудачи» вывезти канцелярию, обоз и денежный ящик отряда. С последними приключилась беда – они целиком попали прямо в руки белых, разогнавших их охранение. Ободренные таким подарком белые энергично атаковали противника, и вот уже часть красных дрогнула и побежала. «Удержать остальных было невозможно», – с грустью констатировал Епов. Выбираясь из «котла», красные переплыли реку и по той стороне Вашки, скрываясь в лесах, пробрались в ставший уже родным для них Ертом.

Есть также сведения, что еще в ночь на 14 ноября 1918 г. белые попытались окружить красных в Ибе, но после перестрелки отступили.

Рассказы об очередном поражении, как признавал Епов, произвели на ертомцев удручающее впечатление. Вернувшись в Ертом, Епов приказал подготовить его к осаде. Вокруг села, готовясь к осаде, стали лихорадочно рыть окопы, укрепляться, поставили усиленные заставы, собираясь дать врагу решительный бой. Но вскоре до Ертома опять дошли слухи (о, эти слухи – без их влияния, наверное, события гражданской войны не развивались бы так захватывающе!), что в удорских волостях Мезени в районе Чернугьево-Селиб вспыхнуло восстание, и советская власть там свергнута какими-то «марковцами», что теперь, помимо важгортских кулаков, мечтающих добраться до ертомской бедноты, на красных движется белогвардейский отряд в тысячу человек с Мезени.

Епов счел за лучшее отступить. Позднее он вспоминал, что ергомское «население недоумевало и выражало явное недовольство», ибо красные клятвенно обещали защитить их. Красноармейцы ушли сначала в Вендингу, откуда Епов послал на Мезень разведгруппу. На станции Субач (Калининская) эта разведгруппа была введена в сильное заблуждение одним из своих разведчиков, в дальнейшем перешедшим на сторону «марковцев», Ф.С.Селивановым. Посланный в Субач, он устроил там пальбу в воздух из винтовки и револьвера. Не дождавшись возвращения Селиванова, разведгруппа решила, что он погиб в перестрелке с противником и вернувшись в Венденгу, сообщила, что белые с Мезени совсем рядом. 2 декабря 1918 г. И.В.Епов отдал приказ спешно отступить в Яренск.

В связи с отходом Епова с Удору в Яренске поднялся страшный переполох. Оказывается, 30 ноября 1918 г. на Удору был отправлен третий яренский отряд под командованием А.А.Ваганова и Е.А.Воробьева количеством в 80 штыков и с двумя пулеметами (в яренских документах этот отряд называется «карательным»). Яренский уезд (как раньше Мезенский) был объявлен на осадном положении («абсолютно воспрещались», в частности, «всякие собрания, хотя бы и на частных квартирах», «хождение по улицам группами», «зажигание огней в частных квартирах после 10 часов вечера» и т.п.; «за появление на улицах в нетрезвом виде» предавали «военно-революционному трибуналу»; наказание за все эти преступления – «вплоть до расстрела»).

4 декабря яренский Революционный Совет принял обращение к населению уезда, в котором объявил, что «начался последний и решительный бой» против «кулаков и их друзей-приятелей, так называемых социалистов-предателей» за Советы и «горячо любимого вождя Ленина». Поведав, что белые «к великому сожалению, уже заняли весь Удорский край», ревсовет призвал «раздавить белогвардейскую банду, осмелившуюся поднять голову», «раз и навсегда покончить с этой дрянью». «Зорко следите за своими врагами, эксплуататорами-кулаками. Душите их!»

Получив известие Епова, что на Удоре сосредоточены крупные силы неприятеля и что по всей видимости, Кослан уже взят белыми, Яренский реввоенсовет (Ф.С.Коковкин, А.Хуппонен-Мурзин, С.И.Покровский) отправил в Усть-Сысольск паническую телеграмму: «Яренск накануне падения, белые в 40 верстах, отряд Ваганова пропал без вести». В Усть-Сысольске спешно стали формировать отряды на Удорский фронт. «Положение в городе тревожное ввиду белогвардейских выступлений на Яренск», – телеграфировали оттуда командованию красных в Котлас 1 декабря. 3 декабря 1918 г. усть-сысольский уездный комитет РКП(б) на всякий случай решил арестовать в городе заложников, постановив: «Дело об аресте местной буржуазии, в связи с выступлением белогвардейских банд в Яренском уезде, поручить Чрезвычайной комиссии».

5 декабря командующий 6-й армией красных генерал Самойло получил «сведения о волнениях в Яренске», и срочно поручил выслать туда оружие и подкрепления, связаться с ревсоветом, лично с Н.И.Ворсиным и проинструктировать их относительно дальнейших действий. Белые, надо сказать, и не думали наступать на Яренск – сил для этого у них не было.

Восстание «зеленых».

Кослан между тем действительно заняли «марковцы» – удорские крестьяне во главе с Леонидом Прокопьевичем Марковым, родившимся в с. Чернутьево, в семье зажиточного крестьянина. В годы I Мировой войны получил на фронте чин подпрапорщика. По возвращении на родину был избран в 1918 г. в Чернутьевский Совдеп секретарем. Когда в сентябре 1918 г. продотряд Н.И.Ворсина начал «трясти» крестьянские дворы в Чернутьево, Марков был в Яренске и участвовал в работе V уездного съезда Советов в качестве делегата. Красногвардейцы Ворсина арестовали группу зажиточных и влиятельных кулаков из Чернутьево, в том числе отца Л.П.Маркова. Арестованных увезли в Кослан, откуда планировалось доставить их в распоряжение яренской ЧК, скорой на расправу (так, в октябре 1918 г. яренские чекисты расстреляли члена Яренской Земской управы Ф.И.Мартюшева и купца А.Е.Вурдова, обвиненных в противодействии советской власти).

Тем временем Л.П.Марков выступил на уездном съезде Советов против деятельности продотрядов на Удоре, грабящих, по его мнению, крестьянство, и вскоре после окончания работы съезда был арестован «за распространение контрреволюционных слухов». Однако из-под ареста его вскоре освободили, 20 ноября 1918 г. мобилизовав в Красную Армию. Перед тем, как начать красноармейскую службу, Л.П.Марков отпросился на побывку домой и был отпущен в краткосрочный отпуск.

Вернувшись домой и узнав об аресте отца и земляков, Л.П.Марков организует отряд в 70 всадников (по другим данным, 15) с целью нападения на Кослан и освобождения арестованных. 25 ноября «марковцы» захватили в Мучкасе заставу из двух красноармейцев, поставленных туда Н.И.Ворсиным в октябре 1918 г. Оба красноармейца были расстреляны. Затем 26 и 27 ноября отряд Маркова разогнал Чернутьевский и Селибский Совдепы. Марков, выступая перед толпой селибских крестьян, заявил, что они «только авангард, а за ними идут сотни человек, и при сопротивлении все будут сметены с лица земли». Крестьяне стали десятками записываться в отряды Л.П.Маркова (даже председатель селибского комбеда В.Ф.Ванеев и селибский волвоенткомиссар записались в «марковцы»). В скором времени у Маркова под ружьем находилось до 100 конных и пеших вооруженных удорцев. В ночь на 28 ноября «марковцы» напали на Кослан, освободили всех узников местной тюрьмы, а на их места в камерах водворили работников Косланского Совдепа. Местная

милиция успела отправить отца Л.П.Маркова под конвоем в Яренск, но «марковцы» настигли «этап» на станции Дин-Ель и освободили всех конвоируемых.

На помощь «марковцам» из Пыссы был отправлен белогвардейский отряд С.Киприянова в 25 штыков. В районе Селиба, где к этому времени уже отсутствовала советская власть, крестьяне встретили белогвардейцев огнем из охотничьих ружей. По всей видимости, этот инцидент говорит о том, что удорские волости на Мезени попытались в ноябре 1918 г. стать между «красными» и «белыми» (т.н. «зеленое» крестьянское движение в годы гражданской войны действительно не признавало ни белых, ни красных; особенно успешно «зеленые» действовали на Украине и на черноморском побережье России).

С.Киприянов позднее докладывал начальству: «Третье декабря отряд из 25 человек прибыл в д.Селибскую для улаживания конфликта, происшедшего между отрядом и гражданами д.Селиб. По прибытии в деревню со стороны граждан д.Селиб был открыт из охотничьих ружей огонь по отряду. Мы были вынуждены ответить таковым же. Нами было выпущено 200 выстрелов, через несколько минут была выслана делегация, которая предложила, чтобы население сдало охотничьи ружья, что было выполнено. Конфликт улажен, жертв не было». Киприянов арестовал было нескольких селибцев, но потом был вынужден отпустить их под давлением общества.

1 декабря конный отряд «марковцев» под началом П.Бушенева сделал попытку захватить Глотово, но в ходе возникшей перестрелки (во время которой был убит глотовский крестьянин З.Политов) с советскими работниками вынужден был отступить в Кослан. Совработники Глотово тоже решили более не искушать судьбу и эвакуировались в Яренск. 4 декабря «марковцы» заняли оставшееся без власти Глотово. На Мезени установилось крестьянское «зеленое» самоуправление, попытавшееся занять позицию между белыми и красными. Везде всюду распускались слухи о многочисленности удорской армии Л.П.Маркова (утверждали, например, что вот-вот подойдут к Кослану еще 2 тысячи человек на оленях). В итоге в конце ноября – начале декабря 1918 г. практически вся Удора контролировалась белыми и «марковцами», но успех «зеленых» оказался недолгим.

4 декабря 1918 г. в Буткан на Удору прибыл яренский карательный отряд Ваганова-Воробьева. Не зная об отступлении И.В.Епова, Ваганов предполагал двигаться далее в Ертом, но известие о восстании «марковцев» заставило его изменить планы. В Буткане была задержана застава «марковцев» из пяти человек. После их допроса красные разделились и двумя частями двинулись на Кослан и Глотово, рассчитывая быстрыми ударами покончить с восстанием. 5 декабря после короткой перестрелки Ваганов выбил «марковцев» из Кослана. На дороге между Косланом и Глотово красными был разгромлен и

обезоружен конный отряд «марковцев» под командованием П.Бушенева, причем последний был убит. В этот же день красные заняли Глотова.

Быстрота их продвижения напугала Л.П.Маркова. Он попытался организовать в д.Разгорт заслон и задержать противника. Сюда же прибыл белогвардейский отряд С.Киприянова. 6 декабря 1918 г. отряд Ваганова атаковал Разгорт. В разгар вспыхнувшей перестрелки часть «марковцев» не выдержала и стала разбегаться из Разгорта, после чего красные ворвались в деревню. По воспоминаниям К.И.Попова, яренские каратели «после этого установили в Разгорте порядок» – всего здесь было убито и расстреляно 17 «марковцев» (по другим источникам, в частности, данным П.Г.Доронина, потери «марковцев» составили 10 человек убитыми, ранеными и пленными). В Разгорте же был пойман Ф.С.Селиванов. Его расстреляли вместе с отцом.

Вернувшись в Кослан, Ваганов приказал наступать на «оплот» повстанцев – Чернутьево. По словам К.И.Попова, тогда же в Кослане было расстреляно еще 4 «марковца». 10 декабря 1918 г. красные без боя заняли Чернутьево и начали немедленный вывоз хлеба с ссыпного пункта. В селе было оставлено сильное охранение. А.А.Ваганов сообщал в Яренск: «Население Кослана под давлением кулаков определенно стоит на платформе белых, население Разгорта, Буткана, Глотова колеблется, не проявляя активной борьбы...».

П.А.Сорокин, незадолго до этого сдавшийся большевикам и содержавшийся в велико-устюжской тюрьме, так писал о восстании на Удоре: «Только что привели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Это крестьяне, которые осмелились сопротивляться, когда коммунисты явились «национализировать» все их зерно, скот и другое имущество. На подавление бунта в селах были посланы пушки и пулеметы. Три населенных пункта разрушены до основания и сожжены, много крестьян убито, сотня арестованных. Те шестьдесят семь человек в ужасном состоянии – руки переломаны, на теле рваные раны и кровоподтеки... Сегодня нас стало меньше. Большинство крестьян казнены».

Тем временем, из Усть-Сысольска, взбудораженного панической телеграммой яренского реввоенсовета, на Удору были отправлены два отряда – в 55 (под командованием А.С.Канева) и 53 человек (командир М.И.Волошин). Общее командование усть-сысольскими отрядами возлагалось на П.А.Анисимова. 14 декабря часть усть-сысольских отрядов под начальством усть-сысольского военного комиссара А.А.Маегова по тракту Турья-Глотова вышла на Удору и направилась в Кослан. 20 декабря 1918 г. Маегов соединился в Кослане с отрядом Ваганова-Воробьева.

П.А.Анисимов остановился в Усть-Выми, где был организован штаб советских отрядов на Удоре. Усть-Вымский Совдеп старого состава был распущен. В докладе петроградских агитаторов И.Мельникова и Н.Медакова о поездке в Яренский уезд в декабре 1918 г. пишется, что «в Совет прошли все коммунисты. Мы тут же сделали замечание Совету, чтобы он при нас

повесил красный флаг на здании Совета, а не хранил бы его в сундуке, а также и плакат Совета рабочих и крестьянских депутатов, которого не было. Одним словом, старый состав Совета никуда не годился. Мы тут же постановили вооружить всех членов Коммунистической партии хотя бы дробовиками, отобранными у местного кулачества ввиду того, что фронт близко и делали набег белогвардейцы, парализуя местных крестьян. Ввиду этого было решено нести караул днем и ночью».

Вскоре Усть-Вымь стала базой подготовки мощного наступления красных на Удорском фронте.

Падение «гнезда ваикской белогвардейщины».

Штаб VI Красной Армии решил выделить для разгрома противника на удорском участке Северного фронта значительные людские ресурсы и необходимое количество оружия. 5 декабря 1918 г. комбриг Н.В.Лисовский, командующий войсками Двинско-Мезенского района Северного фронта, получил телеграмму: «Вам для вооружения яренских отрядов высланы тысяча японских и пятьсот русских винтовок с соответствующим количеством патронов. Высылайте срочно Северо-Двинский батальон в Яренск, обратите особое внимание на выбор командира, внушите быстроту и энергию действий батальона и других отрядов, которые должны быть объединены, дабы не быть разбитыми по частям до подхода батальона. Организуйте разведку, средства будут отпущены. Сегодня, 5 декабря, получены из Великого Устюга сведения о волнениях в Яренске. Установите связь его с Реввоенсоветом, уездвоенкомом, Ворсиным, Князевым, Щенниковым, инструктируйте их».

8 декабря 1918 г. в Яренск из Сольвычегодска прибыл отряд красноармейцев в 250 штыков с пулеметной командой под командованием И.С.Кривенко. Из Котласа был направлен кавэскадрон (по другим источникам, каввзвод) Русса. Из Усть-Сысольска в Усть-Вымь подошли еще два отряда общей численностью в 87 человек. Поначалу командование всеми отрядами осуществлял П.А.Анисимов, но с 17 декабря руководство перешло к И.С.Кривенко (есть также информация, что И.С.Кривенко прибыл в Яренск только 26 декабря 1918 г. и тогда же взял на себя командование).

На Удоре после разгрома «марковцев» наблюдалось затишье. Стороны занимались разведкой. 23 декабря 1918 г. разведгруппы красных заняли Ертом и Мучкас. Остатки «марковцев» отступили в деревню Патраковскую, где стоял белогвардейский гарнизон подпоручика Н.И.Макаровского. 24 декабря белые выбили разведку противника из Мучкаса. В этот же день разведгруппа красных была обстреляна под Чирками. Белые предприняли попытку окружить Ертом со стороны Иба. Красные оставили Ертом и отступили в Венденгу.

На Пинеге в это время красные теснили противника, взяв Карпогоры и Труфаногорскую. Полковник Д.Д.Шапошников информировал Архангельск:

«Непонятные, крайне резкие изменения в делах последних дней русско-американского отряда на Пинеге отражаются на операциях по Вашке и Мезени, вызывая необходимость оттягивания отрядов с верховьев этих рек ближе к Усть-Вашке». Продвижение красных по удорским волостям Мезени во время подавления восстания Л.П.Маркова напугало белых. Начальник важгортецкого отряда поручик А.М.Стышнев получил директиву: «Если красноармейцы... уже прошли Пыссу и ударить им в тыл невозможно – спешно отходите к Усть-Вашке... В первую очередь пустите 60 человек и 2 пулемета, дабы я мог организовать против Койнаса. Отдать Койнас мы не должны». Силы белых были стянуты на пинежское направление. 29 декабря 1918 г. Шапошников напоминал Архангельску, что все его действия находятся в полной зависимости от положения на Пинеге. Полковник запретил своим офицерам на Вашке и Мезени «всякие активные действия», ограничиваясь разведкой. Поручик А.М.Стышнев получил приказ: «Никаких продвижений вперед и на Нюхчу не предпринимайте. Установите твердую связь с Макаровским и при малейшей нужде поддержите его... Фразу «продвижений вперед и в сторону Нюхчи» понимайте в смысле захвата деревень вроде вредного и бесцельного похода на Ертому».

Время от времени белые предпринимали разверейды в сторону противника. Так, подпоручик Н.И.Макаровский доносил Шапошникову: «Сегодня сделаю набег на Мучкас с целью показать, что мы не спим, якобы предпринимая наступление». 30 декабря 1918 г. Макаровский сообщал, что «верст за 5 от Патраковской велел натоптать следов человек на 100, чтобы поугаить красных. Ввиду малочисленности солдат караул несут местные жители». 9 января 1919 г. тот же Макаровский доносил Шапошникову из Пыссы, что «...местное население относится к делу несочувственно. Неохотно и мало дают людей для караула. Часовыми назначают 9-10 летних детей или 70-летних стариков. Лошадей тоже дают неохотно и службу связи несут худо. Видно, что не хотят работать. Строгие меры помогают ненадолго. Нельзя заставить хорошо работать, если задержать на время выдачу хлеба, за которым они сейчас отправляются. Едет много мужиков и берут около 100 лошадей. Эта убыль в людях и лошадях является для меня большим минусом. Хлеб вообще сейчас в Пыссу свозить не стоит. Высылайте заблаговременно продовольствие. Моего запаса надолго не хватит. Присылайте винтовки. Желательно еще 2 ручных гранаты».

В конце декабря 1918 г. сводные отряды красных на Удорском фронте общей численностью в 850 штыков и сабель получили наименование 162-го полка 3-й бригады 18-й дивизии VI Красной Армии (штаб бригады находился в Красноборске). Полк был разбит на два батальона, в каждом батальоне по три роты. Командиром полка являлся И.С.Кривенко, его помощником был П.А.Анисимов, военным политкомиссаром – А.Голованов, начальником оперчасти – А.П.Багин, начальником снабжения А.О.Канов. Батальонами

командовали А.А.Маегов и А.А.Ваганов, Князев стал военным политкомиссаром 1 батальона, Е.А.Воробьев – 2 батальона. Командиром лыжной разведки являлся А.В.Жаков, конной командой руководил Русс. Полк должен был начать наступление по Вашке и Мезени, взять в конечном итоге Усть-Вашку, перерезать Койнацкий тракт, а затем объединенными усилиями с ижмо-печорскими отрядами Мандельбаума овладеть Усть-Цильмой.

27 декабря 1918 г. 7-я рота 162-го полка (бывший отряд И.В.Епова) в 100 штыков и при двух пулеметах заняла Ертом. В начале января 1919 г. штаб полка переместился из Яренска в Венденгу. Наступление красных началось. 1-й батальон 162-го полка под началом Маегова продвигался по Вашке, 2-й батальон (комбат Ваганов) наступал по Мезени.

Главной задачей 1-го батальона во время продвижения по Вашке являлось взятие «гнезда вашкской белогвардейщины» (как раньше писали в работах по истории гражданской войны о Важгорте). 7 января 1919 г. красные заняли Коздингу, 10 января после небольшой перестрелки – Иб и Чирки. 11 января разведгруппа красных во главе с Д.А.Остаповым вошла в деревню Вильвидз, где проживал дядя Остапова. Последний и вывел племянника прямо на заставу белых, где в завязавшейся перестрелке Д.А.Остапов был убит. Е.Г.Королева и А.А.Попов в своей работе по истории гражданской войны в Коми крае писали: «Его гибель удесятирила ненависть советских воинов к белогвардейцам и, невзирая на сорокаградусный мороз, батальон решил взять Важгорт во что бы то ни стало». Красные опрокинули заставу противника, заняли Вильвидз и Кривонаволоцкую, и подошли к Важгорту.

Важгорт оборонял отряд поручика А.М.Стышнева примерно в 200 штыков. В селе находился также уполномоченный Управления внутренних дел ВПСО по Мезенскому уезду С.О.Латкин, проводивший расследование по делу спекуляциями продовольствием удорского комитета безопасности и коменданта Важгорта Зотикова.

12 января (есть версия, что 16 января) 1919 г. красные атаковали Важгорт. В газете «Югид туй» за 1925 г. И.В.Епов так описывал взятие села: «Стоял трескучий мороз. Двигались с осторожностью. Главные силы с проводниками А.А.Поповым и А.В.Старцевым (работники Важгортского волисполкома) шли лесом по колено в снегу в тыл противнику. На рассвете, когда батальон занял исходное положение, противник открыл сильную стрельбу. Часть сил батальона подалась назад, но положение было восстановлено. Пулеметы на сильном морозе действовали с перебоями. Вести людей в атаку по глубокому снегу под пулеметным огнем было нельзя. Пришлось действовать выдержкой. К 14 часам огонь противника стал затихать, а затем и прекратился вовсе. Противник, воспользовавшись мертвым пространством между флангами батальона, отступил. К вечеру 12 января после 10-часового боя важный опорный пункт белогвардейцев был взят. После трех бессонных ночей красноармейцы получили заслуженный отдых». Оценивая отношение

вашского населения к приходу советских войск, И.В.Епов писал: «Местное население почти целиком настроено против нас. У многих в рядах белых то сын, то отец, то какой-либо родственник. Население было явно на стороне белых».

В ночь на 13 января красные заняли деревню Вильгорт, где были взяты в плен два белогвардейца. 18 и 26 января без боя лыжные команды красных вошли в Муфтыгу и Чупрово. 27 января (по другим данным, 1 февраля) батальон А.А.Маегова атаковал Коптыгу, но был вынужден отойти, потеряв в бою 13 человек убитыми и ранеными (был убит в том числе комроты Л.А.Амосов). Позиции сторон на Вашке стабилизировались: красные стояли в Чупрово, белые обороняли Коптыгу.

Одновременно с наступлением по Вашке, 2 батальон 162 советского полка продвигался по Мезени. 13 января 1919 г. подпоручик Н.И.Макаровский из Пыссы информировал Усть-Вашку: «Присылайте скорее винтовки, патроны и бомбы, иначе я буду принужден отступить. Вчера стрельба продолжалась 4 часа. Красноармейцы были при 2 пулеметах. В случае такого следующего натиска солдаты уйдут. Пыссу легко окружить, и тогда я с отрядом [попаду в тяжелое положение]. Жду винтовок и распоряжений».

15 января Н.И.Макаровский с белогвардейским гарнизоном покинул Пыссу, оборонять которую остались «марковцы». Л.П.Марков, восстановленный белыми в чине прапорщика царской армии (по другой версии, поручика) сообщал начальнику Печорского уезда штабс-капитану Г.П.Алашеву: «Войска Мезенского фронта подпоручика Макаровского отступили из Пыссы. Остановились в 20 верстах от Койноса. Поэтому вам нужно опасаться обхода красноармейцев со стороны Мезени, т.к. здешних войск – малое количество. Поэтому никак пока не можем выставить лишних постов, т.к. нам угрожает опасность со стороны Вашки. Сообщите сюда, когда высланы винтовки и сколько. Если можете дать помощи, то посылайте хотя вооружение. Телеграфируйте, как ваши дела. Обязательно нужно иметь между нами связь, дабы не остаться отрезанными».

18 января 1919 г. красные заняли Латыюгу, а на следующий день атаковали Пыссу, но были вынуждены отойти. 20 января батальон Ваганова снова атаковал Пыссу, «марковцы» не выдержали и бежали из села. 21 января после упорного боя красные взяли Вожгору, а 22 января выбили неприятеля из Лебска. Под угрозой оказался важный для белых Койнаский тракт, связывающий Мезень и Печору.

Командующий советскими отрядами в Печорском уезде Мориц Мандельбаум получил 27 января 1919 г. директиву от командарма VI Красной Армией А.А.Самойло: «Усилить активность. Наступать на Усть-Цильму... Противник перебрасывает 400 человек с пулеметами и артиллерией от Усть-Цильмы на Койнас. Помешать...» Однако никакого наступления на Усть-Цильму с целью поддержки Удорского фронта Мандельбаум не организовал.

Штаб армии получил от него телеграмму: «Население здесь на Севере темное, никакой надежды на него нет, большинство шкурники, сегодня красноармейцы, а завтра белогвардейцы, вся надежда на Усть-Сысольск...»

От Вожгоры до Коптюги.

С занятием Вожгоры красные получили возможность перерезать Койнасский тракт – стратегическую дорогу белых. 2 февраля 1919 г. разведгруппа красных осмотрела подходы к тракту, а 3 февраля части мезенского батальона Ваганова неожиданным ударом захватили станцию Нижне-Сульскую на полпути между Койнасом и Усть-Цильмой. На станции был захвачен обоз с мукой (120 пудов) и перерезан телеграфный провод. Развивая успех на койнасском направлении, красные 3 февраля атаковали деревню Боровую недалеко от Кыссы, но встретив упорное сопротивление, были вынуждены отойти, потеряв в бою 24 человека убитыми и ранеными.

Начальник Койнасского укрепрайона штабс-капитан Сеглюк предложил Д.Д.Шапошникову контрудар по красным, поскольку «обладание Нижне-Сульской... крайне важно нам для поддержания связи с Печорой». Но Шапошников и сам это прекрасно понимал. Было выдвинуто два плана контрнаступления на противника. Шапошников предложил основной удар нанести в районе Кыссы, чтобы охладить наступательный порыв красных, а с целью отвлекающего маневра атаковать Муфтюгу на Вашке. Под Вожгортом Шапошников планировал соединение своих вашкских и мезенских отрядов. Штабс-капитан Сеглюк выдвинул план нападения на Вожгору, а отвлекающим маневром считал удар по вашкскому Вильгортю, где и намечал соединение сил. Наличие двух планов привело к серьезной путанице и последующей неудаче. Основной удар белых был нанесен по Вожгоре, а отвлекающий маневр – по Муфтюге.

На Вашке в момент контрудара белых положение сторон не претерпело изменений: красные стояли в Чупрово, белые – в Коптюге. 2 февраля белые неожиданным ударом заняли деревню Малая Муфтюга и обстреляли неприятеля в Большой Муфтюге, но затем снова вернулись в Коптюгу. 3 февраля батальон А.А.Маегова предпринял второе наступление на Коптюгу. Незадолго перед этим красные получили пополнение – яренский коммунистический отряд в 60 человек под начальством И.А.Щепетева. В самый ответственный момент коммунисты отказались идти в атаку. И.В.Епов так вспоминал о «роте коммунистов»: «Количественно нас стало больше, но зато качество прибывших внушало большие опасения. В числе прибывших оказались почти наполовину «шкурники». Они вносили разложение не только в свои ряды, но заметно влияли и на наших испытанных бойцов, сея панику и распространяя ложные слухи. Второе наше наступление на Коптюгу было неудачным исключительно по вине прибывшего пополнения. Возвратившись вторично в Чупрово, сразу же приступили к реорганизации «Роты

коммунистов». Расформировали ее и влили небольшими частями в другие роты, а часть назначили для несения тыловой охраны». В ночь на 8 февраля красные в третий раз наступали на Коптюгу, но после 5-часового боя снова отошли.

Штабс-капитан Сеглюк сосредоточил под Вожгорой два крупных отряда с пулеметными командами. В ночь на 12 февраля 1919 г. разведчики белых вошли в Вожгору и узнав у красноармейцев, где находится штаб, открыли по последнему внезапный огонь. В это время в Вожгоре был не только штаб батальона, но и штаб 162-го полка вместе с комполка И.С.Кривенко. В завязавшейся перестрелке Кривенко был тяжело ранен (в горло). Услышав стрельбу в селе, подпоручик Н.И.Макаровский ввел в бой основные силы 200 штыков с 4 пулеметами. Завязалась нешугочная пальба. Стоявший в Лебске красноармейский гарнизон, заслышав звуки выстрелов в тылу, встал на лыжи и внезапно обрушился на тыл белых. Последние запаниковали и в беспорядке стали разбегаться в разные стороны. В итоге, контрудар Сеглюка полностью провалился. После двухчасового (по другой версии, шестичасового) боя белые потеряли около 30 человек убитыми и ранеными, около 50 человек попали в плен, в том числе прапорщик Барышников (позднее штабс-капитан Сеглюк уточнял свои потери, утверждая, что у Макаровского погибло и попало в плен 53 человека, у Барышникова – 22). Подпоручик Н.И.Макаровский, окруженный красноармейцами, застрелился. Потери красных были ничтожными – всего восемь убитых и раненых. Советские трофеи составили 80 винтовок и, по разным данным, от одного до восьми ручных пулеметов.

В.И.Прошев в своей книге «За власть Советов» писал о героизме красноармейцев в бою под Вожгорой: «В этой схватке, длившейся несколько часов при сорокаградусном морозе, храбро сражались все бойцы и командиры. Но особо отличились командир взвода 6-й роты Е.С.Игнатов и красноармеец ординарец 5-й роты Г.Е.Конаков. Е.С.Игнатов, заметив скопившихся около овинов белогвардейцев, своим взводом атаковал врага, первый бросился на него врукопашную, лично уничтожил офицера (имеется в виду застрелившийся подпоручик Макаровский – авт.) и нескольких солдат. Белогвардейцы обратились в бегство. На другом участке разгоревшегося боя Г.Е.Конаков первый поднялся в контратаку, своим примером бесстрашия увлек товарищей в штыковой бой против роты белогвардейцев... Е.С.Игнатов и Г.Е.Конаков были награждены орденами Красного Знамени... Орденом Красного Знамени был награжден и командир Вашко-Мезенского отряда И.С.Кривенко, который в этом бою был опасно ранен, но продолжал руководить боем до победы».

Штабс-капитан Сеглюк поставил Шапошникова в известность: «У Вожгоры поражение полное, часть отряда уничтожена, часть убежала, большие потери солдат, офицеров, вооружения... положение критическое». В Усть-Вашке возникла паника. Полковник Шапошников докладывал в

Архангельск: «Тяготение жителей и солдат района Койнас к большевикам и боевая неустойчивость при потере двух офицеров и 50 солдат, оставшихся в самой Вожгоре, остальные за малым исключением в беспорядке на подводах бежали в Койнас. Погиб 1 пулемет. Окончательно повернулось настроение отряда и населения в сторону красных. Оставление Койнаса и потеря связи с Печорой – вопрос нескольких часов. Резерва в Лешуконском нет, положение крайне тяжелое... Шлите обещанный отряд офицеров и надежных солдат, дабы иметь возможность обуздать разошедшуюся банду. Оставление Лешуконского крайне вредно отразится на Пинеге. На Вашке и Мезени оперируют части 162-го стрелкового полка, появилась артиллерия. Положение отряда на Печоре критическое, так как не успел перебросить туда присланное вами оружие».

«Отвлекающий маневр» белых на Вашке тоже не дал никаких результатов. Поручик А.М.Стышнев с отрядом в 180 человек окружил Муфтыюгу и перерезал телефонный провод между Муфтыюгой и Чупрово. Однако начальник муфтыюгского гарнизона А.В.Жаков успел перед этим произнести в телефонную трубку одно слово: «Противник...» Этого оказалось достаточным, чтобы из Чупрово на помощь срочно выступили главные силы вашкского батальона Маегова. После 10-часовой перестрелки белые были вынуждены отступить, потеряв девять человек. В качестве трофея красным достался осел с пулеметом, брошенный хозяевами, очевидно, за упрямство.

Полковник Шапошников в провале контрнаступления во всем обвинил штабс-капитана Сеглюка. Последний в беседе с адъютантом Шапошникова Закревским говорил: «Неудача подействовала на меня потрясающим образом. Я был близок к самоубийству. Еще не могу опомниться. Я шел, верил в успех, но солдаты оказались сволочи, бросили на произвол судьбы взвод Макаровского и сами убежали. Я лично вел 3-й взвод на выручку Макаравского, но при первых просвистевших пулях все разбежались прочь. В сегодняшний день меня добила окончательно, я совершенно больной... буду делать все, чтобы удержать фронт и усмирить обрадованную сволочь... Перед отправлением взвода в Кыссу и Тайболу я им заявил, что если они побегут, еще в Койнасе я их встречу, как красноармейцев».

13 февраля 1919 г. мезенский батальон красных в 35-градусный мороз атаковал д.Боровую, но был вынужден после трехчасового боя отойти «ввиду... неблагоприятно сложившейся обстановки». Незадолго до этого, 11 февраля, красные по неизвестным причинам оставили Нижне-Сульскую.

Положение белых между тем день ото дня становилось все хуже и хуже. Солдаты отказывались воевать. Штабс-капитан Сеглюк докладывал о настроениях среди рядовых: «Померзли и воевать не желаем, надоело». Два взвода белых самовольно оставили Нижне-Сульскую и отошли на станцию Касамская. За уход с позиций Шапошников приказал разоружить их, но солдаты не подчинились. Местное население Койнаса отказывалось рыть окопы. Сеглюк

доносил Шапошникову: «У населения явные симпатии на стороне большевиков. Сам слышал фразу: «Слава богу, наши братья близко, уже зададим белогвардейцам». Сеглюк предлагал пока не поздно отступить из Койнаса в Устькыму, полагая, что «население Койнаса с наступлением большевиков обязательно перейдет на их сторону и путь отступления будет закрыт».

Д.Д.Шапошников был вынужден шантажировать койнаское население поставками продовольствия: «Временное правительство идет навстречу во всех нуждах граждан волостей при условии, если и граждане в свою очередь помогают правительству в работе ограждения волостей от насильников, забывших Бога, закон и родину. Отныне не только за несколько смутьянов и агитаторов, но даже за одного преступника солдата или гражданина – будет нести кару вся волость. Оставление отрядом Нижне-Сульской и постановление отряда в Кыссе – это работа, я уверен, не всех вооруженных, а только некоторых смутьянов, которые должны быть немедленно убраны из отрядов и волостей. Хотел бы не доводить дело до призыва иностранных войск для наведения порядка силой оружия. Задержанный в ценогорской хлеб освобождаю, но дальнейшую получку хлеба прекратил до наведения в отрядах моими помощниками полного порядка». Вскоре в Койнас прибыл мезенский административный судья Лазаревич, арестовавший ряд симпатизировавших большевикам лиц.

При создавшихся условиях 162-й советский полк вполне мог овладеть Койнаским трактом и Усть-Вашкой. Однако никаких наступательных операций после боя под Боровой красные не предпринимали. Очевидно, сказывалось отсутствие командира полка. 26 февраля 1919 г. 162-й полк был переименован в Вашко-Мезенский, командиром которого стал А.А.Маегов (по данным В.И.Прошева, полк был переименован только 19 марта 1919 г., а 26 февраля он был включен в состав VI Красной Армии). Тогда же ижмо-печорские советские отряды стали именоваться Ижмо-Печорским полком. В списках Вашко-Мезенского полка в конце марта – начале апреля 1919 г. насчитывалось до 1600 человек.

Красные уходят с Удоры.

Полковник Д.Д.Шапошников неоднократно просил Архангельск выделить для него дополнительное пополнение, оружие, обмундирование и продовольствие в связи с активизацией красных. Наконец, в конце февраля 1919 г. из Архангельска стало поступать требуемое. 23 февраля в Усть-Вашку прибыл офицерский отряд с артиллерией.

Приказом по русским войскам Северной области № 65 от 3 марта 1919 г. полковник Д.Д.Шапошников был официально назначен командующим Мезенско-Печорским районом – самым отдаленным от Архангельска участком боевых действий Северного фронта. Постановлением ВПСО от 17 марта 1919 г. Д.Д.Шапошников был возведен в генерал-майоры, а союзное

командование наградило его британским орденом «За выдающиеся заслуги», оценив по достоинству его вклад в борьбе с большевизмом на Мезени, Печоре и Пинеге. Одновременно с Д.Д.Шапошниковым штабс-капитан Г.П.Алашев получил повышение до капитана.

Воспользовавшись затишьем на фронте, Д.Д.Шапошников перегруппировал свои силы, провел мобилизацию (на Печоре призыв осуществлялся по приказу Г.П.Алашева от 16 февраля 1919 г.: «Составить списки всех подлежащих мобилизации от 20 до 35 лет на следующих основаниях: 1. Мобилизованными не должны быть одинокими работниками в семье. 2. По состоянию здоровья годны к строевой службе. 3. Не участвовавших в Советах и подобных организациях»). Официально мобилизация осуществлялась согласно постановлению ВПСО от 5 марта 1919 г. (призывных возрастов 1893-98 г.г.).

Мезенский район был разбит на три боевых участка (Чубласский, Вашский и Койнаасский). Начальникам этих участков (Чубласским командовал подпоручик Семушин, Вашским – поручик Стышнев, Койнаасским подпоручик Маньков) были присвоены права командиров неотдельных батальонов. Действующие в Мезенском районе силы были разбиты на шесть рот. Командиром Чубласской роты являлся прапорщик Соколов, Лешуконской – подпоручик Семушин, 1-й Вашской – мичман Надгрызовский, 2-й Вашской прапорщик Труфанов, 1-й Койнаасской – подпоручик Калининский, 2-й Койнаасской – прапорщик Петров. Кроме того, имелись вашская и койнаасская команды разведчиков (командир мичман Бук) и артиллерийская полубатарея из четырех орудий (командир лейтенант Михайлов).

Действующие в Печорском районе силы были разбиты на четыре роты и пулеметную команду. 1-й ротой командовал подпоручик Рочев, 2-й ротой – штабс-капитан Новиков, 3-й ротой – прапорщик Терентьев, 4-й ротой – поручик Мельников, пулеметную команду возглавлял подпоручик Пономарев. Во главе района был поставлен капитан Г.П.Алашев на правах командира отдельного батальона. В его подчинении имелась также артиллерийская полубатарея из двух орудий (командир капитан Андреев). Численность всех войск, находящихся в ведении Шапошникова в апреле 1919 г. оценивается по меньшей мере в полторы тысячи человек (в том числе на Печоре 749), из них 34 старших и младших офицера.

Красные на Удоре тоже усиливали свои позиции. Чупрово было превращено по словам И.В.Епова в «удорский Осовец» (так называлась сильно укрепленная русская крепость в Прибалтике) – созданы траншейная линия обороны и укрепленные блиндажи, протянута телефонная связь. Весь лес вокруг Чупрово в зоне огня был вырублен, в самой деревне снесли часть построек для использования бревен на огневых рубежах. В середине марта 1919 г. в Чупрово прибыла артбатарея в составе двух трехдюймовых орудий.

За неделю до четвертого наступления красных на Коптюгу в белогвардейских частях на Вашке был раскрыт заговор. Генерал-майор

Шапошников докладывал в Архангельск: «В отряде на Вашке среди призванных по последней мобилизации, преимущественно из партии, присланной из Мезени, открыт заговор, документами подтвердившийся. Двое расстреляны немедленно, остальные в числе около 40 обезоружены, отправлены в Лешуконское. Цель заговора – арестовать всех офицеров и надежных солдат и открыть фронт. внешние причины – отсутствие обмундирования и неуплата жалованья. Теперь все спокойно. Прошу разрешения о назначении в Лешуконском особого суда».

В ночь на 31 марта 1919 г. красные открыли по Коптюге ураганный артиллерийский огонь. Для корректировки стрельбы далеко в сторону врага был выдвинут специальный телефонизированный пункт наблюдения. Всего по Коптюге выпустили 400 снарядов, от огня которых сгорело пол-деревни. С возгласом «Дашь Коптюгу!» батальон красноармейцев атаковал позиции белых. Неожиданно для красных противник тоже ответил сильным артиллерийским огнем. Дважды цепи красноармейцев поднимались в атаку и оба раза, не выдержав огня неприятеля, откатывались назад. Попытавшийся поднять солдат в третью атаку начальник оперчасти Вашко-Мезенского полка А.П.Багин был ранен, после чего наступление захлебнулось. Красные прекратили артобстрел, крайне деморализованные очередной неудачей. Потери сторон в результате боя были ничтожными: красные потеряли 11 человек убитыми и ранеными, белые – 6 человек.

1 апреля части мезенского батальона Вашко-Мезенского полка снова попытались овладеть Боровой, но тоже неудачно. Пять дней спустя Вашко-Мезенский полк получил внезапный приказ об эвакуации с Удоры. Это было вызвано наступлением Сибирской колчаковской армии на северо-запад. Появилась реальная угроза для Усть-Сысольска и Котласа. Поэтому советский штаб Пинега-Печорского края принял решение о немедленной эвакуации с Удоры, Печоры и Ижмы и концентрации всех советских сил в Коми крае на Вычегде.

По воспоминаниям И.В.Епова, приказ об эвакуации застал вашковский батальон красных в разгар подготовки пятого наступления на Коптюгу – планировалось зайти белым в тыл у Кебы и, окружив Коптюгу со всех сторон, взять ее измором. Приказ об эвакуации был воспринят вначале как измена со стороны командования, но получив подтверждение, Вашко-Мезенский полк начал отступление.

Эвакуация проходила в тяжелых условиях весенней распутицы. Лед на реках трещал, при переправе через Мезень у Кослана настил на льду не выдержал – обозы красных с лошадьми рухнули в воду. За собой красные взрывали и сжигали все мосты. С большим трудом с Удоры была вывезена артиллерия, снаряды пришлось бросить (по другой версии, их уничтожили). В деревнях специальные отряды проводили массовые реквизиции лошадей и лодок. Мобилизованные в ряды Красной Армии удорские жители

разбегались по домам, ямщики отказывались возить грузы по труднопроходимым дорогам. П.Г.Доронин отмечал: «Местные жители... прятали лошадей по лесам». А.П.Багин так отзывался об Удоре: «Необходимо отметить враждебное отношение населения Удоры к Красной Армии и ее действиям. Были случаи шпионажа и передачи сведений противнику. В Чупрово крестьяне сигнализировали фонарем белым об обходе их красными. Были случаи укрывательства белогвардейских шпионов в деревнях».

Белые пытались преследовать отступающего противника (в перестрелке с аръегардом красных между Важгортом и Ертомом был тяжело ранен поручик А.М.Стышнев), но вскоре отказались от этой затеи. 160-й советский полк, оперирующий на Пинеге и поддерживающий связь с Вашко-Мезенским полком с помощью специальной оленьей почты, получил приказ от командования усилить натиск на противника с целью прикрытия эвакуации с Удоры. Всю весну 1919 г. генерал-майор Д.Д.Шапошников был вынужден вести тяжелые бои на пинежском направлении в районе Чубласа.

19 апреля 1919 г. в Чернутьево помощник комполка П.А.Анисимов приказал бросить бомбу в дом Л.П.Маркова. От разорвавшейся бомбы вспыхнул пожар – сгорело 28 домов. В горящем Чернутьево красноармейцы изымали у населения все мало-мальски ценное, включая, по словам К.И.Попова, «спички, поношенное женское белье и платки». Отряд яренских чекистов под начальством А.Хуппонена-Мурзина брал в деревнях заложников и увозил их в Яренск (из Важгорта была вывезена таким образом семья священника Ф.Колпакова). В том же Важгорте красные изъяли при отступлении весь хлеб, часть которого раздали потом в Ертоме.

При отступлении 85 красноармейцев перебежало на сторону белых. По данным А.А.Потаповой, при переправе частей полка через реку в районе Лоптюги полурота красноармейцев в 40 штыков внезапно открыла огонь по своим, а затем скрылась в лесу. В Кослане рота красноармейцев под командованием Бусалова сделала попытку дезертировать, перебив весь командный состав. Только в последний момент заговор был сорван, а красноармейцы разоружены. С целью наведения порядка и дисциплины командование полка расстреляло в Буткане группу пойманных красноармейцев-дезертиров.

В конце апреля 1919 г. Вашко-Мезенский полк вышел с Удоры и был расквартирован на линии Княжпогост-Турья-Усть-Вымь-Айкино-Яренск. Вместе с советскими частями Удору покинули примерно 300 беженцев – семьи коммунистов и активистов советской власти. Яренский уезд был объявлен на осадном положении. Подводя итоги эвакуации с Удоры, комполка А.А.Маегов на VII съезде Советов Яренского уезда в мае 1919 г. сказал, что «только выдержка командного состава, напряжение воли всей партийной организации полка и глубокая симпатия к красным со стороны трудовых масс сделали отход возможным».

8 мая 1919 г. белые заняли Глотова, 10 мая – Буткан. Их приход особенно не обрадовал жителей, настроенных как против красных, так и белых. Поручик Калининский доносил в Усть-Вашку 19 мая: «Население Косланской, Глотовской и Селибской волостей все пропитаны большевизмом и коммунизмом. Шпионаж и агитация против наших отрядов, неподчинение и отказ в содействии и отказ в перевозочных средствах встречаются на каждом шагу. Были частые случаи, что лодки оставались без ямщиков, ямщики под предлогом оправиться скрывались в лесах, бросая на произвол судьбы свои лодки. Много наблюдалось случаев, что лодки, не уничтоженные красноармейцами, жители сами старались испортить. Все плоты для перевоза лошадей через реку Мезень отпущены вниз по течению. Телег нет. По лесам бродят вооруженные красноармейцы, боясь выйти в деревню. Жители носят им из деревень хлеб... Применением плети пришлось найти закопанные в земле несколько цинков патронов и даже винтовки. При обыске дробовок находится мало. По слухам, дробовики все распрытаны по лесам... Начальники отрядов Глотовского и Бутканского снимают с себя ответственность за последствия...»

14 мая 1919 г. генерал-майор Д.Д.Шапошников отдал директиву о подготовке наступления на Яренск. Архангельск получил от него телеграмму: «По проведении мобилизации на Печоре предполагаю большую часть мобилизованных перебросить в Лешуконское, откуда после формирования и краткого обучения будут направлены к верховьям Мезени и далее в сторону Яренска на поддержку и соединение с сибиряками. Отход красных с Мезени и Вашки нужно рассматривать как сокращение фронта и усиление против сибиряков в районе Яренск – Усть-Вымь – Усть-Сысольск. Действовал бы в этом направлении теперь же, но непонятная мне задержка красных на Пинеге связывает движение за верховья Мезени на юго-восток...». Таким образом, в мае 1919 г. Удора перешла в зону влияния белых.

Глава 6. БЕЛЫЕ НАСТУПАЮТ

«Обратить внимание на Чердынское направление».

После взятия Перми в декабре 1918 г. Северная группа войск Сибирской армии А.В.Колчака двигалась на северо-западном направлении, планируя соединиться с архангельскими частями в районе Усть-Сысольска и по Печоре. На территории Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии оперировали части генерал-лейтенанта А.Н.Пепеляева, в частности 25 Сибирский Тобольский стрелковый полк под командованием полковника Бордзиловского.

11 января 1919 г. начальник советского штаба Северного фронта Н.Н.Доможиров докладывал начальнику полевого штаба Реввоенсовета РСФСР Ф.В.Костяеву об обстановке в районе Чердыни: «В отношении Чердыни: послана рота из Вятки, но когда она попадет в подрайон, сказать трудно. Чердынский исполком, военком, военрук и местные части Чердынь бросили и ушли неизвестно куда. Отряд моряков в 60 человек перешел на сторону белых. Часть отряда Мандельбаума направлена к Чердыни... на Якшинскую пристань. У Мандельбаума в данное время имеется около тысячи человек, но нет инструкторов, нет оружия».

В середине января 1919 г. белые заняли Чердынь (в фондах бывшего коми партархива сохранилось свидетельство очевидца, согласно которому красные при отступлении из Чердыни арестовали 70 заложников, и часть из них отравили в газовой камере).

Антибольшевистские крестьянские восстания в январе 1919 г. в коми-пермяцких селах Полве, Усть-Зуле, Подкине, Вершинине, Гайнах, Юрле значительно помогли наступлению колчаковцев. 14 января 1919 г. вспыхнувшее восстание в Гайнах, организованное группой местной интеллигенции и бывшими офицерами царской армии, отрезало частям отступающей III Красной Армии дорогу на Кай. В ночь на 20 января 1919 г. восставшими жителями Юрлы был окружен центр села, где размещались Северо-Уральский военно-революционный комитет и Закамский советский штаб связи и охраны. В течение двух суток в Юрле шли бои, во время которых умер от заражения крови Фриц Аппога, тяжело раненый в голову («через глаз», как рассказывал очевидец).

С занятием Гайн 18-й Сибирский Иркутский полк белых вплотную подошел к границам Усть-Сысольского уезда, развивая наступление на кажимском и верхневычегодском направлениях. Рабочие Кажимского железодельного завода еще 30 декабря 1918 г. приняли на своем собрании решение «до последней возможности защищать завод от натиска белой сволочи и категорически отказываются от переезда в Нювчим». В Усть-Сысольск было сообщено, что «рабочие, способные носить оружие, все вступили в ряды Красной Армии. Остальные заняты по укреплению завода,

рытьем окопов и проч.». В свою очередь участник гражданской войны А.А.Курдюков в беседе с В.И.Прошевым вспоминал, что когда «обратились к рабочим Кажимского завода вступить добровольцами в [красноармейский] отряд, но вступило только три человека». Усть-Сысольский уездный комитет РКП(б) в срочном порядке начал формирование на верхней Вычегде отрядов красных партизан. В Керчомье и Усть-Неме появились отряды Д.Д.Ваддорова и Н.И.Игнатова общей численностью в 67 человек, вооруженных в основном охотничьими ружьями.

8 января 1919 г. из Усть-Сысольска в Кайский район была выслана разведгруппа в 39 (по другой версии, 35) человек с одним пулеметом под командованием Булышева. 30 января Булышев обнаружил противника за городом Кай и отступил в Кажим. 16 января красные отправили разведгруппу по направлению на Ксенофонтово. По некоторым данным, 23 разведчика под Ксенофонтовым были пойманы колчаковцами и впоследствии расстреляны. В конце января верхневычегодские краснопартизанские отряды нанесли несколько контрударов по противнику в Гайнском районе. 27 января отряд Д.Д.Ваддорова отгеснил белых из деревень Дзоль и Лупья, а 30 января партизаны под руководством Н.И.Игнатова неожиданным налетом захватили деревни Сойга, Конопля и Мыс, взяв в плен взвод белогвардейцев. В свою очередь 25 января разведка колчаковцев появлялась в деревне Зеляк на реке Вочь в 132 верстах от Усть-Кулома. 31 января белые предприняли наступление на Усть-Немь, но после двухчасовой перестрелки с краснопартизанским отрядом были вынуждены отойти.

12 января 1919 г. командующий Печорским краем Мориц Мандельбаум получил приказ № 02 из штаба VI Красной Армии: «Продолжить оборону края, обратив особое внимание на Чердынское направление». Мандельбаум под угрозой колчаковского прорыва перевел свой штаб из Троицко-Печорска в Усть-Щугор, оставив в верховьях Печоры своего помощника Н.Н.Суворова с целью создания линии обороны. В ожидании прибытия обещанных штабом армии резервов, 15 января 1919 г. Суворов докладывал, что запланировал на начало февраля наступление на Чердынь.

В это же примерно время штаб Красной Армии, получая много нареканий на действия М.Мандельбаума, решил направить в его отряд в качестве комиссара бывшего вологодского губвоенкома Г.Комиссарова. Член РВС VI Красной Армии Н.Н.Кузьмин в переговорах с РВС фронта по поводу Мандельбаума говорил, что «в следственную комиссию поступили некоторые дела, в которых его роль по некоторым вопросам денежного и иного характера не совсем чиста. Принимая во внимание неоднократные жалобы Берзина – командарма 3 – на его чересчур свободные действия и жалобы одного из уездных комиссаров (имеется в виду Э.Ф.Аппога – авт.) на то, что приказывает уездному комиссару не обращаться к трем волостям, а работать и разговаривать только с ним, мы... решили направить Комиссарова туда в

качестве сотрудника Мандельбаума...». Чуть позже Комиссарова в Троицко-Печорск выехала Чрезвычайная Печорская комиссия во главе с П.П.Олуниным для инспекции Ижмо-Печорских отрядов. Комиссия везла на Печору обоз с оружием и боеприпасами, направленный для Мандельбаума по личному указанию И.В.Сталина.

С целью более эффективного отражения колчаковского наступления командарм VI Красной Армии А.А.Самойло 27 января 1919 г. выдвинул план создания в Усть-Сысольске штаба Пинежного-Печорского края с руководством советскими отрядами на Мезени, Вашке, Печоре, Ижме, Вычегде и Сыsole.

25 января 1919 г. по требованию РВС VI Красной Армии Мориц Мандельбаум был отстранен от командования Ижмо-Печорскими отрядами, вместо него назначили Г.Комиссарова (А.Г.Колпаков в одном из своих писем П.Г.Дорониному писал, что «Комиссаров был назначен командующим сразу без инспекционных поездок. Это изменение было внесено видимо Сталиным или Дзержинским»). 1 февраля Мандельбаум доносил из Усть-Щугора: «Вчера, 31 января, занята Якша, сегодня, первое февраля, ввиду малочисленности наша часть оставила село Порог, что на Печоре, а что дальше?».

Троицко-печорская трагедия.

В январе 1919 г. в Троицко-Печорске скопились значительные ценности: у пристани зимовал печорский речной флот (восемь пароходов, паровые катера, баржи, буксиры), торговые склады и амбары были заполнены ляпинским хлебом, здесь же находились эвакуированное чердынское уездное казначейство и грузы Пушно-эксплуатационной экспедиции Уральской области. Под угрозой колчаковского вторжения красные решили эвакуировать часть ценностей на Вычегду, в том числе весь хлеб и демонтированные части двигателей пароходов. Для эвакуации в Троицко-Печорск был направлен усть-сысольский уездный комиссар М.М.Фролов. В конце января 1919 г. в Троицко-Печорск прибыли, по разным данным, от 500 до 800 подвод с Вычегды, на которых начался вывоз хлеба. По словам ямщика А.М.Тарабукина, местные жители всячески препятствовали вывозке хлеба, нередко нагружая сани всяким хламом (самому Тарабукину, например, вместо хлеба погрузили гири).

Начальником советского гарнизона в селе был Н.Н.Суворов. В его подчинении находились рота красноармейцев под командованием Миняева из 246 человек, судоохрана, караульная команда чердынского казначейства под началом Федосеева, охрана Пушно-эксплуатационной экспедиции. Кроме того, в селе находилось свыше 100 человек из печорского судосоюза, могущих при желании встать под ружье.

Троицко-печорские большевики организовали в селе ревком для координации действий по созданию линии обороны на верхней Печоре, но 28 января 1919 г. Мандельбаум распустил его. Вся власть сосредоточилась в руках военных. Комендантом села являлся председатель троицко-печорской

ячейки РКП(б) И.Ф.Мельников. Именно он и явился инициатором заговора с целью свержения большевистской власти в селе.

По сведениям А.Г.Колпакова, верхнепечорские коммунисты дважды писали М.Мандельбауму, что И.Ф.Мельников – личность подозрительная и готовит восстание. И оба раза Мандельбаум пересылал письма для разбирательства самому Мельникову (!). Мельников же докладывал, что письма ложные и клеветнические.

Заговорщиков насчитывалось около 20 человек, среди которых, кроме И.Ф.Мельникова, были бывший студент юрфака Петербургского университета, работавший в Троицко-Печорске лесничим Н.С.Скорыходов; зам. председателя волисполкома М.П.Пыстин, служащие печорского пароходства П.А.Юдин и А.Тылебцов, красноармейцы И.Ф.Пыстин и В.В.Пыстин, священник В.Попов, крестьяне М.К.Попов, Е.А.Попов, И.Т.Бажуков, А.С.Пыстин и др. Бывшие пароходовладельцы Оскар Ульсон, Порфирьев, Иван Мезенцев, Смольников, А.Могильников, А.Головин тоже знали о заговоре и поддерживали его, хотя и не принимали в нем участия. Первоначально восстание планировалось на 25 января 1919 г., когда в селе должен был состояться митинг протеста по поводу вывоза хлеба на Вычегду под лозунгом «Ни одного пуда хлеба вычегодским комиссарам!» Но на митинге было чересчур много женщин и детей, и восстание перенесли.

31 января 1919 г. белые заняли Якшу. Посланный вверх по Печоре красноармейский разведотряд в 15 (по другим данным, 30) человек под командованием комроты Миняева под Порогами был окружен, и потеряв в перестрелке одного убитым, сдался в плен. Миняев и несколько красноармейцев были расстреляны в деревне Мамыль. Из Троицко-Печорска в Якшу заговорщиками был отправлен гонец с пакетом, что в селе вот-вот начнется восстание.

3 февраля в Троицко-Печорск прибыли Г.Комиссаров и А.Г.Колпаков. Они получили информацию о готовящемся восстании. Комиссаров сделал попытку связаться с Усть-Шугором по телефону, но Мандельбаум к телефону не подошел. Ночевали Комиссаров и Колпаков в доме И.Ф.Мельникова и даже мылись в его бане (как пишет А.Г.Колпаков, «с револьверами рядом с мылом»). Уезжая на следующий день, Комиссаров информировал И.Ф.Мельникова, что штаб командующего Печорским краем вновь будет переведен в Троицко-Печорск, и скоро сюда придут крупные отряды для контрнаступления на колчаковцев.

Днем 4 февраля в Троицко-Печорске состоялся митинг протеста по случаю убийства в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а вечером вспыхнуло восстание. В казармах красноармейцы убили своего командира Н.Н.Суворова. Непосредственным поводом этому послужил факт изъятия Суворовым валенок у красноармейца А.С.Растворова для прибывшего с верховьев Печоры солдата, совершенно босого. Растворов, а также

В.Н.Мезенцев (большевик, зав. агитационным отделом троицко-печорского Совдепа) и еще несколько человек набросились на Суворова, избили его и подняли на штыки. Затем восстание стихийно распространилось по всему селу. Большая часть гарнизона примкнула к восставшим. Комиссар М.М.Фролов застрелился, находившийся в лазарете красный командир А.М.Черемных был убит.

Повстанцы без потерь овладели всем селом. Только на пристани завязался бой с судоохраной. Несмотря на пулеметный обстрел, судохрана (Лео, Арефьев, Пыстин, Лезин и др.) отказалась сдаться и в течение суток (по другой версии, трех дней) выдерживала в одном из домов на пристани осаду мятежников. Как рассказывают, в ночь на 6 февраля оставшиеся в живых (Арефьев был ранен и решил сдаться, но при выходе из дома был убит), обмотавшись простынями, сумели пробраться мимо постов повстанцев и бежать из села. Помог им при этом и сам бежал вместе с ними местный житель А.П.Попов, большевик с 1913 г. Однако организованная погоня настигла беглецов в 15 верстах от Троицко-Печорска и перебила всех.

Чтобы воспрепятствовать внезапному удару красных со стороны Вычегды, большой отряд мятежников отправился разобрать мост через реку Сойву. У Сойвы мятежники захватили в плен Чрезвычайную Печорскую комиссию П.П.Олунина и задержали большой обоз с боеприпасами.

Историк В.И.Прошев писал про мятеж в Троицко-Печорске: «За одну ночь мятежники арестовали около 150-200 человек. Большинство из них были помещены в неотапливаемые помещения, холодные амбары при 35-40-градусном морозе, а затем после истязаний расстреляны. В числе погибших от рук мятежников десятки беженцев из Чердыни... начальник Уральской продовольственной экспедиции Морозов и другие... Около 600 возчиков с подводами, следовавшие из вычегодских и сысольских волостей... за ляпинским хлебом..., оказались в белогвардейском плену».

В Троицко-Печорске была организована Судебная коллегия для суда над арестованными коммунистами и активистами советской власти. В коллегии вошли 12 человек под председательством П.А.Юдина (последний потом утверждал, что «Как скажет народ, так он и судил»). Коллегия вела дела просто: всех арестованных выводили на сход населения, крестьяне кричали «да» (что означало расстрел) или «нет». Расстреливали на льду Печоры. По некоторым данным, до прихода белых были казнены 96 человек, в том числе бывший политссыльный Яков Розе, большевики Е.С.Тарабукин, И.К.Тарабукин, А.П.Тарабукин, И.В.Тарабукин, Морозов, Кукарцев, Федосеев, врач Циммерман и др. После вступления колчаковских частей в село прапорщик Т.Пашковский велел расстрелять всю комиссию П.П.Олунина вместе с охраной. В.И.Прошев писал: «После коротких допросов, но долгих и жестоких истязаний всех членов комиссии, раздетых до нижнего белья, босых и связанных попарно, вывели на покрытую льдом Печору и

расстреляли». На свободу были отпущены только 12 солдат-участников I Мировой войны, возвращавшихся из австро-немецкого плена на родину и случайно оказавшиеся в обозе Олунина (по версии В.И.Прошева, были расстреляны и они). Всего в Троицко-Печорске было расстреляно около 130-150 человек.

П.З.Терентьев, один из 12 военнопленных, вступивший по дороге домой в Красную Армию и оправданный Судебной коллегией мятежников (всего, по некоторым данным, было оправдано, т.е. не казнено всего три человека из массы арестованных), впоследствии вспоминал: «Возвращался из австрийского плена вместе с отрядом Чрезвычайкома во главе с Олуниным, 5 февраля 1919 г. в Сойве всех арестовали и привезли в Троицко-Печорск. Здесь действовала коллегия во главе со Скороходовым, Мельниковым, Пыстиным. По приговорам этой коллегии было расстреляно около 200 человек, в числе их и вся чрезвычайкомиссия и красноармейцы-добровольцы. Когда из Покчи прибыл белогвардейский отряд во главе с прапорщиком Жалковским, подпоручиком Поповым и комендантом Пашковским, через неделю были освобождены все 12 военнопленных под надзор. Пашковский по своей личной инициативе расстрелял массу народу - даже 10 человек ямщиков, везших нас, были расстреляны лишь только за то, что их товарищи, помещавшиеся вместе, 5 человек перебежало через фронт в Советскую Россию. После приезда Пашковского даже расстреливали без всякого формального допроса. Терентьев замечал, что «местное население сочувствовало белой своре, во время одной пустяшной тревоги вооружились и женщины и мужчины кто топорами, кто вилами, косами и т.д.»

О массовых расстрелах на Печоре командующий Северным фронтом белых генерал-майор В.В.Марушевский писал позднее в своих мемуарах: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и, примерно, Чердынью революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции (имеется в виду посланный из Архангельска в Омск экспедиционный отряд есаула Мензелинцев – авт.) видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды...Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый – было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае».

7 (по другой информации, 8) февраля 1919 г. в Троицко-Печорск под колокольный звон вступила полурота колчаковцев из состава 25 Сибирского Тобольского полка. Все население села высыпало встречать сибиряков. Троицко-печорский учитель и бывший большевик А.С.Федоров преподнес белым хлеб-соль.

Поручик Орлов был назначен временным командующим Печорского участка Сибирской армии (П.Г.Доронин полагал, что это именно тот Орлов, который потом захватит Усть-Сысольск и Яренск, но он ошибался). Вскоре в Троицко-Печорске был расквартирован батальон капитана Атавина, на базе которого началось формирование Отдельного Сибирского Печорского стрелкового полка. В конце февраля 1919 г. в составе полка Атавина насчитывалось около 500 человек.

Антисоветские восстания на Печоре.

Сразу вслед за Троицко-Печорском советскую власть ликвидировали в Покче, Савиноборе и Подчерье. 6 февраля отряд троицко-печорских мятежников под началом А.С.Растворова и В.Н.Мезенцева прибыл в Покчу, где в короткой схватке был рассеян местный отряд Красной Гвардии. Покчинский волвоеном А.Л.Панюков сумел вырваться из села и бежал в сторону Усть-Шугора. В Покче по примеру Троицко-Печорска организовали Судебную коллегия, куда вошли наиболее пострадавшие от советских конфискаций крестьяне А.П.Остяков, Н.П.Остяков, П.И.Логинов, Н.Н.Нестеров, А.Т.Растворов, А.С.Пыстин. Коллегия приговорила к казни председателя и членов покчинского волисполкома И.П.Остякова, В.Л.Жижева, Ф.М.Ефремова и др.

Вскоре в Покчу прибыли делегации из Савинобора и Подчерья с просьбой помочь свергнуть советскую власть ниже по течению Печоры. Был сформирован повстанческий отряд под руководством старообрядческого псаломщика Н.А.Шахтарова, уроженца д. Митрофаново. В ночь на 14 февраля отряд Шахтарова проник в Савинобор, где размещалась застава красноармейцев из пяти человек во главе с А.Бажуковым (по другим данным, застава насчитывала 27 человек). Накануне в село прибыли командир формирующейся в Подчерье роты красноармейцев Тетерин с 15-летним разведчиком В.Шахтаровым, пытавшиеся выяснить обстановку в верховьях Печоры. Отряд Н.А.Шахтарова ворвался в караульное помещение, где спали красноармейцы. Сразу трое из спавших были убиты, остальные схвачены. Каким-то образом В.Шахтаров сумел вырваться и засел на колокольне, откуда отстреливался в течение последующего дня. Только после расхода боезапаса 15-летний боец был схвачен и позднее расстрелян. Были расстреляны также Тетерин, А.Бажуков и еще трое красноармейцев.

В Подчерье находилось 17 красноармейцев под командованием А.П.Осипова. Только четверо из них имели винтовки. Подчерские крестьяне сами решили справиться с красными. Инициаторами выступления стали В.Г.Мартюшев («Синтõм Васька»), А.В.Мезенцев, Н.С.Денисов, А.О.Мартюшев и Евдокия Мезенцева. Они пригласили А.П.Осипова якобы на собрание в дом В.Г.Мартюшева, где перерезали ему горло (особенно отличилась в этом Евдокия Мезенцева, севшая на ноги поваленного Осипова

и державшая его при этом за руку). Все 17 красноармейцев были убиты. Сразу после уничтожения красных в селе организовали наблюдение за дорогой на Усть-Щугор. Между избушкой на окраине села, где разместилась застава мятежников, и местной колокольной протянули веревку. При появлении советских отрядов колокол давал сигнал к бою.

Между тем в Усть-Щугоре Мориц Мандельбаум сдал командование советскими ижмо-печорскими отрядами Г.Комиссарову и выехал через Ижму в Усть-Сысольск, а оттуда в Котлас. Прибыв в штаб Котласского района, Мандельбаум заявил, что для наступления на Троицко-Печорск потребуются огромная концентрация сил и обеспечение войск техникой. Мандельбаум просил выделить ему два аэроплана, четыре грузовика, два легковых автомобиля, три тысячи гранат, 20 тысяч патронов к автоматам системы «Шоша», 10 тысяч патронов к пулеметам «Максим», 100 кавалерийских седел и 100 сабель, артиллерийские орудия системы «Маклин», 20 телефонов, 300 верст телефонного кабеля и др. С получением всего этого Мандельбаум брался за организацию контрудара по верховьям Печоры.

19 февраля 1919 г. Г.Комиссаров докладывал командованию о состоянии дел на Печоре: «Произвел ревизию Печотряда и Печокрая... Впечатление от того и другого ужасное. В отрядах существует выборное начало, устраиваются различные совещания, на которых обсуждаются вопросы, ни в коем случае не входящие в обсуждение красноармейцев. Отряды терпят всевозможные бедствия в смысле вооружения, снаряжения и продовольствия – табаком, чаем, сахаром. Нет хороших инструкторов, которые могли бы вести операции. Ответности нет никакой. Вообще все приходится изменять по новому и налаживать...».

А.Г.Колпаков в 1959 г. вспоминал, что «военное руководство в отрядах (Мандельбаума авт.) было чисто митинговое, т.е. оперативные дела решали митингом, а не каким-либо приказом от руководства. Я с Комиссаровым приехал в Усть-Щугор в начале февраля. Мандельбаум, будучи профаном в военных делах, не выполнял долго приказа по Армии о сформировании рот, батальонов и полков (предполагалась на Печоре бригада), а боясь своих партизанских отрядов, и отстаивал и сам эффективность именно отрядов, а не рот. Мандельбаум был противником переформирования отрядов в регулярные части». По данным Г.Комиссарова, численность ижмо-печорских отрядов на февраль 1919 г. составляла около 700 человек. Часть из них была вооружена шомпольными ружьями. Из этого количества в Усть-Щугоре находилось примерно 200 человек.

О троицко-печорском восстании в Усть-Щугоре догадывались. В момент начала восстания из Троицко-Печорска успели позвонить по телефону и сообщить: «Идет перестрелка...», затем связь прервалась. 14 или 16 февраля Г.Комиссаров получил информацию, что в Аранце идет бунт красноармейцев. С отрядом он выехал в Аранец, оставив А.Г.Колпакова командовать усть-

щугорской группировкой. Из Аранца Комиссаров уехал в Ижму. А.Г.Колпаков направил вверх по Печоре одного за другим троих разведчиков с целью выяснения обстановки, но никто не вернулся. Наконец, был послан взводный командир-телефонист Королев с двумя разведчиками. Все разведчики были пойманы в Подчерье и зверски казнены мятежниками. Тогда А.Г.Колпаков с небольшим отрядом тоже покинул Усть-Щугор и выехал в Усть-Кожву, поручив И.М.Зарубину провести разведку боем в сторону Подчерья.

19 февраля 1919 г. И.М.Зарубин отдал приказ готовиться к походу на Подчерье. По воспоминаниям, вечером накануне похода Зарубин был весел, жонглировал шашкой, говорил: «Бились мы с немцами, выдерживали газовые, танковые атаки, а с этими гадами печорскими купцами подавно справимся... Перед этими ли насекомыми трусить?» 20 февраля Зарубин с отрядом в 70 штыков (по другой информации, 55) выступил на Подчерье, оставив для защиты Усть-Щугора штабные команды и взвод красноармейцев А.П.Мезенцева в 12 человек.

В Подчерье ждали красных. Как только стало известно, что большой отряд с обозом вышел из Усть-Щугора, в Подчерье организовали засаду. Здесь к этому времени имелись местный отряд мятежников и отряд Н.А.Шахтарова. По некоторым данным, к мятежникам успел подойти также взвод колчаковцев с двумя пулеметами.

Навстречу красным был выслан дровосек, который сообщил И.М.Зарубину, что белых в Подчерье нет. Вечером 20 февраля (по версии В.И.Прошева, 27 февраля) обоз красных безбоязненно стал въезжать в село. Вдруг зазвонил колокол, и открылась бешеная стрельба со всех сторон. Красные заматались. Ямщики, бросив сани, разбежались. Пулемет красных молчал – накануне весь спирт из его кожухов был выпит (вода на морозе замерзала, и в пулеметные кожухи наливали спирт). Гранатометчик метнул в сторону вражеских пулеметов одну гранату, но вторая разорвалась в его руке. Зарубин собрал под пулями группу бойцов и бросился в атаку, крикнув: «Возврата в Щугор нет, в плен не сдаваться!». Атакующие были расстреляны в упор. Сам Зарубин был убит пулей в лоб. Остатки красных, отстреливаясь, отошли к лесу и сумели скрыться. Всего в этом бою погиб 31 красноармеец, мятежники потеряли двоих.

Получив известие о разгроме отряда в Подчерье, А.П.Мезенцев приказал оставить Усть-Щугор. Красные отступили в Усть-Кожву, а оттуда в Ижму. 3 марта отряд Н.А.Шахтарова вступил в Усть-Щугор, где была устроена казнь почему-то не эвакуировавшихся с отрядами А.П.Мезенцева усть-щугорских соработников, в том числе расстреляли председателя волисполкома И.М.Канева, председателя комбеда М.Никифорова, учителя А.М.Мартюшева (старшего брата упоминавшегося на страницах этой книги известного политика А.М.Мартюшева), волостного волноенрука А.А.Мартюшева и др. Шахтаров мобилизовал часть усть-щугорских крестьян для расчистки Сибиряковского тракта и выслал разведку в Ляпино.

Эвакуация Ижмо-Печорского полка.

Весной 1919 г. архангельская Белая армия и союзные войска развернули наступательные операции на Пинеге и Печоре. В свою очередь, колчаковцы напирала на северном и вятском направлениях. Красная Армия, оказавшись в трудном положении, вынужденно отступала.

В начале марта 1919 г. генерал-майор Д.Д. Шапошников запросил командование о присылке в его распоряжение авиации для разведывательных полетов. В телеграмме Шапошников указал, что самолет необходим ему на три недели «для несомненного успеха операции в ближайшее время на Ляпино и предстоящей связи с сибирскими войсками». Из Архангельска в Усть-Вашку приехал военный летчик поручик Толстой (в его распоряжении было несколько авиационных мотористов, в том числе Иван Хозяинов и Семяшкин – уроженцы Печоры), однако аэроплан доставлен не был. Правда, А.И. Терентьев в своей книге «Печора в гражданской войне» утверждает, что белые применяли самолеты в марте 1919 г. на помоздинском направлении, но это, по всей видимости, преувеличение.

Пытаясь воплотить в жизнь свой план похода за ляпинским хлебом и соединения с сибирскими войсками, Шапошников в начале марта отдает приказ печорскому батальону Г.П. Алашева начать наступательные действия. В ночь с 4 на 5 марта белые атаковали Кычкар, а 12 марта заняли Кипиево. В ночь на 14 марта отряд белых под командованием Н.Е. Терентьева окружил заставу красных партизан в кушнике Пыча Керка на тайболе Кычкар – Ижма, и в жестоком бою почти полностью уничтожил ее. Погибло 17 красных партизан. Н.Е. Терентьев был представлен к Георгиевской медали. Боясь быть отрезанными от Ижмы, где стояли основные силы, красные оставили Кычкар и отступили в бассейн реки Ижма. Таким образом, к середине марта 1919 г. вся Печора контролировалась белыми. Алашев направил специальный отряд подпоручика Иванова для соединения с колчаковцами, а сам начал готовиться к наступлению на Ижму.

6 марта 1919 г. Архангельск поставил Шапошников в известность, что на Печору отправлен экспедиционный отряд из «130 отборных офицеров и солдат русской и союзной армий для дальнейшего следования в Сибирь. Цель отряда связаться с войсками Вяземского и перебросить через Урал ляпинский хлеб для сплава его весной». Экспедиционным отрядом командовал есаул Мензелинцев, в составе экспедиции находились группа французских офицеров и унтер-офицеров под началом капрала Бессу и английская группа лейтенанта Диксона.

Силы сторон в Печорском крае были примерно одинаковы. В сводке командованию от 22 марта 1919 г. капитан Алашев сообщает о численности своих отрядов: «Фронт Ижма – 2 роты (1 и 2) и один взвод 4 роты – 420 чел. и 5 пулеметов. Фронт Печора – д. Няшабожская – 30 штыков, один пулемет, Кычкар – 100 штыков, 3 пулемета. Застава на дороге Кычкар-Ижма – 45

штыков, 2 пулемета. Отряд подпоручика Иванова для очищения верховьев Печоры и соединения с сибиряками: авангард 34 штыка, 1 пулемет, главные силы 120 штыков, 1 пулемет». Всего насчитывалось 749 штыков, 13 пулеметов. Из Усть-Вашки прибыла артиллерийская полубатарея (два орудия).

Находившиеся в районе Ижмы советские отряды под командованием Г.Комиссарова получили 26 февраля наименование Ижмо-Печорского полка (официально приказ о реорганизации отрядов в полк был издан 19 марта 1919 г.). Комполка был назначен Комиссаров. Его заместителем являлся Н.Попов, начштаба – Радько, политкомиссаром – Аронштам, командиром 1 батальона – Касьянов. А.Г.Колпаков был зав.хозчастью полка, Ф.Ф.Кудинов (впоследствии перешедший к белым) – делопроизводитель, М.И.Демин главный фуражир, Л.Панов – командир конной разведки, К.Марцемяк начальник саперной команды, И.Ф.Кулак – начальник команды связи, П.О.Фишбейн – начальник комендатуры, Ф.Пальшин – командир артиллерийского взвода, Д.И.Розано-встарший полковой врач. Ротами командовали Ногиев, Терентьев, А.Пунегов и др. 2-ым батальоном полка считался сформированный в Котласе батальон особого назначения под командованием Низовцева. Всего под началом Комиссарова в середине марта 1919 г. имелось около 600 человек. Кроме того, в районе Ижмы было сосредоточено также около 600 (по другим данным, 1000) печорских беженцев-коммунистов и активистов советской власти, потенциально являвшихся резервом полка.

Командарм VI Красной Армии А.А.Самойло в своем докладе начальнику Реввоенсовета РСФСР Ф.Костяеву 26 марта 1919 г. говорил о положении войск в Пинего-Печорском крае: «До февраля месяца VI армия, несмотря на свои крайне ограниченные силы в Пинего-Печорском крае, представлявшие собой нештатные партизанские отряды, сформированные, главным образом, из добровольцев местного населения, с успехом вела активную оборону обширного края. Причем, благодаря настойчивости и энергии частных начальников, а в некоторых районах и сочувствующему отношению местного населения, представлялась возможность путем выхода на северный тракт Щугор – Усть-Цильма – Котласское – Лешуконская Труфаногрская – Пинега закрепления за собой этого края. Требовалось лишь подкрепить действующие части хотя бы самым незначительным резервом. Однако все неоднократные ходатайства мои [перед] комсеем о разрешении сформировать для обороны края хотя бы 2-3 полка оставались неудовлетворенными, и только после занятия противником Троицко-Печорского, на единственном коммуникационном пути из Печорского края, в тылу было разрешено приступить к формированию бригады. Разрешение это оказалось на деле запоздавшим. Несмотря на принятый мною целый ряд энергичных мер по формированию частей и упорядочению управления краем, положение на Троицко-Печорском направлении не удалось восстановить, боевые же задачи

на остальных направлениях остались неразрешенными. В настоящее время, ввиду наступления в самом непродолжительном времени весенней распутицы, которая сделает дороги совершенно непроходимыми в течение 2,5 месяцев, с одной стороны, Реввоенсовет VI вынужден отдать распоряжение об отходе частей Вашко-Мезенского, Ижмо-Печорского и Кай-Чердынского направлений в новые районы сосредоточения и, прикрывшись на этих направлениях заслонами на линиях: Яренская – Турьинская – Синдор на направлениях Бутканская – Глотовское – Усть-Ухта и Крутая (30 верст к С.-Востоку от Пузлы), Эжвадор – Усть-Немь – Вочь со стороны Усть-Ухта – Троицко-Печорское – Чердынь и Гайны, сосредоточить силы названных направлений в районе Усть-Сысольска для активных действий во фланг и тыл проивника, оперирующего против левого фланга III армии... Сообщая изложенное для доклада Главкому добавляю, что комкрая Лисольским отдан уже приказ об отходе войск из Ижмы к Усть-Ухте, а затем [на] Помоздино, т.к. дальнейшее промедление, по его словам, может привести к потере орудий и имущества, которые не удастся вывезти из-за предстоящей порчи дорог».

Сформированный в Усть-Сысольске штаб Пинево-Печорского края приказал оставить Ижмо-Печорскому полку бассейн Ижмы и Печоры и отступить на Вычегду. 29 марта 1919 г. Г.Комиссаров в полковом приказе № 11 отдал распоряжение о начале эвакуации из Ижмы 1 апреля. Параграф 9 приказа гласил: «Приказываю, чтоб части во время дороги вели себя так, как это подобает Красной Армии и своим поведением показали бы всем жителям, что это следует не банда разбойников, а регулярная часть, страшная врагу своей сплоченностью и сознательной дисциплиной».

В этот же день в Ижму прибыл М.Мандельбаум, восстановленный штабом Пинево-Печорского края в должности командующего Печорским краем и назначенный командиром Ижмо-Печорского полка. Мандельбаум сместил Комиссарова с командования и в тот же день, 29 марта, издал свой приказ об эвакуации, тоже за № 11, назначая эвакуацию на 30 марта. В параграфе 16 приказа Мандельбаум писал: «Товарищи, время для нас ценно и мы надеемся, что победы на всемирном фронте настолько значительны, что наш уход является временным по чисто военным соображениям и я уверен, что никто из нас не изменит своего взгляда. В гражданской войне, где масса еще не создала своего долга, является врагом для строя советской власти. Ввиду этого, товарищи, те, которые знают свой долг, должны смотреть за тем, чтобы никто по пути следования не обижал бедняков, чтобы у них было доверие. Когда мы вернемся, пусть они знают, что мы были их защитниками и отстаивали их интересы, их несознательность, заброшенных на далекий Север., в виду создавшегося продовольственного кризиса, заставляет нас уходить. Пусть не гаснет в сердцах ваших пламя революции и ответит на каждое нападение своему врагу сознательно и бодро» (стиль и орфография документа сохранены).

30 марта Ижмо-Печорский полк начал отступление из Ижмы. У населения было реквизировано и конфисковано три тысячи подвод (!). Огромный обоз красных вез полковое имущество, продовольствие и массу награбленных у печорских крестьян вещей. Невзирая на все приказы Комиссарова и Мандельбаума, красноармейцы занимались грабежом. Н.И.Ульянов в своих «Очерках истории народа коми» писал: «Когда Мандельбаум отступал под напором белых через Помоздино, за ним шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинами, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и «цивилизации», проникшими в этот почти первобытный край».

1 апреля 1919 г. белые вступили в Ижму. После ухода красных в Печорском уезде была создана специальная комиссия по оказанию денежной компенсации жертвам советских репрессий. Документы этой комиссии хранятся в некогда секретном фонде 1316 Национального архива Республики Коми. Не было на Печоре ни одной деревни, где бы красноармейцы не произвели реквизиций и конфискаций, а попросту грабежа в свою пользу.

В течение зимы 1918 – 1919 гг. красные забирали у населения все, начиная от ложек и вилок и кончая коровами и лошадьми. А.П.Рочева из Усть-Усы жаловалась в Усть-Цилемскую Земскую управу, что в декабре 1918 г. красноармейцы увели у нее корову, забрали шесть сарафанов, женскую шубку, одеяло. У крестьянина Е.Г.Кожевина из Брыкаланска отобрали лошадь, овцу, забрали хомут, вожжи, топор, брюки, два шелковых платка, женскую кофту, женскую шубку, пару женских чулков. У А.Н.Терентьева конфисковали малицу, 30 аршин сатина, брюки, крест с цепочкой, два кольца, тарелку, два куса мыла, увели со двора лошадь. И.Х.Терентьев лишился трех охотничьих ружей, пять фунтов дробы, двух фунтов пороха, двух возов сена, розвален, рукавиц. Инвалид Н.К.Артеев из того же Брыкаланска сообщил, что красные увезли у него пять возов сена. У Р.С.Рочева в марте 1919 г. изъяли хомут, вожжи, три веревки. У Г.И.Канева из Кипиево увели лошадь, две пары брюк, настенные часы, сорок возов сена, 25 пар рябчиков. У И.М.Канева красноармейцы забрали пару детских сапог. Его однофамилец из того же Кипиева лишился швейной машинки, трех серебряных крестов, пяти брюк, четырех ножниц, двух кальсон, двух топоров, 10 фунтов масла, трех фунтов чая, всех вилок, ложек и столовых ножей. У крестьянина И.В.Вокуева из д.Захарвань в декабре 1918 г. красноармейцы перебили все окна в доме, убили на мясо корову. В д.Мутный Материк красноармейцы сожгли дом Е.М.Семяшкина. Подобный разбой творился в Мохче, Сизябске, Бакуре, Ижме, Галово и всех других местах, где стояли красноармейские гарнизоны.

Массовые репрессии красные провели в Брыкаланске. К.И.Попов в своих воспоминаниях особо отмечал, что «в селе Кычкар... Мандельбаум много расстрелял здесь людей». Сохранились свидетельства о расстреле семьи

Ф.Л.Кожевина (отца, матери и старшего брата). Были расстреляны муж А.В.Торопиной, сын И.К.Сметанина. В Кипиево красные расстреляли двух сыновей Ф.Е.Ануфриева. В Сизябске был расстрелян священник Зуев.

Население Ижемского района выполняло ряд военных повинностей для красных, в том числе участвовало в фортификационных и саперных работах. Сохранились документы Мохченского волисполкома, из которых следует, что почти ежедневно в течение зимы в Ижму уходило в распоряжение саперной команды красных по 63-65 человек. Принимали участие в подневольной работе на красных и арестанты ижемской тюрьмы. По свидетельству А.А.Терентьевой, «пищу [арестантам] выдавали весьма скудную... были изнурены». Впоследствии двое заключенных (белогвардеец А.П.Терентьев и лесничий Никонов умерли от истощения). Во время эвакуации Ижмо-Печорского полка на Вычегду были вывезены заложники, насильно уведены из родных мест все медицинские работники.

Отступление красных на Вычегду проходило в чрезвычайно трудных условиях весенней распутицы. Люди голодали. Красный партизан А.П.Филиппов вспоминал, что «при отступлении с Ижмы Рочев Е.В., увидев Мандельбаума, говорит: Ты что же, еврейская морда, людям хлеба не даешь? Мандельбаум его арестовал, но потом освободил». Сам Е.В.Рочев, бывший председатель Брыкаланского Совдепа, так рассказывал об этом эпизоде: «Мандельбаум в ответ: Откуда я его возьму? и за наган. Думал, будет бить (говорили, что бьет красноармейцев – партизан), хотел дать сдачи. Очень сильно ругал». В селе Кедва три красных партизана готовили убийство Мандельбаума, но были арестованы. В Усть-Ухте группа красноармейцев самовольно расстреляла своего товарища за пособничество белым. За самосуд Мандельбаум арестовал семерых и отправил в Усть-Сысольск.

11 апреля красные оставили Усть-Ухту, направляясь в Помоздино. 3 рота полка в полном составе отказалась покидать Усть-Ухту. Специальный представитель штаба Пинево-Печорского края приехал в Усть-Ухту уговаривать красноармейцев продолжать отступление. 17 апреля из Усть-Сысольска доносили в штаб VI Красной Армии о состоянии Ижмо-Печорского полка: «Полная деморализация полка, две первые роты с трудом удалось двинуть в поход, третья рота не желает идти вперед, надеясь остаться дома ввиду наступившей распутицы, что очень скверно влияет на настроение соседнего Кай-Чердынского полка... Отдано распоряжение разоружить неповинующихся, отправив их в трибунал под конвоем».

Для встречи полка в Помоздино прибыла комиссия из штаба Пинево-Печорского края под начальством комиссара М.Т.Трубачева. Последний позднее вспоминал, что «армия по своему внешнему виду представляла из себя людей, возвращавшихся не то с ярмарки с богатыми закупками или какой-либо богатой наживы, одетых в самую разношерстную и богатую одежду». Комиссия начала фильтрацию полка и конфискацию неармейского имущества.

Для складирования вещей отвели два огромных амбара, которые были потом битком набиты всевозможным добром. По словам М.Т.Трубачева, все конфискованное у красноармейцев имущество было перевезено в распоряжение штаба Пинево-Печорского края. После занятия Помоздино белыми, с Печоры и Ижмы приезжали сюда группами и поодиночке владельцы вещей, пытаясь отыскать свое имущество.

23 апреля Ижмо-Печорский полк прибыл под Усть-Сысольск, где был расквартирован в с. Выльгорт. Печорские беженцы разместились поначалу в стенах Троице-Стефановского Ульяновского монастыря, а потом их вывезли в Коквицы и Часово. 24 апреля Мориц Мандельбаум сдал командование полком Н.В.Суровцеву.

«Печорский Чапаев» под трибуналом.

Штаб Пинево-Печорского края прекрасно знал о творимых Ижмо-Печорским полком на Печоре беззакониях. М.Т.Трубачев вспоминал: «Штабу... было достоверно известно, что армия Мандельбаума деморализована и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения, даже не относящихся к классу эксплуататоров, что настоятельно требуется удаление с поста командующего... 20 марта я выехал из Усть-Сысольска в Ижму с пакетом сдать Мандельбауму командование своим полком Комиссарову, а самому следовать в Усть-Сысольск. 27 марта в д. Лачевской (верховья реки Ижмы) встречаю санитарный отряд Розанова Д.И., от которого узнаю, что вся армия отступает... Комиссаров, ввиду сильно обострившихся отношений с Мандельбаумом, вынужден был просто бежать и выехал в штаб края. Мандельбаум был недоволен своим смещением, [считал, что] все это сделал Комиссаров путем ложных доносов и вымышленных провокационных сообщений, желая его выжить и занять его место... Наступила оттепель. Большинство [красноармейцев] были одеты в пимы. Мандельбаум постарался отправить всю кожаную обувь в Усть-Сысольск, а не раздать по рукам... Мандельбаум все валил на Комиссарова». Мандельбаум, «имея при себе молодую и красивую жену, кое-что открыто приобрел для нее, пользуясь своим служебным положением».

1 мая комиссар М.Т.Трубачев арестовал Мандельбаума в Усть-Сысольске. Об обстоятельствах ареста Мандельбаума Трубачев вспоминал: «По приезде в Усть-Сысольск Мандельбаум был заключен под стражу. Имущество все было описано и опечатано. Обыск и опись производил сотрудник политотдела Чижов и я на квартире по Набережной, в присутствии жены... Найдена масса золота царской чеканки и разных изделий из золота. Кроме того, большое количество шелковых и дорогих мехов и вещей». Часть бойцов выразила недовольство арестом. По воспоминаниям одного из них, «когда Мандельбаума арестовали, то красноармейцы стали требовать, чтобы его

освободили и чтоб он продолжал быть командиром». «Лично я о нем самого хорошего мнения как о человеке, и говорят о нем худое ложно», – заявил позднее другой бывший красноармеец Ижмо-Печорского полка. Третий их боевой товарищ предлагал даже назвать именами Мандельбаума и его сподвижников «улицы в наших городах, поселках, селах».

Эти и им подобные отзывы о Мандельбауме свидетельствуют, что «печорский Чапаев» (кем бы он ни был – «фанатиком» или «аферистом»), как и «настоящий» Чапаев и другие такие же красные и белые командиры, своими действиями выражал, к несчастью, настроения немалой части нищавшего и озлобленного населения, в том числе и одетого в военную форму. Эта группа людей (в данном случае – красноармейцев Печорского отряда) и по прошествии многих лет продолжала считать, что в условиях Гражданской войны можно и нужно было действовать именно так, как Мориц Мандельбаум: «О Мандельбауме могут говорить плохое только те, которые ничего не знают о делах и обстановке тех лет», – писал бывший его боец в начале 70-х годов.

Мандельбаум под конвоем был этапирован в Вологду. В ноябре 1919 г. Реввоентрибунал Западного фронта (Северный фронт был уже ликвидирован) рассматривал его дело и нашел, что «установлена виновность Мандельбаума в том, что, состоя с конца августа 1918 г. вплоть до мая 1919 г. сначала командующим Ижмо-Печорским отрядом, а затем командиром полка того же названия, он: 1) не принял мер к правильной постановке хозяйственной части и денежной отчетности полка, вследствие чего крупные вверенные ему по службе денежные суммы расхищались разными лицами, причем ввиду хаоса в хозяйственной отчетности учесть точно все расхищенные суммы не представляется возможным; 2) чтобы скрыть означенные хищения, учинил совместно с подчиненными ему лицами подлоги в приходно-расходных книгах и документах и воспользовался оправдательными документами, представленными другими лицами; 3) не записывал на приход взыскиваемой с разных лиц денежной контрибуции, а также реквизированных у населения золота, серебра, мехов и другого имущества, часть которой за отсутствием учета оказалась утерянной; 4) проявил бездействие власти, допустив оставление при отходе из угрожаемых противником мест ценного военного имущества, как например, телеграфного кабеля, попавшего в руки неприятеля, и не приняв достаточных мер, чтобы подведомственные ему должностные лица не расхищали народное имущество и не устраивали самовольных незаконных реквизиций, большая часть которых, в сумме нескольких тысяч рублей, по мнению государственного контроля, подлежит удовлетворению, при этом нет возможности учесть, куда реквизированные продовольствие и фураж поступали и кем и куда расходовались; 5) дискредитировал Советскую власть в Печорском крае путем насилий над мирным населением, кулачных расправ, незаконных арестов; 6) санкционировал вынесение без достаточных оснований особой комиссией во время красного террора постановление о

расстреле семьи гр.Кузьбожевых, состоящей из трех женщин, причем перед расстрелом избил одну из этих женщин; 7) допускал превышение власти, выразившееся в незаконном освобождении красноармейцев от военной службы и выдаче им об этом удостоверения, хотя такое освобождение и делалось им с целью избавиться от негодного в полку элемента; 8) непринятием достаточных мер к прекращению подчиненными красноармейцами самовольных реквизиций и грабежей мирного населения, а также своими незаконными действиями и оскорблениями комсостава довел свой полк до полного падения в нем дисциплины».

Реввоен трибунал, учитывая постановление ВЦИК об амнистии ко дню второй годовщины Октябрьской революции и плохое владение Мандельбаумом русским языком, приговорил подсудимого к 5 годам тюремного заключения. Проходивший вместе с комполка по этому же делу начальник связи Ижмо-Печорского полка И.Ф.Кулак был приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. «Ввиду ходатайства Центрального комитета Немецкой группы РКП» трибунал постановил «передать последнему Мандельбаума под наблюдение, считая тюремное заключение условным, с воспрещением занимать ему ответственные должности».

Мандельбаум остался на военной службе, с декабря 1919 г. являлся агитатором-организатором политотдела Запасной армии в Казани. В 1920 г. он был комиссаром 132-го полка 15-й стрелковой дивизии на Южном фронте – воевал на знаменитом Каховском плацдарме, затем в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, потом и всего Крыма. Судя по оценкам, данным Мандельбауму его товарищами по оружию на Южном фронте, та встряска, которую дал ему реввоен трибунал, пошла на пользу. Командир 132-го стрелкового полка, где служил М.Мандельбаум, рассказывал, что тот «был комиссаром смелым, боевым, ...очень неплохим организатором, ...бросался туда, где можно было бы пока обойтись без комиссара... Не любил нытиков, просто презирал любителей выпить, не любил, чтобы ему наушничали», и, что особенно примечательно, «вел очень крепкую борьбу против всякого случая мародерства». По словам начальника политотдела 15-й стрелковой дивизии, в состав которой входил полк, Мандельбаум «пользовался огромным авторитетом среди бойцов и командиров». Возможно, этот авторитет Мориц Мандельбаум заработал и во время борьбы с «зелеными» крестьянскими отрядами (не признававшими ни белых, ни красных), уничтожением которых 15-я дивизия занималась в конце 1920 г. в Крыму.

В конце концов бывший условно осужденный «беспардонный и бессердечный мошенник» оказался одним из «самых преданных делу революции, самых грамотных в политическом отношении людей» и в качестве такового в декабре 1920 г. был направлен в распоряжение Коминтерна. 25 декабря политуправление Красной Армии в Москве выдало Мандельбауму

удостоверение о том, что командирует его в распоряжение ЦК РКП(б). Какой вклад он внес в дело подготовки мировой революции, пока неизвестно. Вероятно, Мандельбаум использовался для организации революционной работы в Венгрии, Австрии и Германии.

По сведениям А.Г.Колпакова, Мандельбаум был лично знаком с Л.Д.Троцким, который и помог скрыться впоследствии Мандельбауму из Советской России – не в родную Австрию ли?. Кто знает, может быть, именно Мандельбаум, вспомнив свою «юность боевую», проведенную в Коми крае, стал инициатором подготовки письма-обращения ЦК компартии и ЦК комсомола Австрии, главного командования австрийского МОПР (Международной организации помощи борцам революции), Всеавстрийского комитета профсоюзов и коммунистических ячеек ряда промышленных предприятий Австрии «К рабочим, крестьянам, красным солдатам Коми области» с первомайскими поздравлениями, опубликованного газетой «Югд туй» 8 мая 1928 г.

По некоторым данным, Мориц Мандельбаум пережил и ленинизм, и сталинизм, счастливо достигнув эпохи волонтаризма и субъективизма. В 1959 г. А.Г.Колпаков переписывался с коми историком П.Г.Дорониным и писал ему, что Мандельбаум до сих пор жив-здоров. Колпаков собирал материалы на него, намереваясь начать широкомасштабный судебный процесс, но из этого, естественно, ничего не вышло.

Соединение белых фронтов.

21 марта 1919 г. в районе Усть-Кожвы встретились отряд подпоручика Иванова из батальона Г.П.Алашева и четыре разведвзвода колчаковцев. Произошло соединение Северного и Восточного фронтов белых - единственный случай подобного рода в истории российской гражданской войны. 24 марта генерал-майор Д.Д.Шапошников из Усть-Цильмы послал сообщение в Архангельск: «25 Сибирский Тобольский стрелковый полк действует небольшими частями по верховьям Печоры до Усть-Кожвы, где и произошла связь. Наш отряд в 140 штыков и 2 пулеметах при трех офицерах проследовал по Печоре от Кычкара до Кожвы, ликвидируя ничтожные остатки красных... Послал Сибирскому командующему фронтом письмо с просьбой действовать на западный район, дабы отрезать путь отступления красных, задержавшихся в верховьях Ижмы, и своим движением прямо на запад, облегчив и ускорив нашу работу по Мезени, Вашке. Вооружение сибиряков слабое, ибо есть часть берданок, пулеметов мало. Жители охотно идут партизанами».

Шапошников просил командование срочно оказать помощь оружием колчаковским частям на Печоре, выслал 500 винтовок, 20 пулеметов, 300 тысяч патронов, две радиостанции и артиллерию. Было решено, что из печорского речного флота два парохода отойдут сибирякам. На переговорах

в Усть-Цильме между Шапошниковым, князем Вяземским, уполномоченным ВПСО Романовым, союзными офицерами и представителями колчаковцев решили, что верхнепечорские волости подпадают под юрисдикцию Омского правительства. 3 апреля генерал Шапошников получил из Архангельска информацию, что «небольшие союзные миссии будут посланы по рекам Мезени и Печоре, как только они вскроются, с необходимым обмундированием, вооружением и продовольствием. Выдача предполагается большими партиями русскому командованию. Небольшой состав союзных и русских инструкторов будет также послан...»

Группа офицеров из печорского батальона Г.П.Алашева была представлена к повышению звания «за особые заслуги по борьбе с врагами России в пределах Печорского края и за боевые подвиги». Штабс-капитан Новиков был произведен в капитаны; поручик Мельников – в штабс-капитаны; подпоручики Рочев, Пономарев, Иванов – в поручики; прапорщики Семушин, Терентьев – в поручики; подпрапорщик Филиппов в прапорщики.

Архангельская и Сибирская армии на уровне от командующих до командиров полков обменялись приветственными телеграммами и поздравлениями по случаю встречи. Первой в адрес Д.Д.Шапошникова, 4 апреля, пришла телеграмма начальника Северного отряда Сибирской армии и командира 25-го Сибирского Тобольского полка полковника Бордзиловского: «Я, офицеры и стрелки 25 Тобольского Сибирского стрелкового полка просим принять наши поздравления по случаю соединения сибирских войск с архангельцами для совместной борьбы для блага нашей дорогой Родины России». Офицерский состав 25-го Тобольского полка отправил в редакцию архангельской газеты «Вестник Временного правительства» приветствие в адрес северных защитников Белого дела «с пожеланиями боевых успехов, скорого свидания и возможности крепкого рукопожатия у Кремлевских ворот». 7 апреля 1919 г. командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев направил в Усть-Цильму телеграмму: «Генералу Шапошникову. Приветствую Вас, Ваше Превосходительство и Ваши храбрые части, борющиеся за воссоздание нашей великой Родины. Сибиряки шлют сердечный привет Архангельцам».

Командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант Р.Гайда в своей телеграмме на имя В.В.Марушевского от 18 апреля писал: «Все офицеры и солдаты Сибирской армии... рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами Архангельских войск». Гайда выражал надежду, что «общими усилиями, сражаясь плечо в плечо с вверенными вам войсками мы освободим от предателей дорогу нам Родину!». Командующий Северным фронтом белых В.В.Марушевский 26 апреля направил ответ: «Приветствую в Вашем лице доблестных братьев сибирцев. В успехе не сомневаюсь. Прошу верить моему горячему желанию

вести работу не только в связи, но и с полным подчинением наших операций операциям сибиряков».

Руководствуясь предписанием Марушевского, Д.Д.Шапошников выделил отряд подпоручика Иванова в распоряжение полковника Бордзиловского. Отряд Иванова выехал в Чердынь и позднее участвовал в попытках колчаковцев прорваться на Вычегду по Екатерининскому каналу (обратно на Печору отряд Иванова вернулся 25 июня). В конце апреля капитан Г.П.Алашев посетил штаб 25-го Тобольского полка в Чердыни, а также Пермь, где договаривался о конкретных совместных операциях. Для связи между архангельскими и сибирскими частями по Печоре решено было протянуть телеграфную и телефонную линии. В Ижму, где разместился штаб печорского батальона Алашева, прибыло семь колчаковских офицеров во главе с подпоручиком Жалковским для связи.

Полковник Бордзиловский запросил Архангельск о выделении ему значительного количества оружия, в том числе четыре автомобиля на тракты Якша-Петрецево и Троицко-Печорск-Помоздино («Автомобили желательно иметь типа танк...»), орудия, бомбометы, медикаменты, 50 дюжин фотографических пластинок. В случае получения всего заказанного немедленно Бордзиловский гарантировал «взять Усть-Сысольск и Котлас в кратчайшие сроки». В июне 1919 г. из Архангельска в Усть-Цильму прибыл первый «малый» транспорт с оружием для колчаковцев.

15 апреля Временное правительство Северной области признало всероссийский характер Временного Омского правительства. В Омск была делегирована депутация князя И.А.Куракина для представительства.

Усть-Цильма стала важной перевалочной базой на пути из Архангельска в Омск. Весной и летом 1919 г. через уездный центр Печорского уезда проехало множество самых различных делегаций и воинских частей на Северный и Восточный фронты. Первым здесь побывал экспедиционный отряд есаула Мензелинцев, который выехал затем в Чердынь, а оттуда в Омск. Обратная архангельская экспедиция вернулась в июне 1919 г., на этот раз под командованием поручика Жилинского. В составе экспедиции были пять иностранных офицеров и солдат из ставки А.В.Колчака. Через Усть-Цильму в Омск проехали делегации князя И.А.Куракина, генерал-майора Кислицына и барона Низенгаузена. Из Омска в Архангельск через Усть-Цильму добрался представитель ставки Верховного правителя штабс-капитан Бекшин (или Бекиш). Некоторое время стоял в Усть-Цильме взвод шотландских стрелков Гэмпширского полка во главе с полковником Джонсом, посланный из Омска в Лондон через Архангельск с поручением от генерала Нокса, советника при ставке А.В.Колчака. Проезжали через Усть-Цильму и беженцы, так, из Петрограда в Сибирь проследовали статский советник Толмачев и профессор Кушаков. В Усть-Цильме был устроен обменный

пункт северных и сибирских денег. Кроме того, через усть-цилемский телеграф шли переговоры А.В.Колчака с армией Н.Н.Юденича и Финляндией.

Весной на Печору прибыла большая группа морских офицеров (мичманы Хлебников, Беляев, Крылов, Литвинов, Могилев, Калац, Бабич, барон Рокассовский и др.), занявшиеся инспекцией печорского речного флота. В дальнейшем, ряд мичманов перешли на службу в батальон Г.П.Алашева.

В конце июля 1919 г. на лесозаводе «Стелла Полларе» в низовьях Печоры была размещена Британская миссия (или Английская база) со значительным количеством интендантского имущества. Миссия оказала существенную помощь в формировании на Печоре 10-го Северного Печорского полка, предоставив белогвардейцам обмундирование, продовольствие, медикаменты и медтехнику, оружие. В состав миссии входили капитан Киттинг, лейтенанты Дэвис и Уайт (Найт), врач Халден, инспектор Бланд.

Небольшую продовольственную помощь миссия оказала и гражданскому населению Печорского уезда. Так, инспектор Бланд в августе посетил Троицко-Печорск, откуда сообщал в Союзный комитет в Архангельске, что «необходимо срочно доставить муки в Троицко-Печорское. Население голодает, падает духом». Троицко-печорский лазарет был оснащен медицинским инструментарием и медикаментами. Сюда приехал работать из Франции врач Йоллес.

Когда пронеслись слухи об уходе союзников с Русского Севера, Галовский волостной сход обратился в Архангельск с просьбой «об неоставлении союзниками Северную Россию Печору помоществованием продовольствием и военными силами». Англичане планировали вывозить с Печоры лес, но эвакуация осенью 1919 г. прервала работу миссии. Она была эвакуирована в конце августа (для эвакуации на Печору приезжал британский бригадный генерал Грэхэм), ее имущество было передано штабу Печорского района. В Усть-Цильме был устроен вещевой склад, куда складировали остатки имущества миссии, в том числе 2000 шинелей, 500 мундиров, 6900 брюк, 10 тысяч одеял, 1950 ботинок и т.д.

В стратегическом отношении кратковременное соединение Северного и Восточного фронтов не дало белым никакого эффекта. Видный специалист по истории гражданской войны, бывший полковник царской армии Н.Е.Какурин в своем исследовании «Как сражалась революция», изданном в Москве в 1925 г., писал: «Белое командование Восточного фронта, избрав за главное операционное направление направление Екатеринбург – Пермь – Вятка, стремилось этим путем установить скорейшую связь с десантом Антанты, наступающим со стороны беломорского побережья в глубь России... Инициатива этого плана, вернее, настойчивая его поддержка исходила от английского представителя в Сибири генерала Нокса. План этот нашел также полную поддержку в лице чешского командования, во главе которого стоял генерал Гайда, мечтавший, избегая длинного и изобилующего многими

задержками и непредвиденностями пути через Владивосток и вокруг света, провести чехословацкие эшелоны более коротким путем через Пермь, Вятку, Вологду на Архангельск. Кто бы ни был главным инициатором этого плана, он был принят и приводился в исполнение в течение всей летней и зимней кампании 1918-1919 гг.».

«Державы Антанты и в дальнейшем, уже летом 1919 г., давили на оперативную свободу белого сибирского командования в том смысле, что оно должно было по-прежнему развивать активные действия на пермско-котласском направлении силами не менее 30000 чехословаков для скорейшей репатриации их через Архангельск. Учитывая элемент исключительно геометрический и рассматривая этот план под углом зрения интересов чехов, следует признать, что он отвечал обстановке, вернее, одной из ее сторон. Но в целом он в общих интересах русской контрреволюции был неудачен. Действительно, выбранное белым командованием главное операционное направление не являлось кратчайшим и не вело к жизненным для революции или контрреволюции центрам. Оно пролегало по местности, сравнительно мало населенной, с весьма суровым, особенно зимою, климатом и не изобиловавшей средствами для продовольствия значительных войсковых масс; последнее обстоятельство было весьма важно, принимая во внимание весьма неудовлетворительное состояние транспорта у обеих сторон. Выполнение этого плана привело к массированию белых армий к правому флангу своего фронта на пермском направлении, т.е. в порядке, обратном тому, который приняли красные для группировки своих сил на Восточном фронте».

Кай-Чердынский полк.

7 февраля 1919 г. РВС VI Красной Армии направил в адрес северодвинского губвоенкомата телеграмму: «В Печорском крае сложилась для нас довольно тяжелая обстановка, требующая инициативы на местах. Там противник занятием Троицкого отрезал наш Печорский отряд, который необходимо вывести из тяжелого положения срочными мерами. Ввиду изложенного Реввоенсовет 6, согласно статьи 12 положения о командующих армиями, берет в свое распоряжение все части Усть-Сысольского и Яренского уезда Северо-Двинской губернии для срочного использования их на ликвидацию противника в районе Троицкого, а потому и предлагается вам немедленно с получением сего предоставить для этой цели в распоряжение Усть-Сысольского уездвоенкома Яренский лыжбат, 29-ю маршруту, формирующийся в Усть-Сысольске караульный батальон и маршевую роту из Яренска или Сольвычегодска, снабдив их всем необходимым и вооружив. На Усть-Сысольский военкомат временно возложено руководство всеми военными действиями в Кай-Чердынском районе до прибытия командующего районом». Усть-сысольский уездный военный комиссар В.П.Юркин, бывший

прапорщик, получил полномочия командира всеми красными частями на кай-чердынском направлении. Штабом Юркина становится Усть-Кулом. Уже 7 февраля в распоряжении Юркина имелись прибывший из Усть-Выми лыжный батальон И.М.Елькина. В Воче и Усть-Неме стояли две роты красноармейцев. 10 февраля в Усть-Кулом из Усть-Сысольска отправляется еще один батальон красноармейцев, команда связи и пулеметная команда – всего 453 человек. В Усть-Куломе развернули формирование Кай-Чердынского отряда (официально отряды кай-чердынского направления были развернуты в полк 19 марта 1919 г.).

Верхневыхегодские и сысольские организации РКП(б) принимали постановления о мобилизациях коммунистов в ряды Красной Армии для защиты края от колчаковцев. 30 января 1919 г. усть-сысольский уком РКП(б) решал вопрос о «скорейшем приготовлении припасов на случай надобности для коммунистов партизанцев» и постановил отправить за оружием в Устюг («а в виду надобности и в Питер») Я.Ф.Потапова. 6 февраля 1919 г. усть-сысольский уком РКП(б) решил «из имеющегося на складе оружия в первую очередь вооружить коммунистов волостей Усть-Немской и Вочевской». 12 февраля 1919 г. большевистская организация из Пажги постановила 40% своего состава считать мобилизованными в ряды Красной Армии согласно директиве укома. Одновременно с отправкой красноармейских и коммунистических отрядов на верхнюю Вычегду, из Усть-Сысольска направлялись бойцы на защиту Петрограда. 27 февраля 1919 г., например, в Петроград отправились 35 человек из мобилизованных коммунистов. В конце февраля в составе Кай-Чердынского отряда насчитывалось свыше 1500 бойцов и командиров.

Не все мобилизованные в ряды Красной Армии горели желанием сражаться «за диктатуру пролетариата». Направленная в Усть-Кулом 29 маршевая рота расстреляла в пути весь свой боезапас в воздух и прибыла в село фактически безоружной. В.П.Юркин с помощью батальона И.М.Елькина разоружил и арестовал всю роту, создал комиссию для расследования инцидента. Рота была расформирована и отправлена под трибунал в Котлас, за исключением 51 человек, переданных в батальон И.М.Елькина.

Неудачно складывались взаимоотношения между командиром Ижмо-Печорского полка Г.Комиссаровым и В.П.Юркиным. Комиссаров, узнав о том, что на верхней Вычегде приступили к формированию нового советского полка, решил, что это провокация с целью его (Комиссарова) удаления с командования Печорским краем. В.П.Юркин, организуя первое наступление на Троицко-Печорск, попросил у Комиссарова поддержки в атаке. Комиссаров в грубой форме отказался выделить в распоряжение Юркина какие-либо подразделения, заявив, что на Печоре только Ижмо-Печорский полк имеет право вести боевые действия. После этого инцидента совместные действия двух полков стали невозможными. Е.Г.Королева и А.А.Попов в своей книге

«Гражданская война в Коми крае» писали, что «Комиссаров... или не понимая опасности с Востока или не обладая необходимым военным кругозором, считал образование Кай-Чердынского района недоразумением и гневно обрушивался на все мероприятия Юркина и Реввоенсовета армии по обороне этого района. Он даже не хотел, чтобы его Юркин информировал о положении в районе. В связи с этим командующему армией А.А.Самойло пришлось дать специальную директиву о том, чтобы Комиссаров немедленно прекратил недоразумения».

В ночь на 12 февраля крупный отряд белых из состава 18-го Сибирского Иркутского полка с проводником священником о. Михаилом предпринял внезапный удар по группировке красных партизан (именовавшейся позднее 7-й ротой Кай-Чердынского полка) в районе Лупьинского Мыса. Всю ночь шел бой, в конце концов белые отступили, потеряв в бою 20 человек убитыми, из них пять офицеров и унтер-офицеров (по другим сведениям, потери белых составили 82 человека убитыми и ранеными). Преследуя противника, красные 13 февраля атаковали лагерь колчаковцев под селом Гайны и уничтожили в бою 100 белогвардейцев (по другой информации, восемь). Попавшие в плен 37 колчаковцев были расстреляны (по другим сведениям, попало в плен и было расстреляно четыре белогвардейца). Из штаба Пинего-Печорского края бойцам и В.П.Юркину получили замечание, что пленных надо сначала допрашивать, а не сразу расстреливать. Потери красных составили 8 человек убитыми и ранеными. В течение февраля-марта бои в районе Лупьинского Мыса вспыхивали неоднократно, сам Лупьинский Мыс переходил из рук в руки. Тракт Воч – Гайны во избежание проникновения противника на Вычегду был завален деревьями. Одновременно колчаковцы пытались выйти на Вычегду через Екатерининский канал.

18 февраля РВС VI Красной Армии указал В.П.Юркину на необходимость немедленных активных действий в сторону Троицко-Печорска. Юркину приказали не позднее 25 февраля предпринять наступление на Троицко-Печорск. 26 февраля 1919 г. в 6 часов утра красные атаковали позиции колчаковцев на подступах к Троицко-Печорску у деревни Сойва. Здесь белыми был создан сильный укрепленный район с эшелонированной обороной, вырыты блиндажи, протянута колючая проволока, устроены пулеметные гнезда. Мост через реку Сойву был разобран, а подходы к нему заминированы. На позициях в Сойве находилось до трех рот из состава Сибирского Печорского полка. Комендантом Сойвинского укрепленного района являлся прапорщик Шармаев (или Шармай).

Наступление красных шло в условиях 40-градусного морозного тумана, который частично скрывал позиции неприятеля. В.П.Юркин бросил в бой только батальон И.М.Елькина, разделив его на две части. Отряд под командованием Ивашева в 170 штыков на лыжах должен был занять деревню Сойву, а остальная часть батальона во главе с самим Елькиным атаковала

позиции неприятеля в лоб. В течение 12 часов шел бой. Отряд Ивашева попал в засаду и был вынужден отступить, потеряв 28 человек убитыми и ранеными. Красноармейцы, атакующие позиции врага в лоб, сражаться не хотели и медленно расходились по окрестностям, забираясь в стога сена. Иные проспали весь бой и проснулись уже после отступления батальона в расположении белых. В оперсводке Кай-Чердынского района от 27 февраля говорится, что «больше половины приданной 29 роты и часть партизанского отряда совершенно не наступали из-за трусости». Елькин был вынужден отступить. Узнав об отступлении батальона, застава красных в Ньюмылге бросила пост, а заодно оружие и продукты и разбежалась.

Начальник штаба VI армии Петин был крайне недоволен действиями В.П.Юркина в наступлении на Троицко-Печорск. Особенно Петина удивляло решение Юркина наступать силою одного батальона, в то время как под Усть-Куломом уже было сосредоточено до полутора тысяч штыков. 1 марта в Усть-Кулом прибыл назначенный реввоенсоветом армии новый командующий Кай-Чердынским районом В.Д.Цветаев, бывший командир 161-го стрелкового полка с Северной Двины. Цветаев принял командование над Кай-Чердынским полком и уже на следующий день организовал новое наступление на Троицко-Печорск. Планировалось нанести по селу сразу несколько ударов с разных сторон, в том числе с севера. Для этого в деревню Лачевскую в верховьях Ижмы была отправлена рота красноармейцев с пулеметами, которая должна была выйти на Печору в районе Митрофановской и двигаться далее на Троицко-Печорск. В Лачевской к красноармейцам должен был присоединиться изваильский партизанский отряд в 60 человек. Однако никакого наступления по неизвестным причинам не состоялось. Тем временем Кай-Чердынский полк продолжал формироваться. 1 марта в Усть-Кулом подошла еще одна маршевая рота в 122 человек.

Конфликты между военными и гражданскими властями.

5 марта в Усть-Сысольск прибыл созданный директивой командования штаб Пинего-Печорского края Северного фронта. Этот штаб был организован с целью координации действий всех советских частей в Коми крае и принял командование над Ижмо-Печорским, Вашко-Мезенским и Кай-Чердынским полками. Командующим Пинего-Печорским краем был назначен Н.В.Лисовский, бывший командующий Двинско-Мезенским районом (между прочим, Николай Васильевич Лисовский почти два десятилетия спустя вновь оказалась в Коми крае, но уже не по своей воле: власть, за победу которой он воевал, отправила его в Устьвымлаг, где он пробыл несколько лет). Политкомиссаром штаба края являлся Г.И.Самодед. Тотчас по прибытию в Усть-Сысольск штаб края наладил выпуск собственной газеты «В Зырянском краю» под редакцией Ф.Чумбарова-Лучинского, ставшей мощным коммунистическим пропагандистским изданием.

Между усть-сысольским укомом РКП(б) и усть-сысольском уездисполкомом с одной стороны, и штабом Пинево-Печорского края, с другой, постепенно стали возникать трения. Уже 7 марта 1919 г. в донесении в штаб армии Лисовский и Самодед писали: «За короткий срок пребывания мы выяснили, что население Усть-сысольска пропитано обывательщиной и относится несочувственно представителям Советской власти. Население деревень терроризировано лицами, являвшимися руководителями власти, но власть понимающими как произвол. Поэтому на сочувствие населения в данное время рассчитывать не приходится и завоевать его доверие труднее теперь, чем было раньше, ибо оно к представителям власти относится уже с предубеждением... Приняты все меры, чтобы прекратить окончательно и навсегда произвол среди населения, подрывающий авторитет власти и всех виновных будем предавать суду трибунала...».

По данным В.Г.Зыкина, ряд постановлений усть-сысольского укома РКП(б) и усть-сысольского уездисполкома были охарактеризованы штабом Пинево-Печорского края, как «гносные». Штаб не мог понять, как коми большевики мирятся с тем, что в рядах милиции служат бывшие полицейские, а среди уездных комиссаров имеются даже бывшие священнослужители (имелся в виду комиссар Д.Я.Попов). В ночь на 5 июня 1919 г. штабные команды устроили в Усть-Сысольске настоящую облаву, устроив обыски на квартирах и аресты неблагонадежных лиц. Обыск произведен был, в том числе, и у Д.Я.Попова.

Результаты акции не были сообщены усть-сысольскому уездисполкому. Последний, как высший орган власти в уезде, возмутился подобным отношением к себе и обратился с жалобой на штаб в усть-сысольский уездный комитет РКП(б). Тот в свою очередь подал жалобу в губком партии, где, в частности, отмечалось, что «штабом... проведены реквизиции у граждан частной собственности (мебель, посуда и прочая домашняя утварь). Производились... без ведома уездкомпартии и уездисполкома обыски и даже аресты советских служащих... Произведен учет в лавке общества потребителей... Учет имел чисто вымогательский характер (а именно – с целью получить кожаную обувь)...» и т.д. Северо-Двинский губком РКП(б) оставил жалобу усть-сысольцев без внимания, и положение в городе нормализовалось только после перевода ряда работников штаба Пинево-Печорского края в другие места.

Последний натиск колчаковцев.

В апреле 1919 г. Сибирская Белая армия предприняла новый рывок на северо-запад. В коми-пермяцком селе Гайны была сосредоточена крупная группировка для наступления на кайском направлении. Руководитель сельской группы бедноты в Гайнах В.А.Попов вспоминал: «Весной на пароходах с низовьев прибыли артиллерийские, конные и пехотные части белых.

Артиллерию оставили в Гайнах, а остальных отправили вверх по реке Каме на Кай. Гайны были переполнены солдатами. Начался грабеж населения: резали скот и птицу, уводили со двора последнего коня, отбирали упряжь». 7 апреля колчаковцы взяли город Кай, а 19 апреля две сотни белоказачков заняли д. Монастырскую в 23 верстах от Кажима, близ границ Усть-Сысольского уезда. Посланные в Монастырскую несколько разведгрупп красных из кажимской группировки И.В.Бульшева пропали без вести. И.В.Бульшев отдал распоряжение об эвакуации Кажимского железодельного завода, но оказалось, что он поторопился. За паникерство Бульшева сняли с командования кажимской группировкой красных, вместо него был назначен сначала Г.С.Могилев (Правдин), а потом А.Г.Ергин, бывший штабс-капитан (по словам красноармейца И.С.Порошкина, Ергин за измену был потом расстрелян в Москве).

В директиве командарма VI Красной Армией А.А.Самойло от 5 апреля 1919 г. отмечалось: «Продвижение противника на фронте 3-й армии продолжается, при чем особенно успешно развиваются его активные действия на левом фланге названной армии, непосредственно примыкающем к району вверенной мне армии. Эта новая стратегическая обстановка, угрожающая тылу всего Пинево-Печорского края, в связи с предстоящей весенней распутицей, которая отрезает от армейской базы на полтора-два месяца все те части края, которые действуют ныне в удаленных районах Ижмы, Мезени и Вашки, вследствие порчи дорог заставляют теперь же принять срочные меры к сосредоточению в кратчайший срок всех свободных войск Пинево-Печорского края для создания маневренной группы в районе р. Лузы (приток р. Юг) и железной дороги Котлас – Вятка. Эта группа необходима как для обеспечения тыла войск Пинево-Печорского края и Северо-Двинского района, так и для нанесения удара во фланг и тыл противнику в случае, если бы дальнейшее продвижение его не было остановлено 3-й армией на линии Глазова и верховьев реки Вятки».

Командующий Пинево-Печорским краем Н.В.Лисовский приказал Вашко-Мезенскому полку срочно оставить Удору и перебазироваться на Вымь и нижнюю Вычегду. Ижмо-Печорский полк получил приказ об эвакуации с Печоры и переброске под Визингу. Кай-Чердынский полк должен был оборонять линию Помоздино – Усть-Немь – Воч – Кажим. В районе Объячево и Ношуля срочно возводились оборонительные укрепления для отражения наступления колчаковцев.

Находившийся в Котласе 2-й батальон Ижмо-Печорского полка под командованием Низовцева получил приказ спешно перебрасываться на железнодорожную станцию Мураши с целью дислокации в районе Кажима. Одновременно 1-й батальон Кай-Чердынского полка с пулеметной командой под командованием М.И.Филатова должен был совершить 500-верстный марш-бросок от Помоздино до Кажима. Красноармейцы проделали весь этот

путь в тяжелых условиях распутицы, в зимнем обмундировании, в валенках и без продовольственных запасов. 23 апреля 1-я рота Кай-Чердынского полка с пулеметной командой под началом И.В.Ватаманова прибыла в Кажим. Из Усть-Сысольска в район Гривы выступила коммунистическая рота, а в Кажим подошли еще две маршевые роты северо-двинского губвоенкомата из Визинги. По данным В.И.Прошева, к концу апреля 1919 г. в составе Кай-Чердынского полка насчитывалось около 2500 человек.

В мае 1919 г. III Красная Армия, получив значительное пополнение, начала контрнаступление на Восточном фронте. Начались упорные бои. Колчаковцы взяли город Глазов, но это был их последний успех на северо-западном направлении. Вскоре началось отступление Сибирской армии за Урал. Ижмо-Печорский полк получил приказ перебазироваться в район Кажима и совместно с частями Кай-Чердынского полка и III Красной Армии участвовать в наступательных операциях на кайском направлении. 15 мая Ижмо-Печорский полк на трех трехпалубных пароходах «Троцкий», «Пушкин» и «Карл Маркс» выступил из Усть-Сысольска вверх по Сыsole. Однако под Межадором полк получил новое назначение – сначала в армейский резерв в Вологду, а потом на Северную Двину.

15 мая красные выбили белоказаков из Монастырской и начали движение на Кай. Ответственным за взятие Кая был назначен В.Д.Цветаев. 25 мая у села Гидаево кажимская группировка красных под командованием М.И.Филатова из состава Кай-Чердынского полка соединилась с 9 полком III Красной Армии и участвовала в дальнейшем в боях за город Кай.

Одновременно наступление на белых было организовано по Екатерининскому каналу. 13 мая красные выбили из деревни Канава заставу белогвардейцев под начальством подпоручика Пономарева. Как вспоминал участник канавского боя С.И.Королев, местные жители встретили красных враждебно, «нам даже на деньги не давали ни хлеба, ни молока». 14 мая белые снова заняли Канаву, а красные, потеряв в боях одного красноармейца убитым и шестерых попавшими в плен, были вынуждены отступить на север.

5 июля в Усть-Немь прибыло 13 (по другим данным, 22) перебежчиков от белых, которые сообщили, что 1 июля колчаковцы оставили Ксенофонтово и Канаву, и что солдаты отходят беспорядочными группами, никакого порядка нет. 17 июля посланная с Вычегды разведгруппа красных вступила в Гайнах в контакт с частями III Красной Армии. 9-я рота Кай-Чердынского полка двинулась по Чердынскому тракту на город Чердынь и, потеряв в столкновениях с остатками отступавших белых 17 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, установила на всем тракте от Усть-Нема до Чердыни посты.

Находившийся в Троицко-Печорске Отдельный Сибирский Печорский полк белых получил приказ эвакуироваться за Урал по Сибиряковскому тракту Усть-Щугор-Ляпино. 4 июля 1919 г. комполка капитан Атавин сообщил генерал-майору Д.Д.Шапошникову: «Вследствие создающейся обстановки

на фронте мне с полком приказано выступить из Троицкого через Ляпино на соединение с Северным отрядом. 3 июля я с отрядом выступил. Начальник Северного отряда приказал вам продолжать получение боевых запасов в Архангельске, организовав доставку грузов морским путем через Обь, Печору и Усу из Болбана на оленях в Обдорск».

Как вспоминали современники, уход колчаковцев из Троицко-Печорска был совершенно внезапным и без всякой подготовки. Много было дезертиров, в основном уроженцев Печоры, желающих сражаться с красными только на родной земле (позднее основная масса дезертиров от колчаковцев вступит в ряды 10 Северного Печорского полка из состава архангельских войск). 6 июля генерал Шапошников информировал Архангельск об уходе колчаковцев с Печоры: «Причины отхода полка неизвестны». 11 июля архангельское командование приказало командиру печорского батальона капитану Г.П.Алашеву: «Передайте не медля ни минуты капитану Атавину, что удержание им района Щугор крайне необходимо... Это приказание сообщено в Омск наштаверху». Но попытки удержать колчаковцев в Коми крае в районе Щугор – Ляпино не увенчались успехом.

15 июля капитан Алашев доносил, что отправил в Щугор роту в 120 штыков при четырех пулеметах и одном орудии под командованием поручика Иванова, «приказав ему принять командование отрядом в Троицко-Печорском и вести глубокую разведку на Чердынь и Помоздино». 17 июля Алашев сообщал: «5 июля сибиряки без боя оставили Чердынь. 10 июля вблизи Чердыни красных еще не было. Волости Троицко-Печорская, Савиноборская и Щугорская ходатайствуют о присоединении их к Северной области». Вскоре рота Иванова заняла оставленный колчаковцами Троицко-Печорск. Таким образом, в июле 1919 г. колчаковские войска оставили Коми край, а на их позиции были выдвинуты части архангельской Белой армии.

Глава 7. БЕЛЫЕ УКРЕПЛЯЮТСЯ

Белая Печора.

Об экономических мероприятиях советской власти в годы гражданской войны в издававшихся ранее книгах написано довольно много, а вот о том, что происходило на территории, занятой белыми, в этих трудах сведений почти нет. Расскажем о том, как была организована жизнь при белых. Печорский уезд был единственным районом в Коми крае, где белогвардейцы и восстановленное ими земство в течение 15 месяцев проводили, помимо репрессий, реальные социально-хозяйственные мероприятия. Гражданская власть в уезде принадлежала Усть-Цилемской уездной Земской управе, военная – сначала штабу Г.П.Алашева, а позднее штабу Печорского района Северного фронта во главе с полковником В.Ахаткиным.

Восстановление печорского земства проходило по образцу 1917 г. Сначала был создан Временный Печорский Земский комитет во главе с Г.Г.Недашковским. 3 февраля 1919 г. комитет переименовали во Временную уездную Земскую управу. 6 апреля 1919 г. в Усть-Цильме состоялось Чрезвычайное Земское Собрание Печорского уезда, на которое были приглашены земские гласные, выбранные еще в 1917 г. Собрание решало множество вопросов, в том числе организационные. На лето и осень 1919 г. наметили выборы волостных и уездных земских гласных на срок 1919-1921 гг. Выборы в волостное земство состоялись 8 июня 1919 г., а уездные земские гласные избирались в сентябре 1919 г.

30 ноября 1919 г. в Усть-Цильме открылось очередное уездное Земское Собрание, посвященное годовщине освобождения уездного центра от советской власти. По одним данным, уездную Земскую управу в течение января - октября 1919 г. возглавлял Г.Г.Недашковский, по другим осенью 1919 г. председателем являлся Н.С.Смирнов. Так или иначе, но 30 ноября Недашковский открыл уездное Земское Собрание докладом с подробным изложением истории борьбы с большевизмом на Печоре. После Недашковского выступил начальник Печорского уезда Г.П.Алашев, который заметил, что «Печорский край своим освобождением обязан лишь самому себе». Уездное Земское Собрание отправило в Архангельск приветственную телеграмму, текст которой напечатала газета «Возрождение Севера» в номере от 26 декабря 1919 г.: «Собрание земских, правительственных, военных, кооперативных и общественных учреждений и организаций Усть-Цильмы в годовщину освобождения Усть-Цильмы от властителей невежества и темноты приветствует правительство, выражает поддержку в его борьбе за единую свободную Россию и высказывает свою глубокую уверенность, что граждане Печоры и ее воины исполнят долг перед своей Родиной, доведя ее совместно с правительством до Всероссийского Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего прямого тайного и равного голосования».

Печорское уездное Земское Собрание провело выборы в уездную Земскую управу. Членами ее стали И.С.Елагин (председатель), П.И.Кириллов (зам.председателя), И.Л.Самодуров, Н.Ф.Ануфриев. Губернскими земскими гласными были избраны М.С.Вайванцев, Н.С.Смирнов, Н.С.Елагин, Г.Г.Недашковский. Кандидатами в губернские гласные стали А.Е.Мохнатых, П.И.Кириллов, П.С.Филиппов. В Земско-городское совещание Северной области выбрали М.С.Вайванцева, Н.С.Елагина, Н.С.Смирнова и Л.Е.Мохнатых.

Архивные данные позволяют рассмотреть деятельность Печорской уездной Земской управы в 1919 – начале 1920 гг. в следующих областях: продовольственное снабжение уезда, промышленность и торговля, организация транспорта и связи, народное образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

Печорский край издавна жил привозным хлебом. 10 апреля 1919 г. после открытия Сибиряковского тракта из Усть-Цильмы за Урал был отправлен огромный обоз из 527 подвод за хлебом. Печорская уездная Земская управа телеграфировала в Омск: «В Печорском крае хлеба совсем нет... В Ижемском районе от голода умерло сотни человек. Ели собак, кошек... Ляпинский хлеб единственная надежда. Просим дать распоряжение уполномоченному Суворовцеву не препятствовать в отпуске хлеба на Печору». 30 апреля из Ляпино доносили, что из 527 подвод до места назначения доехали только около 200, поскольку «дожди испортили Щугорскую дорогу». На Печору было доставлено лишь 3000 пудов ляпинского хлеба. В дальнейшем Министерство продовольствия в Омске решило вывезти ляпинский хлеб для снабжения колчаковской армии, оставив только 18 тысяч пудов пшеницы для верхнепечорских волостей, находившихся в то время под юрисдикцией Омского правительства. В Усть-Щугоре на средства печорского земства была построена мельница для размола ляпинского зерна.

Тогда Печорская уездная земская управа обратилась за помощью в Архангельск. В июле 1919 г. из Мезени на Печору отпустили 10 000 пудов хлеба. В течение летней навигации 1919 г. пароходами завезли на Печору из Архангельска около 250 000 пудов муки. Для посевной летом и осенью 1919 г. управа организовала доставку семян, сельскохозяйственных машин и инвентаря. 22 июля, например, в Архангельск отправили телеграмму с просьбой доставить на Печору в кредит 10 плугов, 50 косилок, 30 конных граблей, 30 маслобоек, 20 сепараторов, 2 санных прессы, 300 боронных зубов, 500 кос, 500 серпов, 40 точил и тд. В сентябре 1919 г. пароход «Ломоносов» привез в Усть-Цильму необходимые сельскохозяйственные машины и инвентарь и 13 тысяч пудов семян.

Зимой 1919/1920 гг. Печорская уездная управа закупила в Сибири хлеб. В январе 1920 г. в Ляпино находилось 10468 пудов ячменя для Печорского уезда. Продовольствие выдавалось в виде пайков, беднейшим семьям был открыт кредит для закупки всего необходимого. Продовольствие завозили и

в тундру, к ненцам. Таким образом, в течение 1919 – начале 1920 гг. уездное земство успешно справилось с продовольственной проблемой, обеспечив уезд хлебом.

17 июня 1919 г. в Ижме состоялось собрание торговопромышленников, которые обратились во Временное правительство Северной области со следующим запросом: «Дозволяется ли частная торговля, промышленность, беспрепятственный ввоз – вывоз товаров и продуктов, гарантируемая от всяких притеснений и захватов?.. Разрешается ли приобретать из других мест продукты вне нормы для увеличения пайка рабочим и служащим, обслуживающим нужды разного рода предприятий, а также оленеводам и промышленникам, проживающим в отдаленных местностях, которым своевременная доставка имеет большое экономическое значение?». В уезде возродилась деятельность частных торговых компаний, как, например, братьев Терентьевых, братьев Норицыных, торговавших по всему Северу России; их торговые караваны добирались до Тобольска, везя туда печорские меха, замшу, мясо, а взамен привозя хлеб, соль, спички, табак, керосин и др. В ряде волостей на Печоре открылись кооперативы по снабжению населения предметами первой необходимости («Диюрская помощь», «Олень» и др.).

Курс «северного рубля» в отношении к царскому, «никаевскому» рублю 2 июня 1919 г. определялся в 20 коп. Финансовые операции в Печорском уезде осуществлял архангельский Северный промышленный банк. Покупательная способность «северного рубля» в Усть-Цильме в декабре 1919 г. была следующей: пуд масла стоил 1000-1200 рублей, пуд оленьего мяса – 100 рублей, пуд сала – 400 рублей. За пуд сена запрашивали 7 рублей, если возами – дешевле. Песец I сорта оценивался в 650 рублей, III сорта – 400 рублей. Мех лисицы стоил от 400 до 550 рублей, горноста – 55 рублей, белки – 6 рублей, пимы – 550 рублей и т.д. Белогвардейцы жестко контролировали цены в уезде на квартиры, дрова, молоко и транспортные перевозки, в частности, плата за перевозки воинских частей и грузов была установлена в 7 коп. с версты и пуда груза, а поверстная плата за лошадь составляла 60 коп. Цены на остальное были коммерческими.

Постоянно ощущалась нехватка наличных денег. 22 июля 1919 г. печорская управа просила Архангельск ввиду «2-месячного отсутствия дензнаков в уезде... срочно выслать... до 3 миллионов рублей мелкими купюрами». Из-за отсутствия дензнаков ВПСО в уезде не прекращалось хождение керенок достоинством 20 и 40 рублей. Кроме того, на руках у населения верхнепечорских волостей имелось большое количество сибирских дензнаков Омского правительства, обмен которых на «северные рубли» долго не производился, несмотря на неоднократные обращения штаба Печорского района в Архангельск дать указания, «имеют ли они обращение в Северной области». Совершенно не котировались на печорском рынке советские рубли, имеющиеся в большом количестве в Ижемском районе. Таким образом, на

территории Печорского уезда наблюдалась почти полностью расстроенная финансовая система, стабилизация которой в условиях войны была невозможной, что и определяло финансовое бессилие земства.

В период войны большую роль играло взимание налога на военные нужды. В Печорском уезде военное налогообложение касалось в первую очередь зажиточного крестьянства. Так, например, в Усть-Цильме военным налогом обложили всего 37 человек – торговцев и крупных оленеводов с капиталом от 10 до 200 тысяч рублей. Суммы налога колебались от 5% до 8% с имеющегося капитала. Интересно, что сборщики налога в начале 1919 г. собирали деньги и на территории, занимаемой советскими войсками, в частности, в Ижме, предупреждая налогоплательщиков, что «в случае неуплаты ими налога в самом ближайшем времени они после занятия Ижмы будут задержаны в Усть-Цильме впредь до взноса ими установленного налога». Как правило, налог поступал исправно, более того, зажиточное население Печоры вносило большие добровольные пожертвования. В марте 1919 г. в Усть-Цильме на нужды Белой армии было собрано более 300 тысяч рублей, 1000 пудов мяса, 100 пар белья, одежды, обуви, большое оленье стадо. В апреле 1919 г. уездное крестьянство передало белым 114472 рубля добровольных пожертвований, сумма военного налога составила 246458 рублей.

Промышленность в уезде не была развита. Здесь существовали замшевые и прочие мастерские, кирпичные заводики (в пяти верстах от Усть-Цильмы был, например, кирпичный завод А.Ф.Белокопытова), но крупных промышленных объектов не имелось. В Ижемской волости находилась электростанция мощностью в 11 киловатт с мельницей, принадлежавшая А.Е.Филиппову. На лесозаводе «Стелла Полларе» располагались судоремонтные мастерские, рабочие которых получили освобождение от мобилизации. В навигацию 1919 г. по Печоре ходило 8 (по другим данным, 9) пароходов и паровых катеров, принадлежащих компании «А.М.Черных», существующей с 1912 г., и Ижемской судоходной артели. В декабре 1919 г. компания «Черных» объявила о самоликвидации, поскольку все ее пароходы фактически были реквизированы для военных нужд.

В Усть-Ухте с 1909 г. существовал нефтяной прииск А.Г.Гансберга. Здесь имелись электростанция, мехмастерские, кузница, буровая вышка с паровой машиной и механическим приспособлением для бурения. Прииск был телефонизирован. В начале 1919 г. Гансберг выехал в Архангельск с целью получения субсидий для продолжения нефтедобычи. Осенью 1919 г. Печорская уездная Земская управа получила из Архангельска распоряжение о возобновлении нефтедобычи на Ухте. «Здания нефтезавода целы. Машины имеются, но части их вывез Гансберг. Насколько пригодны – может определить специалист», – отвечали телеграммой с Печоры в Архангельск. Возобновление нефтедобычи запланировали на лето 1920 г. Нефть решено было вывозить с Ухты бочками, поскольку «специальных нефтянок нет. Есть

водонепроницаемые деревянные... Лучше бочками (13 пудов)», рекомендовал земцам зав.печорским судоходством А.Павловский. Оживление нефтяного дела на Ухте оценил сам Главнокомандующий Северным фронтом генерал-лейтенант Е.К.Миллер. В своих воспоминаниях «Борьба за Россию на Севере», написанных в апреле 1926 г., он заметил: «На далекой Печоре комиссары и небольшие отряды Красных войск бежали и уверенность населения в возможности спокойно работать была настолько велика, что в Усть-Ухте снова приступили к работам по изысканию и добыче нефти».

Огромная территория Печорского уезда нуждалась в хороших дорогах, транспорте, связи. В течение лета 1919 г. Печорская уездная Земская управа совместно с военными провела ремонт печорской половины Койнасского тракта, соединяющего Усть-Цильму с Мезенским уездом. На ремонте дороги работал специальный рабочий батальон из 340 человек под командованием подполковника Бараева и инженера Мошинского. Для ремонтных нужд у населения временно реквизировали топоры, лопаты, ломы, прочие шанцевые инструменты. Было отремонтировано 25 мостов. 28 августа 1919 г. специальная комиссия, где печорское земство представлял П.И.Кириллов, осмотрела отремонтированный тракт и констатировала, что он «приспособлен к автомобильному движению». В Усть-Вашку из Архангельска привезли автомобиль и четыре мотоцикла, планировалось летом 1920 г. использовать машины на Койнасском тракте. На ремонт тракта из сметы уездного земства было выделено 126 тысяч рублей.

В смету печорского земства на 1919 г. было заложено также 154 тысяч рублей на строительство тракта Ижма – Диюр – Щельяюр, но реально на изыскательские работы выделили лишь 10 тысяч, поэтому строительство так и не началось. Изыскательские работы в 1919 г. велись также по проведению тракта Усть-Цильма – Пеза – Мезень. Планировалось исследование реки Цильмы в судоходных целях, но отсутствие денег не позволило земству начать работы.

Главным транспортным средством на Печоре оставалась лошадь с подводой. Военные реквизиции лошадей, конечно, доставляли массу неудобств печорскому крестьянину. Но поскольку реквизиции были платными, то население в целом шло навстречу требованиям военным. 25 декабря 1919 г., например, Печорская управа сообщала в Архангельск: «Усть-Цилемская, Пижемская, Галовская, Красноборская, Щельяюрская волости заняты исключительно перевозкой военных грузов Верхнепечорского районов с трудом обслуживают домашние нужды. Бугаевская занята исключительно заготовкой дров для нужд пароходства. Росвинская, Ермицкая, Пустозерская волости лошадей дать могут, но возчиков нет. Население охотно предлагает лошадей с упряжью путем платной реквизиции». Осенью 1919 г. командующий Печорским районом полковник В.Ахаткин запрашивал Архангельск о выделении 250 тысяч рублей в уплату печорским крестьянам за реквизицию лошадей и 50 тысяч рублей «квартирных».

В отличие от транспорта, достижения в области связи на Печоре были более значительными. Правда, доля уездного земства в этом была минимальной, поскольку связью занимались исключительно военные. Для этого при штабе Печорского района был создан особый отдел связи под командованием подполковника Бараева, занимавшийся телефонизацией населенных пунктов в уезде и строительством телеграфа. Осенью 1919 г. на Печору прибыл Особый отряд связи Генерального штаба Северного фронта под командованием штабс-ротмистра Червинского в задачу которого входило установление телефонного и телеграфного контактов Архангельска с Березовским уездом Тобольской губернии, вошедшим в это время в состав Северной области. 29 ноября 1919 г. Особый отряд связи соединил Усть-Щугор прямым телефонным проводом с Архангельском, а 30 декабря телефон и телеграф были протянуты за Урал до Ляпино. В январе 1920 г. г. Березов – центр Березовского уезда был соединен с Архангельском телефоном и телеграфом через Усть-Цильму и Мезень. Для переговоров с Сибирью в Усть-Цильму из Архангельска выслали также полевую передвижную радиостанцию.

О развитии народного образования, здравоохранения и социального обеспечения на Печоре в условиях войны говорить, конечно, не приходится. Тем не менее, земство приложило максимум усилий для нормального функционирования этих отраслей народного хозяйства. Народное образование в Печорском уезде в условиях войны переживало кризис. Существующие школы нуждались в ремонте, учителя получали скудное жалованье, не хватало элементарного школьного оборудования, учебников и т.д. Тем не менее школы функционировали.

Печорский Учительский союз, образованный еще в начале 1918 г. под председательством М.С.Вайванцева попытался даже открыть в Усть-Цильме 2-классную гимназию. 13 ноября 1919 г. зав. гимназией Смирнов сообщал в Архангельск, что гимназистов набрано пока семь человек. Земство планировало открыть с 1 января 1920 г. начальное училище в Росвинской волости. Из сметы Земской управы на 1919 г. выделили 80 000 рублей на заготовку четырех тысяч бревен для строительства в Усть-Цильме больницы и высшего начального училища. Зав. печорским судоходством А.Павловский, кроме того, выдвинул идею об открытии в Усть-Цильме речного училища. 21 января 1920 г. он писал в Архангельск: «Для развития судоходства и пополнения штата судовых служащих необходимо на Печоре открыть речное училище. Земство идет навстречу, предоставляя помещение и половину расходов...».

В уезде работали четыре библиотеки-читальни и десять пришкольных читален, имелось два народных дома в Усть-Цильме и Ижме. При усть-цилемском народном доме с конца 1919 г. занимался кружок любителей театра, который ставил спектакли по произведениям А.П.Чехова и А.Н.Островского. Спектакли ставили также школьные ученические театры

в пользу «недостаточных» учеников. В Ижме существовал офицерский театр, созданный зав.отделом пропаганды штаба Печорского района штабс-капитаном Касаткиным. Военные устраивали для населения еженедельные чтения лекций с показом «гуманных картинок», открыли школу грамотности. В начале февраля 1920 г. отдел пропаганды выписал из Архангельска передвижной кинематограф, пытался создать при штабе оркестр.

В Усть-Цильме существовал Печорский комитет попечительства о народной трезвости. 21 декабря 1918 г. генерал-губернатор Северной области Е.К.Миллер издал специальное постановление о «воспрещении пьянства... на основе военного положения». Согласно приказу «воспрещалось напиваться пьяным (без появления в публичном месте) до состояния, вызывающего вмешательство милиции... Воспрещается допущение распития всякого рода опьяняющих напитков (как-то: спирта, всякого рода водок и вин, меда, а также других напитков...) в ресторанах, трактирных заведениях, гостиницах... без получения специального разрешения». Ослушавшихся ждал штраф в размере трех тысяч рублей или трехмесячный арест. Правда, неизвестно, выполнялось ли постановление генерал-губернатора на самом деле.

В ведение Печорской уездной Земской управы находились Опытная сельскохозяйственная станция (зав. агроном Иванов), Усть-Цилемская метеорологическая станция (зав. О.В.Семенова) и несколько лесничеств. Во время эвакуации с Печоры красные мобилизовали и насильно увезли с собой фактически всех лесничих, в том числе главного лесничего Чупрова, поэтому земство с трудом восстановило лесничества, крайне необходимые в первую очередь для борьбы с лесными пожарами.

Так же трудно, как с лесничими, было в уезде и с медицинским персоналом. Красные увезли с собой почти всех медработников, а те, что остались, были мобилизованы белыми. Летом 1919 г. в уезде вспыхнула эпидемия тифа и дизентерии, от которой в Брыкаланске скончалось, например, 104 человека, в Няшабоже – 12 и т. д. Земство обратилось за помощью к белогвардейцам. Все лето и осень 1919 г. на Печоре работал эпидемиологический отряд военного доктора Гарсиева. Зимой 1919/1920 гг. печорский эпидемотряд работал за Уралом в районе Ляпино Березова. Им руководил доктор Салаяев, медсестрами были местные учительницы. На базе земских больниц белогвардейцы развернули лазареты, привезли на Печору необходимое медицинское оборудование, медикаменты. В Троицко-Печорске работал врач Иоллес, приехавший сюда из Франции.

Выше уже отмечалось, что уездная Земская управа выделила средства на строительство в Усть-Цильме больницы, которую планировали открыть в 1920 г. Постепенно удалось увеличить количество гражданского медперсонала. Если в штате земства в начале 1919 г. были один фельдшер и один акушер, то в феврале 1920 г. имелись уже четыре врача, 14 фельдшеров и три повивальные бабки.

Важным направлением деятельности земства являлось социальное обеспечение населения: выплата различных пособий, в первую очередь пострадавшим от произвола большевиков. Архангельское губернское земство в 1919 г. выделило 100 тысяч рублей на пособия лицам, пострадавшим в Печорском уезде от красных. Печорская уездная Земская управа образовала комиссию в составе Г.Г.Недашковского, начальника уездной милиции Авдутьева, начальника Печорского уезда Г.П.Алашева и представителей волостных земств для распределения пособия. На местах был начат сбор заявлений от пострадавших граждан. В сентябре 1919 г. земская комиссия начала выплату пособий. Причем, пособие выплачивалось исключительно бедным семьям, пострадавшим от красных. Ущерб у богатых решено было не компенсировать. Например, пособие не получил Н.В.Сметанин из Брыкаланска. Комиссия отмечала, что он действительно пострадала от красных, у него увели лошадь и много вещей, но «в пособии не нуждается в виду состоятельности». В Галово 24 гражданам отказали в выдаче пособия «в виду их состоятельности». В Бакуринской волости 40 человек не получили пособия по той же причине, в том числе священник И.Артеев. В Ижме пособие получили 44 человека, отказали 31 состоятельным, в том числе священнику Н.Порфирьеву. В Сизябске 43 человека получили пособие, 80-ти отказали. Пособие не получила даже вдова расстрелянного красными сизябского священника Зуева, поскольку ее сын работал регистратором в уездной милиции и получал казенное жалованье. Сумма пособия колебалась от 100 до 750-1000 рублей в зависимости от понесенного ущерба.

Кроме пособий беднейшему населению, пострадавшему от красных, Печорская уездная Земская управа распределяла суммы пособий семьям пленных солдат – участников I Мировой войны (было выделено 50 000 рублей на эти цели); семьям солдат и партизан Северной Добровольческой Белой армии (100 рублей на семью ежемесячно).

В отношении лиц, служивших на советской службе и оставшихся на Печоре после эвакуации красных, местное население устраивало самосуды, производило опись имущества для конфискации. Предупреждения властей не останавливали самосуды, которые приняли такой размах, что 8 июня 1919 г. начальник Печорского уезда Г.П.Алашев издал приказ о немедленном прекращении «безобразного произвола» – самочинных обысков и расстрелов. В приказе отмечалось, что «непрерывные жалобы и донесения пострадавших и обиженных указывают, что самочинные обыски и даже расстрелы не прекращаются. Подобный произвол создает в умах впечатление о новой власти не как о носительнице здоровых начал законности и правопорядка, а как о власти, чуждой этим началам...».

Известны отдельные факты вмешательства властей в устраиваемые самосуды населения. Так, в Красноборе в марте 1919 г. волостная управа организовала обыск у учителя В.В.Ильина, акушерки Е.И.Березиной и

фельдшера И.И.Чопа. Обыск был произведен на том основании, что у вышеупомянутой тройцы «красные ничего не взяли». Во время обыска обнаружили запасы муки. 29 марта 1919 г. уездный правительственный комиссар Н.П.Ушаков в специальном письме в Красноборскую управу заметил, что «произведенный Вами обыск считаю незаконным... Повторение подобного превышения власти повлечет за собой самые серьезные неприятные для Вас последствия».

Начальником Печорского уезда Г.П.Алашевым в декабре 1919 г. была составлена для начальника уездной милиции специальная «Инструкция», в которой Алашев писал: «Чины вверенной Вам милиции совершенно не понимают возложенных на них служебных обязанностей и не соблюдают порядка и законности при исполнении служебных обязанностей, вызывая тем самым по отношению к себе заслуженное неуважение и нарекания со стороны граждан». Алашев приказывал милиционерам: «1. Быть вежливыми, почтительными и предупредительными в отношении со всеми гражданами, независимо от их званий, чина и общественного положения. 2. Уважать неприкосновенность личности, жилища и имущества каждого гражданина. 3. Никто из чинов милиции не имеет права производить самостоятельных обысков, арестов или дознаний без приказа начальника милиции или иных высших должностных лиц. 4. При производстве арестов или обысков или дознаний милиционер, коему поручено производить оных обязан предъявить постановление об аресте тому лицу, арест или обыск которого производится».

Однако все постановления и мероприятия властей оставались по существу на бумаге. В какой-то мере способствовал стабилизации обстановки приказ № 126 генерал-майора В.В.Марушевского о выезде за пределы Северной области всех лиц, симпатизирующих большевизму. С Печоры за линию фронта была выслана группа бывших ссыльных революционеров-борцов с царским режимом. Смогли выехать на родину также несколько бывших военнопленных Германии и Австро-Венгрии, волею случая очутившиеся на Печоре.

4 июня 1919 г. ВПСО на специальном заседании постановило «переименовать должности комиссаров в начальники губерний и уезда», поскольку «население присоединяемых областей с недоверием встречает назначаемых комиссаров, думая, что возвращаются большевистские комиссары».

Подводя итоги социально-хозяйственных мероприятий белогвардейцев и восстановленного ими земства на территории Печорского уезда, следует особо подчеркнуть, что не только «грабежи, расстрелы, тюрьмы... несли белогвардейцы беднейшей массе деревни», как написано в старых публикациях по истории гражданской войны в Коми крае. При белых, несмотря на военное положение, функционировали школы, больницы, пароходство, ремонтировались дороги, прокладывались телефонные и

телеграфные линии, обеспечивалось продовольственное снабжение населения, т.е. осуществлялась политика, главным в которой являлось все же не проведение репрессий, а создание необходимых реальных условий для борьбы с большевизмом.

Новые белые полки.

В июне 1919 г. Северная Добровольческая армия предприняла наступление на пинежском направлении, планируя овладеть Котласом. В наступлении участвовали британская и славяно-британская бригады, усиленные авиацией и военной речной флотилией. Эффективно применялось химическое оружие, так, в боях за Усть-Почу артиллерия белых выпустила свыше 7 тысяч снарядов, из них значительное количество с удушающими газами. Пинежская группировка белых рассчитывала соединиться с войсками генерала Д.Д.Шапошникова, после чего британская бригада должна была выйти на Вычегду. Но в тяжелых боях красные удержали свои позиции. Наступление белых провалилось. Командующий Пинежским районом полковник Дилакторский был смещен с должности, его место занял генерал-лейтенант П.П.Петренко. Это назначение имело неприятные последствия для генерал-майора Д.Д.Шапошникова.

7 июля Архангельск информировал Шапошникова, что «в отношении ведения операций в Мезенском районе Вы подчинены генералу Петренко». В этот же день вышла директива Генштаба белых о формировании на Печоре 10 Северного Печорского полка в 2-батальонном составе. Первоначально планировалось, что это будет запасный полк Северного фронта. 11 июля Шапошников получил телеграмму от Марушевского, что «3 июля на Печору из Архангельска вышел пароход «Савватий» с военным и продовольственным грузом. 16 июля выходит из Архангельска пароход «Зосима», на котором следуют офицеры во главе с полковником Ахаткиным, назначенным командовать войсками Печорского района. Ввиду отхода правого фланга сибирской армии Печорский и Ижемский районы вновь приобретают боевое значение». Одновременно с началом формирования полка на Печоре началась переброска в Усть-Вашку 1 Северного стрелкового полка из Архангельска, в дальнейшем именуемого Мезенским. Командиром этого полка являлся полковник П.А.Троянов. В начале августа 1919 г. генерал-майор Д.Д.Шапошников был отозван в Архангельск, куда он выехал вместе со своим начальником штаба подполковником Литвиновым (в дальнейшем генерал Шапошников являлся заместителем начальника архангельского гарнизона). Мезенско-Печорский район Северного фронта был разбит на два района. Командование Мезенским районом принял от Шапошникова полковник Троянов, Печорским районом стал командовать полковник В.Ахаткин с правами начальника дивизии. Капитан Г.П.Алашев (осенью 1919 г. он был произведен в подполковники) получил назначение на должность начальника Печорского уезда.

24 июля в Усть-Цильму прибыл полковник Ахаткин с группой офицеров (капитаны Ляпин и Покровский, штабс-капитан Шульгин, поручик Клинго, прапорщики Бурков и Абель). Одним из первых приказов Ахаткина стало включение печорского батальона Г.П.Алашева и белопартизанских отрядов на Печоре в состав 10-го Печорского полка. При этом Ахаткин обратил внимание на внешний вид печорских белогвардейцев: «Вместо ботинок с обмотками носят то опорки с цветными шерстяными чулками, то олени туфли при длинных брюках, то черные шаровары вместо защитных, на голове вместо фуражек шапки всевозможных покровов». Полковник приказал «немедленно устранить этот маскарад». Британская миссия снабдила полк обмундированием.

В сентябре 1919 г. 10-й Северный Печорский полк был сформирован в двухбатальонном составе. Командиром полка являлся Ахаткин, начальником штаба – подполковник С.И.Кобелев, 1-м батальоном командовал капитан Покровский, 2-м батальоном – капитан Новиков, интендантом был капитан Ляпин, артиллерийской полубатареей командовал штабс-капитан Чапурин. В числе офицеров полка находились штабс-капитан Шульгин, штабс-капитан Мельников, поручик Клинго (адъютант штаба района), поручик Вяткин (комроты-2), поручик Рочев (комроты-4), поручик Пономарев (начальник пулеметной команды-2), подпоручик Иванов 1 (адъютант штаба полка), подпоручик В.П.Алашев (начальник пулкоманды-1), подпоручик Иванов 2 (комроты-3), подпоручик Попов (комроты-5), подпоручик Цикин (комроты-6), прапорщик Терентьев (начальник пулкоманды-3), прапорщик Варзухин (комроты-1), прапорщик Силин (начальник команды разведчиков), прапорщик Боголепов (начальник связи), прапорщик Бурков (квартирмейстер полка) и т.д. Старшим полковым врачом являлся Соколов, лекпомы Хабаров и Кастерин.

1-й батальон полка в составе трех рот и пулеметной команды численностью 543 штыков размещался на верхней Печоре в районе Троицко-Печорска. 2 батальон примерно такой же численности занимал позиции на средней Печоре и Ижме. В октябре 1919 г. началось формирование 3 батальона. Общая численность полка выросла до 2700 человек, размещавшихся гарнизонами в Троицко-Печорске, Усть-Щугоре, Усть-Ухте, Красноборе, Ижме, Мохче и Усть-Цильме. Штаб Печорского района и полка поначалу был в Усть-Цильме, потом в Ижме. При штабе имелись полковой суд, офицерское собрание, арестантское помещение, отдел разведки и контрразведки (начальник отдела подпоручик Сергачев).

Полковым праздником считался день Рождества Пресвятой Богородицы – 8 сентября. 22 сентября полковник Ахаткин доносил Главнокомандующему Северным фронтом генерал-лейтенанту Е.К.Миллеру об успешном формировании полка, добавив: «10 Северный полк, справляя свой первый полковой праздник, обещает приложить все свои силы на борьбу под Вашим руководством с предателями Родины за святую единую Россию».

Штаб 1-го Северного Мезенского полка размещался в Усть-Вашке. Командиром полка был полковник П.А.Троянов, в числе офицеров находились подполковник Е.Н.Ксенофонтов, капитаны М.К.Соколов и С.М.Правдин, штабс-капитан Я.И.Кузнецов, поручики Г.Чумаковский, Г.Старостенко, Калининский, подпоручики С.М.Иовлев и В.Г.Негодяев, прапорщики В.С.Васильев, П.И.Верещагин, Б.С.Корсаков, Г.П.Колосов, С.П.Гуськов и др. Старшим полковым врачом являлся В.П.Фирсов.

Части 1-го Мезенского полка были развернуты на пинежском и мезенском направлении, причем вплоть до октября 1919 г. на Удоре белых не было, за исключением небольшого гарнизона в Важгорте. В октябре 1919 г. Троянов усилил важгортский гарнизон, а также разместил несколько подразделений в других удорских селениях.

После мобилизаций среди местного населения численность 1 Мезенского полка в январе 1920 г. составляла 2766 человек, учитывая тыловое интендантство. Подразделения полка размещались следующим образом. 8 Пинежскому стрелковому полку были приданы 2-я и 4-я рота мезенцев, два взвода пулеметной команды, взвод связи – 311 солдат и 20 пулеметов. В Важгорте размещались учебная команда, 3 роты, артбатарея, команда разведчиков – 283 человека, 3 орудия, 13 пулеметов. В Нюхченско-Выйском районе оперировали 1, 5, 6 и 9 роты мезенцев, четыре взвода пулеметной команды, взвод связи, разведкоманда и артбатарея всего 806 человек, 4 орудия, 41 пулемет. В Пыссе и Кослане были расквартированы 7 и 8 роты, пулкоманда – 445 солдат, 24 пулемета. В Кослане имелась, кроме того резервная рота в 173 штыка. В Койнасе располагалась школа телефонистов полка – 38 солдат. В Усть-Вашке находились нестроевая рота, взвод связи, штаб, околоток, музкоманда, комендатура – 278 солдат. В Венденге находилась рота солдат в 255 штыков, кроме того между Венденгой и Лоптюгой имелось еще 177 солдат при 3 пулеметах. В феврале 1920 г. из общего состава полка на Удоре, т.е. непосредственно в Коми крае оперировало 1707 человек.

Таким образом, осенью 1919 г. благодаря мобилизации и перегруппировке войск белые сконцентрировали в Коми крае значительные силы – два армейских стрелковых полка с разветвленной интендантской и тыловой системой. Красные, наоборот, летом 1919 г. сильно уменьшили свои войска в Коми крае, перебросив Вашко-Мезенский и Ижмо-Печорский полки на Северную Двину. Оборону советских территорий в Коми крае нес только Кай-Чердынский полк.

«Зеленая Армия».

Помимо красных и белых, летом 1919 г. в Коми крае появилась «Зеленая Армия». «Зелеными» в литературе по истории российской гражданской войны называли либо дезертиров, не желавших воевать ни у белых, ни у красных и скрывавшихся в лесах (отсюда и название), либо крестьянские отряды

самообороны, противостоявшие как красным, так и белым. В ноябре 1918 г. на Удоре отряды Л.П.Маркова уже сделали попытку стать между красными и белыми, правда, в итоге примкнув все же к последним.

Весной и летом 1919 г. зеленые стали появляться в Коми крае в массовом масштабе. Всею виной была весенняя пахота на крестьянских полях. Красноармейцы, мобилизованные в состав Кай-Чердынского полка из вычегодских и сысольских волостей, стали правдами и неправдами уходить домой на весенние полевые работы. Этому способствовало и ужасное снабжение Кай-Чердынского полка продовольствием. Как вспоминал И.М.Елькин, зимой и весной 1919 г. полк питался в основном лошадиной падалью, даже приходилось снаряжать специальные команды искать в снегах трупы павших или убитых лошадей с целью употребления их в пищу. Противник издевательски присылал красноармейцам через линию фронта белый хлеб с прокламациями переходить на его сторону. Из-за голода началось дезертирство из полка. В мае 1919 г. летучий отряд ЧК и отряд коммунистов устроили на зеленых облаву. Только в окрестностях Усть-Сысольска было поймано 49 человек, все они были отправлены под трибунал в Котлас.

24 августа 1919 г. командующий Печорским районом белых полковник В.Ахаткин сообщал в Архангельск сведения, полученные от красноармейца-перебежчика: «В полку (Кай-Чердынском – авт.) около 20 офицеров. Укреплений около Усть-Кулома и Помоздино нет. Продовольствия мало. Солдатский паек хлеба с мякиной от полфунта до фунта селедки. Иногда крупы испорченной четверть фунта. Чаю нет, сахар выдается изредка, табаку одна восьмая на четыре дня. Красноармейцы грабят продовольствие у местных крестьян. В двух верстах южнее Усть-Сысольска у деревни Вильгорде (Вильгорте – авт.) образовалась Зеленая Армия около 3 тысяч (человек – авт.). Много мобилизованных красными переходят к зеленым, которые имеют оружие, продовольствие... Настроение красноармейцев плохое... разбегаются по домам. Побегу красноармейцев усиливаются». Конечно, сведения о Зеленой Армии под Усть-Сысольском очень сильно преувеличены, но факт наличия массы зеленых в Коми крае летом и осенью 1919 г. имел место. Из зеленых Усть-Сысольского, Яренского и Никольского уездов Северо-Двинской губернии была потом сформирована целая рота красноармейцев, разбежавшаяся при появлении белогвардейского отряда капитана Н.П.Орлова на Вычегде.

Летом 1919 г. белые фактически оставили Удору, только в Важгорте находился небольшой гарнизон и изредка появлялись небольшие белогвардейские отряды из 10-15 человек. Вся власть на Удоре в течение июля-сентября 1919 г. принадлежала Верховному временному правительству, организованному Л.П.Марковым в Кослане в июле 1919 г. В этом селе стоял отряд Л.П.Маркова в 40 человек. Из других лиц удорского правительства известны еще Н.Мартюшев и А.В.Павликов, бывший жандарм из Ертома.

Удорское «правительство» ориентировалось все же на белых. Те обеспечивали Удору хлебом, завезли его во все волости, в том числе Ертомскую, считавшуюся на Удоре пробольшеви́стской. По словам большевика С.А.Захарова, летом 1919 г. Ертом был «нейтральной зоной», но «белые доставили в Ертом хлеб для бедноты, ... острый голод был изжит».

Удорские коммунисты-беженцы, осевшие после эвакуации красных с Удоры в Яренске, неоднократно писали командованию VI Красной Армии, что советские войска не стремятся к наступлению на Удору: «Местный штаб... не приходит на помощь несчастному... 10-тысячному населению. Красноармейцы открыто говорят, что они не находят нужным наступать в Мезенском и Удорском районе. Военные власти не считаются с нами». Беженцы прямо заявляли, что военный комиссар Яренского уезда Ф.С.Коковкин относится к делу освобождения Удоры от белых «враждебно».

6 сентября 1919 г. удорские беженцы написали наказ делегатам III съезда Советов Северо-Двинской губернии, где отмечали: «Мы, удорцы, испытавшие на своей спине прелести белогвардейского управления, все до одного стоим на советской платформе и горим желанием отомстить своре белых душителей живой свободной мысли и трудящегося класса за те муки, которые лично мы претерпели от них и какие ныне испытывают наши семейства. Уполномочиваем своих делегатов осветить то безотрадное положение, какое создано у нас на родине, где все сочувствующие власти Советов расстреляны, посажены по тюрьмам, а семьи их подвержены различным издевательствам. Порка и насиливание стали обыденным явлением. Кучки бандитов ездят из села в село и производят все то, от чего волосы встают дыбом. Грабеж имущества почти без разбору у всех привел население к тому, что даже те, которые ранее ждали белых, теперь воочию убедились, что представляет эта свора, и ждут ныне избавления со стороны красных». Удорцы призвали делегатов губернского съезда: «Слыша вопли наших семейств, поручаем нашим делегатам внести внеочередное заявление об освобождении Удоры от белогвардейских банд...»

Красноармейская газета «Наша война» еще 28 июня 1919 г. публиковала материал о зверствах белых на Удоре: «Прибывшие с Удоры в Яренск сообщают о тех зверствах, какие белогвардейцы чинили над бедным и средним крестьянином Удоры... Все семьи советских работников... ограблены... В дер. Селиб публично высекли розгами крестьянина, его жену и их двенадцатилетнюю дочь... В дер. Разгорт выпороли розгами и также публично крестьянина и его жену... В с. Глогово выпороли розгами публично жену советского работника за то только, что муж ее состоит на советской службе... По словам прибывших с Удоры, порка розгой и битье нагайкой белогвардейцами является обычным средством «внушения» за малейшее сочувствие Советской власти».

В свою очередь архангельские газеты публиковали факты произвола со стороны большевиков во время их пребывания на Удоре. Так, «Северное утро» сообщало, что со слов крестьянина Мезенского уезда А.Е.Зотикова (бывшего коменданта Важгорта – авт.), выступавшего на митинге перед рабочими судоремонтного завода в Соломбале, «большевики зачастую перед расстрелом намеченных жертв еще порют. Издеваясь над крестьянами некоторых деревень за то, что они зажиточные, работают в поте лица, а не занимаясь мотовством, – порят их плетьюми, не считаясь ни с возрастом, ни с положением. Например, в одной из деревенок был выпорот плетьюми 70-летний крестьянин Б.Порят не только мужское население, но и женщин. Порят так, что, как только появляются раны, посыпают их солью и снова стегают плетьюми». «Русский Север» 18 сентября 1919 г. публиковал постановление Усть-Вашской (Лешуконской) волости: «Всенародное собрание граждан Лешуконской волости 12 сентября единогласно постановило: 1) продолжить неустанную и самую решительную борьбу с большевиками; 2) всемерно защищать край от разграбления его со стороны диких банд красноармейцев и энергично содействовать правительству Северной области; 3) никто из Лешуконской волости, способный носить оружие, не имеет никакого права отказываться от несения военной службы».

В сентябре 1919 г. шпион красных доносил в Яренск, что «от Кослана до Усть-Вашки никаких сил и частей противника нет, за исключением местного кулачества и несознательного элемента». В октябре 1919 г. полковник П.А.Троянов разместил на Удоре ряд гарнизонов. Удорское «правительство» было распущено. Л.П.Марков получил назначение командиром 5-й роты 1-го Северного Мезенского полка белых, дислоцированной в Кослане. В январе 1920 г. ему был пожалован офицерский чин прапорщика. Отряды «марковцев» вступили в ряды белых.

Зеленое движение в Коми крае являлось стихийным, никакой вооруженной опасности ни белым, ни красным не представляло. Тем не менее, после окончания гражданской войны Усть-Сысольск обратил особое внимание на поиск и отлов зеленых по лесам и тундрам Коми края. Особенно много облав на зеленых в начале 1920-х гг. было организовано на Печоре. Была создана специальная Усть-Сысольская уездная комиссия по борьбе с дезертирством под председательством В.П.Юркина, которая выпустила «Обращение» с призывом «во все углы Советской Республики... Граждане Севера!... Вы должны каждого дезертира взять! После этого призыва ни один дезертир не должен остаться на территории всего Усть-Сысольского уезда».

«Слава Богу, нас разбили».

Летом 1919 г. только Кай-Чердынский полк занимал позиции по охране советских территорий в Коми крае. Ижмо-Печорский и Вашко-Мезенский полки были перебросены на Северную Двину, где получили наименования

478-го и 479-го стрелковых полков. В июне-августе 1919 г. белые предприняли наступление на северо-двинском участке Северного фронта, применяя авиацию, бронемашину и химоружие. Несколько полков красных, среди них 478-й и 479-й, были наголову разбиты, их командный состав частично попал в плен (в том числе командир бывшего Вашко-Мезенского полка И.С.Кривенко, которого вывезли потом в Англию в качестве заложника и содержали в концлагере «Уитлибай»). Некоторые красные командиры перешли на сторону противника. Среди них был комроты 479-го полка А.С.Евдокимов, сразу вызвавшийся быть проводником диверсионной группы с целью уничтожения штаба своего бывшего полка.

25 сентября 1919 г. в докладе в штаб VI Красной Армии отмечалось, что «Ижмо-Печорский полк... под огнем неприятеля разбежался и тем самым вынудил отступить 155-й стрелковый полк, после чего ижмо-печорцы выбыли в Вологду... 479 полк - Вашко-Мезенский, полк менее надежный. В начале наступления 2 роты 1 батальона отказались выступить из бригадного резерва на фронт. Произведены аресты. Дело разбирается судом». В августовских боях был убит бригадный политкомиссар Г.И.Самодед, бывший комиссар штаба войск Пинево-Печорского края. М.Т.Трубачев вспоминал, что в августе 1919 г. Ижмо-Печорский полк был «так разбит, что как боевая единица уже больше не существовал». Разрозненные остатки советских полков выбирались из окружения, бросив всю артиллерию и пулеметы. Общие потери бывших Ижмо-Печорского и Вашко-Мезенского полков в летних боях 1919 г., по данным В.И.Прошева, превысили 2000 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными. Наступление белых по Северной Двине было предпринято с целью прикрытия эвакуации войск Антанты с Севера России.

В Коми крае в августе 1919 г. красные потерпели неудачу под Троицко-Печорском. С 27 мая командующим Пинево-Печорским краем был назначен В.Д.Цветаев. Политкомиссаром края стал Аронштам, начштаба края – Смуров. Кай-Чердынский полк снова возглавил В.П.Юркин. Полк в трехбатальонном составе размещался на Вычегде и Выми. 1-й батальон (комбат М.И.Филатов) в составе трех стрелковых и одной караульной рот при одном орудии «Маклин» и шести пулеметах квартировал по линии Турья – Керос – Княжпогост – Половники – Айкино – Тохта – Чиричкож – Яренск. 2-й батальон (комбат И.М.Елькин) в составе трех стрелковых рот при двух орудиях и шести пулеметах занимал оборону по линии Зимовка – Пузла – Эжвадор – Вольдино – Помоздино. 3-й батальон (комбат А.А.Коржавин) из трех рот и при четырех орудиях и шести пулеметах размещался в Усть-Неме, Керчомье, Верхней и Нижней Вочи. Штаб полка находился в Усть-Куломе. Комиссаром полка являлся А.И.Михайлов, начальником штаба – М.В.Петров (Виккель). Общая численность Кай-Чердынского полка достигала более двух тысяч человек. Однако как боевая единица полк был сильно расщеплен и не мог оперировать всей массой.

Занятые перегруппировкой, и белые и красные в первые летние месяцы 1919 г. почти не тревожили друг друга в верхневыхегодском бассейне, ограничиваясь шпионажем. Красным удалось выследить и арестовать шпиона белых в Помоздино – им оказался телеграфист Одинцов (его арест произвел лично комбат Елькин). 17 июля комкрая В.Д.Цветаев телеграммой на имя А.А.Самойло попросил разрешения активизировать военные действия в районе Троицко-Печорска: «Противник продолжает занимать позиции Троицко-Печорское и Усть-Ухта. Прошу для ликвидации последних разрешить начать активные действия на двух направлениях: Троицко-Печорском и Маркаласта, для чего привлечь освободившийся 3-й батальон Кай-Чердынского полка с участка Верхнего и Нижнего Вочь и Усть-Немь. Занятие Троицко-Печорска необходимо для удержания Ухтинского района». Самойло ответил: «Активизация действий обязательна, но втягиваться в них постепенно и благоразумно, главное условие не дробить силы, а действовать сосредоточенно. Направление на Чердынь и Гайны без внимания не оставлять (оставить наблюдательные посты и еще лучше надежную агентурную разведку)».

26 июля (по другой версии, 27 июля) разведотряд красных в составе 88 человек (по данным П.Г.Доронина, 22 человек), двигаясь по тракту в сторону Троицко-Печорска, в 20 верстах от деревни Эжвадор обнаружил заставу (или разведотряд) белых численностью до роты и вступил с противником в перестрелку (по другим данным, бой произошел на речке Расью). Затем последовал штыковой удар с обеих сторон. Источники расходятся о судьбе этой схватки. По одним данным, белые были уничтожены и рассеяны, а красные потеряли убитыми, тяжело ранеными и пропавшими без вести 19 человек. По версии П.Г.Доронина, победу одержали белые, полностью уничтожив разведотряд красных.

В начале августа штаб Кай-Чердынского полка развернул подготовку генерального наступления на Троицко-Печорск. Минные поля противника на подходе к Сойвинскому укрепрайону были частично разминированы, подвезена к линии фронта артиллерия. 4 августа авангард красных произвел разведку боем в районе сойвинской переправы, а 8 августа в два часа дня красные под прикрытием артиллерии начали форсирование реки Сойва (по версии П.Г.Доронина, бои в районе Сойвинского укрепрайона шли 5-6 августа 1919 г.). Оборону Сойвинского укрепрайона нес батальон 10-го Печорского полка белых под командованием капитана Покровского и штабс-капитана Шульгина в составе 543 штыков при двух орудиях и пулеметной команде. В сторону красных были выдвинуты несколько телефонизированных застав. Укрепленный берег Сойвы был изрыт трехъярусными окопами, траншеями, блиндажами и ходами сообщений. Пулеметные гнезда и артиллерийские позиции были тщательно замаскированы.

Сражение на Сойве продолжалось 14 часов. Обе стороны использовали пушки, причем, советские ветераны боя пишут в своих воспоминаниях, что

противник стрелял в том числе и химическими снарядами. Красная артиллерия выпустила по врагу 70 снарядов, но ни один из них не разорвался. Несколько раз ударные колонны красноармейцев пытались форсировать реку Сойву, но так и не смогли это сделать. Ураганная пулеметная и винтовочная стрельба стихла только с наступлением темноты. В полночь красные начали отход в сторону Помоздино. Отступление в темноте привело к потере управления войсками. Участник сойвинского боя С.И.Королев, бывший в головном отряде Кай-Чердынского полка, вспоминал: «Весь день был бой у Сойвы, за это время полк ушел. Мы стали догонять полк. Охранение прикрытия обстреляло нас из пулемета, приняв за белых, один красноармеец был убит». 9 августа командующий Печорским районом белых полковник Ахаткин сообщил в Архангельск: «Наступление отбито. Противник поспешно отступил, понеся значительные потери. Наши потери один убит, один ранен. Преследование велось на 40 верст». За успешную корректировку артогня старший фейерверкер артбатареи белых Андрей Кудинов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Серьезная неудача на Северной Двине, большие людские потери заставили командование красных в срочном порядке искать новые резервы. 10 августа 1919 г. Кай-Чердынский полк получил приказ о переброске в Сольвычегодск. Началась концентрация полка в Усть-Сысольске, а 4 сентября 1919 г. полк покинул Коми край. Архангельская газета «Русский Север» в номере от 28 (15) октября 1919 г. так писала о боеспособности Кай-Чердынского советского полка: «При первых же натисках наших доблестных отрядов кай-чердынцы отступили, причем красноармейцы обычно говорили: Ну, слава Богу, нас разбили!». Газета отмечала, что после получения приказа о передислокации полка на Северную Двину «тотчас же разбежалось 400 человек, унесших с собой винтовки. Остальные двинулись в поход с мечтою о переходе на нашу сторону».

В связи с уходом регулярных военных сил яренский уездный комитет РКП(б) перевел коммунистов на казарменное положение с 29 августа 1919 г.: «Охрана возлагается на местные караульные силы, которые очень незначительны по сравнению с обширностью уезда. Гарантий никаких не имеем, что в любое время могут напасть белогвардейские банды».

На Северной Двине развернулось формирование новой 54-й советской дивизии, комбригом 1-й бригады этой дивизии был назначен В.Д.Цветаев. Кай-Чердынский полк переименовали в 482-й стрелковый полк 54-й дивизии. В архивных фондах охранился рапорт об инспекции Кай-Чердынского полка в сентябре 1919 г.: «Прибывший 482-й стрелковый полк мало боеспособен. Находясь в Пинего-Печорском крае, стоял от противника местами на 150 верст, весь был разбросан поротно и повзводно. Под артиллерийским огнем не был. Недисциплинирован. Подымал неоднократно вооруженные волнения, требуя обмундирования, хлеба, жалованья, обуви. Волнения ликвидировали тт. Степанов, Тихомиров, Алешин и Уборевич».

Новым командующим Пинего-Печорским краем был назначен В.П.Юркин, обязанности начштаба края поначалу исполнял комендант Усть-Сысольска военспец А.О.Прокушев, а впоследствии военрук А.А.Журавлев. Под началом Юркина остались несколько караульных рот и заградотрядов общей численностью до 900 человек. Помоздинским гарнизоном командовал Кожевников, ответственный за весь верхневьчегодский боевой участок. 23 сентября Юркин доносил губвоенкому Г.С.Дудникову, что «в Помоздинской караульной роте шла открытая агитация оставить фронт из-за неполучения обмундирования... Рота малонадежна». В сентябре политотдел VI Красной Армии провел инспекцию войск Пинего-Печорского края и большевистских организаций в Коми крае. Проводившие инспекцию усть-сысольского гарнизона Чижов и Абрамов 22 сентября жаловались начальству, что «военком Юркин так не разговорчив, что еле добьешься ответа по какому бы то ни было вопросу».

В фондах КРГАОПДФ сохранился инспекционный доклад о состоянии большевистских организаций в Коми крае в сентябре 1919 г.: «Что из себя партия представляет, это что-то тупое и безголосое. Что ни преподнесешь, все сойдет, не смотря на содержание при обсуждении вопросов, а смотрят на выправку и красноречие ораторов... Совсем некому работать и ничего сами не могут работать. Клуб (имеется в виду усть-сысольский клуб коммунистов – авт.) ... запущен, что сарай... Обывательский коммунизм... До 3 часов танцы да игра в почту в тех стенах, где разукрашены стены нашими мировыми вождями Лениным, Троцким, Зиновьевым, Луначарским и остальными. Буфетные цены доступны лишь советской аристократии. Уездных ячеек насчитывается 23... Что делают ячейки, никто не знает, бумажный счет. Многие члены разбежались в связи с мобилизацией коммунистов».

Характерное состояние коми волостных ячеек РКП(б) осенью 1919 г. описано в докладе по Сереговской волостной организации: «Сереговская волостная ячейка РКП(б), состоявшая из 29 членов и 20 сочувствующих, объявила себя распушенной ввиду того, что при мобилизации... ни один коммунист не пожелал идти на фронт. Уездным комитетом был послан агитатор Власов, но желающих остаться в ячейке оказалось только двое». Е.Г.Королева и А.А.Попов отмечали в монографии, что «к осени 1919 г. количественно сильно уменьшились партийные организации уездов, на помощь которых можно было рассчитывать в случае военных действий. Основная масса наиболее активных коммунистов при многократных партийных мобилизациях ушла в ряды Красной Армии... При перерегистрации ушли из партии разные шкурники, примазавшиеся и малодушные, испугавшиеся трудностей войны».

В.И.Прошев, оценивая состояние советской стороны в Коми крае незадолго до полного разгрома красных на Вычегде в ноябре 1919 г., писал в своей книге: «Караульные подразделения, наскоро сформированные из лиц,

не пригодных к строевой службе, а также из дезертиров разных фронтов, были слабо вооружены и плохо обмундированы... Положение усложнялось неблагоприятной экономической и политической обстановкой в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Посевы 1918 г. были побиты ранними заморозками. Это же повторилось и в 1919 г. Завоз хлеба в навигацию 1919 г. запаздывал. По всей Вычегде, Выми и Сысоле свирепствовал голод... Надо сослаться на докладную уполномоченного Северо-Двинского губкома РКП(б) по проведению мобилизации в Усть-Сысольском уезде Д.Н.Улитина, который сообщал в губком партии, что «в упродкоме ничего не имеется... Население в полном отчаянии. Только стойкость и твердость характера зырянского народа до сего времени удерживали от голодных выступлений. Но за дальнейшее никто не ручается, тем более, когда этот недостаток продовольствия охватывает всю губернию... Предыдущие мобилизации выкачали всех активных работников из волостных организаций, а имеющиеся налицо коммунисты большей частью калеки из раненых прежней войны». Все эти трудности использовал классовый враг в своей агитации против большевиков и Советской власти. Особенно отличались служители культа в Коквицах, Гаму, Лялях, в Ульяновском монастыре, Мыелдине, Подъельске и в других местах. В некоторых волостях появились различные кликуши и прорицатели, вроде некоего богомольного старца Афанасия, бродившего по деревням Яренского уезда, распространяя всевозможные слухи и пугая верующих и малограмотных крестьян антихристовой властью, пришедшей на землю перед «концом света»».

Глава 8. КРАТКИЙ МИГ ТОРЖЕСТВА БЕЛЫХ

«Коммунист – пугало для детей».

Численность коммунистов в Коми крае в 1919 году стала стремительно уменьшаться. Этому способствовали не только начавшиеся мобилизации большевиков на фронт, но и разочарование основной массы населения в деятельности партизеек. Притягательность голых лозунгов всегда недолговечна... Попытка упразднить Советы депутатов, заменив их Совбедами, введение в январе 1919 года продразверстки – всё это не способствовало сохранению надежды жителей на благоприятные последствия нахождения большевиков у власти. В Серегово часть вступивших в РКП(б) решила в 1919 году откеститься от коммунистов. Собравшись, они постановили распустить сереговскую ячейку РКП(б) и создать другую партию: «Они (большевики – авт.) идут по программе коммунистов, а мы будем работать по платформе Советской власти». «Оппозиционеры» даже вывесили объявление: «Желающие, записывайтесь к нам работать». В новую партию перешел и секретарь сереговской ячейки РКП(б). Необычный сереговский плюрализм скоро, впрочем, пресекли уездные власти: организаторов «альтернативной партии» (пусть даже «на платформе Советской власти») арестовали, отправили в Усть-Вымь, через три дня выпустили, потом опять арестовали...

О том, что отношение населения к большевистским властям складывалось в конце 1918-1919 годов не лучшим образом, честно сообщали и местные политические лидеры. В.А.Савин, возглавлявший устьсысольский уком РКП(б), писал, что авторитет компартии в уезде «в корне» подорван, «а слово «коммунист» стало чуть ли не пугалом для детей». На Северо-Двинской губпартконференции П.И.Покровский сообщил, что в Яренском уезде «средняки почти повсюду в оппозиции к коммунистическим ячейкам», а делегат Кузнецов сказал, что в Усть-Сысольском уезде «крестьянство недоверчиво относится к коммунистам».

«Деревня следила за каждым шагом коммунистов, распускала небылицы о них, словом, травила как инородное тело», – говорилось в докладе яренского укома партии от 19 марта 1919 года. «На деревенских коммунистов население смотрит враждебно» (из отчета яренского укома за май 1919 года). «Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам, и они остаются одиноки» (июль 1919 года). В результате яренским большевикам оставалось констатировать, что летом 1919 года «при выборах волостных Советов бедноты проходят беспартийные; [среди] вновь выбранных в волостных Советах нет ни одного коммуниста».

С помощью силы большевистскому руководству при поддержке центра удавалось удержаться у власти. Но держались они теперь только на военной силе, так как население больше им не верило; волостные ячейки не в состоянии были руководить без опоры на штыки. «От месяца к месяцу

положение их становилось всё отчаяннее. «Большинство ячеек... в настоящее время совершенно загнаны в подполье середняками и кулаками, которые их ненавидят из-за прошлых реквизиций и конфискации», – честно признавалось в сводке по партработе яренского укома РКП(б) за июль 1919 года... Сами местные жители не могли отстранить от власти большевиков. Но вот появились белые...

Особый Вычегодский отряд.

В августе 1919 г. началась эвакуация войск Антанты с Севера России. Планировалось уже к октябрю вывезти в Европу все военное имущество, эвакуировать людские контингенты, в том числе и Северную Добровольческую армию белых. Главнокомандующий армией генерал-лейтенант Е.К.Миллер получил предложение посадить армию на пароходы союзников и кружным путем вокруг Европы прибыть в распоряжение А.И.Деникина.

2 августа 1919 г. Миллер телеграммой на имя Н.Н.Юденича делился своими планами продолжения борьбы с большевиками на Севере после ухода союзников: «По малочисленности и нравственному состоянию войск после ухода англичан держать нынешний фронт не представится возможным: с потерей веры у солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникнет большое дезертирство для непосредственного спасения своего деревенского имущества... Перед правительством дилемма: или отстаиваться с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения в конце концов в самом Архангельске... или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области и перевести весь офицерский, до 9000 человек, и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество на другой фронт, к Деникину или даже, может быть, в Сибирь...Что выгоднее в общих целях?... Я полагаю, если есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, адмирала Колчака и Деникина и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего, дабы не дать им даром в последнюю минуту моральный и материальный успех, могущий благоприятно повлиять на действия их на решающих фронтах...».

Проводившееся в августе 1919 г. в Архангельске Земско-Городское совещание высказалось за продолжение войны с большевиками на Севере, опираясь на собственные силы. Совещание приняло обращение к населению Северной области и грамоту к солдатам Белой армии о продолжении борьбы с большевизмом.

Последние корабли союзников оставили Архангельск 27 сентября 1919 г. Эвакуация войск Антанты сопровождалась массовым уничтожением военного имущества: сжигались аэропланы, портились орудия, тонны снарядов,

патронов, десятки машин были утоплены в реках и море. Не уничтожено было только продовольствие, переданное Антантой населению Северной области. Объясняя причины массового уничтожения военного имущества, союзники заявляли, что не собираются вооружать Красную Армию. По мнению союзников, падение Северной области было теперь только вопросом времени.

Между тем Северная Добровольческая армия белых оставалась боеспособной. В сентябре 1919 г. белые предприняли ряд крупных наступательных операций практически на всех участках Северного фронта, овладели важной железнодорожной станцией Плесецкая на пути к Вологде. В Архангельске формировались особые ударные отряды для действий на стратегических направлениях.

Одним из таких отрядов стал Особый Вычегодский добровольческий отряд капитана Н.П.Орлова, сформированный в августе 1919 г. в Архангельске по инициативе бывшего председателя Усть-Сысольской уездной Земской управы С.О.Латкина и помощника начальника Архангельской губернии, а в дальнейшем помощника начальника Онежского района Г.Н.Сосунова.

Правительство Северной области очень нуждалось в активных и преданных Белому делу работниках. Поэтому прибывшему в Архангельск в августе 1918 г. С.О.Латкину в Управлении внутренних дел ВУСО сразу предложили стать начальником Архангельского уезда, но он отказался, выбрав должность особо уполномоченного УВД по Мезенскому уезду. Поскольку ситуация там в августе 1918 г. была еще неопределенной, Латкин выехал туда также в качестве уездного агронома. К сожалению, деятельность Латкина в Мезенском уезде практически неизвестна. Ф.В.Буханцов пишет, что за время работы особо уполномоченным УВД ВУСО Латкин собирал сведения о положении дел в Усть-Сысольском и Яренском уездах, надеясь туда вернуться в качестве «правителя». Возможно. Известно также, что в январе 1919 г. Латкин находился в Важгорте на Удоре и бежал оттуда вместе с белогвардейским гарнизоном, преследуемый частями Вашко-Мезенского советского полка. К этому же времени относится, наверное, и докладная записка Степана Осиповича помощнику Мезенского правительственного комиссара Окулову о неблаговидной деятельности Удорского Комитета общественной безопасности, спекулирующего поставками продовольствия для Белой армии.

По всей видимости, деятельность Латкина в Мезенском уезде была успешной. В апреле 1919 г. он был вызван в Архангельск, где получил пост чиновника особых поручений при Временном правительстве Северной области (ВПСО). В августе 1919 г. Латкина представили Главнокомандующему Северным фронтом белых генерал-лейтенанту Е.К.Миллеру, в беседе с которым и решилась дальнейшая судьба Степана Осиповича. Штаб фронта планировал начать осенью 1919 г. наступательные действия в Вычегодском

крае, в глубоком тылу красных, с целью выхода в район Котласа. Латкин был назначен «уполномоченным ВПСО для организации гражданской власти в местностях, освобожденных от советской власти» при вычегодском военном экспедиционном отряде.

5 сентября 1919 г. начальник Архангельской губернии И.В.Багриновский издал приказ № 107: «В целях согласования действий гражданских властей с военными заданиями, а также в целях объединения административной работы в Яренском уезде и других вновь занимаемых местностях Вологодской губернии... командирую в пределы Вологодской губернии через с.Усть-Вашку Мезенского уезда в качестве уполномоченного отдела внутренних дел чиновника особых поручений при мне сверх штата С.О.Латкина. Уполномоченный о.в.д. пользуется в указанном районе правами начальника губернии и ему подчиняются все чины ведомства внутренних дел...».

Долгое время считалось, что инициатива экспедиции на Вычегду и особенно организация добровольческого отряда исходили исключительно от Латкина. Это не совсем так. Большую роль в деле набора добровольцев сыграл также Г.Н.Сосунов, помощник начальника Архангельской губернии, а в дальнейшем помощник начальника Онежского района. Латкин, возможно, состоял с ним в дружеских отношениях. В телеграмме на имя Сосунова, отправленной из Усть-Кулома 12 января 1920 г., Латкин поздравляет его с Новым годом: «Молодцы вычегодцы просят передать Вам свои поздравления и глубокую благодарность за содействия по организации отряда, который вылился теперь в полк, крепкий духом, готовый биться до последнего за Временное правительство, стоящего на страже справедливости. Радуюсь скорому нашему свиданию... Крепко жму руку...»

Еще в 1918 г. Латкин писал в докладной записке по поводу создания особого отряда для действий в Коми крае: «Появление такого отряда в Усть-Сысольске сразу решило бы, по-моему, участь всех Советов привычегодских уездов и, следовательно, значительно поколебало бы силу Котласа, да и этот отряд или освобожденное от Советов население перерезало бы путь партиям красноармейцев и большевиков из Котласа на Печору и в Мезенский уезд». Но создания отряда пришлось ждать почти год...

Основу отряда составили бывшие красноармейцы Ижмо-Печорского и Вашко-Мезенского полков, перешедшие на сторону белых. О случаях массового перехода красноармейцев к белым на Северном фронте подробно описано в мемуарах бывшего военного прокурора Северной области С.Ц.Добровольского. Прокурор отмечал, что солдаты Белой армии на Севере делились на три категории – мобилизованных, добровольцев и бывших красноармейцев. О последних Добровольский писал: «Ненависть красноармейцев к своим комиссарам и коммунистам не знала пределов, и они обыкновенно собственноручно расстреливали последних. Исполосованные спины пленных были лучшим средством агитации против

большевиков. Они охотно демонстрировали их перед нашими войсками и деревенским населением, рассказывая о тех дисциплинарных мерах, которые применяла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую железную дисциплину в своей армии. Кроме розог, в качестве наказания применялись тяжелые принудительные работы с переводом на голодный паек и расстрел. Можно легко себе представить их настроение, когда вместо кровавой массовой расправы и «палочной офицерской дисциплины», о чем им прожужжала уши большевистская агитационная литература, их встречало человеческое обращение, обильный паек и отличное обмундирование. Какими легкими казались им обычные требования воинской дисциплины, и видно было, с какой охотой они их выполняли. За исключением ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса их была взята в наши войска, причем составленные из них войсковые части до конца оставались верными нам».

Архангельская газета «За Россию» в номере от 26 августа 1919 г. опубликовала заметку об организации военной экспедиции на нижнюю Вычегду: «По инициативе группы вологжан организован добровольческий зырянский отряд, в который вступили военнопленные красноармейцы-зыряне. Во главе отряда стоят – известный в Вычегодском крае общественный деятель и старый политический работник С.Л. и широко популярный здесь капитан О., боевой офицер, энергичный и активный работник нашего общего дела. Зыряне идут освобождать родные места от владычества коммунистов. Подъем и желание свергнуть власть Советов огромное. Рассказывают, как к группе зырян добровольцев подошел юркий человек в хорошем пальто, с бегающими глазами, и завел разговор на тему о злостных выдумках белогадов, и ответом на первую, очень осторожную фразу был дружный хохот солдат. «Пойдем-ка с нами, мы тебе покажем, как товарищи живут... Нет, брат, не надуешь... слышали мы все там, в Советской России... теперь послушай нас... Мы еще не то скажем, что в архангельских газетах печатают... Проходи, пока не попало...» Юркий сконфуженно поплелся обратно. Здесь почва агитации испорчена самими же коммунистами, которые жестоко уже поплатились от руки зырян во время их перехода к нам. Зырянская сила растет так же, как и крепнет вера в освобождение родного их края от власти издыхающих большевиков».

Всего под командованием Орлова насчитывалось 260 – 280 человек, из них 50 офицеров и унтер-офицеров. Комендантом Особого отряда являлся прапорщик А.А.Скорохватов. В числе офицеров находились бывшие красные командиры штабс-капитан К.Г.Калинин и прапорщик А.С.Евдокимов; поручик Глыжев, прапорщики Б.С.Корсаков, Обрезков и др. Сохранились сведения, что в отряде были и несколько казачьих офицеров с Дона, сформировавшие каввзвод из 25 всадников (по данным коми историка П.Г.Доронина, в отряде Орлова было 60 кавалеристов). На вооружении отряда находились восемь пулеметов и автоматические ружья.

Н.П.Орлов получил от командования задачу выйти на Вычегду, произвести переполох в глубоком советском тылу, взять по возможности Яренск, а в районе Усть-Сысольска соединиться с частями 10-го Северного Печорского полка, которые должны были начать наступление на противника с востока одновременно с Особым Вычегодским отрядом.

Перед походом Николай Петрович женился. Его невеста Александра Плашкина владела до революции земельными угодьями под Сольвычегодском. Она сопровождала мужа в экспедиции. В Архангельске иронизировали, что Орловы едут на Вычегду освобождать свое имение от большевиков. Г.Н.Сосунов отправил Н.П.Орлову напутственное письмо: «На прощание мне хочется до земли поклониться вам, поблагодарить вас за доброе ко мне отношение, забыть все и принять от меня искренние пожелания успехов... Берегите себя, храни вас Господь во всех военных делах и трудностях. Я ясно вижу светлый конец этого дела, за которое мы с вами с 1914 г. бьемся... Итак, да здравствует наша мечта – Россия – в ее воссоздании есть и наши кровь и слезы».

Прыжок на Вычегду.

10 сентября 1919 г. отряд Орлова погрузился на пароход «Мурман» и два тральщика и вдоль побережья Белого моря отправился на Мезень. Добравшись до Усть-Вашки, Орлов задержался здесь до середины октября, занявшись разведкой и запасаясь довольствием и фуражом. Разведкоманда фельдфебеля А.В.Жданова 16 октября добралась до Ертома, где узнала, что красные на Удоре тоже занимаются разведкой. Незадолго до прибытия Жданова в Ертоме поймали было двух красных шпионов, но те 13 октября сумели бежать. Добравшись охотничьими тропами до Нюхчи, красные шпионы сообщили штабу 54 дивизии о появлении Особого Вычегодского отряда на Удоре.

Штаб VI Красной Армии обязал военного комиссара Яренского уезда Ф.С.Коковкина развернуть подготовку наступления на удорском направлении. Коковкин сообщил, что не располагает сведениями о численности противника, и что разведотряд последнего в 20 человек с пулеметом 17 сентября доходил до станции Повью в 22 верстах от Айкино, откуда был выбит айкинским гарнизоном. Коковкину не нравилась активизация противника, но он был вынужден выполнять указание штаба армии. 24 октября 1919 г. Ф.С.Коковкин издал приказ по боевым отрядам Яренского уезда о начале наступления на Удору. Предполагалось сосредоточить сводный отряд красноармейцев в 450 штыков в районе сел Айкино-Усть-Вымь для движения на Кослан, а сформированный в Яренске партизанский отряд из удорских беженцев-коммунистов направить на Ертом. Наступление планировалось на 1 ноября 1919 г.

Однако, планам наступления на Удору не суждено было сбыться. Поступили сведения о появлении отряда Н.П.Орлова, и уже 28 октября 1919 г. Коковкин

отменил приказ о наступлении и велел выслать разведгруппы по Черво-Лоптюгскому тракту, по Шежамо-Бутканскому тракту (до починка Яренга) и по Турья-Глотовскому тракту (до починка Пегышдор); всячески усилить охранение в районе Турья – Весляна. По сообщению Коковкина в великоустюжский губвоенкомат силы красных на 29 октября 1919 г. были распределены следующим образом: в Яренске находились 4 стрелковая рота в 230 человек, караульная команда в 70 штыков и с пулеметом «Максим»; в Айкино – Шежаме размещались отряд в 100 и караульная рота в 80 штыков; в Усть-Выми имелась рота в 100 человек (часть из них были конными), а в Турье и Княжпогосте были заставы по 50 человек на каждой. Всего под общим командованием яренского военкома находилось около 700 человек, правда, часть из них, в частности, яренская стрелковая рота, находились в стадии формирования и были безоружными.

В конце октября 1919 г. Особый Вычегодский добровольческий отряд начал спускаться с Удоры на юг. Орлов разделил свой отряд на две части. Полурота в 60 штыков под командованием поручика Глыжева была направлена по Турья-Глотовскому тракту на Вымь, где стояли заставы красных. Последние без боя оставили Турью и Княжпогост и отошли в Усть-Вымь. Большая же часть орловского отряда выступила по Шежамо-Бутканскому тракту на Вычегду. Утром 28 октября 1919 г. разведгруппа красных, посланная по Шежамо-Бутканскому тракту, встретилась с авангардом орловского отряда и поспешно отошла в Айкино-Шежам, где находилось до 180 штыков советского гарнизона.

Днем 29 октября конный разведотряд красных из 35 всадников обнаружил противника уже недалеко от Айкино. Получив известие, что противник совсем рядом, начальник айкинско-шежамского гарнизона Н.И.Щепетев растерялся и, связавшись по телефону с Яренском, стал запрашивать инструкции. Ф.С.Коковкин на страницах коми областной газеты «Югд туй» в 1925 г. вспоминал: «Я никогда не забуду, как ротный командир Щепетев в истерике по телефону стонал мне в трубку: «что мне делать, белые в двух верстах»». Во время разговора телефонный провод был перерезан. Раздались винтовочные выстрелы, взорвалась пара гранат (одна граната красными была брошена прямо под ноги Н.П.Орлову, находящемуся в передовых цепях белогвардейцев, но не взорвалась), после чего гарнизон Айкино без боя сложил оружие. Щепетев попытался спрятаться в стоге сена, но был обнаружен и доставлен к Орлову. Некоторое время красный командир (кстати, большевик) служил у белых дневальным на посту у цейхгауза, а потом его отправили в Архангельск на тыловые работы, где Щепетев попытался устроиться учителем, написав прошение об этом в архангельское земство.

Н.П.Орлов и С.О.Латкин отправили донесение в Архангельск, где сообщали, что «в 7 часов вечера с боем заняли Айкино, в 9 часов вечера с боем же заняли село Шежам, выбив противника из окопов. Наши трофеи в

Айкино и Шежаме – пленные солдаты и один офицер (командир роты), винтовки, пулеметы, патроны, пулеметные ленты, продукты, часть обмундирования, телефонный аппарат, вся канцелярия военная и прочее».

Усть-вымский гарнизон красных, пытаясь выяснить обстановку, направил в сторону Айкино конную разведку в 30 сабель. Она была обстреляна белыми и, потеряв 11 человек убитыми, ранеными и разбежавшимися, вернулась обратно, после чего красные в панике оставили Усть-Вымь и переправились через реку в Вогваздино. В Айкино тем временем прибыл обоз отряда Орлова.

Здесь и началась деятельность Латкина в качестве начальника губернии. На созванном 30 октября общеволостном сходе Степан Осипович выступил с речью, в которой обрисовал военно-политическую ситуацию на Вычегде и призвал коми крестьян к поддержке действий Белой армии. На сходе была выбрана временная айкинская волостная Земская управа во главе с А.А.Поповым. Одновременно айкинцы выдвинули белым своеобразный ультиматум: «Если Орлов не предпримет ничего решительного против коммунистов, то мы сами всех их перестреляем». Это предложение внес на сходе кулак Ф.Разманов, и оно было принято молчаливым большинством. Двух коммунистов (Н.М.Пыздырева и Н.Н.Тюрнина) спас от расстрела айкинский священник П.А.Богословский. Он также попытался составить в отношении арестованного фельдшера-большевика Н.И.Жижева приговор общества об освобождении, но не успел. Жижев был расстрелян. Функции карателей выполнял в Айкино комендантский взвод под командованием казака С.Матвеева. В Айкино возродилась волостная ячейка эсеров, ядро которой составляли В.А.Исаков, К.Н.Чукичев, М.И.Калимов, Ф.Д.Малафеев и Ф.П.Чукичев. Латкин заверил товарищей по партии в полной победе белого оружия и о планах созыва нового Всероссийского Учредительного собрания.

В отличие от Айкино, в Шежаме общее собрание граждан не разрешило арестовать и расстрелять ни одного коммуниста. Вообще, несмотря на торжественную встречу белых войск колокольным звоном, хлебом-солью отношение большинства вычегодских крестьян к ним было настороженным. Неизвестно было, что принесет новая власть, кроме репрессий к большевикам. Как выразился впоследствии на допросе в ЧК крестьянин с.Коквицы И.И.Коннин, «настроение населения было одинаково как к белым, так и красным». Кое-где репрессии белой власти в отношении коммунистов не были поддержаны населением, в ряде мест – наоборот. На сходе в Керосе, например, крестьяне сказали унтер-офицеру Ф.С.Полугрудову, чтобы он отвел коммунистов «куда угодно», они не против (надо заметить, что отец Полугрудова был расстрелян красными в Коквицах в январе 1919 г. и сын, понятное дело, мстил за него). В Гаме мужики встретили Латкина со словами благодарности, что он спас их волость от красных. На сходе в Гаме местный учитель, бывший эсер С.А.Марков записал под диктовку односельчан фамилии гамских большевиков и передал список карателям. В Жешарте сход

постановил изгнать из волости учительницу Климушеву за то, что она «детей заражает коммунизмом». Латкин допросил Климушеву, потом отпустил на все четыре стороны (впоследствии, жешартская учительница вновь была арестована и препровождена в Айкино, где и сидела до эвакуации белых).

В Айкино и других вычегодских волостях получило распространение заранее напечатанное в Архангельске воззвание Е.К.Миллера «К населению Вычегодского края», в котором, в частности, писалось: «Вот уже больше двух лет, как царствуют в России большевики. Они обещали дать всему народу хлеб, мир и спокойствие. Они обещали дать народу полную волю. И что же есть в действительности? Хлеба нет и подвоза его ждать нечего, так как самые хлебородные губернии уже отбиты от большевиков. Теперь комиссары отбирают даже ваш хлеб, жители Вычегды! Чем вы будете питаться потом? Вам всем грозит голод, а может быть и голодная смерть. Большевики обещали дать Вам мир. Что же вы получили? Мобилизация за мобилизацией следуют вместо мира. Кровь льется рекой за благополучие немецких агентов – Лениных, Бронштейнов, Мандельбаумов и прочих правителей русского народа. Большевики обещали вам дать спокойствие. Вместо этого спокойствия вы видите только страх и трепет перед комиссарскими револьверами и коммунистическими штыками. В каждом доме льются слезы матерей, жен, детей и невест. Большевики надругались над самым дорогим, над самым святым народа. Они надругались над православной религией. Монастыри обращены в тюрьмы, очень многие церкви в казармы, священные сосуды служат большевикам для питья водки. Большевики дошли даже до того, что не постеснялись кощунственно надругаться над святыми мощами Сергия Радонежского. Народ все терпел, но всякому терпению бывает конец... Население Вычегодского края! К тебе наше обращение: достаточно терпеть злую тиранию насильников, довольно голода и страха! Довольно ругательств над церковью! Довольно расстрелов стариков, женщин и детей. Пора свергнуть с себя большевистское иго! Северное правительство обращается к тебе, население Вычегодского края, с призывом свергнуть советскую власть, чтобы потом сразу же созвать Всероссийское Учредительное Собрание, которое решит, как должна управляться Россия. Вам большевики говорят, что окраинные правительства хотят восстановить прежнее самодержавие. Не верьте этому. Колчак, Деникин, Юденич и Северное правительство – все заявляют категорически, что только сам народ через своих выборных установит форму правления». Айкинский священник П.А.Богословский отслужил благодарственный молебен за успех Белого дела на коми земле.

После занятия Айкино Н.П.Орлов предпринял перегруппировку своего отряда. Большая часть пленных (около 90 человек) добровольно вступила в ряды белых, что позволило Орлову начать комплектацию двух стрелковых рот (1-я и 2-я Вычегодские роты). Часть пленных отправили в Архангельск, часть отпустили на поруки местному населению. В начале ноября сводный

отряд Орлова, оставив в Айкино комендантский взвод, выступил по направлению к Гаму. Обращаясь к солдатам с приказом о наступлении на Яренск, Н.П.Орлов писал: «Я хочу обратиться к вам и сказать вам от лица народа спасибо, что вы освободили Айкинскую волость от ига грабителей-комиссаров. Надеюсь, что жидовский яренский кагал будет также успешно разгромлен. К жителям относится хорошо, не обижать их ни словом, ни делом, ибо это есть ваши отцы. К мобилизованным красноармейцам, сдающим добровольно в плен, относится по-братски... Комиссары и зловерные коммунисты будут мною расстреляны, на это мне дана власть. Этим способом мы освободим народ от власти этих разбойников-грабителей».

Провал контрнаступления красных.

Известие о появлении белых на нижней Вычегде вызвало шок в Усть-Сысольске и Яренске, считавшихся тыловыми городами. Гражданская власть была срочно свернута и созданы ревкомы, объявившие Усть-Сысольский и Яренский уезды на осадном положении. Телефонная связь между Яренском и Усть-Сысольском была прервана, и если яренский ревком мог напрямую сообщаться с губернским центром, то Усть-Сысольск оказался в полной изоляции. Для связи между уездными городами был сформирован партизанский отряд из палевицких и прокопьевских коммунистов под руководством яренского военрука П.И.Попова. В Яренске и Усть-Сысольске объявили мобилизацию, ревкомы начали реквизицию у населения охотничьих ружей, седел и амуниции.

30 октября 1919 г. губвоенком Г.С.Дудников на переговорах с Ф.С.Коковкиным настоял на срочном контрударе по противнику: «Немедленно восстановите связь с Усть-Вымом. Возмущен. Действия ваши пассивны, немедленно, еще раз подтверждаю, примите энергичные решительные меры, минуя все препятствия, ликвидировать наступление противника, чем избежите предание суду». Получив такую взбучку от начальства, Коковкин развернул подготовку контрнаступления на Айкино. Планировалось «прокинуть противника и преследовать его». 31 октября красные вернулись в Усть-Вымь, где началась концентрация ударной группировки войск из Усть-Сысольского уезда под общим командованием военспеца А.О.Прокушева. С верхней Вычегды в Усть-Вымь перебрасывались все наличные силы, в Усть-Сысольске и Яренске срочно формировались новые стрелковые и караульные роты и команды, в строй становились больные и увечные солдаты. За неделю численность усть-вымской группировки достигла свыше 600 штыков при четырех пулеметах. 1 ноября в сторону Айкино была выдвинута застава в 80 штыков, разместившаяся в Тыдоре.

Военком Ф.С.Коковкин собрал в Яренске под свое начало около 400 человек, учитывая отряд яренских коммунистов под руководством М.П.Минина. Коковкин предложил А.О.Прокушеву план совместного

контрудара по белым и в начале ноября с отрядом около полутараста человек выступил по направлению к Гаму. Общие силы красных между Яренском и Усть-Вымью составляли менее тысячи человек, что было вполне достаточно для разгрома Орлова. Однако план контрнаступления красных провалился.

По дороге к Гаму часть красноармейцев яренского отряда разбежалась. Заняв Гам, где уже стоял заслон красных в 40 штыков, Коковкин издает приказ: «Противник занимает Айкино и Шежам силою до 300 штыков при трех пулеметах и 8 автоматах, имеет кавалерию, прекрасно вооружен винтовками русского образца, имеются ручные гранаты и кроме того, наступает силою в 60 штыков от с.Плотово на с.Турью... Приказываю 4 ноября ... напасть на с. Шежам с восточной и северо-восточной стороны». Однако уже 3 ноября гамский отряд Коковкина был вынужден вступить в бой с внезапно появившимся неприятелем, который наступал на село с нескольких сторон – по тракту и через наволоку. Во время перестрелки левый фланг красных неожиданно бросил оружие и поднял руки вверх. Остатки отряда Коковкина с трудом вырвались из окружения и разрозненными группками бежали на Жешарт. Усть-вымская группа красных решила не участвовать в кампании и меланхолично наблюдала за дальнейшим ходом развития событий. Не зная о судьбе самого Ф.С.Коковкина и его отряда, из Яренска сообщили в Великий Устюг, что «отряд Коковкина при Айкино и Гаме разбит, он сам наверное обезоружен, из 120 человек осталось только 30. Остальные по сведениям окружены, но еще держатся». Далее добавлялось, что «для обороны Яренска принимаются все меры, создан Реввоенсовет (имеется в виду ревком – авт.) и Ревтрибунал. Гражданское население мобилизовано для рытья окопов». Прибывший вскоре в Яренск ротный фельдшер А.Гулынин, бывший с Коковкиным в Гаме, сообщил, что в плен Орлову при Гаме попало 50 красноармейцев, часть которых тут же перешла на службу к белым. Сам Гулынин тоже попал в плен, но сумел бежать. Фельдшер оценивал численность орловского отряда, продолжавшего движение на Яренск, в 320-350 человек при 11 пулеметах.

Падение Яренска.

Яренский гарнизон был полностью деморализован слишком быстрым поворотом событий. «Во избежание паники», как сообщал яренский ревком, пришлось обезоружить и отправить в глубокий тыл городскую стрелковую роту. Разведка сообщала, что противник перебрасывает силы на левый берег Вычегды у жешартской переправы. Группа удорских партизан в 20 человек из остатков гамского отряда обстреляла переправу неприятеля, после чего поспешно ретировалась в Яренск. Поскольку сил оборонять город фактически не осталось, ревком отдал приказ оставить Яренск. Началась эвакуация советских учреждений, сопровождавшаяся страшной паникой. Не успели обозы с грузами и беженцы дойти до деревни Микшина Гора, как им навстречу

встретилась посланная из Сольвычегодска рота красноармейцев в 115 штыков. Ревком отменил приказ о сдаче города. Горожане продолжили рытье окопов на восточной окраине Яренска. Коммунистический отряд М.П.Минина отправили в тыл противника для сбора информации (12 большевиков отказались идти, их разоружили, заставили сдать верхнюю одежду и обувь и навсегда исключили из рядов красных партизан). Днем 5 ноября Коковкин с новым поспешно собранным отрядом в 150 человек выступил навстречу Орлову, намереваясь дойти до Межога, но уже в пяти верстах от Яренска наткнулся на кавалерийский разъезд противника. Завязалась перестрелка, в ходе которой красные отступили на заранее подготовленные позиции и стали ждать атаки белых.

Тем временем Орлов, воспользовавшись услугами местных крестьян А.Чувашева и А.Маланина, в ночь на 6 ноября обошел город и ворвался в него с запада через предместье Долбиловку, что было для защитников Яренска полным сюрпризом. Для пущего эффекта белые подожгли паромную пристань. Под пулеметным огнем защитники города стали разбегаться из окопов в разные стороны, вплавь переправляясь на другой берег Кижмолы (а по реке в это время шла шуга). Организованно отступил только отряд удорских партизан под командованием А.А.Артемьева, рассеявший взвод белых на яренском мосту. Коковкин, совершенно потеряв управление войсками, покинул город с красноармейцем Габовым, единственным, кто остался у него в подчинении (позднее, на страницах газеты «Югид туй» Коковкин вспоминал: «Я лично, как командир, в Яренске попал в самое дурацкое положение: наступающим противником был отрезан в штабе (уездвоенкомате) от всех действующих частей и только под покровом ночи удалось перебраться через цепь противника с одним красноармейцем Габовым»). Председатель яренского ревкома С.И.Покровский погиб. Есть несколько версий его гибели. Согласно первой, С.И.Покровский застрелился, по второй – был убит каким-то красноармейцем, согласно третьей, получил вражескую пулю в висок во время беспорядочной перестрелки на улице и скончался в больнице, не приходя в сознание.

При отступлении часть красноармейцев была обстреляна отрядом коммунистов Минина, который к этому времени тоже обошел город с запада и решил как-то проявить себя, приняв отступающих за наступающих белых. Разобравшись, что к чему, Минин под угрозой расстрела заставил бегущих красноармейцев присоединиться к его отряду и лесами двинулся на с. Лена. В деревне Верхний Кряж коммунисты устроили митинг по случаю второй годовщины Октябрьского переворота, поклявшись: «Тысяча голов паразитов за каждую голову коммуниста. Да здравствует Красный Террор!»

В с.Лена отряды не стали задерживаться и отступили до Козьмино, где Коковкину каким-то образом удалось остановить исход и организовать оборону. В Котлас и Устюг полетели панические телеграммы с просьбой о

помощи. На переговорах северо-двинского губвоенкома Дудникова с начдивом 54-й дивизии Филипповским и комбригом 45-й бригады ВОХР Парамоновым 6 ноября Филипповский коротко охарактеризовал положение: «В одни сутки отступить на 55 верст совершенно недопустимо. Это не отступление, а бегство».

8 ноября 1919 г. на экстренном заседании Сольвычегодский уездком РКП(б) констатировал: «С занятием г. Яренска белыми, если, конечно, это правда, (в Сольвычегодске не хотели поверить в столь ужасные новости; а один из членов губревкома даже назвал известия о взятии Яренска и Усть-Сысольска белыми «сказочным» – авт.) положение нашего Вилегодского района угрожающее. От Яренска до Селян, где начинается этот хлебный угол Виледи Сольвычегодского уезда, всего лишь 60 верст и, если залетит искра разложения в Виледь со стороны белых, где население и ранее было почти контрреволюционное вследствие своей темноты, а теперь тем более в связи с отчуждением излишков хлеба, то предстоит большое опасение, чтобы там в Виледи не вспыхнул пожар восстания... [Необходимо принятие] самых срочных мер, дабы не дать возможности проникнуть белогвардейцам в сторону Виледи... за нашей Виледью по соседству находятся хлебные Лальский и Никольский уезды».

9 ноября был создан северо-двинский губревком под председательством И.М.Шумилова. Учитывая критическую ситуацию на фронте, Великий Устюг был объявлен на военном положении. Губчека арестовала заложников и этапировала их в Вологду. Началась срочная мобилизация, было выпущено «Обращение Северо-Двинского революционного комитета ко всем гражданам Северо-Двинской губернии об оказании отпора белобандитам».

Сосредоточенные в Козьмино остатки красноармейских отрядов получили подписанный Ф.С.Коковкиным и начальником его оперативного штаба В.Серебренниковым приказ № 11 от 9 ноября 1919 г., призванный покончить с паникерством: «Ни один красноармеец во время боя не имеет права покидать своего места без приказа начальника и бросать оружия. Красноармейцы, коим было выдано оружие и оказавшиеся без оружия, а также оставившие свои места, будут считаться врагами революции и расстреливаться на месте». Уцелевшие силы красных в Козьмино по состоянию на 8 ноября были таковы: сольвычегодская рота – 34 человек, 28 винтовок; удорский партизанский отряд – 33 человека, 31 винтовка; отряд Минина – 63 штыка. Кроме того, уже успело подойти пополнение из Котласа – 70 человек (из них летучий отряд водчека в 17 человек с пулеметом), и в Урдоме был собран отряд в 52 человека, правда, почти безоружных. На переговорах с губвоенкомом Коковкин сообщил, что «отряду ЧК поручено произвести облаву по деревням с целью поиска дезертиров».

10 ноября красные предприняли разведмарш до Лены. В пяти верстах от Лены отряду встретился комвзвода яренского гарнизона красных Гладышев,

проинформировавший Коковкина о подходе крупных белогвардейских сил к Лене. Красные поспешно отступили. Как оказалось впоследствии, Гладышев перешел на сторону белых и работал теперь юго-западнее Яренска в качестве агента-provokatora (Лена никогда не занималась белыми). Впоследствии Гладышев и работавший с ним на пару Пашин были расстреляны за измену и распускание ложных слухов. Вернувшись в Козьмино, Коковкин занялся концентрацией войск.

В белом Яренске.

7 ноября 1919 г. Н.П.Орлов торжественно вошел в захваченный Яренск. Бывший купец М.И.Щеголев преподнес ему хлеб-соль. Ювелир В.П.Берников выступил на народном митинге у Покровского собора с призывом поддерживать освободителей от большевизма «словом и делом» (позднее он был расстрелян красными как яренский «Кузьма Минин»). Орлов объявил в Яренске мобилизацию, которая увеличила численность его отряда до 400-500 штыков и сабель. Под военный штаб была отведена советская школа II ступени. По городу разошлись патрули, начавшие аресты коммунистов и активистов советской власти (патрули были снабжены большим количеством фотографий разыскиваемых, что говорит об успешной работе белогвардейских шпионов). По свидетельству очевидцев, большую помощь в розыске яренских большевиков, не успевших покинуть город, оказали патрулям дети («местные мальчики помогали арестовывать коммунистов»). Планировалось перевести в Яренск штаб 1-го Северного Мезенского стрелкового полка и развивать наступление на Котлас.

Архангельская газета «Русский Север» писала в номере от 20 ноября 1919 г.: «Нашими партизанами во главе с штабс-капитаном Орловым, работающим в тылу противника, занят гор.Яренск и поднято восстание против коммунистов, которые, мобилизовав всех «ответственных работников», оказывают упорное сопротивление действиям наших партизан». Планировалось перевести в Яренск штаб 1-го Северного Мезенского стрелкового полка и развивать наступление на Котлас.

С.О.Латкин со своей походной канцелярией прибыл в Яренск тоже 7 ноября. В этот же день вечером в здании бывшей Земской управы состоялось общегородское собрание, на котором присутствовало несколько сотен избирателей. Основной целью собравшихся являлись выборы в городскую Думу и уездную Земскую управу. Председателем уездной земской управы был выбран бывший народный судья при советской власти Н.В.Изюмов (до революции он уже однажды занимал эту должность). В состав управы попали Сергей и Василий Лапины, учитель А.А.Черепанов (бывший эсер), Н.А.Крюков, фельдшер М.В.Голенев, Н.В.Лукошников (он занял должность городского головы), учитель А.П.Губенский и др. Начальником Яренского уезда стал 39-летний А.В.Новоселов, бывший секретарь уездного земельного

отдела; уездную милицию возглавил капитан Разманов, а городскую – бывший зав. канцелярией яренского советского военкомата, бывший большевик В.К.Тырин. При яренском земстве была создана Следственная комиссия под председательством А.П.Губенского. Она собиралась два раза, в обоих случаях оправдав обвиненных в распространении идей коммунизма лиц (в первый раз был оправдан учитель Павлов, во второй - группа крестьян).

А.В.Новоселов после консультаций с Латкиным издал в период с 7 по 17 ноября 1919 г. ряд приказов и распоряжений по Яренскому уезду – своеобразную программу действий восстановленного земства. И если, скажем, «Приказы №№ 1 и 2» от 7 и 10 ноября выполняли в основном охранные функции (запрещалась, в частности, противоармейская агитация, незаконные собрания, хранение огнестрельного оружия и т.д.), то более поздние распоряжения касались уже действительно восстановления досоветского правопорядка. Например, в предписании Княжпогостской волостной Земской управе № 23 от 17 ноября Новоселов писал о воссоздании института волостного суда (на основе статей 154-178 «Общего положения о крестьянах» издания 1902 г.), разрешении свободной торговли, отмене твердых цен, возвращении реквизированного и конфискованного при советской власти имущества прежним владельцам. Последним сразу воспользовались все, кто лишился своей собственности при коммунистах. Так, бывший пароходовладелец Козлов из Онежья, не в силах вернуть себе национализированное и уплывшее невесь куда судно, забрал из Онежского советского клуба свою мебель.

Яренский Союз кооперативов не эвакуировался с красными. Председатель Союза М.А.Колычев после переговоров с Латкиным и Новоселовым отдал распоряжение возобновить торгово – закупочные операции по уезду. Белые не занимались грабежом складов кооперативов при первом занятии Яренска. Из документов кооператоров видно, что в первой половине ноября у них реквизировали всего два мешка сахара. Кооператоры отказались снабдить белую милицию зимней обувью и даже не были наказаны за подобную смелость. Захваченные на пристани Яренска грузы (4 тысячи пудов хлеба, 200 пудов табака, 10 тысяч аршин мануфактуры) были проданы населению на специально устроенных торгах. Даже спирт из яренской аптеки выдавался поначалу исключительно в медицинских целях (доктора Особого Вычегодского отряда Шомберг, Агафонов и Осколков в разное время реквизировали около десяти бутылок спирта для нужд отряда и некоторое количество медикаментов). Когда Яренск вторично был занят белыми, тогда и начался грабеж кооперативов. На Удору были увезены 802 пуда пороха, 10 тысяч аршин мануфактуры, три ящика махорки, посуда, конфеты, папиросы, мыло, шесть бочек керосина и т.д. Видимо, во второй половине ноября 1919 г. белые уже не надеялись восстановить досоветский уклад жизни по Яренскому уезду; оставалось только грабить.

Как уже отмечалось, при С.О.Латкине возобновилась деятельность эсеровской партии. Из яренской тюрьмы выпустили всех арестованных поначалу меньшевиков-интернационалистов. Был выпущен на свободу и секретарь яренской организации РСДРП(интернационалистов) Макаров, который добрался потом до Великого Устюга и 17 ноября изложил на заседании северо-двинского губревтрибунала обстоятельства падения Яренска: «Сольвычегодская рота – настроение бодрое, Яренск отдавать не думали. Противник обошел нас так быстро, что мы не успели даже расставить посты. Белые прошли безусловно под руководством местного жителя. Красноармейцы Сольвычегодской роты большей частью бежали. Ревком до последнего момента оставался в уездисполкоме. Тов. Покровский и все бывшие с ним товарищи выбежали на улицу и оказались под перекрестным пулеметным огнем. Тов. Проскуряков пропал без вести. Тов. Покровский убит или застрелился сам. Расстреляны: Жданов, Леушев, Симаков и шесть красноармейцев. В первую очередь из Яренска эвакуировали казначейство, денежную отчетность, дела, громоздкие вещи оставлялись. Остался почти весь обоз в руках противника, кроме денежной отчетности... Осталась баржа с табаком и маслом и весь керосин. Весь Союз кооперативов остался в руках противника. Противник увозит все по направлению к Айкино. Везде на своем пути белые организуют Земские Управы. Коммунистов белые уничтожают, к интернационалистам же отношение снисходительное».

Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли пять человек. По данным А.В.Попова, автора рукописной работы по истории усть-вымской уездной парторганизации РКП(б), написанной в 1935 г. и ныне хранящейся в фондах КРГАОПДФ, большое содействие белым в их расстреле оказали другие коммунисты, в частности, некто А.В.Павликов. Были расстреляны также семь красноармейцев, изъявившие желание стать белогвардейцами, а потом снова попытавшиеся перебежать на советскую сторону. Эти семеро были расстреляны для острастки всего орловского отряда, почти полностью состоящего из бывших красноармейцев. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым (в том числе член яренского ревкома И.Д.Проскуряков, зав. канцелярией уездного военкомата В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уездисполкома А.Д.Ершов, зав. техническим отделом уездисполкома П.П.Кобычев, начальник советской милиции 2-го района Яренского уезда С.Калинин, председатель Коквицкого Совдепа Седрысев, районный техник К.В.Осколков и др.). О фактах перехода яренских коммунистов на службу белым (причем, на руководящие должности) констатировала газета «Югд туй» в 1925 г.: «В руки Орлову попали тт. Симаков, Габов, А.К.Туркин, С.П.Вурдов. Первые двое расстреляны, а последние каким-то образом устроились в штабе Орлова и спасли свои жизни». По Яренскому уезду местное население устраивало самосуды над коммунистами. Так, по данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, «кулаки села

Окпад близ Усть-Выми при нашествии банды Орлова убили 20 советских людей, в том числе 65-летнего старика Туркина В.И., 14-летнего мальчика Тимофеева и инвалида империалистической войны Омринова».

В городе остались практически все учителя (хотя усть-сысольская газета «Зырянская жизнь» и писала, что вся интеллигенция оставила Яренск – это не так), так что вскоре занятия в школах возобновились. 11 ноября состоялся общегородской педсовет, на котором учителя постановили вести занятия в школах по положениям, существующим при Временном правительстве 1917 г. Позднее, 27 декабря 1919 г. за преподавание при белых учителя Н.К.Тяпугин, Н.В.Кочнева, В.И.Кочнева, П.А.Гульнин, Н.К.Писарева и А.П.Губенский были исключены из школ. Весь ноябрь 1919 г. в Яренске шел ремонт городской больницы. Яренское земство составило также смету на ремонт грунтовых дорог в уезде и на строительство станционных зданий по Шежамо-Бутканскому тракту. В Айкино были размещены оружейные ремонтные мастерские, открылся лазарет.

Яренск имел праздничный вид. Не случайно даже враги белых, в частности, Елена Покровская, сестра известных в уезде большевиков – братьев Покровских, писала в своих воспоминаниях: «Местная буржуазия, до сих пор притаившаяся, зашевелилась. Купчихи надели свои пропахшие нафталином ротонды, служили молебны. Здание уездного комитета РКП(б) по чьей-то контрреволюционной инициативе было окроплено духовенством святой водой, отслужен молебен. Слышался звон колоколов. Белогвардейские офицеры, одетые в английские военные шинели, кутили, пьянствовали... Везде были вывешены монархические флаги».

Марш на Усть-Сысольск.

9 ноября Н.П.Орлов, оставив в Яренске небольшой гарнизон в 40 штыков под начальством штабс-капитана К.Г.Калинина (в распоряжении последнего кроме того находились милицейские части), выступил на Усть-Сысольск, где планировалась встреча с подразделениями 10-го Печорского полка. Накануне похода в городе прошел парад войск.

С.О.Латкин выпустил специальное «Объявление»: «Одним из отрядов возрождающейся доблестной молодой русской армии совершенно рассеяны банды большевиков в с.с.Айкино, Гаму и под городом Яренском. Комиссары и коммунисты бегут в панике, уводя с собой и мирных жителей, особенно служащих в советских учреждениях, угрожая им или расстрелом или же запугивая тем, что наш отряд расстреливает всех служащих совета и даже мирных жителей. Объявляю всему населению губернии, что большевики, как и всегда обманывают. Мы не только не расстреливаем мирных жителей, но даже отпускаем по домам пленных красноармейцев, которые не желают добровольно вступать в ряды нашего авангардного отряда. Приглашаю всех, которые в силу угрозы комиссаров или в силу их обмана покинули свои

населенные места, вернуться к своим семьям и мирным занятиям. Работы при воссоздании разрушенного большевиками государства хватит всем. Бояться репрессий с моей стороны нечего, т.к. я хорошо знаю, что большинство работало в советских учреждениях или потому, что боялось обвинения в саботаже, или же потому, что нужен был кусок хлеба. Объявляю, что мною применяются репрессивные меры исключительно к тем коммунистам – комиссарам, которые разрушали и разрушают народное хозяйство и народное достояние».

Штаб 54-й советской дивизии в разведсводке о положении на Яренском участке фронта с 15 октября по 15 ноября 1919 г. сообщал сведения о противнике: «9 ноября капитан Орлов с полуротой в числе 100 штыков и 25 конными двинулся из Яренска на Айкинское – Усть-Сысольск с целью занятия последнего и распространения в сторону железной дороги. Имеются непрерывные сведения от перебежчиков о движении отряда противника численностью 250 чел. в верховья р. Вымь. По тем же сведениям, по Черва-Лоптюгскому тракту будут двинуты на поддержку капитана Орлова части неизвестно какого полка (очевидно, 1-го Северного полка). Действия капитана Орлова и сведения о движении отряда в верховья р. Вычегды и Вымь заставляют предположить со стороны противника серьезную операцию с общей целью овладения районом р. Вычегды. Развитию этой операции, очевидно, мешает наступившее бездорожье (отсутствие снега), что задерживает активные действия в верховьях р. Вычегды».

Еще 1 ноября 1919 г. усть-сысольская газета «Зырянская жизнь», сообщив, что «на нашем фронте оживление. Белые появились на Выми и на Вычегде... и стремятся распространиться по берегам реки Вычегды в направлении к... Усть-Сысольску», призвала: «Это не должно вызвать среди населения паники, нет, наоборот, среди населения это должно вызвать подъем. Все граждане должны оказать посильную помощь нашим защитникам».

С целью отражения наступления противника в Усть-Выми продолжалась концентрация войск из Усть-Сысольского уезда. Пароходом «Иртыш» из Усть-Сысольска до Часово, а оттуда походным маршем до Усть-Выми перебрасывались дополнительные отряды и команды. К середине ноября в Усть-Выми было сосредоточено 634 штыка при четырех пулеметах – это были почти все наличные силы уездного военкомата. Несмотря на то, что В.П.Юркин являлся командующим войсками Пинежного-Печорского края и кроме того был уездным военкомом, усть-вымскую группировку возглавлял не он, а военспец А.О.Прокушев, бывший штабс-капитан царской армии. В подчинении Прокушева находились военспецы С.П.Коннин и В.П.Щекин. Находившаяся в Усть-Выми яренская рота под командованием С.А.Терентьева и политкомиссара В.И.Шишкина тоже подчинялась Прокушеву. Комиссаром группировки являлся В.Т.Елисеев.

11 ноября «Зырянская жизнь» сообщила читателям: «Противник занял

г.Яренск». В номере от 13 ноября излагались подробности падения города (сообщалось в том числе и о новом коменданте Яренска – поручике Мамонотове), был опубликован большой некролог за подписью коменданта с.Часово И.Чукичева по поводу самоубийства С.И.Покровского.

В районе Усть-Выми шла война разведкоманд. 5 ноября при столкновении красной и белой разведгрупп, как доносил в Устюг военком В.П.Юркин, «половина наших людей разбежалась». 10 ноября он же писал: «6 ноября наша разведка не возвращается из Жешарта, как выяснилось попала в плен белым. Разведка, высланная в тыл белым на удорском тракте сожгла станцию Чуб... Укрепляются Часово, Койтыбож, производится эвакуация из города грузов, 700 ижемских беженцев... Противник располагает тремя бомбометами, большим количеством пулеметов, автоматов, винтовок, патронов, гранат».

12 ноября отряд Орлова окружил заставу красноармейцев в Тыдоре и вынудил их сложить оружие. Начальник заставы комроты П.А.Ивашев-Грохальский кинул в сторону белых гранату и убежал в лес, лесными тропами вышел в Усть-Сысольск, где и был пойман потом белыми и отправлен в Архангельск. Положение красных в Усть-Выми становилось угрожающим. Прибывший на фронт В.П.Юркин (он привез деньги в сумме 530700 рублей для раздачи жалованья) отдал войскам приказ оставить Усть-Вымь и отступить в Вогваздино. Часть красноармейцев стала переправляться через Вычегду, часть отказалась выполнять чьи бы то ни было приказы, пока им не выплатят жалованья и не выдадут табак и обувь. На улицах села валялись в огромном количестве брошенные винтовки, повсюду слонялись безоружные красноармейцы. В такой обстановке Орлов 13 ноября атаковал Усть-Вымь. В Усть-Сысольске успели получить по телефону сообщение: «Противник наступает на Усть-Вымь с Коквицкой стороны по льду на реке Вымь. Открылась пулеметная и ружейная стрельба. После 10-минутного боя взвод 3 стрелковой роты бросил позицию и укрылся в школе. Правый и левый фланги разорвались, противник устремился в центр и стал обстреливать штаб. Красноармейцы позорно разбегаются...» Остатки усть-вымского гарнизона бежали в Усть-Сысольск. Орлов преследовал красных до Часово, а потом вернулся обратно в Усть-Вымь.

Обстоятельства разгрома усть-вымской группировки красных были подробно освещены в показаниях А.О.Прокушева вологодской губчека в 1920 г.: «По выходе авантюристов Латкина и Орлова из Удоры на Яренск, я Усть-Сысольским Ревкомом назначен был командующим сводного отряда и вместе с партийными и ответственными работниками г.Усть-Сысольска отправлен против них в Усть-вымь. По прибытию удалось восстановить в реорганизованных ротах, разбежавшихся при наступлении белых, порядок и занять Усть-Вымь. Людей собралось до 500 человек. Партийные люди были разбиты по ротам, взводам и отделениям, так что был установлен везде свой глаз. В каждую роту был назначен политический комиссар. Немедленно же

было приступлено к обороне Усть-Выми: устройство окопов и обследование местности, для чего были привлечены красноармейцы и местные жители с лошадьми. Благодаря выставленной в Тыдоре заставе, наступление белых было известно 7-8 часов раньше, ввиду чего все люди рот на данных им участках были расположены по окопам. Навстречу белым была выслана пешая разведка и конный дозор. На случай обхода противника оставалась в резерве рота. Все лишнее имущество на случай отступления, как-то: телеграфные аппараты, канцелярия, и даже имеющиеся на руках документы, удостоверяющие комсостав и партийность, как у меня, комрот и полткомов. Для встречи противника были приняты все меры до мельчайших подробностей. После этого приезжает Командующий тов. Юркин. Я вкратце обрисовал всю обстановку положения и о принятых мерах. Когда он узнает, что мы отправили даже личные документы (в случае плена боялись от репрессий), он сообщает, что у него в сумке большая сумма денег. По нашему совету он с одним партийным работником т. Могилковым отправил вслед за имуществом отряда в тыл. Сообщили, что противник уже замечен и следует по дороге в верстах 5-6. Я вышел сделать распоряжение дополнительное к резервной роте. Возвращаюсь в штаб отряда, там командующего нет, я спрашиваю «где?». «Он вышел за Вами» – отвечают мне. В это время возвращается т. Могилков и сообщает, что я не мог пройти, так как на реке противник и отказывается от денег, что я человек слабый и больной, не могу с ними таскаться. Пришлось взять у него мне и я повесил сумку за пояс. До этого по направлению к реке мною были высланы два дозора по два-три человека, один из них возвращается и сообщает, что действительно, по гораздо правее дороги человек 30 белых. В это время выпустили с той стороны одну ленту из пулемета, потом другую; с нашей стороны стрельбы не было. Я позвал связь с резервной роты и пошел туда. Роты не нахожу, вижу комроты т. Лихачева. На мой вопрос, где люди, мне показывает палец, что все разбежались и что остался один. Я ему говорю, что противник около 30 обходит нас по реке, нужно немедленно послать Вас туда. Удалось собрать около 10 человек. С той стороны опять противник выпустил две ленты. В это время к штабу приходит красноармеец и говорит, что командующий находится на Вымском берегу и приказал отступать через Вымский берег. С нашей стороны нет ни одного выстрела. Я захожу в штаб, там телефонист, пом.военкомоезда т. Шахов и еще один сотрудник политотдела Пинево-Печорского края. Я говорю, что нас противник обошел и приказываю ему передать командиру левобережной группы в Часово, что мы окружены противником и отступаем на Вымский берег, принимайте меры; снимаю телефонные аппараты, но никто не хочет их взять с собой из-за тяжести. Я один аппарат накидываю на одного, другой на другого. Захватили хлеб на столе и бросились в двери. Там был какой-то шум, я бросился к другой двери – вижу в конце деревни уже белые и кричат: «бросай винтовки!». Перебежать

через дорогу уже было немислимо. Так противник занял без выстрела с нашей стороны и 5 лентами, выпущенными с его стороны» (стиль и орфография документа сохранены).

Любопытно, но в этот же день белых встречали колокольным звоном в Ипатово и Шиладоре, хотя Орлов, заняв Усть-Вымь и Часово, ограничился этим. Под видом белых в Шиладорских лесах действовал отряд нювчимских рабочих из 30 человек под командованием М.М.Анисимова, отступающий из Семуково на Сысолу. В Ипатово Анисимов столкнулся с партизанским отрядом П.И.Попова, который к этому времени был усилен ротой красноармейцев из Никольского уезда. Отряд Попова заваливал лесом тракт Жешарт – Ипатово. Никольские красноармейцы, набранные в основном из бывших дезертиров («зеленых»), при появлении «белых» в ужасе стали разбегаться кто куда, в сумятице избивая коммунистов и растаскивая обоз. Коммунисты попрятались по лесным избушкам. Коми население встречало «белых» шаньгами, выносило молоко, масло. В Шиладоре крестьяне выдали нювчимцам для расправы коммуниста Боброва, которого «белые» обещали расстрелять за околицей, но, разумеется, оставили в живых. Целый день стоял отряд Анисимова в Шиладоре, занимаясь для правдоподобности обысками и допросами. Тем временем партизаны Попова, восстановившие свою боеспособность, решили перебить «белых» в Шиладоре и скрытно подтянулись к селу. Только чудо остановило чуть было не начавшееся в Шиладоре побоище. Объединившись, отряды Анисимова и Попова лесами продолжили путь на Сысолу.

В Усть-Выми состоялся смотр пленных красноармейцев (около 400 человек). Н.П.Орлов предложил им службу в Белой армии, и примерно 300 человек перешли в его отряд. Из оставшихся верными социалистической присяге красноармейцев была сформирована нестроевая рабочая рота, разместившаяся в районе Айкино-Шежам. Архангельск был поставлен в известность о новой крупной победе на Вычегде. Капитан Орлов получил повышение в чине до подполковника и право развертывания своего отряда в Особый Вычегодский полк. В Усть-Выми прошел смотр белогвардейцев. Объединенные силы Н.П.Орлова уже насчитывали до 700-800 штыков и сабель. Красные военспецы А.О.Прокушев, С.П.Коннин и В.П.Щекин перешли к нему на службу и были восстановлены в офицерских званиях (Прокушев в чине штабе-капитана, Коннин и Щекин – прапорщиков; позднее Щекин был повышен до подпоручика). После смотра, на котором прозвучал клич «Дашь Котлас!», Н.П.Орлов повернул свои основные силы вновь вниз по Вычегде, направив в сторону Усть-Сыольска только один небольшой отряд фельдфебеля С.Е.Завьялова в 48 (или 46) штыков.

Вот как описан переход красных в Усть-Выми на службу к белым в уже упоминавшихся показаниях А.О.Прокушева: «Я спрятался в коридор, но потом вышел в комнату. Заходит солдат, спрашивает: «ты кто?», я говорю,

что бывший офицер и остался здесь. Через несколько времени заходит несколько человек и спрашивает, где здесь офицер. Я подошел. Спрашивает: «кто вы?» Я отвечаю то же, что и солдату. Это был капитан Орлов. Начал спрашивать сколько было красных, кто здесь главный и прочее. Я говорю, что здесь было 600 человек, главный убежал – отвечал на все вопросы. Спрашивает, где еще красные? – Я говорю в Часово около 400 человек, хотя левобережная группа расположена была в двух местах и была там только полурота. Отдает приказание отдыхать людям 2 часа и следовать дальше на Усть-Сысольск. Велел дать денщику чаю и закусить, принесли и спирту. Меня пригласил к столу. Он стал говорить про порядки, что в гражданском деле порядок Керенского, а в военном очень суровая дисциплина и добавляет, что я здесь буду командовать дивизией и что всех честно служащих офицеров расстреливаю, а генералов вешаю. В общем он произвел на меня впечатление такого человека, что я от каждого его движения вздрагивал и не мог смотреть ему в глаза. Видя мое нервное состояние и слабость, говорит, что у Вас что-то не чисто, но я доберусь и узнаю, кто вы такой. Главное я боялся, что сдавшиеся красноармейцы выдадут мою работу в Усть-Выме по укреплению позиций и т.д. Потом Орлов рассказывает, что делается в Архангельске, что едет с ним в Усть-Сысольск начальник Вологодской губернии Латкин. После распоряжения о выводе на улицу всех пленных, мне говорит, что Вы укажите мне всех коммунистов. Выхожу на улицу, я пришел в транс, так как по обе стороны дороги в два ряда стояли красноармейцы - показалось, что столько народу и в отряде не было. Я посмотрел и доложил, что здесь коммунистов нет, хотя их было много. Орлов обратился с речью и затем предложил, кто хочет вступить в ряды Народной Армии добровольцем. Кто желает – отойди сюда, а кто не желает – туда. Нежелающих оказалось около 100 человек, но когда он сообщил, что нежелающим ничего не будет, их отправят в Архангельск на работы – стало до 100 человек. Не желающих спрашивал: «почему ты не хочешь?», отвечали: «болен, стар, слаб» и прочее. Отдал распоряжение завтра утром отправить их в Архангельск, а добровольцев разместить по квартирам. В квартире мне предложил, что я буду делать и желаете ли вступить в ряды белых. Я говорю, что я не отказываюсь. Он говорит, что я Вас назначу здесь же бить «Ваших». Под давлением спирта я стал посмелее и говорю отправьте в качестве старшего в Архангельск, мотивируя тем, что я местный и у меня родители здесь за Усть-Сысольском, могут принять репрессивные меры по отношению к ним. Он на меня так посмотрел и стал говорить сурово, что Вы шкурник и шпион красных и вышел оправляться. В это время его адъютант говорит, что пожалуйста с ним поосторожнее, он не любит возражений и противоречий. Приходит и говорит, что я Вас нарочно пошлю в Усть-Сысольск, там, где вы служили, но делаю Вам снисхождение, меняю на время Вашу фамилию «Медведев», как жителю среди медведей. Я видел перед собой настоящего деспота. После этого он с

отрядом уехал в Усть-Сысольск. Я как не спавший ночью, утомленный переживанием и также под винными парами лег спать и спал до следующего утра. Утром Орлов меня вызывает и говорит из Часово красных прогнал и послал на Усть-Сысольск отряд под командой подпрапорщика Завьялова в числе 46 человек, и что я Вас назначаю командиром этого отряда и выезжайте немедленно. Приедет послезавтра в Усть-Сысольск Латкин, которому Вы будете во всех отношениях подчиняться, а про отобранные у меня народные деньги он сказал, что будут переданы Латкину и как не имеющие никакой ценности в Северной области будут уничтожены (что они действительно были уничтожены я узнал впоследствии от Латкина в Усть-Куломе)... Выехал я из Усть-Выма в сопровождении конвоя унтер-офицера и приехал в Усть-Сысольск вечером (город был занят белыми утром) 15 ноября 1919 г.» (стиль и орфография документа сохранены).

15 ноября 1919 г. на заседании велико-устюжского губревтрибунала прозвучал доклад В.А.Бибергаль о произведенной им в начале ноября эвакуации Сереговского завода и запасов соли: «Настроение крестьян антисоветское. В Усть-Сысольске сил нет, отсутствуют винтовки, патроны и продовольствие. Телефон кончается в Визинге. Белые для привлечения населения раздают ему весь хлеб с сыпных пунктов. При настоящем положении... отряд белых даже в количестве 50 человек может свободно занять Усть-Сысольск». Товарищ Бибергаль как в воду глядел...

Поступившее в Усть-Сысольск известие о разгроме 13 ноября усть-вымской группировки войск, на которую было возложено столько надежд, было для красных ошеломляющим. Вскоре ревком получил телефонограмму из Усть-Кулома, что в этот же день печорский батальон белых при поддержке артиллерии атаковал и взял Вольдино. Верхневычегодские заслоны красных расходились кто куда. 14 ноября белые заняли Помоздино. Усть-сысольский ревком был полностью деморализован такими известиями. В городе зазвучали провокационные выстрелы, началась паника. Решено было немедленно оставить Усть-Сысольск и эвакуироваться в Визингу. Ввиду отсутствия военкома Юркина и председателя ревкома Маегова, выехавших на фронт, решение об эвакуации Усть-Сысольска приняли член ревкома П.В.Забоев, военрук А.А.Журавлев и председатель уездисполкома Е.А.Напалков. Согласно Е.Г.Королевой и А.А.Попову, «...распоряжение об эвакуации Усть-Сысольска было сделано членом Ревкома Чижовым только 13 ноября, т.е. в день падения Усть-Выми. Это доказывает, что руководители Усть-Сысольского Ревкома не ожидали, что белым удастся двинуться на Усть-Сысольск и только предательство Прокушева в Усть-Выми заставило их принять решение об эвакуации города. Эвакуация происходила в спешке и сопровождалась паникой, в создании которой, несомненно, сыграл роль классовый враг». Надо заметить, что эвакуация советских учреждений из Усть-Сысольска неспешно была начата еще 31 октября, когда поступили первые сведения об успехах

белых на Выми и нижней Вычегде. 13 и 14 ноября планомерная эвакуация превратилась в лихорадочное, никем не контролируемое бегство большевиков, совслужащих, красноармейцев и прочих беженцев из города. Не хватало подвод, уходили пешком. Из Вильгорта и Шошки были вызваны для эвакуации две сотни подвод, но Вильгорт подводы не прислал, а из Шошки прибыли слишком поздно. Приходилось довольствоваться тем, что имелось непосредственно в распоряжении городских служб. Огромное количество различных грузов, в том числе оружие, обмундирование, продовольствие, мануфактура и прочее было просто брошено. Семь ящиков гранат и запасы телефонного кабеля утопили в реке. Вдоль Визингского тракта пилили телеграфные столбы.

Уездная ЧК арестовала в Усть-Сысольске 19 заложников (среди них бывшие урядник П.А.Попов, городской М.С.Тентюков, торговец И.М.Есев, пристав С.С.Клочков, священник В.Катаев и др.) и отправила их в Мураши под конвоем пяти красноармейцев (надо добавить, что еще в конце октября ЧК арестовала и отправила в Устюг в качестве заложника отца С.О.Латкина, так что общее число усть-сысольских заложников было 20 человек). Заложников успели доставить в Визингу, когда там тоже началась паника. Тогда старший конвоя милиционер А.Н.Казаков отпустил арестованных на все четыре стороны, проигнорировав распоряжение комиссара И.П.Чукичева о расстреле всех заложников. Часть заложников продолжила эвакуацию вместе с красными уже в качестве беженцев, часть возвратилась домой.

В «Материалах Судебно-следственной комиссии при Северо-Двинском губернском военном комиссариате по обвинению группы коммунистов в утере военно-интендантского имущества и продовольствия при эвакуации усть-сысольского уездного военкомата» за 1920-1921 гг. сохранились показания ряда коммунистов, из которых видно, в какой панике проходила эвакуация Усть-Сысольска. «Ночью на 14 ноября около 20.00 Ревком [принял решение] об окончательной эвакуации города. В комиссариате (уездвоенкомате – авт.) получили 8 подвод [для] вещей сотрудников, телефонного имущества и обмундирования...Около 10 часов вечера спешно покинули город. За неимением подвод покинули город с вещами за плечами. Одновременно с комиссариатом выступили караульная команда и 2 стрелковая рота, которым не дано было никакой подводы. В комиссариате были оставлены начальник канцелярии Ярков и врид нач.отдела снабжения т.Глазачев, 4 сотрудника отдела снабжения. На 14 ноября был оставлен караул – 10 красноармейцев, ночью многие убежали... Начальнику канцелярии было приказано нести канцелярию на себе до Вильгорта, а в Вильгорте взять первые попавшиеся подводы... Ночь на 14 ноября была более чем тревожной. Красноармейцы с фронта бежали партиями – кто с винтовкой, кто без винтовки... Под утро 14 ноября Ревкомом в пяти верстах от города в сторону фронта была выставлена специальная застава для задерживания бегущих с фронта красноармейцев...

14 ноября около 11 утра прибыло еще 100 подвод, которые были нагружены продовольствием.

Около 2 часов дня Ревком приказал покинуть город, в городе в это время кроме председателя Ревкома никого не было... 15 утром весь груз был в Ибе... Граждане Ибской волости упорно сопротивлялись в подаче подвод – прятали своих лошадей в банях, на гумнах между соломой и даже заводили в лес. Несмотря на все принятые меры, большая часть груза осталась не отправленной... Часть груза расхищена возчиками...» 3 февраля 1920 г.

Военно-следственная комиссия Вычегодского района, рассмотрев дело «по оставлению без сопротивления красными г. Усть-Сысольска» констатировала: «Трусость красноармейцев, вступивших в соприкосновение с противником... Сочувственное отношение населения к белогвардейцам, не только служившее хорошими проводниками и шпионами, но и являющиеся элементами для усиления частей и некоторая растерянность наших частей с отсутствием уверенности в свои силы и с преувеличением сил противника... Несмотря на неоднократные предложения Ревкома выехать на фронт для личного руководства Усть-Вымскими частями Юркин под разными предлогами до последних дней уклонялся... Невооруженная масса, находящаяся в Усть-Сысольске в числе 324 человек не была использована как боевая сила и разбежалась...»

16 ноября 1919 г. член РВС VI Красной Армии М.К.Ветошкин в телеграфной записке председателю северо-двинского губревкома Шумилову и губвоенкому Дудникову сообщал: «Орлов... рассчитывает на сочувствие, нахальство, на уездную растерянность, а тов. Юркин уже очищает для него город, запугивает самого себя и других... Конечно, при таких условиях предприимчивый капитан Орлов может достигнуть успеха, сам того не ожидая... Если Усть-Сысольск будет захвачен на время Орловым, это будет пощечиной всем нашим организациям... Надо истребить эту сволочь, не беря ни одного из командного состава белых в плен. Смерть белым – вот лозунг дня». Однако за день до этого, 15 ноября фельдфебель Завьялов уже нанес пощечину т. Ветошкину и «всем его организациям» – белые заняли Усть-Сысольск, без боя вступив в него ровно в полдень (за успешное «взятие» города С.Е.Завьялов был представлен к кресту Св.Георгия 2 ст.). Большевики в панике бежали из города 14 ноября, даже не попытавшись организовать его оборону. Некоторые комиссары, сутками не слезая с подвод, драпали до Вятки. Их панические рассказы вынудили советские власти Вятки объявить город и север Вятской губернии на военном положении.

Белый Усть-Сысольск.

Первым обоз белых, въезжающий в Усть-Сысольск, увидел В.А.Прокопьев, тотчас побежавший предупредить церковных сторожей о колокольном звоне. Над городом раздался благовест. Делегация горожан,

спешно собранная П.А.Забоевым, встретила освободителей от большевизма с белым флагом. Ф.А.Елькин произнес небольшую речь: «У красных чертей власть упала, довольно им властвовать и грабить население. Теперь советских грабителей уничтожили, и власть будет наша». В городе уже существовала пробелогвардейская самооборона, организованная А.И.Безсоновым с целью пресечения начавшихся в городе грабежей магазинов, лавок и складов. Временным заведующим городским хозяйством являлся П.А.Забоев, бывший зав.коммунальным отделом и жилищным подотделом уездисполкома, а охраной командовал А.П.Кудинов, бывший реквизиитор продовольственного комитета (Забоев и Кудинов будут расстреляны красными в июне 1920 г.).

Разместив свой отряд в бывших советских учреждениях, фельдфебель Завьялов отправил Н.П.Орлову нарочного Иванова с пакетом: «Усть-Сысольск нашим доблестным отрядом занят без боя в 12 часов дня. Коммунисты бежали... Военная добыча значительна. Количество не выяснено. Захвачено спирту 80 бочек, из них три раскупоренных. По словам врача, будто бы в спирт пущен яд».

16 ноября в Усть-Сысольск прибыл обоз С.О.Латкина. Под канцелярию начальника Вологодской губернии был занят советский клуб «Звезда» (бывшее здание магазина Дербеневых). Штат канцелярии резко увеличился за счет вернувшихся из-под Визинги заложников красных (при эвакуации из Усть-Сысольска ЧК этапировала в Мураши 19 заложников, но в пути конвоем они были отпущены на все четыре стороны, хотя комиссар И.П.Чукичев и требовал расстрелять их всех). Кстати, красные взяли в заложники и отца С.О.Латкина. Он был доставлен в Великий Устюг специальным этапом и помещен в губернскую тюрьму.

Прибыв в Усть-Сысольск, Латкин отдал распоряжение начальнику временной охраны города А.П.Кудинову прекратить беспорядки в городе (горожане грабили склады и магазины), арестовать зачинщиков, а также всех большевиков и активистов советской власти, произвести учет спирта. В усть-сысольскую тюрьму препроводили 24 человека, коммунистов среди них не было, если не считать бывших, исключенных из партии либо по собственному желанию, либо за провинности. Всех таких экс-коммунистов выдал белой милиции С.А.Надеев, один из немногих действительных большевиков, оставшихся в городе. После того, как городскую милицию возглавил бывший усть-сысольский воинский начальник, полковник царской армии И.И.Львов, аресты стали производиться исключительно на основании ордера. Любопытный случай, связанный с этим, произошел во время задержания активиста советской власти П.Ф.Парилова, обвиняемого в краже конфет из потребительской лавки. Когда милиционеры пришли его арестовывать, Парилов решительно воспротивился следовать в тюрьму, мотивируя свой отказ отсутствием у стражей порядка ордера. Он был арестован только со второй попытки, когда Львов выдал ордер на его арест.

Всего в усть-сысольской тюрьме содержалось за время белой власти по разным данным от 40 до 100 арестантов. Никто из них не был расстрелян. Усть-сысольский священник Б.А.Едский ходил на прием к Латкину хлопотать об освобождении арестованных. Латкин заявил ему, что беспокоиться не нужно, все будут освобождены. В специальном воззвании Степан Осипович заверил население Усть-Сысольска в миролюбии новой власти: «Никто не будет расстрелян». Пять человек, в том числе известный в Усть-Сысольском уезде советский деятель И.С.Юрьев были отправлены по этапу в Архангельск. После взятия столицы Северной области Красной Армией в феврале 1920 г., все они благополучно вернулись домой.

18 ноября в Усть-Сысольске состоялись сразу два больших собрания: учителей и по выборам в уездное и городское земство. На собрании учителей Латкин выступил с речью, где призвал педагогов вернуться к досоветской системе преподавания. Советские школы 2-й ступени были реорганизованы в высшие начальные училища. Предмет «Закон Божий» вновь ввели в школьный курс. Вскоре после собрания школьные занятия в городе и близлежащих волостях возобновились. Общегородское собрание по выборам в земство проходило в бывшем советском клубе «Звезда», присутствовало около 500 избирателей. Председателем собрания являлся Н.А.Суханов, делопроизводитель усть-сысольского лесозаготовительного округа. Он предложил на пост председателя Временной Усть-Сысольской уездной Земской управы В.А.Тентюкова, кандидатура которого и была утверждена собранием. В состав уездной управы избрали кроме того Н.А.Суханова (зам.председателя), В.П.Титова, П.А.Забоева, Г.Д.Оплеснина, А.И.Безсонова, З.Д.Следникова, В.П.Кудинова, В.А.Прокопьева и др. Председателем городской Думы стал П.А.Забоев, бывший зав. коммунальным отделом и жилищным подотделом уездисполкома, городским головой избрали инвалида И.П.Лыткина. Состав гласных Думы решено было не избирать – все, кто были выбраны в Думу последнего созыва, согласились работать в новых условиях. Начальником уезда был назначен Г.Ф.Ролланд, бывший зав. лесным подотделом уездисполкома, уездную милицию возглавил землемер Л.А.Ботнев, бывший подпоручик царской армии. Городской тюрьмой по-прежнему ведал П.В.Колотов, которому по всей видимости было совершенно безразлично, кого содержать в камерах – белых или красных.

Вновь выбранная уездная управа тотчас занялась делами. В первую очередь необходимо было решить продовольственную проблему. Население самовольно растащило по домам значительные запасы хлеба из ссыпных пунктов. В Зеленце, например, местные припрятали весь складированный там хлеб, предназначенный для 600 ижемских беженцев. Чтобы изъять этот хлеб и вывезти его в Усть-Сысольск, в Зеленец выехала специальная комиссия земства во главе с В.А.Тентюковым и Г.Д.Оплесниным. Ей удалось собрать в волости более 167 пудов хлеба, который был вывезен в город и реализован горожанам.

Латкин обратился в штаб Печорского района белых, полковнику В.Ахаткину за помощью в снабжении гражданского населения уезда продовольствием. 9 декабря из Усть-Цильмы для «начальника Вологодской губернии» был отправлен первый обоз с продовольствием (87 пудов муки, свыше 43 пудов мяса, 28 пудов рыбы, 14 пудов крупы, 8 пудов сахара и т.д.). Груз добрался до Латкина, когда тот уже находился в Усть-Куломе. Большую деятельность кроме продовольственного развил лесной отдел земской управы. Дело в том, что при эвакуации красных весь отряд уездной лесной стражи остался в Ыбе и, дождавшись подхода белых, вернулся в Усть-Сысольск, так что дефицит в кадрах лесной отдел не ощущал. По возвращении в Усть-Сысольск лесничий Н.С.Соборский передал Латкину казну Союза трудовых лесных артелей на сумму 198111 рублей, а Г.Ф.Ролланд – последнюю выручку за продажу леса (86000 рублей). Лесничество предложили отпускать населению лес по инструкции 1900 года, причем несостоятельным – бесплатно. Лесной отдел организовал в Усть-Сысольске продажу дров, сумма от которой (131833 рубля) поступила в фонд земства.

20 ноября 1919 г. уездная земская управа разослала по всем волостям Усть-Сысольского уезда отношение № 30 за подписью В.А.Тентюкова с распоряжением «О немедленном преобразовании волысполкомов во Временные волостные земские управы». В командировку по сысольским и вычегодским волостям отправились земцы Н.А.Суханов, П.А.Забоев и И.П.Лыткин. Суханов посетил, например, Пезмог, Небдино, Подъельск, Визябож, Большелуг, Богородск, Усть-Кулом, везде созывая народные сходы в поддержку земства. Забоев ездил в Пажгу и Ыб, раздавал там архангельские газеты. В Пажге председателем волостной управы был избран Н.Ф.Конев, в Ыбе – А.Я.Сямтомов.

Любопытная история с воссозданием земских учреждений произошла в Койгородской волости. Получив отношение усть-сысольской управы № 30, секретарь волысполкома В.С.Лихачев назначил крестьянский сход на 27 ноября, на котором койгородцы постановили: «Выборы отложить впредь до выяснения результатов по этому поводу в соседних волостях (Ужгинской и Гривенской), но не позднее 30 ноября». Пока шло «выяснение», Сысола была уже обратно отвоевана красными, и в Койгородок вернулись коммунисты. Однако 30 ноября 1919 г. собрание граждан волости по выборам в волостную земскую управу все равно состоялось. Волостной военный комиссар П.Гуляев за попытку конфисковать переписку с белым Усть-Сысольском был избит и изгнан с собрания. Однако вечером 30 ноября в Койгородок вступил отряд красноармейцев из Объячево, и страсти по выборам в земство улеглись.

С.О.Латкин тем временем подготовил к тиражированию свое политическое воззвание «К простому зырянскому народу»: «Я – Степан Осипович Латкин, природный зырянин... Я хорошо знаю все недостатки края, которые ныне же нужно изжить... Прежняя царская власть пала, теперь вся

власть государственная находится в руках большевиков, которые, чтобы склонить на свою сторону простой крестьянский народ, обещают многое, но они обманывают, не верьте им. Они уничтожили правительство, разложили войска, производят всюду грабежи, отняли имения помещиков, разрушили монастыри, множество храмов, святыни сожгли, множество архипастырей и пастырей расстреляно... Долго ли будет терпеть эти бедствия русский крестьянин? Давно пора встать на его защиту... Открывайте в волостях Земские управы, восстанавливайте полицию и мы скоро очистим свой край от неудобной нам власти... Я... употреблю все силы и средства для приведения края в мирное положение». Воззвание предполагали опубликовать в типографии З.Д.Следникова, но по каким-то причинам оно так и не увидело свет.

Вместо этого типография напечатала различные «Объявления» Латкина, касающиеся нормализации экономической и политической ситуации в уезде. В частности, запрещались «хищения советского имущества», объявленного государственным; запрещались также самовольные аресты и хранение огнестрельного оружия; разрешалось хождение советского рубля на рынке совместно с «северным» и т.д.

Ходоки из сысольских волостей обратились к начальнику Вологодской губернии с запросом, что им делать с землей, передел которой был осуществлен при советской власти. Латкин ответил, что «раздел земли, отобрание и передача ее от одних граждан другим ни в коей мере не подлежит его компетенции, и что эти вопросы должны быть разрешаемы самими гражданами с специальными земельными отделами». Несмотря на близость фронта в Усть-Сысольске жизнь постепенно нормализовалась. Работали магазины, лавки, школы, церкви. Открылась столовая для солдат (заведующий столовой Мальгин был в свое время ярким активистом советской власти, с приходом белых он долго ждал своего ареста, но так и не дождавшись, решил кормить белогвардейцев). Состоялась свадьба учителя пения Покровского на дочери известного в Усть-Сысольске купца В.П.Комлина. По воспоминаниям А.А.Потаповой, «свадьба была отпразднована особо пышно». Сыграл свою новую свадьбу и С.О.Латкин – на некоей Суворовой, купчихе (развод с Софьей Астраханцевой Латкин оформил в 1926 г.).

Под Усть-Сысольском были задержаны около 600 советских беженцев из Печорского уезда, эвакуировавшихся в свое время вместе с Ижмо-Печорским полком. С.О.Латкин проинформировал штаб Печорского района о высылке массы задержанных обратно на Ижму и Печору. 11 декабря 1919 г. начальник разведки Печорского района подпоручик Сергачев обратился в Архангельск за инструкциями по делу о советских беженцах: «Во время наступления наших частей по направлению на Усть-Сысольск задержано нами около 600 человек, которые добровольно бежали в прошлом году с большевиками из района Ижмы. Последние и теперь бежали за отступавшими красноармейцами, но попали в наши руки, так как им был перерезан путь. Многие из них

участвовали в прошлом году в грабежах. Прошу вашего указания, как поступить с ними, разрешить ли им вернуться на родину или отправить их через фронт в Совдепию?». Не дождавись указания из Архангельска, 10 января 1920 г. Сергачев шлет вторую телеграмму: «Как поступить с захваченными беженцами, которых местные общества обратно не принимают, как вредный элемент?». Судьба печорских беженцев до сих пор до конца неясна. Газета «Зырянская жизнь» в номере от 13 декабря 1919 г. писала, что «...по дороге Визябож-Додзь-Корткерос в лесу валяется десяток трупов, раздетых догола, расстрелянных печорских беженцев». На заседании Печорского укома РКП(б) 9 марта 1920 г. в Усть-Сысольске прозвучала информация, что «захваченных печорских беженцев белые отправили через Корткерос под предлогом на родину, а в настоящее время, как выясняется, эти беженцы в числе 225 чел. расстреляны». По данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, печорских беженцев белые «...отправили на Ижму и там большинство из них расстреляли». В то же время газета «Красная Печора», специально занимавшаяся мортирологом жертв белого террора среди уроженцев Печоры, в номере от 7 ноября 1921 г., где были опубликованы списки казненных, вообще не упоминает о жертвах среди печорских беженцев.

«Спасайся, коммунары!».

Наступление белых вверх по Сыsole было продолжено 16 ноября. Отряд С.Е.Завьялова пополнился усть-сысольскими добровольцами. Командование над ним принял А.О.Прокушев, причем поначалу солдаты отказались подчиняться бывшему красному командиру, и только вмешательство С.О.Латкина позволило Прокушеву восстановить дисциплину. В с.Вильгорт разведкоманде белых в 12 человек была устроена торжественная встреча. Их встретили с белым флагом, звонили колокола. У волисполкома собралась толпа народа, по словам очевидцев, женщины слезно приговаривали «Муса пиянй, вайіс тай тїянйс Господь-Енмыс, бур пиянй, мыждй миянйс лёк большевик ловтысь, иродьясысь» (в переводе с коми языка – Дорогие сынки, привел вас Господь, освободите нас от проклятого большевистского духа, от этих иродов»). Все кланялись и провожали белых до околицы села. С удивлением многие узнавали в белогвардейцах старых знакомых – красноармейцев Ижмо-Печорского полка (весной 1919 г. полк был расквартирован в Вильгорте). У окрестностей Лозыма разведка белых вступила в перестрелку со взводом красных И.В.Чижова.

Эвакуировавшиеся из Усть-Сысольска красные были рассредоточены в Лозыме, Пажге, Ыбе и Нювчимском заводе. Для связи между ними во время телефонных переговоров, по словам В.А.Савина, был установлен довольно странный пароль - чаще посылать друг друга «по матери». Основная масса людей и эвакуированных грузов, а также ревком находились в Ыбе. Рано утром 16 ноября в здание ыбского волисполкома, где спали члены ревкома, ворвался

политкомиссар В.И.Шишкин и поднял панику. Вечером 15 ноября Шишкин находился в Лозыме на телефонной станции, когда увидел, как в село вступил неизвестный отряд солдат, одетых в черные шинели. Комиссар принял их за белых и убежал в лес. В небе над Лозымом между тем вспыхнули осветительные ракеты. Окончательно решив, что Лозым занят неприятелем, Шишкин бегом бросился в сторону Ыба. В ыбском волисполкоме комиссар начал кричать: «Что вы здесь сидите? Я еле вырвался из плена! Наши окружены! Штаб пропал! Спасайся, коммунары!». Бросив все, ревком на подводах покинул Ыб. Паника, поднятая Шишкиным, заразила и отряд красноармейцев под командованием военрука А.А.Журавлева. С трудом найдя спрятанные ыбскими крестьянами 20 подвод с лошадьми, отряд Журавлева, оставив на произвол судьбы заставу комсомольцев в Мыргаибе, отступил в Межадор. Узнав о всеобщем отходе, застава пешком ушла из Ыба. Чтобы легче было идти, комсомольцы бросили оружие. В уже упоминавшихся «Материалах Судебно-следственной комиссии при Северо-Двинском губернском военном комиссариате...» сохранились воспоминания очевидцев о панике в селе Ыб: «Рано утром 16 числа в Ревком ворвался возбужденный и взволнованный находившийся на фронте политкомиссар яренской караульной роты тов. Шишкин. «Что вы здесь сидите? Спасайтесь кто как может! Весь штаб во главе с Юркиным и все до одного красноармейцы и партизаны остались в руках белых – все они окружены. Белые отсюда в 2-3 верстах, я сам вырвался из плена белых». Ревком бросил все и предупреждая всех, чтобы спасались, кто как может, сел на дежурившие подводы и уехал. Все бросились бежать, с нагруженных подвод выкидывались грузы, лишь бы скорее уехать. Больше половины груза осталось на произвол судьбы».

Днем 16 ноября в Ыб прибыл штаб Маегова и Юркина, который, никуда не «пропал» и никем не был «окружен». Крестьяне растаскивали по домам брошенное ревкомом продовольствие и другие грузы. 17 ноября в окрестностях Ыба появились конные разъезды белых, начались перестрелки. Комиссар Елисеев сообщил: «18 ноября в 11 часов находились в Ибске... Разведка противника на 30 подводах повела наступление». Советский штаб эвакуировался в Визингу. Там в это время царил хаос. Местное население грабило магазины и кооперативные лавки, растаскивая по домам рожь, сахарный песок и соль. Время от времени раздавались провокационные выстрелы. Внезапно пронесся слух, что противник вышел из леса в районе Чухлома и окружает Визингу. В очередной раз за белых приняли отряд нювчимских рабочих и партизан П.И.Попова. Поднялась страшная паника. Е.А.Напалков приказал оставить Визингу и отступить на Кибру. При отступлении (точнее, бегстве) были сожжены все архивы советских и партийных учреждений, эвакуированные сюда из Усть-Сысольска, а уцелевшие при этом и ранее увезенные дальше материалы, по словам Потапова, уже в Кибре планировалось облить керосином и тоже уничтожить.

19 ноября последние отряды красных вместе со штабом покинули Визингу, на улицах которой беспорядочно остались валяться многочисленные брошенные грузы и разбитые подводы. Ветер разносил в воздухе пепел сгоревших бумаг.

Белые продвигались вверх по Сыsole практически без боя, если не считать небольших перестрелок у Лозыма и Ыба. В Пажге, после того, как красные оставили село, три часа звонили в колокола. В Ыбе местные крестьяне С.Ф.Осипов и Д.И.Конюхов радостно встретили отряд Прокушева, показали белым дорогу, по которой бежали красноармейцы. После создания Ыбской Земской управы была организована передача конфискованного ранее у зажиточных в пользу бедных скота обратно владельцам. В Усть-Сысольск отправили троих арестованных ыбских активистов советской власти, их аресты произвел ыбский волостной военком, член РКП(б) И.Д.Демин, ставший в одночасье белым милиционером. В Ыбе был пойман также не успевший бежать большевик В.Д.Кононов, которого А.О.Прокушев поначалу отпустил на все четыре стороны, но по настоянию местных жителей снова арестовал и отправил в усть-сысольскую тюрьму. С.О.Латкин в своем письме Орлову так писал о продвижении отряда Прокушева: «Дорогой Николай Петрович! Получил донесение о взятии Иба после краткой перестрелки. Потерь у нас нет. Большевики группируют силы. Положение становится тяжелым... Вычегда до Печоры свободна, и я положительно негоую на медленность печорцев. Это черт знает, что такое. Из полученных запасов все послал ибскому отряду. Прокушев действует молодцом... Отряд сначала ему не доверял, но теперь совсем наоборот...» Преследуя противника по пятам, Прокушев без выстрелов занял Межадор и Визингу. В Межадоре его ожидала торжественная встреча населения с крестным ходом, хоругвями и иконами. Священник Клочков отслужил благодарственный молебен. Заняв Визингу, белые в поисках противника направили к Чукайбу разведку, которая и обнаружила там укрепившихся красных. Дорога на подходе к Чукайбской горе была завалена деревьями.

Маегову и Юркину удалось остановить отступление войск у Чукайба и организовать здесь оборону. Деморализованные красноармейцы настолько потеряли воинскую дисциплину, что старались обходить Чукайб стороной, лишь бы бежать дальше. Красноармеец П.С.Козлов вспоминал, что «эвакуировавшиеся из Усть-Сысольска люди обходили Чукайб, чтобы не попасть на посты красных. Уездвоенрук Попов вообще распустил людей своего отряда». Панику наводили постоянные беспорядочные выстрелы, производившиеся неизвестно кем на дорогах и в тылу. Известен случай с членом усть-сысольского уездисполкома И.Л.Кузнецовым, организовавшим стрельбу по мишеням для сопровождавших его барышень на дороге за Чукайбом – в селе уже решили, что это белые снова обошли их (позднее, за

превышение власти, а также хищение мешка денег и сундука мануфактуры Кузнецов был приговорен к 10 годам заключения).

Несмотря на то, что под их началом находилось всего 127 человек, Маегов и Юркин решили задержать дальнейшее продвижение неприятеля любой ценой. 19 ноября ревком выпустил жесткий «Приказ о задержке и наказании провокаторов и предателей, сеющих панику», где, в частности, отмечалось: «Многие трусливые презренные людишки, не отдавая отчета в своих действиях, всем жалким существом своим, безумным бегством помогают белогвардейской сволочи в деле предательства рабочих и крестьян в руки палачей народа. Революционный комитет призывает граждан к спокойствию и приказывает всем ответственным работникам задерживать провокаторов, шептунов и предателей – агентов пьяной белогвардейщины, сеющих панику, арестовывать и направлять в Ревком для предания суду трибунала. Сопrotивляющихся же расстреливать на месте... За оставление своего поста в тяжелую минуту, за малейшее проявление малодушия, попустительство и бездействие каждый ответственный работник будет караться по законам осадного положения вплоть до расстрела».

Между тем, некоторые члены ревкома реквизировали в Прилузье около 300 подвод для эвакуации оставшегося имущества, намереваясь отойти до Лальска. Политкомиссар И.П.Чукичев уже был там и по телеграфу сообщил в Устюг о катастрофе, постигшей советские войска в Усть – Сысольском уезде. Известие о падении Усть-Сысольска губревком воспринял как «сказочное», должным образом оценив быстроту продвижения противника.

18 ноября начштаба 54 дивизии Смуров предложил губвоенкому Дудникову подумать о замене В.П.Юркина: «Военкомезд Юркин весьма слаб и его нужно заменить... Человек должен быть не панический». 19 ноября 1919 г. северо-двинский губревком на своем заседании постановил: «В связи с создавшимся на фронте осложнением... наметить меры к установлению в Устюге укрепленного района, в спешном порядке разработать проект обороны г. Великий Устюг, часть мастерских, заводов, фабрик, типографий перевести на работу по обороне города, штабу Северо-Двинского коммунистического батальона особого назначения закончить формирование устюгской роты... Коллективы национального флота, Красавинской фабрики, Лальской фабрики и губпрофсовета со всеми профсоюзными объединениями перевести на военное положение... Губревком признал положение требующим подготовительных мер к эвакуации и поручил эвакокомиссии спешно разработать подробный план эвакуации...».

Тем временем комиссар Шишкин, «отступивший» до Вятки, своими паническими рассказами о нашествии крупных сил белых на Усть-Сысольский уезд возбудил вятский губисполком образовать специальный Военсовет. 22 ноября Орловский, Котельничский, Слободский, Вятский и Глазовский уезды Вятской губернии были объявлены на осадном положении.

В Вятке начали формировать боевые подразделения и отправлять их на северные границы губернии и Сысольский фронт. Срочно подтягивались резервы, в строй становились раненные и больные из госпиталей, реквизировались у населения лошади для кавалерии и обозов. На северных границах Вятской губернии в селах Трушники, Борисовское и Слудское расставили контрольно-наблюдательные посты.

Присоединение Зауралья к Северной области.

Штаб Печорского района белых получил директиву командования о наступательных операциях сразу на трех направлениях: на города Березов, Усть-Сысольск и Чердынь. В Зауралье военные действия вел специальный отряд связи штаба Печорского района под командованием штабс-ротмистра Червинского, бывшего офицера 20-го Финляндского драгунского полка. В его отряде насчитывалось около 200 человек, в том числе был отрядный священник о. Николай Тетюев из Пермской епархии. В ноябре 1919 г. Червинский фактически полностью стал контролировать зауральский Березовский уезд Тобольской губернии, его отряд вошел в г. Березов. В городе были обнаружены архивные бумаги Л.Д. Троцкого и Н.Д. Авксентьева, отправленные в штаб 10-го полка в Ижму (к сожалению, судьба захваченного березовского архива неизвестна).

Главкомандующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Е.К. Миллер в своих воспоминаниях писал: «В ноябре была установлена телеграфно-телефонная связь с городом Березовым на Оби и березовский исправник доносил, что ввиду отхода войск адмирала Колчака и потери связи с сибирской администрацией, он просит включить Березовский уезд в состав Северной области». Начальником Березовского района «по просьбе ляпинских властей» был назначен штабс-ротмистр Бунаков из 10 Печорского полка. Объединенные силы печорского и березовского отрядов достигали несколько сотен штыков. В декабре 1919 г. Червинский предпринял наступление на красных в районе с. Нарыкары. 29 декабря в телеграфном донесении в Ижму и Архангельск он писал: «21 декабря разведка березовского гарнизона при поддержке конных пулеметных частей дошла до села Нарыкары в 288 верстах от Березова. Бой в селе с большевиками, выбили красных из села. Захвачено 14 винтовок, много разного имущества. Все награбленное красными возвращено прежним владельцам. Наши и сибирские части рвутся в бой». Включение Березовского уезда Тобольской губернии и г. Березова в состав Северной области было крупным успехом штаба Печорского района.

«Население встречает колокольным звоном и хлебом-солью».

Для наступления на вычегодском и пермском направлениях в Троицко-Печорске была создана ударная группировка 10-го Печорского полка в составе свыше двух батальонов пехоты, пулеметных команд, команд конных

разведчиков, артбатареи под общим командованием Георгиевского кавалера штабс-капитана Валентина Шульгина (по отзывам солдат, Шульгин был «лихой командир»). В середине ноября 1919 г. три роты белых под командованием поручика Ивана Вяткина и подпоручика Алексея Иванова со стороны Троицко-Печорска и Усть-Ухты начали продвижение на верхнюю Вычегду. 13 ноября сводный отряд Вяткина в 300 штыков при 11 пулеметах и одном орудии (в некоторых источниках, при двух орудиях) атаковал Вольдино, где размещалась застава красных.

К этому времени почти все верхневыхегодские силы красных были переброшены в Усть-Вымь для действий против Особого Вычегодского добровольческого отряда капитана Н.П.Орлова. В Вольдино и Помоздино оставалось по 40 штыков под общим управлением комроты Кожевникова и комиссара Вахнина. Белые открыли по Вольдино пушечный огонь. Находившаяся в Вольдино застава поначалу отстреливалась из пулемета «Максим» и винтовок, но затем, не выдержав оружейного огня, разбежалась. За боевые отличия в бою под Вольдино старший унтер-офицер Андрей Пыстин и ефрейтор Александр Растворов были награждены Георгиевским крестом 3-й степени за то, что «ободрили стрелков и увлекли их за собою вперед, чем оказали содействие общему успеху боя». По словам участника боя Д.Я.Федосеева, в плен к белым попало 27 человек, из них 20 были ранены. По данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, красные потеряли в этом бою три человека убитыми и пять человек попавшими в плен. Ночью один из белогвардейских часовых помог бежать трем пленным красноармейцам, в том числе Д.Я.Федосееву. 14 ноября поручик Вяткин занял брошенное красными Помоздино. Остатки красных из верхневыхегодского заслона расходились в разные стороны, часть ушла лесными тропами на Сысолу, часть (60 человек) отправилась в Чердынь.

Население Помоздино встретило белых враждебно. Штабс-капитан Шульгин издал специальный приказ об ответственности жителей Помоздинского района за распространение ложных слухов: «Приказываю принять самые решительные меры для прекращения распространения ложных слухов и нелепых разговоров среди жителей Помоздинского района. Всякое выступление со стороны кого бы ни было, распространение ложных слухов, агитация и преступные явления будут караться по всем строгостям военного времени. Население не должно забываться и проявлять свои темные стороны, явно характеризующие симпатии нашему противнику, т.к. у меня имеется более чем достаточно сил, чтобы раз и навсегда покончить с таким преступным явлением. Категорически предупреждаю, что если после объявления вышеизложенного до меня дойдет хоть одно слово, одно имя или хотя одно какое-нибудь действие по отношению к воинским чинам 10 Северного стрелкового полка, то отвечать за это будут все без разбора. В Помоздинском районе должен быть водворен порядок немедленно же после

объявления сего [приказа]. Земские власти обязаны идти рука об руку с военными [властями] для достижения общего блага. От вас самих зависит ваше личное благополучие и все, что нужно для вашего спокойного и мирного существования. Но пока среди вас есть изменники, предатели, вредящие общему делу, я обязан принять самые решительные меры и оградить интересы своих подчиненных стрелков, за которых решусь на все. Опомнитесь, пока не поздно».

В отличие от Помоздино, население других верхневыхегодских волостей встречало белых торжественно. В ряде мест встречу организовывали, как это ни парадоксально звучит, местные коммунисты. Так, по данным В.И.Прошева, «Егор Мамонтов (член РКП(б) с ноября 1918 г.), являясь председателем Усть-Немского ВИК, при нашествии белых со стороны Печоры указания УИК и Ревкома не выполнил, скрыл их и эвакуацию не организовал. 14 ноября в 7 утра собрал собрание граждан Усть-Немской волости и организовал встречу белогвардейцев, послал навстречу делегацию в составе 4 человек до Пожега 70 верст. Говорил против Советской власти, передал белым 57 пудов хлеба, заготовленного для рабочих по постройке зимовок по волоку на Ксенофонтово. Передал белым 14 винтовок, полученных от местной организации РКП. Избил нескольких рабочих, требовавших хлеб». В 1925 г. коммунист П.Н.Игнатов так писал о пребывании белых в Усть-Неме и, в частности, о действиях начальника усть-немского гарнизона подпоручика В.П.Щекина: «Никаких репрессивных мер к коммунистам или сочувствующим советской власти и вообще к населению не применялось... При Щекине мы, коммунисты, чувствовали себя хорошо и ходили спокойно и свободно».

В Усть-Куломе, узнав о скором подходе белых, устроили общеволостное собрание граждан, на котором присутствовала в том числе и волостная ячейка РКП(б) в полном составе (118 человек). Собрание решило встречать белых торжественно, выслать навстречу им делегацию с хлебом-солью во главе с коммунистом Уляшевым. Из 118 усть-куломских большевиков только четверо выступили против такой затеи и поспешили скрыться в лесах, остальные коммунисты надеялись на милостивое обращение и предпочли остаться в селе. В течение трех дней в Усть-Куломе звонили в колокола, пока наконец в село не вступил отряд подпоручика Иванова. Из массы усть-куломских коммунистов были расстреляны три человека, в том числе советский судья С.П.Кочанов (при возвращении красные даже хотели в его честь переименовать Усть-Кулом в Кочаново). Большая часть усть-куломских большевиков добровольно перешла на службу к белым, среди них были служащие местного почтово-телеграфного отделения вместе со своим начальником В.Н.Бобровым. Телеграфисты помогли белым восстановить телефонно-телеграфную связь по всей верхней Вычегде, и Бобров за усердие был представлен к Георгиевской медали 4 ст.

Возмущенные беспринципным поведением большевиков, усть-куломцы написали на них донос белому командованию, отмечая, что «слепые коммунисты, т.е. второстепенные расстреляны, шайка же [главных] коммунистов, среди которых находится... Бобров и его жена и остальные служащие телеграфа [продолжают работать при белых]».

Продвижение белых по верхневыхегодским волостям было беспрепятственным. Кое-где население задерживало и передавало им арестованных красноармейцев и коммунистов. В Деревянске, например, местный житель А.М.Латкин задержал каким-то образом семь красноармейцев и передал их отряду Иванова. Подпоручик угощал красных сигарами, агитировал переходить в его отряд. После ухода Иванова из села бывший председатель Деревянского волысполкома Чувьюров арестовал и отправил вдогонку белым четверых большевиков, но в Усть-Куломе подпоручик Иванов освободил троих «по желанию местных жителей».

В Подъельске долго не было белых, пока наконец 23 ноября сюда не приехал в одиночестве земец Н.А.Суханов из Усть-Сысольска. Он организовал Земскую управу, а местное собрание постановило арестовать и передать белым двух коммунистов, что и было сделано 4 декабря 1919 г. В то же время в Мадже общее собрание граждан 2 декабря 1919 г. постановило «не выдавать коммунистов и совслужащих». Секретарем Маджской земской управы был выбран А.А.Нестеров, в 1920-х гг. секретарь Коми областного комитета комсомола. Массовые репрессии в отношении коммунистов и активистов советской власти развернулись в Керчомье, когда туда вступил небольшой отряд белых в количестве 11 (по другим сведениям, 17) человек.

18 ноября состоялось общее собрание граждан Керчомьи (из 613 домохозяев присутствовало 512, в том числе переодетый в женское платье известный керчомский большевик, местный чекист Д.М.Ваддоров). Собрание под председательством И.В.Самарина постановило: «Мы, крестьяне села Керчомского, единогласно протягиваем руки защитникам трудового крестьянства Белогвардейцам, единогласно призываем к себе на защиту нашего села, в чем входим мы в согласие без всякого сопротивления с нашей стороны и вполне надеемся, что белогвардейцы возьмут нас под свою защиту от вторичного вторжения красных».

Керчомцы арестовали 32 коммунистов и активистов советской власти (по другим сведениям, около 50), 14 арестованных впоследствии были освобождены, остальные же подверглись расстрелам, унижениям и истязаниям. По данным С.В.Вайровской, было арестовано 39 коммунистов, из них 16 человек расстреляли. Согласно сведениям краеведа А.А.Цембера, было расстреляно 9 человек. На кладбище из могилы был выкопан гроб А.П.Гичева, и его останки выброшены в канаву. Е.Г.Королева и А.А.Попов в своей книге писали: «В Керчомье кулаки поймали 17 партийных и советских работников, до потери сознания бичевали нагайками, обливали холодной

водой при 25-градусном морозе, истерзанных до полусмерти заставляли плясать под гармошку на глазах жен и детей истязаемых». Часть керчомских коммунистов и активистов советской власти перешла на службу к белым, среди них Д.А.Тимушев, в 1960-х гг. ученый секретарь ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. В селе был организован партизанский белый отряд под командованием В.Ф.Гичева, производивший глубокие разведки в сторону Гайн и Чердыни.

При эвакуации из Ульяново красные по замыслу зав. Ульяновским совхозом Флегонта Бачуринского хотели сжечь Троице-Стефановский Ульяновский монастырь, но не смогли или не успели это осуществить. В материалах дела о контрреволюции монахов Ульяновского монастыря, заведенного в 1920 г. (по делу проходят два иеромонаха, четыре иеродиакона, восемь монахов и 13 послушников) имеются показания, как произошла смена власти в Ульяново в ноябре 1919 г.: «После ухода Советских войск заведующий Ульяновским Советским хозяйством Бачуринский вынужден был эвакуироваться, чтоб не попасть в руки белогвардейцам. Хозяйство принадлежало Печорской экспедиции. 6 ноября иеромонах Платон Колегов (настоятель монастыря – авт.) организовал опечатывание складов и изъятие имущества совхоза, для чего пригласил граждан дер. Кужба Петра, Александра, Ефима Кузнецовых и Степана Тарабукина. В тот же день в хозяйство пришел член Печорской экспедиции Торс, чтоб вывезти имущество экспедиции, имея соответствующее предписание. Монахами Торс был арестован и заключен под стражу до прихода белогвардейцев. Затем передан им. Через день Торс был расстрелян на дороге между Деревянском и Усть-Куломом. Белогвардейцы были встречены церковным звоном, а о. Платон и иеромонах о. Митрофан в полном облачении богослужения и с крестом в руках встречали белогвардейцев. «Мы ждали Вас как христову пасху. Наконец-то Вы избавили старцев от страдания». Передали белогвардейцам 500 пудов хлеба монастырского, 2000 пудов Совхозного хлеба, забито для белых 11 голов крупного рогатого скота, передано 6 лошадей. Пьянство вместе с белогвардейцами».

Командующий Печорским районом полковник В.Ахаткин сообщал в Архангельск 17 декабря 1919 г.: «В Ульяновском монастыре... нами был захвачен у большевиков склад мануфактуры». Далее полковник в своем сообщении перечисляет список захваченных трофеев, в том числе 28 ящиков пороха и 30 ящиков дробы. Все это было перевезено в Троицко-Печорск.

По данным В.И.Прошева, из верхневьчегодских волостей во время белой власти на суд в Архангельск были отправлены по этапу из Деревянска 15, Усть-Кулома 40, Керчомьи 60 и Усть-Нема 6 человек. Часть из них дошла до Архангельска, часть осела в троицко-печорской и ижемской тюрьмах. Почти все они вернулись домой после победы красных.

В последних числах ноября 1919 г. отряд подпоручика А.Г.Иванова (по разным данным, от 80 до 200 штыков) дошел до Усть-Сысольска, завершив

тем самым верхневычегодское наступление 10-го Печорского полка. По словам А.О.Прокушева, солдаты ивановского отряда были набраны из печорских и ижемских крестьян, пострадавших в свое время от красного террора. Теперь эти солдаты мстили коммунистам «за действия Мандельбаума в Печорском крае». 26 ноября 1919 г. полковник Ахаткин из Ижмы докладывал в Архангельск: «Заняты Роздин, Крутая, Вольдино, Помоздино, Пожег, Вомынбож, Усть-Немь, Усть-Кулом. Разведкою, высланною на Усть-Сысольск, вошел в связь с войсками Вашко-Мезенского района. Кроме того, противник, вторично наступавший от Чердыни, разбит под Якшой и преследуется». 28 ноября Ахаткин запрашивает штаб 1 Северного Мезенского полка: «Где находятся ваши левофланговые части, дабы установить постоянную связь?».

Сообщая читателям об успехах войск в Коми крае, архангельская газета «Русский Север» в номере от 28 ноября 1919 г. писала: «Нашими частями, перешедшими в наступление, с боя заняты Помоздино, Воздино, Скородумское, Вильгорт, Усть-Кулом, Усть-Нем и гор. Усть-Сысольск, где вошли в связь с партизанами капитана Орлова. Население всюду встречает наши войска колокольным звоном и хлебом-солью, видит в лице нас спасителей от гнета и варварства большевиков, красноармейцы переходят к нам и изъявляют готовность служить в наших войсках».

«Лихое дело молодцов-печорцев».

Чердынское движение 10-го Печорского полка на чердынском направлении началось еще в октябре 1919 г. После ухода колчаковцев Чердынь вновь была советской. В июле-августе 1919 г. верхнепечорские селения Якша, Мамыль и Порог поддерживали с ней телефонную связь. 4 августа в Чердыни был сформирован Особый Чердынский экспедиционный отряд в составе двух рот, ставший опорой местной советской власти. 3 сентября разведгруппа белых из Троицко-Печорска проникла в Якшу и повредила телефон. Наличие в верховьях Печоры у Троицко-Печорска крупных соединений неприятеля вынудило Чердынь объявить северные волости уезда на осадном положении с 16 сентября 1919 г. 13 сентября командир чердынского гарнизона Г.Ф.Макаров отправил в Якшу отряд Пермской губчека М.В.Голубева в 57 штыков. 28 сентября в Якше вновь побывала разведгруппа белых в количестве 32 человек, а 29 или 30 сентября сюда же подошел отряд Голубева.

Для ликвидации красных штабс-капитан В.Шульгин отправил в Якшу сводный отряд прапорщика Александра Варзухина в 200-250 штыков при двух пулеметах на пароходе «Москва». 5 октября 1919 г. белые неожиданно напали на Якшу. В коротком жестоком бою красные были уничтожены, потеряв только убитыми 37 человек, в том числе погиб и Голубев. Несколько красноармейцев утонули, пытаясь вплавь перейти на другой берег Печоры. Белые потеряли убитым только одного солдата. Об якушинском бое узнал сам Главнокомандующий Северным фронтом белых Е.К.Миллер. В телеграмме

в штаб 10 Печорского полка он отметил: «...Рад узнать про лихое дело молодцов-печорцев...». 23 белогвардейца из отряда Варзухина за якшинскую операцию были награждены Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней и Георгиевской медалью 4-й степени. Прапорщик Варзухин «за боевые отличия» получил впоследствии повышение в звании до подпоручика.

Историки Е.Г.Королева и А.А.Попов писали: «В Якше на берегу Печоры... стоял полуразрушенный дом. Когда красноармейцы вошли в этот дом, то увидели, что он весь в крови, стены дома, как решето, окна поломаны, потолок провалился. По рассказам местных жителей, в этом доме защищался взвод красноармейцев в 60 человек. Белогвардейцы атаковали здание со всех сторон, но красноармейцы отбивались до последних сил. Трупы погибших красноармейцев зарыты тут же возле дома на скорую руку».

В это время красными в Перми формировалась 33 бригада ВОХР под командованием Петрова, часть батальонов и отрядов этой бригады были срочно брошены под Чердынь. 20 ноября разведотряд красных, посланный из Чердыни в верховья Печоры, попал в засаду между Мамылем и Порогом, но сумел вырваться, потеряв троих убитыми. На сторону белых перешел комроты красных большевик Борисов. К этому времени штабс-капитан Шульгин развернул наступление на чердынском направлении силою до трех стрелковых рот, пулеметных и конных команд и артбатареи (по другим данным, белые наступали на чердынском направлении силою до восьми рот). На 24 ноября общие силы красных на участке Чердынь-Петрецово достигали 700 штыков. Вскоре в Чердыни получили известие, что белые выбили в бою советский гарнизон из Петрецово.

Красные спешно отступали. По воспоминаниям комиссара 33 бригады ВОХР С.Г.Варова, «...в Чердыни были паника и неразбериха. По городу распространялись всякие контрреволюционные слухи. Советские органы почти распались. Пришлось действовать круто. Сразу же, в день моего прибытия был организован уездный ревком, который взял всю власть у исполкома... Образованный к тому времени штаб Кай-Чердынского фронта, которым руководил бывший офицер царской армии Петров, не проявлял никакой инициативы».

27 ноября Чердынь была объявлена на осадном положении. Началась подготовка к эвакуации всех советских учреждений. 28 ноября комбригом 33 бригады ВОХР был назначен С.А.Окулов, заменивший «мягкотелого» Петрова. Значительные части бригады находились уже в Чердыни, подтягивались артиллерийские и конные подразделения. Окулов издал приказ: «Не терять дисциплины, решительно пресекать панику и дезертирство».

30 ноября 1919 г. полковник Ахаткин доносил в Архангельск о продвижении ударной группировки Шульгина вглубь Чердынского уезда: «По направлению на Чердынь левыми флангами 10 полка заняты деревни Усть-Волосница, Курья, Тулпан, Бадья. Взяты походная кухня, лазаретная линейка,

документы военкомиссариата, 60 пудов хлеба. 27 ноября заняты деревни Урцево, Кикус. Противник силою до двух рот в панике бежал в направлении на Ныробское, бросив при отступлении убитых и раненных. Подошедшее подкрепление 133 стрелкового полка и 22 отдельного батальона пытались задержать наступление, но нашим артиллерийским и пулеметным огнем были отброшены в паническое бегство. Получив подкрепление из Кунгура, Осы и Соликамска, противник пытался задержаться в соседних с Ныробским селениях, дабы отстоять селение Ныробское, но ничто не могло устоять перед доблестью артиллеристов и стрелков 10 полка. Противник бежал и село Ныробское в 250 дворов занято. Противник, пытавшийся наступать со стороны Искора, разбит. В Искоре оставлены лошади, патроны, пулеметные ленты».

30 ноября Шульгин занял крупное село Искор в 34 верстах от Чердыни (по данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, белые развивали наступление в Чердынском уезде двумя направлениями: четыре роты на Искор и четыре роты на Купчик по Усть-Усолюскому тракту). На сторону белых в ряде мест переходили группами и поодиночке красноармейцы, перебежал от красных военспец Люблинов. За успехи на верхневыхегодском и чердынском направлениях штабс-капитан Шульгин был произведен постановлением ВПСО в капитаны (со старшинством с 24 ноября 1919 г.).

Решающее сражение между красными и «печорскими бородачами» (как называли в Чердыни белых) произошло 30 ноября 1919 г. Группировка Шульгина выступила из Искора на Чердынь, но внезапно была атакована с тылу, а затем и в лоб значительными силами красных. Комбриг Окулов располагал к этому времени 1144 штыками и саблями, имел пулеметы и артиллерию. Развернулся жестокий двухчасовой бой, в котором белые были разбиты и оставили Искор, отступая на Ныроб. У красных в бою, по данным Н.Д.Урюпина, отличились комбат Чесов, командир кавэскадрона Кривилев, комроты Сидоренко, комроты Хлебников, пулеметчики братья Болотовы. Отличившиеся у белых получили впоследствии боевые награды, так, старший унтер-офицер Логин Чуркин, младший унтер-офицер Петр Рочев и ефрейтор Максим Филиппов были награждены Георгиевским крестом 4 ст. «за то, что в бою 30 ноября 1919 г. при д.Искор под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, за убылью офицеров, приняв командование на себя, восстановили порядок в части». Георгиевским крестом 3 ст. были награждены старший унтер-офицер Михаил Пыстин, который «будучи опасно ранен, остался в строю и принял участие в бою» и стрелок Михаил Артеев, «который выдвинул пулемет на опасно-близкую дистанцию и действием его поддержал атаку». Георгиевской медалью 4 ст. был награжден санитар Афанасий Терентьев, «выказавший выдающееся самоотвержение и мужество, оказывая помощь раненым».

Председатель Пермской губчека П.И.Малков в своем донесении Ф.Э.Дзержинскому 2 декабря 1919 г. писал о результатах боя под Чердынью:

«Противник вел наступление в несколько раз превосходящими силами под прикрытием бомбометов, минометов, артиллерии, при большом количестве пулеметов. Белогвардейцы широким фронтом подходили на 30 верст к Чердыни. 30 ноября под Искором наши части одержали блестящую победу: противник потерял 200 убитыми, в том числе 15 офицеров, несколько пленных с офицером, один пулемет, несколько винтовок. Наши потери: 20 убитых, 25 раненых». На самом деле потери 10-го Печорского полка составили 34 человека убитыми и 12 ранеными, вместо 15 офицеров погибло в бою двое – начальник 1 пулеметной команды подпоручик В.П.Алашев (в телеграмме в Ижму от 10 декабря 1919 г. было сообщено, что «брат Г.П.Алашева Виктор пал смертью храбрых») и комроты прапорщик С.И.Иванов (это данные из полковых документов). В 1994 г. отряд школьников «Поиск» Якшинской средней школы под руководством Н.Д.Урюпина установил памятный крест на искорских полях в память погибших солдат и офицеров 10-го Печорского полка.

После короткого боя под Ныробом, Шульгин под натиском красных был вынужден продолжить отступление в верховья Печоры, бросив одну тяжелую пушку. 16 декабря части 33 бригады ВОХР заняли Ныроб в 70 верстах от Чердыни и деревню Купчик в 40 верстах, послали разведотряды на Ксенофонтово и пристань Вогульская Свинка. Далее красным удалось каким-то образом обойти отступающие части противника и по волоку от села Корепино первыми занять Якшу. Белым пришлось пробираться лесами по правой стороне Печоры, чтобы выйти к деревням Порог и Мамыль.

Архангельская газета «Вестник Временного правительства Северной области» в номере от 14 декабря 1919 г. писала, что «наши отряды возвратились из набега на Чердынский район», следовательно, к этому времени чердынская группировка Шульгина уже вернулась в Троицко-Печорск. По сведениям Н.Д.Урюпина, красные окружили часть белых в Порогах и вынудили их сдать. Офицеры, попавшие в плен, были расстреляны, а солдаты этапированы в Чердынь. 29 декабря две роты 133 батальона 33 бригады ВОХР находились в Порогах и Мамыле, занимаясь разведкой на Маркаласта. В Якше имелось до 500 красноармейцев. 1 января 1920 г. левофланговые части 33 бригады ВОХР силою также в 500 штыков вошли в Ксенофонтово. В это же время части красных под командованием помощника чердынского уездного военкома И.С.Головкова действовали против белых в Гайнском районе (здесь оперировали подразделения белых с Вычегды и Печоры). В боях с белыми в конце 1919 г. погиб известный советский чердынский деятель В.И.Дубровский (Эйхвальд).

Большая группа унтер-офицеров и рядовых стрелков 10-го Печорского полка была представлена к наградам «в воздаяние доблестного поведения в боях» на верхневыхгодском и чердынском направлениях. Так, Георгиевским крестом 3-й степени был награжден старший унтер-офицер Леонтий Канев,

который «будучи окружен противником у дер. Киркус (Кикус – авт.), пробился и присоединился к своей части». Георгиевским крестом 4-й степени были награждены ефрейторы Петр Юдин, Николай Артеев, Александр Пыстин, Андрей Филиппов, Тимофей Дьячков, Евдоким Канев, Егор Терентьев, Иван Терентьев; стрелки Василий Артеев, Михаил Попов, Иван Пыстин, И.Н. Терентьев, И.И. Терентьев, Трофим Немчинов, Иосиф Ануфриев, Иосиф Канев, Иван Канев, Василий Дуркин, Михаил Дуркин – «за то, что в период боев при дд. Ныроб, Киркус (Кикус – авт.) и Искор под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, проникнув сквозь неприятельское расположение, доставили важные известия и восстановили утраченную связь между отрядами».

Стрелок Петр Пыстин был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за то, что в бою 27 ноября у села Кикус «исправил под огнем телефонное сообщение, чем оказал содействие общему успеху боя». Командующий Печорским районом полковник В.Ахаткин получил орден Св. Равноапостольного и Великого Князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Таким же орденом были награждены подпоручик (а со 2 января 1920 г. поручик) А.Г.Иванов и поручик Иван Вяткин. Орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом был награжден подпоручик В.М.Цикин, воевавший на верхневьчегодском направлении. Троицко-печорский священник Василий Попов был награжден орденом Св. Анны 3-й степени за то, что при ведении боев в районе Помоздино «вызвался охотником в качестве полкового священника и, находясь во время боев на передовой линии и исполняя обязанности духовного пастыря, в высшей степени ободряюще действовал на состояние наших войск».

В ходе массированного наступления белых на Северном фронте в период август-ноябрь 1919 г. в состав Северной области была включена территория площадью в 400 тыс. км. По данным историка В.И.Голдина, в плен было взято 14 тысяч красноармейцев, 95% которых влились в ряды Белой армии. Почти вся территория Коми края вошла в состав Северной области, за исключением нескольких прилузских и сысольских волостей. Успехи Особого Вычегодского добровольческого отряда и 10-го Печорского полка способствовали развитию наступления белых на северо-двинском и пинежском участках Северного фронта.

Командующий Пинего-Мезенским районом генерал-лейтенант П.П.Петренко отдал директиву 8-му Северному Пинежскому полку: «Главкосев телеграфирует, что капитан Орлов занимает Яренск, Усть-Вымь и Усть-Сысольск и что батальон Троицко-Печорского продвинулся в районе верховьев Вычегды до Усть-Сысольска включительно. Необходимо использовать в полной мере успех на Пинеге, не ограничиваясь ликвидацией пинежской группы, но развивая наступление вслед отходящему противнику на плечах отступающих и, пользуясь вносимой ими паникой, достичь реки

Двины и разбить двинскую группу большевиков. Атака большевиков на Двине будет вестись также и с фронта, главным образом из Тарасовского района на Шенкурск. Восьмой полк и часть первого полка должны наступать с Пинеги на Двину, используя для этого дороги между Покшеньгой и Верхней Тоймой...». Пинежские полки красных были вынуждены с боями отходить на юг.

Глава 9. ПАРТИЗАНЫ ЗАТЕРЯННОГО МИРА

В момент начала отступления Ижмо-Печорского полка на Вычегду в Извайльской волости был создан краснопартизанский отряд под командованием братьев Д.Д. и П.Д. Уляшевых. В конце марта 1919 г. на своем собрании 52 коммуниста и сочувствующих РКП(б) постановили: «Все на защиту Советской власти, Советского государства! Извайльская волость будет советской! Кованые сапоги англо-американских интервентов и их наймитов никогда не будут топтать наши поля! Только через наши трупы белогвардейцы могут перешагнуть Извайльскую волость! Каждый коммунист и сочувствующий Коммунистической партии, каждый сознательный элемент должен взяться за оружие и быть солдатом революции. В единстве и сплоченности наша сила, наша победа!». Началось то, что в некоторых научных трудах называли героической борьбой извайльских партизан...

Затерянный мир Извайля.

Располагавшаяся в самых верховьях Ижмы Извайльская волость представляла собой десяток разбросанных по территории более чем на 100 километров в длину и на 60 с лишним в ширину деревень и починок, иные из которых отстояли от центра волости на 50-60 верст. В самом крупном селении – Изваиле насчитывалось аж 28 дворов, остальные были еще меньше (от 4 до 19); жило в них в период гражданской войны в общей сложности около восьмисот человек, занимавшихся охотой и земледелием. Охота было делом мужчин, земледелие – в основном, женщин. Как сообщал в 20-е гг. журнал «Коми му», «для мужчин обработка земли считалась неблагоприятным занятием. Всякая другая помощь в земледельческих работах, кроме летней страды, охотнику равносильна унижению и оскорблению престижа».

Вековой образ жизни, традиционные патриархальные отношения сохранялись тут дольше и прочнее, чем в других местах, из-за отдаленности и труднодоступности этого уголка Коми края. Если зимой, по льду и снегу можно было проложить сносные (по местным понятиям) пути сообщения, то весной и летом Извайльская волость превращалась едва ли не в затерянный мир. Связь с другими волостями и внутри самой волости осуществлялась главным образом по воде, что обычно было, по словам современников, «сопряжено с огромными трудностями, так как речки мелководны и порожисты», а «в сухое лето движение совершенно невозможно». Достойной альтернативой водным путям являлись узенькие лесные тропинки, «по коим трудно пробраться даже и верхом»; путешествие же по лесным дебрям за десятки верст пешком выглядело совсем непривлекательным... Никаких дорог в этом районе не было вообще; неудивительно, что в 1929 г. И. Шахов писал на страницах «Коми му» об Извайльской волости: «Телег здесь еще нет. О последних население имеет лишь смутное представление, как и большинство

старых людей на Вычегде о паровозе». В общем, как точно подметил историк 30-х гг. Н.И.Ульянов, «это был своеобразный мир, напоминавший обломок какой-то древней формации», затерявшийся в тайге.

Новые веяния.

Неспешное течение жизни извайльцев было прервано революцией и гражданской войной. Конечно, было бы преувеличением сказать, что происходившие где-то далеко, в столице, губернском или даже уездном центре перемены тут же сказывались и здесь, в глуши. Однако осенью 1918 г. новые веяния дошли и до Извайля, и, по словам Н.И.Ульянова, «угнетенная часть населения, ...еще не зная толком о смысле совершившегося переворота, имея смутное представление о самой Советской власти», тем не менее «организовала у себя Советы, комбеды и продотряды». Возглавил эту «созидательную деятельность» в Извайле Дмитрий Дмитриевич Уляшев.

Д.Д.Уляшев, закончивший два класса школы грамоты, слыл среди земляков знающим человеком (он-то знал, что такое телега). Он три года работал почтальоном – «при буржуях и помещиках» почта, как ни удивительно, несколько раз за год все же доставлялась в Извайль; потом пришла Советская власть, и почты на время не стало. Невостребованной энергии у Дмитрия Дмитриевича оставалось еще много. Он стал сельским старостой, а в конце сентября 1918 г. возглавил первый извайльский комбед. Через месяц в Извайль приехал из Помоздино большевик, наwerbовавший тут коммунистическую ячейку во главе с Д.Д.Уляшевым и вкратце разъяснивший новоявленным партийцам (среди которых был и Андрей Яковлевич Попов – это имя надлежит запомнить) их обязанности. Воодушевленный указаниями родной партии Д.Д.Уляшев взялся за контрибуции с местных кулаков (по какому принципу он записывал односельчан в кулаки, самый богатый из которых где-нибудь в средней России едва ли потянул бы даже на середняка?); примечательно, что при этом опирался Дмитрий Дмитриевич не столько на большевистскую ячейку (часть членов которой не одобряла его стремление «взять все и поделить»), сколько на комбедовцев, у которых своего добра практически не было, а зарабатывать его честным кропотливым трудом всё как-то не получалось (может, и желания такого не имелось).

Члены извайльского Совета не сразу поддались нажиму комбедовцев, но в конце концов уступили (сильно помогло делу появление красного отряда из Помоздино), а в январе 1919 г. Совет крестьянских депутатов в соответствии с указаниями «сверху» был вовсе упразднен, а вместо него организован Совет бедноты (его возглавил опять-таки Д.Д.Уляшев), который с новыми силами принявшийся давить на жившую хоть более-менее сносно часть населения. Это вызвало конфликты между коммунистами, и часть из них (в том числе и А.Я.Попов) в знак протеста вышла из РКП(б); в

большевистской ячейке осталось 8 человек: Дмитрий Уляшев с четырьмя своими братьями и еще трое (в том числе член исполкома сельсовета Егор Константинович Уляшев, чье имя тоже надо запомнить).

В ожидании белых.

Весной 1919 г. красноармейские части отступили из Ижмо-Печорского района (чудом успев выбраться до начала весенней распутицы), по пути забрав в Изваиле почти всех лошадей и до смерти напугав местное население грядущими зверствами белых. Изваильские коммунисты, как уже говорилось, решили организовать партизанский отряд и оказать сопротивление наступающему врагу. Всех коммунистов и сочувствующих обязали записаться в партизаны, проявлять бдительность и расстреливать, если попадутся односельчан-изменников. В это сложное время решил вновь вступить в компартию и в партизанский отряд А.Я.Попов и другие бывшие большевики.

Однако прошел месяц, за ним другой, а страшные белые банды не появлялись, и «боевая активность» красных партизан проявлялась разве что в том, что они ходили в поля и на рыбалку только с оружием. Свои же коммунистические лидеры – Д.Д.Уляшев и его брат Петр (председатель и секретарь волостной ячейки), напротив, доставляли местному населению все больше беспокойства, организуя все новые реквизиции у «кулаков», затем у «зажиточных»; очередь была, похоже, за середняками. Те, у кого изымали «излишки» (под которыми порой имелось в виду едва ли не все, что имелось в доме), лишались в довершение всего и продовольственного («голодного») пайка... Продовольствия в волости катастрофически не хватало. Народ заволновался и заговорил о том, что, по доходившим издали слухам, белые снабжают население хлебом, и не лучше ли обратиться к ним... Почти половина коммунистов вновь вышла из партии. Председатель избранного в апреле 1919 г. Изваильского волисполкома С.С.Габов был настроен против деятельности Д.Уляшева. А.Я.Попов открыто выступил против реквизиций и потребовал вывести из руководства большевистской ячейки и волостного Совета Дмитрия и Петра Уляшевых и других активистов «жесткой линией», но осуществить его предложение не удалось. Обстановка в волости накалялась. Жители д. Лач (родной деревни А.Я.Попова) и еще нескольких селений отказались исполнять исходившие от братьев Уляшевых приказания, те в ответ грозили массовыми репрессиями. Начался голод. Тогда коммунист А.Я.Попов, который, по словам И.Шахова, «настолько расположил партию своей преданностью и верностью делу революции, что ему доверили самый опасный пункт» (сторожевую службу в д. Лач), решил обратиться за помощью к белым...

Неожиданное падение «Извайльской крепости».

С большим трудом удалось ему добраться до Усть-Ухты, где находился ближайший белогвардейский отряд, и попросить пресечь партизанские бесчинства и предотвратить назревающее кровопролитие. Руководство белых, с изумлением узнавшее о существовании затерянной в лесах Извайльской волости и сохранявшейся в ней Советской власти, выделило для наведения порядка небольшой отряд – два с половиной десятка человек. А.Я.Попов привел белых в Извайльскую волость; в д. Гажаяг они встретились с председателем волисполкома С.С.Габовым (он был родом оттуда) и объяснили ему цели своего появления. Глава местной Советской власти не возражал против использования белых для приструнения не в меру разошедшихся красных партизан...

23 июня 1919 г. белые заняли Извайль. Красные партизаны, видимо, решив, что с обещанием «лечь трупами» на пути белых они погорячились, скрылись в лесных избушках (один из них даже сумел добраться до Помоздино, где и был арестован красными как подозрительный тип без документов). Белые занялись «страшными репрессиями» – арестовали двух коммунистических вожаков, Дмитрия и Петра Уляшевых, да и тех через два дня выпустили на поруки родственникам, заручившись их обещанием вести себя прилично. На этом «репрессии» и закончились. Было объявлено, что все скрывающиеся в лесах также могут вернуться домой и жить нормально, не нарушая порядка. Партизаны решили с возвращением домой из лесных избушек повременить, хотя спокойно приходили работать на свои земельные участки близ села (война войной, а страда страдой). Белые пригрозили было через пять дней расстрелять семьи беглецов, но эти угрозы всерьез никто не воспринял, да и сами белогвардейцы по прошествии отмеренного срока и не подумали их исполнять. Выпущенных Уляшевых тоже предупредили, что их семьи в случае бегства пострадают, но Д.Д.Уляшев тем не менее скрылся из села, и его родным это не повредило.

В Изваиле вместо Советской власти была создана земская управа, которую возглавил Е.К.Уляшев – недавний коммунист и один из руководителей сельского и волостного Совета... А.Я.Попова отправили в Усть-Цильму за хлебом. Казалось, жизнь с новой властью стала налаживаться, но 3 июля Извайль был атакован прибывшим из Помоздино по прозьбе Д.Д.Уляшева красноармейским отрядом. После длительной перестрелки белые сдались; всем им была обещана жизнь, но одного из пленных все же убили. В тот же день красноармейцы ушли назад в Помоздино, несмотря на отчаянные просьбы партизан и их семей «не оставлять Извайль на произвол судьбы» (похоже, в свои силы партизаны больше не верили).

Подвиги партизан.

Июньский рейд белых оказал на партизан отрезвляющее действие, и они наконец-то придали своему отряду действительно военную организацию – с командованием, разведгруппами и т.п., укрепили само село Изваиль. Были восстановлены советские органы власти; земскую управу, ясное дело, упразднили, а ее председатель Е.К.Уляшев записался в красные партизаны. С.С.Габова на всякий случай арестовали, но по настоянию жителей Гагаяга освободили, и он тоже стал партизаном.

Судьба благоприятствовала красным партизанам. Наступившее полное бездорожье не давало возможности сколь-либо значительному отряду белых добраться до Изваиля (возможно, впрочем, что они не особенно к этому и стремились). Лишь дважды (в июле и октябре) на территории волости, контролировавшейся партизанами, появлялись небольшие белые разведгруппы, с которыми красным удалось успешно справиться. Впрочем, белогвардейцы, околавшиеся на дальних подступах к «Изваильской крепости», мало походили на суворовских чудо-богатырей.

Вот характерный эпизод: заскочив октябрьской ночью в д.Крутую, группа белых хотела арестовать местного коммуниста и партизанского активиста А.П.Шомысова. Его более шустрые коллеги по партии успели убежать в лес, на опушке пальнули несколько раз из ружей неведомо куда и, как пишет историк П.Г.Доронин, «побежали в направлении Изваиля, чтобы оповестить своих товарищей о белогвардейском нападении». Шомысов же убежать не успел – к дому уже подошли белые – и стал отстреливаться, «перебегая от одного окна к другому...».

Нападавшие решили, «что в этом доме заперлось несколько партизан и начали правильную осаду дома». Шомысов довольно долго палил в противника, а затем «босой и в нижнем белье» с гранатой в руке выскочил из дома во двор. Белогвардейцы от этого зрелища, видимо, пришли в ужас, «шарахнулись в разные стороны и попрятались». Шомысов швырнул в них гранату и бросился наутек. Белые остолбенело ждали то ли взрыва, то ли появления новых врагов, но ни того, ни другого не произошло, и они ринулись в погоню. Но не тут-то было: «делая на ходу зигзаги, то припадая к земле, то вскакивая», Шомысов добежал до леса и, в чем был, двинулся в Изваиль, куда прибыл лишь часом позже своих сотоварищей... Собрал всех, кого можно, партизаны двинулись из Изваиля отражать «нашествие».

Враги к этому времени уже двинулись в обратный путь, решив, видимо, с Шомысовым и его друзьями больше не связываться. Они захватили с собой конфискованное в домах скрывшихся партизан имущество – самовары, швейные машинки, одежду, обувь, охотничьи ружья, съестные припасы... (Историки обычно выражали недовольство этим «наглым грабежом», не задаваясь при этом мыслью, откуда это у бывшей бедноты такие богатства – не от своих же соседей ли отнято при реквизициях?). Красным удалось к

исходу дня догнать белых. Во время ночной перестрелки в лесу вышел небольшой конфуз: партизаны перепугали и атаковали не ту избушку, где ночевали белогвардейцы, но поле боя все равно осталось за ними...

Из других партизанских успехов можно упомянуть лишь старательно распространявшиеся ими (в устрашение потенциальному противнику) слухи о собственном многолюдстве и наилучшем вооружении, да еще арест приехавшего в волость с нижнего течения Ижмы мелкого торговца-лоточника; он бывал тут не раз и в предыдущие годы, но на сей раз партизаны решили, что он – шпион белых и, недолго думая, расстреляли бедолагу...

«Героические» же «рейды в стан врага» являли собой, оказывается, весьма примечательное мероприятие: раза два в неделю группа конных хорошо снаряженных партизан («разведка») выступала к д.Лач, жители которой красной власти не признавали, но и белогвардейцев обычно там не было. Если, на грех, в Лаче в это время находилась какая-то группа белых, доставившая сюда продовольствие, партизаны тихонько уходили восвояси. Но ежели белых не было, то красные, по словам И.Шахова, «смело вступали в деревню, ходили по ней с песнями» (непреренно революционными), «агитировали о свободе, хвалились своей силой». Вволю попев в деревне, партизаны уходили за околицу, «давали залп из всех ружей, бросали несколько бомб» (куда?), «затем с шумом, с песнями, временами стреляя, медленно двигались обратно к Изваилю» с чувством исполненного долга... Вообще гражданская война в Ижмо-Печорском крае была полна экзотики: «Одна из деревень для устрашения врага изобрела пушечные выстрелы. Мешочки с порохом подвешивались к многосаженым соснам и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на противника». Не об Извайльской ли волости тут речь?..

Недостаточно высокую активность в ведении военных действий против «внешнего врага» красные партизаны (разумеется, далеко не все, а только наиболее активная их часть) с лихвой возмещали борьбой с врагами «внутренними», нещадно «экспроприруя» «кулаков», зажиточных и всех тех, кто смел выражать какое-нибудь недовольство краснопартизанским руководством. С наибольшим удовольствием они расстреляли бы ненавистного им А.Я.Попова, но тот был вне пределов их досягаемости... Всё большее количество жителей волости втайне копило обиду и злость на Дмитрия Уляшева, его братьев и товарищей по оружию, надеясь, что когда-нибудь «отольются кошке мышкены слезки»...

Основной сферой влияния партизан являлись Изваиль, Лайково и Крутая. Жители деревень Лач и Одесдин красную власть признавать решительно отказались, население Гажаяга и некоторых других селений колебалось в выборе между белыми и партизанами. Пожалуй, ситуация в Извайльской волости как нельзя лучше соответствует словам белого генерала Марушевского, писавшего о событиях гражданской войны в Ижмо-Печорском

районе: «В этих глухих местах... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Разобрать, ...кто из воюющих был красный или белый – было практически невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае...».

Трагическая развязка.

С наступлением холодов распутица минула, и появилась возможность достаточно легко добраться до Изваила. В середине ноября красные части под напором белых оставили верхнюю Вычегду, не предупредив об этом извайльских партизан (а может, и красные к этому времени забыли о существовании этого партизанского отряда?). Направившиеся было «на большую землю» за боеприпасами партизанские гонцы узнали о кардинальных переменах на карте военных действий: кругом, куда ни кинь, были белые, успевшие очистить от красных даже Усть-Сысольск и Яренск. Потрясенные этой вестью извайльские партизаны стали решать, что делать дальше. Думали было уйти подальше от своих обиженных односельчан, в глухие вишерские леса, но выяснилось, что белые добрались и туда. В конце концов у белогвардейцев дошли руки и до Извайльской волости. 23 ноября они вошли в д.Лач, 25 – в д.Гажаяг. Партизанские активисты решили, как и при прошлом приходе белых, скрыться в лесах, надеясь, что их опять оставят в покое. 26 ноября белые вошли в Извайль, не встретив никакого сопротивления.

Поначалу, казалось, что расчет партизан отсидеться в лесных избушках до прихода спасителей-красноармейцев оправдается. Белогвардейское командование предложило партизанам вернуться домой и передало им через посредников соответствующее письмо, но ответа не получило. Однако дальнейшие события стали развиваться, увы, не по июньскому сценарию. Но на сей раз партизаны просчитались – слишком большое недовольство вызвали они у населения волости. Те, кого они в течение многих месяцев травили как «эксплуататоров трудового народа» или «несознательный элемент», решили свести с ними счеты. Местные жители вывели белые подразделения к местам, где прятались партизаны, и большинство их было арестовано.

Некоторые погибли, оказывая сопротивление при аресте, часть была расстреляна позднее по настоянию и при участии местного населения. Роль самих извайльцев в репрессиях против партизанских активистов ярко видна в случае с одним из братьев Дмитрия Уляшева, арестованным вне пределов Извайльской волости и до февраля 1920 г. находившимся в Ижемской тюрьме.

Он был расстрелян только после того, как этого в ультимативной форме потребовали узнавшие о его местонахождении жители д. Лач и других селений. По данным П.Г.Доронина, в самой Извайльской волости было казнено 12 партизан, многие из них – после жестоких пыток. Дмитрия Уляшева, пишет П.Г.Доронин, «несколько раз избивали до потери сознания, босым водили по снегу, ...голым привязали к лиственнице и стали обливать холодной водой чтобы обледенить его живым, ...полуживым привезли... в село и продолжали истязания. Ночью ...на р. Ижме расстреляли. После расстрела... нанесли... еще 19 штыковых ран, а затем тело бросили в прорубь».

22 арестованных направили для дальнейшего следствия в Ижму. Этапируя их за пределы Извайльской волости, белое командование рассчитывало, по мере всего прочего, просто-напросто уберечь их от вероятных случаев самосуда. Двое из них затем были освобождены за недостаточностью улик и по старости, а один – уже знакомый нам С.С.Габова – получил свободу благодаря заступничеству А.Я.Попова. Остальные 19 за преступления против населения Извайльской волости были приговорены к тюремному заключению, из которого были освобождены после падения белого режима пару месяцев спустя. Те члены партизанского отряда, которые не были замечены в жестоким отношении к населению волости и не скрывались от белых властей (упоминавшийся выше Е.К.Уляшев, Е.В.Уляшев) не были репрессированы.

На смену Советской власти вновь пришла земская управа. Возглавил ее А.Я.Попов; двое из трех остальных членов управы тоже хорошо известны – бывшие коммунисты, партизаны и советские руководители С.С.Габова (ставший заместителем председателя управы) и Е.К.Уляшев... Просуществовала управа недолго. В феврале 1920 г. белые капитулировали, и появившиеся красноармейцы в очередной раз восстановили в Изваиле Советскую власть. А.Я.Попов долго скрывался в лесах, был арестован, заключен в устюжскую следственную тюрьму, умудрился бежать оттуда, но примерно через год, в 1921 г., был еще раз схвачен и расстрелян. С.С.Габова и Е.К.Уляшев не пострадали... Потом, правда еще не одно десятилетие в волости шли разборки – кто был героем, а кто врагом народа... С.С.Габова именовали то предателем, то наоборот, тайным разведчиком партизан – причем настолько тайным, что вроде бы даже сами «партизаны не знали о существовании тайной разведки» (а кто же тогда знал?)! Время остудило кипевшие страсти, и не нужно сейчас, наверное, выяснять, «кто первый начал», кто больше виноват в пролившейся крови... Но в памяти людей должна остаться не «героическая извайльская эпопея», «славная страница истории», а жуткая извайльская драма, печальный урок прошлого...

Глава 10. КРАСНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

«Сочувственное отношение к белогвардейцам».

Объясняя причины крупного успеха белых в ноябре 1919 г. историки Е.Г. Королева и А.А. Попов писали: «Осмысливая сейчас события, позволившие белогвардейцам столь быстро и безнаказанно захватить обширную территорию в долине Вычегды и Сысолы, можно сказать, что одной из причин этого явилась морально-политическая и боевая неустойчивость личного состава караульных и стрелковых рот... Эти роты, созданные из нестроевых, преимущественно из бывших дезертиров, не были обучены и спяны в сколько-нибудь боеспособные подразделения. Слабая вооруженность, разнородность оружия, недостаток боеприпасов не создавали уверенности у личного состава в своей боевой мощи... Главной причиной явилось полное несоответствие командного состава рот и отрядов своему назначению... Коммунистическая прослойка в ротах была незначительная. Все эти обстоятельства, вместе взятые, и предопределили развал рот, а их развал, в свою очередь, деморализующе сказался на остальном аппарате уездов».

Но дело не только в этом. Большое значение имело настроение населения. В заключении военно-следственной комиссии красных о причинах сдачи Усть-Сысольска и Яренска прямо указывалось на «сочувственное отношение населения к белогвардейцам» как на один из способствовавших этому факторов. Позднее, после поражения белых, в Яренском уезде провели опрос волисполкомов об отношении населения к белым и красным. От руководителей Сереговской волости пришел такой ответ: «Сочувствие к белым имела 3-я часть населения, но [в связи с] чем оно выражалось, толком сообщить не можем, понять совершенно невозможно».

Волисполкомы лукавили. На самом деле симпатии к себе белогвардейцы вызвали обещанием быстро улучшить снабжение товарами и продуктами, а также прекращением большевистских реквизиций. Из Коквицкой волости в ответ на упоминавшийся опрос сообщили: «Вызывалось сочувствие обещанием белыми достаточно хлеба и проч. товаров и продуктов и свободной торговли хлебом и проч. и восстановлением частной собственности». Из соседней Серегово-Горской волости сообщили: «Сочувствие белым было [у] более половины населения. Чем оно вызывается, исполком даже понять не может». О том же информировали исполкомы Айкинской и других волостей. Примечательно, что «сочувствие к белым было как со стороны кулачества, так и со стороны середняков и бедняков».

В разных волостях ситуация складывалась по-разному: где к белым «радушно отнеслось большинство» (Серегово-Горская волость), где «в меньшинстве сочувственно» (Гам) или «особого сочувствия населения к белым не наблюдалось» (Часово); при этом следует помнить, что опрос проводился коммунистическими властями, и волисполкомы могли

постараться в некоторых случаях приуменьшить размеры симпатий жителей к белым. Но то, что поражение большевиков, сама перемена власти была встречена с равнодушием повсеместно, оспаривать не приходится. Позднее IX съезд Советов Яренского уезда констатировал: «Разбойничья авантюра... выявила политическую физиономию населения, часть которого к великому нашему прискорбию участвовала в победе белых над красными войсками: население было орловскими проводниками, участвовало в тайном шпионаже и даже оказывало содействие при расстреле товарищей коммунистов. Съезд клеймит их позором, выражает проклятье и призывает всех к честному исполнению своих гражданских обязанностей». На обманувших – вольно или невольно – ожидания людей большевиках большая часть населения поставила крест.

Но и белый режим также не оправдал надежд местных жителей. Вместо оживления хозяйственной жизни, улучшения снабжения и всего остального, что обещалось новыми властителями, начались репрессии. Сводились счёты с наиболее активными деятелями свергнутой Советско-большевистской власти. В Коквицкой волости при белых в разных селениях были расстреляны 24 человека. Принцип «кровь за кровь» белые (главным образом, из числа местных жителей, пострадавших от деятельности коммунистов) воплощали в жизнь с такой же, что и в период красного террора, энергией. Производились белыми и реквизиции. Всё это произвело тягостное впечатление на население, снова с горечью осознавшее, что его обманули. Симпатии белому движению оказались недолговечны.

«Классовое самосознание граждан уезда в связи с произведенным насилием и зверствами белых, увозом хлеба, мануфактуры, лошадей и проч. более проявилось, и симпатии к Советской власти растут», – радостно отмечали коммунистические руководители Яренского уезда. Коквицкий волисполком в начале 1920 года доложил, что «настроение массы в период оккупации белыми до расстрелов у большинства было в пользу белых; в настоящее время в связи с расстрелами настроение масс подавленное, и в период возвращения (красных – авт.) скрытно-радостное». Позиция коми крестьян встревожила белых, командование которых отреагировало на изменившиеся взгляды жителей строгими приказами: «Всякое выступление кого бы то ни было, распространение ложных слухов, агитации и преступные явления будут караться по всем строгостям военного времени. Население не должно забывать и проявлять свои темные стороны, явно характеризующие симпатии нашему противнику». Этот приказ касался помоздинцев, но сходная ситуация сложилась и в других районах Коми края.

Как ни парадоксально, для большевиков их временный разгром и краткий период белого владычества в Коми крае (уже в конце ноября начале декабря красные захватили Яренск и Усть-Сысольск) оказался спасительным: натерпевшись от освободителей, отчаявшиеся коми крестьяне вновь обратили

свои взоры на большевиков (поистине, не было бы счастья для последних, да несчастье помогло). Коммунисты Прокопьевской волости в 1920 году констатировали, что «настроение масс после авантюры капитана Орлова видимо изменилось в пользу Советской власти».

Все силы – против Орлова.

Созданный на железнодорожной станции Луза специальный штаб члена РВС VI Красной Армии Г.С.Биткера бросил для ликвидации белогвардейского прорыва под Яренском значительные военные силы. С речных кораблей военной северо-двинской флотилии были сняты 500 балтийских матросов и отправлены в Козьмино. Туда же были посланы сводный отряд 45-й бригады ВОХР численностью в 200 штыков под командою Алферова и артбатарея из трех орудий. Командование яренской группировкой красных было возложено на бывшего мичмана Балтфлота И.А.Мякишева. Позднее в Козьмино был направлен еще один отряд красноармейцев, в итоге, общие силы красных на Яренском фронте стали насчитывать, по данным В.И.Прошева, 1262 штыков и сабель при 14 пулеметах регулярных войск и 140 партизан отрядов А.А.Артемьева и М.П.Минина. Положение немногочисленного гарнизона белых в Яренске становилось угрожающим.

18 ноября И.А.Мякишев, не дожидаясь подхода всех своих отрядов, двинулся на Яренск, выслав вперед разведгруппу. С этой разведкой приключилась любопытная история. Когда разведчики во главе с П.И.Белых внезапно для себя напоролись на заставу белых под городом, пьяные белогвардейцы даже не то что не расстреляли попавшихся красных шпионов, а пропустили их в свой тыл, крича при этом, что с «такими дрянными солдатами воевать мы не хотим! Нам нужны моряки, «черные вороны!» Разведка благополучно осмотрела Яренск и вернулась к своим.

20 ноября в 10 утра Мякишев атаковал город с трех сторон и после непродолжительной перестрелки выбил противника из Яренска, захватив при этом шесть пленных. Командир батальона матросов Семен Обвинцев за взятие города был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Белые отступили до Межога. Заняв Яренск, Мякишев не стал развивать наступление на гамском направлении, а, расставив заставы вокруг города, стал ждать подхода всех своих сил. Штаб разместился в помещении винного склада, еще не вполне опустошенного предыдущими хозяевами города – это пагубно отразилось на трезвом образе жизни красных командиров. В город между тем постепенно стягивались обозы, завезли снаряды для пушек. Сама артбатарея находилась в Козьмино, где ее ставили на сани. Чекисты арестовали в городе 35 человек, обвиненных в связях с белыми, и начали следствие. Часть арестованных, среди них председатель Земской управы Н.В.Изюмов, агент охраны В.А.Булатов, В.П.Берников и др. были вывезены из города и расстреляны в Лене и Слободчиково. Есть также информация, что красные расстреляли всех священнослужителей г. Яренска.

21 ноября представитель губчека т. Делягин доносил о взятии Яренска: «Потери – 2 ранено... Арестовано мною 35 человек... Вступило в Яренск около 600 человек. На вопрос, как встретило население, ничего не скажу, потому что все залезли в избы». Днем позже 22 ноября 1919 г. Ф.С.Коковкин в телеграмме в Великий Устюг также сообщал о победе: «20 ноября в 12 часов красными войсками занят Яренск. Сегодня в 16 часов установлена телеграфная связь. Банды белых оставили в Яренске полный хаос, органы управления еще не функционируют, кроме Ревкома. Некоторые начинают возвращаться. Казармы и цейхгаузы разграблены, условия для работы пока ненормальные, настроение населения пестрое, частей бодрое. По слухам все награбленное в Яренске белыми сложено в Шежаме и на Удору еще не отправлялось. Новых сведений о противнике не имею». Надо заметить, что уполномоченный губпродкома по Яренскому уезду т. Седелков 21 ноября на заседании губревкома предложил заменить Коковкина на посту военкома Яренского уезда, и губревком почти согласился с этим: «Коковкин никуда не годится...Посоветовал мне удирать так же, как и он...» (очевидно, имеется в виду отступление красных из Яренска в начале ноября – авт.).

Второе падение Яренска.

22 ноября разведка красных донесла, что к Яренску движутся крупные части белых – это возвращался из-под Усть-Выми Н.П.Орлов. В течение суток в окрестностях Яренска шли бои. Кем-то были подожжены воинские казармы. Среди горожан распространился ужасный слух, что ЧК заживо сожгла там арестованных. Яренские «Известия...» были вынуждены специально выступить 6 декабря 1919 г. с заявлением, что «поджог ЧК арестованных – это не так. Белые подожгли казармы. Арестованные все были увезены...»

Н.П.Орлов окружил город, перерезав сообщение красных с их тылом. Дороги вокруг Яренска ему на этот раз показывал часовой мастер В.В.Крюков по прозвищу «Монах». Штаб Мякишева все это время предавался пьянству, что вызывало глубокое возмущение рядовых солдат и матросов. В конце концов Мякишев отдал приказ оставить Яренск. При этом Ф.С.Коковкин предлагал уничтожить весь город, но не допустить, чтобы он снова достался врагу (в рукописи Б.И.Торкова и А.М.Огаркова «Нашествие», написанной в 1981 г. и хранящейся в фондах Яренского музея, дословно приведено высказывание Коковкина: «Сдадимся, но город сождем!»). При вторичном отступлении из Яренска без вести пропали 150 (по другим данным, 45) матросов и красноармейцев. В ночь на 24 ноября белые снова вошли в Яренск. Часть обоза красных попала в их руки. Были захвачены также пленные. Матросов решили расстрелять, но «черные вороны», спасая свою жизнь, выдали белым секрет подхода артиллерии, что было для Орлова неприятной новостью, ибо пушек у него не было. Матросы пообещали вывести

артиллерию из строя, если их отпустят, что и было сделано. Добравшись до своих, моряки, разумеется, и не собирались портить орудия.

О событиях этих дней под Яренском сохранились интересные воспоминания командира роты матросов Г.А.Шишкина, написанные в 1968 г.: «Нашему отряду приказали немедленно выступить в поход. Командующим Яренской группой войск (фронтом) назначен бывший лейтенант царского флота Мякишев, комиссаром Швецов, начальником штаба Петраков (бывший офицер), нач.политотдела Красиков, нач.снабжения А.К.Петров (бывший полковник), командир отряда В.А.Шустов, командиры рот Гладких, Киндяев, Бахматов и я, начпульткоманды Васильев, нач.связи Ступин, разведки – Закалачный. Снарядили и снабдили две зенитные пушки, 15 станковых пулеметов, 10 штук «льюисов», 40 обозных, 10 верховых лошадей (добавили в Княжице еще 10 верховых). Первый ночлег у нас был в Княжице, что в 28 верстах от Сольвычегодска. Все спокойно, без происшествий, также дальше по дороге до Козьмина мы прошли без особых трудностей. правда, были затруднения с фуражем. В Козьмине нам сообщили, что был ночью небольшой отряд конников, белые или красные – неизвестно. В Козьмино мы ночевали, оставили там отдел снабжения, пополнили фураж и выступили на село Лена. Лена противником не была занята. В ней стоял Алферов, а Бердников около занятой противником с.Ирты. С Лены мы вышли в полной боевой готовности. Противник, безусловно, знал о нашем приближении. На подступах к Ирте он встретил нас пулеметным и ружейным огнем. Мы с ходу ответили тем же. Отряд Бердникова пошел в обход, чтобы отрезать путь отступления противнику, но противник, должно быть, ожидал этого маневра, стал поспешно отступать, отстреливаясь с пулеметов, установленных на санях крестьянских подвод. Деревня Микшина Гора, протяжением около восьми верст, была нами занята как и Ирта. Враг постоянно остреливался, не вступая в бой. Наш командующий Мякишев и комиссар Швецов со штабом остановились в Ирте. Мы, не доходя три версты до Яренска, перегруппировались, посоветовались и, по совету Коковкина, решили мою четвертую роту послать в обход и наступать со стороны кладбища. Отряд Бердникова должен обойти справа около деревни Ландыш, остальные должны наступать двойными цепями спереди. К нашей роте придали команду связи. Все три группы заняли исходные позиции и по общему сигналу пошли в наступление. Была темная ночь. Мы с начальником команды связи С.Ступиным удачно сняли живьем, без выстрела, двух часовых дозора противника. С этой стороны враг, должно быть, нас не ожидал. Мы беспрепятственно вошли в город. Наше громкое «ура» завершило исход боя. Неприятель в панике бежал от своих позиций под покровом ночи. Около 50 человек сдались в плен. Дальше Яренска заняли только одну деревню Ландыш, в одной версте от города. Ну, на этом и успокоились, дальше не пошли. Вот что значит глупая беспечность. Прибыл Мякишев со штабом, были поставлены заставы. В первый же день

мы освободили арестованных советских работников, которых белогвардейцы еще не успели утопить в реке. Командование решило продолжать наступление через три дня, так как к этому времени должен подойти обоз с боеприпасами из Сольвычегодска. Но противник опередил нас, перерезал дорогу посреди Микшиной Горы и захватил этот обоз – 28 подвод. Отбить его нам тогда не удалось.

Противник получил подкрепление с Удоры через Чорву, окружил нас в Яренске с трех сторон, начал интенсивный обстрел города. С чердаков и колокоelni застрочили пулеметы по нашим патрулям и связистам, создался ад крошечный. Близко к нашим заставам и цепям враг не подходил и только обстреливался. Создалось затруднительное положение. К нашей позиции, которую занимала рота, пришел командир отряда В.Шустов, говорит мне: «Гриша, пойдем в штаб», я вместо себя оставил полуротного Яшу Пастухова. Приходим в штаб, где в окнах пулями выбиты стекла. Мякишев, Швецов, Петраков, Красиков и другие сидят на полу, так как ниже окон каменную стену пули не пробивают. Мы страшно возмутились поведением командования, когда заметили их в нетрезвом состоянии. Штаб занимал помещение винного склада. Шустов спрашивает: что будет дальше? Мякишев отвечает: будем отступать. Швецов ему вторит: да, мы должны отступить, а ты как думаешь? Да, поскольку создалось такое положение, благодаря нашей бездарности, придется отступить и то только один исход – через реку, говорит Шустов...

Перед рассветом началось наше отступление (злые языки назвали наше отступление исходом евреев из Египта). Пока переходили мост через Яренгу противник обстреливал из пулеметов, но прицел был взят высоко, жертв было немного – пять коней и несколько человек ранено. Наша рота шла в авангарде, на санях стояли пулеметы. Отойдя от Яренска версты три, нас нагоняет группа человек сорок всадников. Я поворачиваю коня, подъезжаю к ним, спрашиваю, кто такие? А что, растак твою мать, разве не видишь, что свои? А белые или красные? Конечно, белые, слепой черт! Даю команду, дать очередь из «максима». А ведь различить в то время одинаково одетых белых и красных можно только по звезде и кокарде. Заслышав стрельбу, среди возчиков началась паника, начали обгонять друг друга по льду озера, лед стал подламываться, хорошо, что было неглубоко. Кое-как навели порядок. Хорошо, что противник не сумел воспользоваться нашим замешательством. Вместо 29 верст от Яренска до Лены мы прошли 49 верст по бездорожью, большую часть лесами».

Гибель победителя красных.

Вторичное падение Яренска вызвало в губернских учреждениях Великого Устюга новую волну паники. Г.С.Биткер был вынужден официально заверить руководство Северо-Двинской губернии, что «Котлас ни под каким видом не будет сдан». Лена, ставшая базой советской группировки в Яренском уезде, укреплялась. По поступавшим оттуда донесениям, настроение среди

красноармейцев было «неустойчивым», матросы бузили, требуя сместить Мякишева с командования фронтом за трусость, пьянство и сдачу Яренска. В Лене рыли окопы и траншеи, устраивали блиндажи с перекрытыми бойницами.

25 ноября конница белых внезапно подошла к Лене и среди бела дня атаковала село, с шашками наголо ворвавшись на центральную улицу. Гарнизон красных был застигнут врасплох за обедом. Но матросы быстро пришли в себя и открыли пулеметный огонь. Противник был вынужден отступить. Н.П.Орлов, возглавлявший атаку, получил ранение в шею, а его адъютант С.Матвеев – в ногу. Об этом бое есть несколько версий. По одной из них, белые атаковали силою до двух рот прямо по тракту. Е.Г.Королева и А.А.Попов писали, что «рассыпавшись в цепь на опушке леса, белогвардейский отряд с дистанции 500-600 метров открыл ружейную и пулеметную стрельбу по селу, но после трехчасового боя с наступлением сумерек отошел, оставив убитыми 20 человек и один пулемет. Последующей разведкой красных было захвачено в плен несколько белогвардейцев». В то же время сами участники боя, как, например, Г.А.Шишкин, писали, что атака белых состояла в кавалерийском налете утром и «в 2 часа того же дня противник начал наступление взводными колоннами, при приближении рассыпаясь в цепь. Пока заставы отбивали наступление противника, мы приготовились и пошли в контратаку». Так или иначе, белые отступили.

Генеральное сражение под Леной произошло в ночь на 28 ноября 1919 г. По словам участника боя, помощника комбата матросов П.Т.Савельева, перед боем Орлов выслал к красным парламентаря: «Вдруг часовой докладывает, что какой-то бородач спрашивает старшего командира моряков по важному делу. Я вышел и спросил старика, что ему нужно. Он вытащил из-за пазухи пакет с сургучной печатью и со слезами на глазах попросил расписаться в получении. Как выяснилось, у него в доме остановился Орлов. Бандит послал старика с пакетом, пригрозив ему, что если он не принесет ответа, то будет расстрелян. Мы вскрыли пакет и прочитали обращение белогвардейского капитана к морякам. «Вы обмануты евреями (жидами-большевиками), – писал Орлов. – Сдавайтесь мне. Я сам капитан флота, ваш брат по роду оружия. Решим спор без кровопролития. Если вы не сложите оружия, то сегодня в два часа ночи будет гореть земля и небо и село Лена будет моим. Решайте. Жду вашего раскаяния. Капитан Орлов». Жалея старика, мы дали ему расписку в получении пакета, а на словах просили передать Орлову, что ждем его с нетерпением и встретим с радостью». Надо заметить, что упоминаемое в документе звание Н.П.Орлова «капитан флота» можно объяснить только одним – Орлов хотел таким образом воздействовать на матросов.

28 ноября в три часа ночи Орлов силою до 800 штыков и сабель вторично атаковал Лену. Ударная группа прапорщика Обрезкова сходу выбила противника из окопов и захватила было верхний конец села, но попала под

пулеметный огонь и почти в полном составе погибла. Белые зажгли факелы и стали группироваться для решающего натиска. В этот момент заработала красная артиллерия. Под пушечным огнем белогвардейцы заметались, но Орлов пристрелил паникеров и лично возглавил атаку. Бой под Леной шел в течение семи часов. Почти весь офицерский и унтер-офицерский состав батальона белых погиб. Сам Орлов был убит пулеметной очередью в грудь в двух шагах от окопов красных (есть также версии, что его закололи штыком, убили выстрелом из нагана в упор и т.д. По меньшей мере, пять или шесть красноармейцев позднее утверждали, что именно они убили Орлова).

Потеряв командиров, белые отступили. На поле боя красными было обнаружено от 80 до 100 убитых солдат противника, в основном от пушечного огня, в плен попало около 60 белогвардейцев (сами белые потом признавали, что в ленском бою погибли лучшие солдаты орловского отряда). Трупы белых, в первую очередь Орлова, сфотографировали, и снимки в качестве доказательства победы отправили в Устюг.

По одним сведениям, тело Орлова тоже увезли в губернский центр, по другим, он был похоронен вместе со всеми мертвыми белогвардейцами в кладбищенском лесу Лены. (В современном Яренске бытует любопытная легенда о приезде в город уже после окончания гражданской войны вдовы Н.П.Орлова Александры Плашкиной. Вдова добивалась разрешения советских властей на перезахоронение останков своего мужа, но безрезультатно. Ф.С.Кокочкин будто бы заявил, что «не получится у нее сделать муженька национальным героем»). Сверху на захоронение белогвардейцев был брошен труп белого коня подполковника (по другой версии, орловский конь не был убит, а как трофей доставлен в Яренск). Потери красных в ленском бою нигде не приводятся. В самом селе Лена имеется могила одного красноармейца, погибшего от ран после боя. Местные жители уверены, что это единственная жертва с советской стороны, во что поверить трудно. Тем не менее, газета «Известия Яренского уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» 2 декабря 1919 г. тоже утверждает, что красные в ленском бою потеряли убитым одного человека и двоих ранеными. Потери противника газета оценивает в 60 человек убитыми и 12 пленными. О самом бое «Известия...» пишут в духе того времени; чего стоит, например, такая фраза: «Моряки радостно бросились навстречу врагу».

С.И.Титов так вспоминал о ленском бое: «Ночью 28 ноября белогвардейцы предприняли новое наступление и сбили наше боевое охранение на верхнем конце села. Поднятые по тревоге, мы заняли огневые позиции и стали ждать команды. Удорские партизаны были на левом фланге обороны, правее нас занял позицию отряд моряков Обвинцева. На стыке двух отрядов были установлены пушки. Меня, как бывшего артиллериста, определили к одному из орудий в качестве запасного номера. Отряд речников был поставлен для обеспечения нашего тыла, если белые вздумают пойти на окружение. Около

200 белогвардейцев скопились возле двух домов, отстоящих от нашей линии обороны в 300 шагах и стали готовиться к атаке. Они зажгли два факела на шестах и открыто сновали, дико крича и ругаясь, среди них было примерно 10 всадников. Через некоторое время пьяные белогвардейцы выскочили из-за домов и ринулись на нас в атаку. По нашей цепи раздалась команда: «Огонь!» Последовали залпы, затем заработали станковые пулеметы, из орудий был дан беглый огонь картечью. В белогвардейской колонне сразу свалилось человек 20. Видно было, как попятились назад передние, а идущие сзади нажимали на них. Свет горящих факелов освещал нам колонну белогвардейцев. Ряды белых смешались. Еще несколько залпов – и вот они всей черной массой повернули назад и побежали к лесу, оставляя раненых и убитых. Часть белогвардейцев, направившихся в обход правым флангом, напоролась на отряд речников, и вынуждена была также обратиться в бегство. Наши отряды пошли в контратаку. Белогвардейцы в беспорядке отступили, оставив на поле боя более 60 человек убитыми. В числе убитых оказался главарь банды капитан Орлов и еще один офицер – прапорщик Обрезков. В записной книжке, извлеченной из кармана убитого Орлова, мы обнаружили список расстрелянных им коммунистов и советских работников. Против каждой фамилии расстрелянного были сделаны пометки крестиками. В той же записной книге был обнаружен текст телеграммы в Архангельск, которую, по-видимому, Орлов не успел еще передать своему командованию. В телеграмме сообщалось: «Не встречаю серьезного сопротивления со стороны красных. К Рождеству предполагаю взять Котлас». Это хвастливое заверение осталось невыполненным».

Г.А.Шишкин в своих воспоминаниях пишет о ленском бое и гибели Орлова следующим образом: «В два часа ночи противник предпринял большое и последнее с его стороны наступление и не по дороге, откуда больше всего его ждали, а со стороны леса и кладбища, потеснив две наши заставы, успел захватить слободу села... Пришло часа четыре непрерывной стрельбы. Видим, в лесу сигналият фонарем по азбуке Морзе «не отступать, идет подкрепление». Пришлось послать из зенитки несколько выстрелов, фонарь исчез. Часов в семь утра бой затих. Идет с той стороны по мосту группа человек сорок, спрашиваю, кто такие? Ответ: «свои». Какая рота, кто командир? «Здесь сам командующий Орлов». «Рота, пли!», пулеметная очередь, все полегли на месте. Из этой группы остался денщик Орлова и то раненный. Противник отступил, убитых не считали, разбежавшихся по домам слободы 116 человек взяли в плен. Интересный случай был в доме, где жили учитель и учительница, он стоял в середине битвы. Взрослые отсиделись в подполье, в овощной яме, а двое маленьких детей спали на полатах. Дом был изрешечен пулями, а они остались невредимыми, даже не проснулись, пока не разбудили. Неприятель быстро отступил. Командующим заступил вместо убитого Орлова его брат». По другим данным, командование над белыми после Лены принял на себя

поручик Глыжев, а брат Н.П.Орлова Владимир возглавил отряд позднее, уже на Удоре.

И.А.Мякишев отдал приказ преследовать отступающего противника. Днем 28 ноября передовые части красных с боем заняли деревни Ирту и Микшину Гору, догнав и захватив там в плен около 40 отставших от своих белогвардейцев. Из Яренска белые бежали по двум направлениям: по Черво-Лоптюгскому тракту и на Айкино. Во время отступления были реквизированы в Яренске все подводы, что было одной из причин (как следует из документов) задержки дальнейшего движения красных. При появлении отрядов Мякишева горожане в ужасе попрятались кто куда, спасаясь от возможных арестов, а часть ушла с белыми (по некоторым данным, на Удоре потом скопилось до тысячи беженцев из Яренского уезда). 29 ноября в 11 часов утра красные вступили в Яренск, захватив в нем девять пленных. 1 декабря Мякишев занял Межог, 2 декабря – Жешарт. Под Гамом артиллерия красных обстреляла аррьергард неприятеля. Прапорщик Скорохватов вызвал из Айкино на помощь роту 1-го Северного Мезенского полка в 200 штыков, но при приближении красных возобладало мнение отступить дальше на Удору. Без сопротивления белые оставили нижнюю Вычегду и отошли на север по Шежамо-Бутканскому тракту. 3 декабря Мякишев занял Усть-Вымь. Яренский фронт был ликвидирован. Архангельская газета «Вестник Временного правительства Северной области» в номере от 13 декабря 1919 г. писала: «Партизанский отряд, ходивший в тыл большевикам, возвратился в Кослан, приведя с собой пленных. Во время боев на реке Лене, что южнее Яренска, убит доблестный командир отряда подполковник Орлов».

Победа на Сыsole.

На Сыsole события развивались следующим образом. Белые, заняв Визингу, готовились к дальнейшему продвижению на юг. Штабс-капитан А.О.Прокушев съездил в Вотчу повидаться с матерью, где чуть было не попал в засаду. Отряд красных из чукайбской группировки был послан в Вотчу со специальным приказом поймать Прокушева, но не смог это сделать и ограничился арестом его матери, взятой в качестве заложника. Позднее мать Прокушева под конвоем чекиста В.А.Савина была отправлена в Занулье, где размещался усть-сысольский ревком.

22 ноября отряд Прокушева атаковал заставы красных на подходе к Чукайбу, но потеряв во время перестрелки девять человек убитыми и пленными, отступил обратно. 23 ноября в Чукайб прибыл лальский продотряд в составе 27 (по другой версии, 50) коммунистов, хорошо вооруженных. Согласно одному любопытному документу из архивных фондов усть-сысольского уездвоенкомата, в тот же день красные предприняли налет на Визингу. В налете принимали участие всадники и красноармейцы на 7 подводах. Цели налета неясны, в документе пишется, что потерь после него

у красных не было, за исключением ранения визингского волвоенкома и лошадей. В ночь на 25 ноября белые вторично атаковали Чукаибскую гору. Об этом бое имеется много противоречивых сведений, из которых вырисовывается такая картина. Белые обошли противника с флангов и через деревни Базар-сикт и Лева-грезд пытались ударить в тыл красных. Воспользовавшись суматохой в советском тылу, А.О.Прокушев сумел захватить половину чукаибской высоты. Застава красных с чукаибской мельницы, не выдержав натиска неприятеля, бежала в тыл, где была обстреляна своими же. Часть красноармейцев проявили трусость и не желали участвовать в сражении. Тем не менее, красным удалось остановить продвижение врага после ранения А.О.Прокушева. Как только последний покинул поле боя, белогвардейцы дрогнули и начали отходить в сторону Визинги. Взвод красноармейцев под командованием Торлопова бросился преследовать отступающего врага. Позднее, в газете «Югд туй» (номер от 1 декабря 1927 г.) Торлопов вспоминал: «За белыми мы погнались, человек 15. Остальные остались. Три версты гнались и вернулись. Нас не узнали. Оказывается, они даже не заметили нашу погоню за белогвардейцами. Нам кричат: «Стой!». Мы машем шапками и идем вперед. «Свои, свои» – отвечаем мы. Общее оживление». Потери белых во втором чукаибском бою оцениваются в десять человек убитыми и ранеными. Красные потеряли 8 человек. На суде ревтрибунала уже в 1920 г. действия А.О.Прокушева под Чукаибом были признаны как очень дерзкие, что прозвучало чуть ли не как похвала.

Между тем, на Сысольский фронт из Вятки, Лальска и Лузы были брошены крупные контингенты регулярных сил Красной Армии – вятский караульный батальон, две лыжные роты, эскадрон кавалерии, лальский запасный батальон 54 дивизии, 2 батальон 1 стрелкового полка Калужской бригады, различные специальные команды – всего 1830 штыков и сабель под общим командованием коменданта Вятки краснознаменца Болеслава Контрыма. Силы красных более чем в 30 раз (!) превышали силы противника. Причем, сами красные об этом не подозревали, не имея разведанных и довольствуясь слухами о многочисленности белогвардейцев. На самом деле, отряд А.О.Прокушева после потерь под Чукаибом насчитывал около 40-45 человек. После второго боя под Чукаибом белые внезапно оставили Визингу и отошли в Межадор. Чем был вызван отход – неясно, возможно, Прокушев прослышал о подходе подкреплений для красных из Вятки. В Межадоре белые тоже ждали подкреплений – должна была подойти рота А.Г.Иванова из 10 Печорского полка. Причем, Е.Г.Королева и А.А.Попов утверждают, что печорцы соединились с Прокушевым в Межадоре, тогда как на самом деле это случилось только в самом Усть-Сысольске в момент эвакуации из города.

Днем 25 ноября чукаибский отряд под командованием А.А.Маегова и В.П.Юркина занял брошенную Визингу, куда вскоре стали стягиваться все отправленные на Сысольский фронт части красных. Визинга была

переполнена солдатами. 28 ноября Б.В.Контрым начал осторожное движение на Межадор с двух сторон-по тракту и от Вотчи. Красные по-прежнему не подозревали о крайней малочисленности противника и опасались его. В наступление на Межадор, где размещался прокушевский отряд в несколько десятков человек, были брошены два батальона красных общей численностью свыше 1 тыс. штыков. Наличие столь большого количества солдат на ограниченном участке местности внесло в ряды красных дезорганизацию и хаос. Нередко сами командиры не знали, где находятся их части и что предпринимают.

Б.В.Контрым так доносил о межадорском бое: «Благодаря отсутствию хорошей дороги, батальон калужцев (наступавший со стороны Вотчи – авт.) опоздал. В 5 верстах от с. Межадор встретился с усиленной разведкой противника и, будучи обстрелян пулеметным и ружейным огнем противника в лесу, не рискнул двинуться в дальнейшее наступление и остановился в с. Куниб, что южнее с. Межадор на 5 верст, потеряв связь с отрядом тов. Блинова (наступавшим по тракту – авт.). Я лично повел в наступление батальон тов. Блинова, вошел без боя в с. Межадор и выяснил, что противник сгруппировался в 1/4 версты от занимаемой мною дер. Подгорное (по другим источникам, дер. Понгортуй или Вадор – авт.), заняв командную высоту. Потеряв Калужский батальон, я лично выехал навстречу отряду и, приехав в с. Вотча, узнал, что батальон выступил из Вотчи, по направлению к с. Межадор. В то время утром в 4 часа 29 ноября отряд тов. Блинова завязал бой с белогвардейцами. Батальон калужцев вовремя подошел к Межадору и перешел в наступление с восточной стороны на дер. Подгорное (по другой версии, дер. Аныб Межадорской волости – авт.), сделав обходное правофланговое движение. Бой продолжался около 2 час., после чего противник, не успев сесть на подводы, беспорядочно отступил по большой дороге на с.Иб, оставив лишнее свое продовольствие, 1 автомат, несколько винтовок и 2 с половиной ящика патронов к винтовкам «Гра». В бою под Межадором потери отряда: 2 убиты, 1 тяжело ранен и умер и 3-е ранены. Потери противника: 2 убиты, 6 чел. пленные, 15-20 раненые, которых успели увезти и, по частным сведениям местных граждан, начальник отряда белых ранен в руку. Высланная разведка в погоню за белыми, догнать их не успела». По данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, в межадорском бою белые потеряли 5 человек убитыми и 21 попавшими в плен (очевидно, это были раненые, которых все-таки не успели увезти, хотя Б.В.Контрым утверждает обратное).

30 ноября (по другой версии, 1 декабря) красные заняли Ыб. Отряд А.О.Прокушева спешно отходил в Усть-Сысольск. Двух отставших от своих белогвардейцев укрыли пажгинские крестьяне. Контрым выслал в город разведку, которая донесла, что Усть-Сысольск брошен неприятелем. На следующий день, 2 декабря красные вошли в город (по другим источникам, красные заняли Усть-Сысольск уже 1 декабря). Белые эвакуировались из Усть-

Сысольска на Корткерос. Причем, эвакуация была настолько стремительной, что совершенно забыли об арестантах городской тюрьмы. Уже находясь в Корткеросе, С.О.Латкин отдает приказ специальному отряду из роты А.Г.Иванова вернуться обратно в Усть-Сысольск и, забрав из тюрьмы заключенных, этапировать их в Корткерос. Отряд в 80 человек выступил на Усть-Сысольск, но столкнувшись с красными у деревни Визябож в 25 верстах восточнее Усть-Сысольска, вернулся обратно.

По возвращению в город усть-сысольский ревком развернул кипучую деятельность. На реке была сделана прорубь, и добровольцы ныряли в ледяную воду за утопленными во время эвакуации гранатами. Из семи ящиков достали пять. На стенах домов расклеили приказ № 159, обязывающий всех лиц, «взявших из учреждений или складов... мебель, товары и прочее движимое имущество, в течение 48 часов... представить под расписку тех учреждений, откуда было взято...» Тем же, кто намеревался проигнорировать приказ, ревком угрожал всеми карами военного времени.

В.П.Юркин распорядился арестовать В.И.Шишкина, И.П.Чукичева и А.А.Журавлева, первых двух – за распространение панических слухов, а третьего – за вредительство (полагали, что именно Журавлев спилил все телеграфные столбы по дороге от города до Визинги). Одновременно ЧК посадила в тюрьму всех, кто сотрудничал с белыми, в том числе почти всех преподавателей. 11 декабря 1919 г. восстановленный усть-сысольский отдел наробраза был вынужден даже обратиться к властям с просьбой освободить «арестованных школьных работников... под особый надзор отдела наробраза... ввиду крайнего недостатка преподавателей в школах 2 ступени и педкурсах».

Был арестован и председатель усть-сысольского Союза кооперативов А.М.Мартюшев (бывший лидер меньшевистского усть-сысольского уездного Совета), предоставивший советским властям отчет, из которого следовало, что «собственно белогвардейцами из складов Союза ничего не захвачено и не увезено: забрали лишь около 60 аршин разной материи на флаги». По мнению Мартюшева, товары растащили сами коммунисты и местное население. С таким отчетом председатель был вынужден провести некоторое время под следствием. Группа усть-сысольской молодежи из 8 десятых (наверное, будущие комсомольцы – авт.) организовала «Тайный кружок шпионажа над лицами, сочувствующим белым». По квартирам горожан прокатилась волна обысков и реквизиций (в первую очередь отбирали мыло и атрибуты буржуазного времени типа игральные карты).

5 декабря 1919 г. передовица уездной газеты «Зырянская жизнь» радостно извещала читателей: «Банды Орлова разбиты, сам золотопогонник капитан Орлов... уничтожен. Остатки белых бандитов бегут в леса Удоры. Над Яренском и Усть-Сысольском снова развеивается Рабоче-Крестьянское Красное Знамя». В этом же номере было напечатано стихотворение коми поэта и по совместительству чекиста В.А.Савина на коми языке «Губернатор без

губернии» о пребывании С.О.Латкина и белых в Усть-Сысольске. Но не только Савин иронизировал над краткосрочным пребыванием белых в столице Коми края.

27 апреля 1920 г. в парижской газете русских эмигрантов во Франции «Последние новости» опубликовали рассказ-фельетон известной русской писательницы Тэффи (Н.А.Лохвицкой) «Ке фер?», где так было написано о белых в Усть-Сысольске (якобы со слов какого-то генерала): « – Мы должны были поддержать Усть-Сысольское правительство. – А разве такое есть? – Было. Положим недолго. **Один подполковник** (выделено нами – авт.), не помню фамилии – объявил себя правительством. Продержался все-таки полтора дня. Если бы мы его поддержали вовремя, дело было бы выиграно».

Наступление на верхней Вычегде.

Между тем, военные события продолжались. 2 декабря Б.В.Контрым отдает приказ преследовать противника и разбить его в районе Корткероса и Усть-Выми, для чего выделялись две ударные колонны. Из приказа № 7 по сводным отрядам усть-сысольского направления известно, что первая колонна (выступавшая на Корткерос) состояла из двух рот (до 350 штыков при 4 пулеметах), а вторая включала в себя лальский отряд, роту 3 батальона и команды разведчиков (до 200 штыков). Контрым оставлял в Усть-Сысольске значительный резерв: кавэскадрон и свыше двух батальонов пехоты. Приказывалось «начальнику команды связи немедленно приступить к исправлению всех линий во всех направлениях, имея центральную станцию в Усть-Сысольске при штабе... Старшему врачу отряда тов. Дзюбе немедленно открыть главный перевязочный пункт в гор. Усть-Сысольске, выдвинув передовые перевязочные пункты в вышеуказанные колонны... Начальникам колонн, начальникам отрядов и вообще всем командирам помнить, что зимой в оперируемом нами районе масса лесных дорог, куда наглый противник может проникнуть, а посему... иметь всюду и везде разведку, где бы ни находились...»

4 декабря красные отряды Мякишева и Контрыма соединились под Усть-Вымью. В этот же день советские части атаковали Корткерос. Отряд красноармейцев под командованием А.А.Маегова должен был обойти село и со стороны Пезмога замкнуть кольцо окружения, но не успел это сделать. Застава белогвардейцев в Мадже, застигнутая противником врасплох, в одном нижнем белье ускакала в Корткерос, где поднялась паника. С.О.Латкин отдал приказ срочно оставить село. Под Пезмогом белые предприняли попытку сдержать натиск неприятеля, бой шел весь день, особенно мешал красным пулемет, установленный на колокольне пезмогской церкви. В конце концов, белые все же оставили село и отступили дальше.

В районе Небдино штаб Контрыма предпринял новую попытку окружить врага. Бои под Небдино шли два дня, 8-9 декабря, в условиях 40-градусного

мороза. Красным противостоял сводный отряд из остатков прокушевского отряда и двух рот 10 Печорского полка под командованием подпоручика А.Г.Иванова и подпоручика В.М.Цикина. В боях отличился взвод прапорщика А.С.Евдокимова, сделавший рейд по тылам красных. В донесении о действиях Евдокимова поручик Иван Вяткин писал: «Прапорщик Евдокимов 40 штыков при 2 пулеметах напал в тыл красным... Противник панически бежал, бросая оружие... Взяли в плен 8 красноармейцев». В боях за Небдино красные понесли существенные потери – до 85 человек убитыми, ранеными и обмороженными (часть раненых и обмороженных потом скончалась в лазарете Усть-Сысольска от тифа). Белые завывали потери противника, оценив их от 40 до 250 человек только убитыми.

За боевые отличия в небдинских боях значительная группа белогвардейских солдат была награждена орденами и медалями. Так, старший унтер-офицер 10 Печорского полка Федор Лудников получил Георгиевский крест 2 степени за умелую стрельбу из пулемета, а старший унтер-офицер Иван Сметанин был награжден таким же крестом за то, что «под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, примером отличной храбрости и мужества ободрил и увлек стрелков за собою вперед, захватив при этом у неприятеля действующий пулемет». Георгиевским крестом 3 степени была награждена группа из 12 стрелков 10 полка во главе со старшим унтер-офицером Иовом Терентьевым за то, что «8 декабря 1919 г. при дер.Небдино, находясь в заставе и будучи окружены противником, пробились и присоединились к своей части».

Оставив в итоге Небдино, белые укрепились на аныбских высотах, взяты которые без артиллерии красные были не в состоянии. Линия фронта пролегла между Аныбом и Вомыном. Стороны занялись перегруппировкой сил. Контрнаступление красных в Вычегодском районе выдохлось. Тем не менее, стратегическая задача ликвидации белогвардейского прорыва в Коми крае и снятия угрозы для железной дороги Котлас-Вятка была выполнена. Особый штаб Г.С.Биткера на станции Луза расформировали, регулярные части Красной Армии перебросили на другие участки (только в районе Айкино был оставлен батальон матросов в 500 штыков).

Командующий VI Красной Армией А.А.Самойло писал о результатах ноябрьско-декабрьских боев в Коми крае: «указанные районы в стратегическом отношении являются второстепенным театром военных действий, озабочивающим армию лишь в смысле угрозы в тылу ее (железной дороге Котлас-Вятка). Поэтому с ликвидацией угрозы все должно вернуться к первоначальному положению».

Оборона советских территорий в Коми крае вновь была передана северодвинскому губвоенкомату (чем последний был крайне недоволен. Северодвинский губвоенком Г.С.Дудников постоянно жаловался в штаб VI армии о нехватке продовольствия, вооружения и красноармейских частей на

вверенной ему территории, что в конце концов вывело командарма Самойло из себя. В ответ на одну из телеграмм Дудникова он написал: «Самое главное тов. Дудников забыл: поставить губвоенкома более энергичного и деятельного, который и сам без сторонней помощи справится со своими обязанностями»). Командование сводными частями красных в Вычегодском районе было поручено комбригу 45-й бригады ВОХР Н.И.Парамонову, непосредственно начальником боевого участка Усть-Сысольск – Гришинская и Айкино – Усть-Вымь – Турья назначили командира 70 батальона ВОХР Корнелия Воронина, бывшего поручика. Начальником обороны всего Вычегодско-Чердынского края был поставлен председатель пермской губчека П.И.Малков. Б.В.Контрым в начале января 1920 г. вернулся в Вятку, по слухам, он был крайне недоволен маленькой суммой денежного вознаграждения за руководство боевыми действиями в Коми крае.

Конечно, о восторженном приеме победителей вести речь не приходится. Большевикам уже не слишком доверяли. Следует говорить опять-таки о равнодушии большей части жителей Коми края к судьбе белой власти и об апатии, охватившей народ после трехлетней чехарды обещаний и обманов, разочарований и надежд. Реставрацию красной власти жители приняли к сведению довольно спокойно, хотя и настороженно, памятуя о прошлом. «Настроение масс... в период возвращения красных войск – спокойное», – сообщали из Часовской волости; «...колеблющееся», – информировали из Серегово-Горской. Часть жителей предпочла красным белых и ушла с последними. Таких было немного, но они были. Например, из Коквицкой волости с белогвардейцами ушли 60 человек. Примечательно, что среди ушедших были далеко не одни «кулаки и спекулянты». Из Жешарта бежали от красных 33 человека, в том числе 25 бедняков, из Межога – 12 человек (9 бедняков)...

Население приняло перемену власти, но особого авторитета у Советской власти и большевиков не было. В Прокопьевской волости, по словам местных партийцев, хотя «колеблющиеся (!) бедняки более сочувствуют коммунистам, ... всё же ... ни беднота и ни середняки не примыкают к коммунистам» (а именно коммунистические ячейки, а не безвластные Советы являли собой руководство). Руководители Яренского уезда отмечали в конце 1919 года, что после возвращения красных «первоначальное настроение населения обрисовывали запуганное, теперь атмосфера неясности проясняется, есть симптомы сдвига, которые необходимо использовать в нашу пользу». Но в то же время коммунисты просили вооружить их «потому, что эта неопределенность настроения может быть использована как красными, так и белыми».

Глава 11. ЗАВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ничто не предвещало катастрофы...

В декабре 1919 г. ситуация на Северном фронте стабилизировалась. Ничего не предвещало для белых скорой катастрофы. В Коми крае приказом генерал-лейтенанта Е.К.Миллера от 17 декабря 1919 г. на базе остатков орловского отряда было продолжено формирование Особого Вычегодского полка, переименованного в 14 Северный Вычегодский стрелковый полк. Командиром полка был назначен полковник Бараев, служивший начальником отдела связи при штабе Печорского района в Ижме. Обязанности комполка на период его формирования временно исполнял штабс-капитан А.О.Прокушев. Однако вся полнота власти в Усть-Куломе, где размещался штаб полка, принадлежала С.О.Латкину.

Первый батальон 14-го полка имени подполковника Н.П.Орлова в составе трех рот дислоцировался на Удоре, в районе Кривого Наволока и Венденги. Батальон был изрядно потрепан в яренских боях и вплоть до капитуляции белых на Удоре более не принимал участия в военных действиях. Его командиром назначили капитана Владимира Орлова (брата Н.П.Орлова), переведенного сюда из 8 Северного Пинежского полка. Второй и третий батальоны 14 полка под командованием А.О.Прокушева и В.М.Цикина базировались в Усть-Куломе, Аныбе, Усть-Неме и Керчомье. В Помоздино стояла рота 10 Печорского полка под началом И.Вяткина, выполняющая карательные функции.

В начале 1920 г. была проведена мобилизация среди крестьянства. Только в Усть-Куломе было скомплектовано две маршевые роты из новобранцев. Прибывали добровольцы из печорских, вычегодских и сысольских волостей (их было, правда, немного). Доброволец из сысольского села Ыб Агафангел Туров был назначен каптенармусом нестроевой роты 14 полка. Начхоз полка Ф.Ф.Кудинов 30 января 1920 г. доносил в штаб Печорского района полковнику Бараеву: «С каждым днем число добровольцев увеличивается. Согласно постановлению Временного Правительства 8 августа 1919 г. полагается им единовременное пособие по 300 рублей, через каждые три месяца по 300 рублей каждому. Прошу Вашего ходатайства об ассигновании на этот предмет аванса 500000 рублей».

Часть подразделений 10-го Печорского полка вошла в состав 14-го, в частности, гарнизоны верхневыхегодских волостей. Кроме того, по инициативе Латкина был увеличен керчомский партизанский отряд, сформированный еще в середине ноября 1919 г. и участвовавший в боях с красными на чердынском и гайнском направлениях. Партизан возглавил подпоручик Л.А.Ботнев. В состав полка включили также отряд усть-сысольской уездной милиции из 40 человек во главе с бывшим начальником усть-сысольской тюрьмы Колотовым. Верхневыхегодские коммунисты

частично тоже были мобилизованы в ряды белых, их привлекали в основном для несения караульной службы. Общая численность полка на март 1920 г. составляла 1628 штыков и сабель, из них в удорском батальоне – 609.

После эвакуации Усть-Сысольская уездная Земская управа разместилась в Усть-Куломе, ставшем, таким образом, своего рода «столицей» белого Коми края. Здесь Латкин образовал т.н. «Президиум», куда помимо него вошли председатель Усть-Сысольской городской Думы П.А.Забоев и начальник милиции Усть-Сысольского уезда Л.А.Ботнев. «Президиуму» принадлежала вся гражданская власть на верхней Вычегде. В первую очередь Степан Осипович связался по телеграфу с остатками Особого Вычегодского добровольческого отряда, отступившего на Удору. Вскоре удалось выяснить, что старшим в удорском отряде является поручик Глыжев, находящийся в Кослане. Ему Латкин и отправил телеграмму: «Немедленно телеграфируйте в Усть-Кулом подробно о состоянии отряда и какие части Вычегодского отряда отступили в Кослан. Получен приказ Главкомсева развернуться в полк. Необходимо готовиться к выступлению сюда батальонного имущества, не оставлять ничего. Где жена покойного подполковника Орлова?» Начальник Яренского уезда А.В.Новоселов, тоже находившийся на Удоре, получил вскоре предписание Латкина: «Предлагаю вам заняться организацией администрации и выполнять мои обязанности в Удорском крае, который является частью Яренского уезда... Срочно телеграфируйте... о беженцах и их положении...»

Некоторое время Усть-Кулом и Удора непрерывно обменивались телеграммами, выясняя прежде всего судьбы тех, кто погиб или не сумел отступить с армией. Позднее Латкин ездил в Ульяновский Троице-Стефановский монастырь, где в беседе с настоятелем о. Амвросием попросил монахов отслужить панихиду по убиенным офицерам и солдатам Особого Вычегодского добровольческого отряда. Монахи преподнесли штабу 14 полка икону Святого Стефана Пермского. Полковой праздник 14 полка был определен 26 апреля ст.ст., в честь Крестителя Зырян. Полковым священником в «конкурентной борьбе» со священником Шумковым из Подъельска стал о.Борис Едский.

15 декабря 1919 г. начальник Вологодской губернии представил к наградам большую группу офицеров, унтер-офицеров и рядовых стрелков за боевые отличия в октябрьско-декабрьских боях. Орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом были награждены штабс-капитан Прокушев и поручик Глыжев; орденом Станислава 2-й ст. с мечами и бантом – штабс-капитан К.Г.Калинин; орденами Станислава 3-й ст. с мечами и бантом – прапорщики А.А.Скорохватов, Б.С.Корсаков и Р.П.Кук; орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» – тот же Прокушев и прапорщик А.С.Евдокимов. Кроме того, постановлением ВПСО от 9 февраля 1920 г. прапорщики Скорохватов, Корсаков и Евдокимов были произведены в подпоручики, а

подпоручик Ботнев – в поручики. Офицерские звания прапорщиков получили фельдфебели Жданов, Пищурин, Матвеев.

К Георгиевскому кресту 2-й степени был представлен и фельдфебель С.Е.Завьялов, первым вошедший в свое время в Усть-Сысольск. «За усердную службу и знание дела» он получил чин подпрапорщика.

Георгиевской медалью 4-й степени был награжден начальник усть-куломского почтово-телеграфного отделения В.Н.Бобров, приложивший максимум усилий для восстановления телефонной связи на верхней Вычегде. (А надо заметить, что Бобров был большевиком, в связи с чем усть-куломцы написали Латкину донос, возмущенные тем, что «слепые коммунисты, т.е. второстепенные расстреляны, шайка же коммунистов, среди которых находятся... Бобров и его жена и остальные служащие телеграфа [продолжают работать при белых]»). Латкин не обращал внимания на доносы – ему нужны были работники вне зависимости от их партийной принадлежности. Множество коммунистов на верхней Вычегде было мобилизовано в ряды Белой армии, в том числе и в Керчомский партизанский отряд, занимавшийся разведкой не только на вычегодском, но и пермском направлениях. Но репрессии в отношении большевиков тоже проводились. В Помоздино находилась карательная рота поручика И.Вяткина, которая занималась дознанием арестованных коммунистов, этапированием их на Печору и расстрелами. Например, в январе 1920 г. в Троицко-Печорск доставили 13 арестованных вычегодских коммунистов, которые приказом капитана Шульгина были зачислены на провиантское и табачное довольствие в местной тюрьме. В Усть-Куломе был расстрелян советский судья С.П.Кочанов (по возвращении большевики даже хотели переименовать Усть-Кулом в Кочаново).

В отличие от пребывания в Усть-Сысольске, в «усть-куломский период» Латкин не строил никаких политических планов на будущее в качестве начальника Вологодской губернии, а занимался более прозаическими делами. Прежде всего это были продовольственное снабжение населения и формирование 14-го Северного Вычегодского полка. 21 декабря Степан Осипович вновь обращается в Архангельск с просьбой выделить продовольствие для Усть-Сысольского и Яренского уездов: «Население совершенно не имеет продовольствия. Мне приходится делиться имеющимися скудными запасами. Яренский начальник уезда сообщает о безвыходном положении 1000 беженцев на Удоре, помочь которым я не могу. Денег до сих пор не получил. Обходимся пока займами и пожертвованиями. Просьба перевести через полковника Ахаткина деньги».

Командующий Печорским районом белых Виктор Ахаткин знал о бедственном положении Усть-Кулома. Он старался как мог помочь Латкину, организовав для населения верхней Вычегды продовольственные обозы, а для формируемого 14-го полка поставки оружия и обмундирования с Печоры. В

начале января 1920 г. полковник Ахаткин выехал в инспекционную поездку по верхней Печоре и Вычегде. 6 января он встретился в Усть-Куломе с Латкиным и заверил его, что интендантство Печорского района будет снабжать верхнюю Вычегду всем необходимым по мере возможности. Кадровое печорское офицерство (особенно командир верхнепечорской группировкой войск капитан В.Шульгин) не испытывало особых симпатий к «начальнику Вологодской губернии». По приказу из Архангельска военные подчинялись Латкину в гражданских делах, в первую очередь в отношениях с местным населением, но за глаза прозвали Степана Осиповича «агрономом» и посмеивались над его стремлением примирить коммунистов и их врагов.

Такое стремление у Латкина одно время действительно наблюдалось. В частности, в декабре 1919 г. во время посещения Усть-Немской волостной земской управы, куда по мнению белогвардейских офицеров «проникли коммунисты», Степан Осипович заявил, что «неприкосновенность выборного лица должна быть безусловной, независимо от его политических взглядов». В Керчомье накануне Нового года местные учителя устроили ёлку для школьников и населения. Латкин вместе с Суворовой ездил на ёлку, организовал сбор и раздачу новогодних подарков. Для Латкина эта керчомская ёлка стала своеобразным символом несбыточного гражданского мира.

В январе 1920 г. в Усть-Куломе состоялся парад сформированного 14го Северного Вычегодского полка. Парад принимали исполняющий обязанности комполка штабс-капитан А.О.Прокушев (полковник Бараев был в командировке в Архангельске) и С.О.Латкин. Степан Осипович произнес перед солдатами большую речь, смысл которой состоял в необходимости продолжения борьбы с большевизмом. Солдаты, как это и полагается, ответили троекратным «ура». 20 января С.О.Латкин с Суворовой и Н.С.Соборским выехали в Архангельск (по другим источникам, Суворова осталась в Усть-Куломе). Путь был неблизким – через Ижму, Мезень и Пинегу, так что добрались до столицы Северной области только в феврале.

В Архангельске Латкин узнал, что за участие в экспедиции на Вычегду ему присвоен офицерский чин подпоручика. Постановлением ВПСО от 9 февраля 1920 г. он награждался также орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Латкин был весьма удивлен производством в офицеры и позднее писал об этом: «Когда я пришел в штаб, чтобы указать, что я совсем не желаю быть военным, и тем более офицером, да и не могу быть таковым, так как никогда в жизни не был в строю и не знаком ни теоретически, ни практически с военной специальностью, мне ответили, что это от меня и не требуется, так как штаб и не предполагает использовать меня как военную силу, но что наградить меня нужно именно офицерским чином, чтобы в дальнейшей моей работе в Усть-Куломе военные власти смотрели на меня тоже как на военного, что в значительной мере может сглаживать взаимоотношения между мной и остальными». Степан Осипович

дал телеграмму в Усть-Кулом, что возвращается обратно, но обстоятельства помешали этому возвращению. Е.К.Миллер предложил Латкину занять пост управляющего отделом внутренних дел ВПСО, мотивируя это тем, что кандидатура Латкина выдвинута Земско-Городским совещанием Северной области, но Степан Осипович отказался. Он был назначен начальником Архангельской губернии. В этой должности Латкин пробыл всего несколько недель.

Боевые действия на верхней Вычегде и верхней Печоре в конце 1919 г. практически не велись, только 21 декабря белые совершили налет на Вомын, произведя большую суматоху в советских рядах. Комвзвода воынской кавалерии красных Громыко приказом по части был снят с должности «за проявленную нераспорядительность и нерешительность» во время отражения налета. На следующий день, 22 декабря через линию фронта перебежал к белым командир усть-сысольской комендантской роты В.В.Шипицын. Он выдал местоположение заставы кавалеристов в местечке Ежольская, в результате чего 11 красноармейцев с лошадьми попали в плен врагу. Самого Шипицына отправили на допрос в Троицко-Печорск, где он был восстановлен в чине подпоручика как бывший офицер и получил назначение сначала в 10 полк, а потом в 14 полк. Шипицын возглавил гарнизон селения Лун-Пока недалеко от Аныба. От белых тоже имелись еребежчики, правда, только рядовые. Так, 28 января 1920 г. перебежал к красным стрелок 14 полка А.Шустиков, 26 февраля то же самое сделали солдаты 4 роты 14 полка ефрейтор А.Суханов и рядовые Н.Шабалин и И.Гладышев. Комиссар 70 батальона ВОХР К.С.Чупров в своих воспоминаниях писал, что после перехода Шипицына в Вомыне было арестовано несколько красных командиров, бывших царских офицеров, обвиненных в контрреволюции и разложении частей, а также в попытке перехода к врагу. Отдельные красноармейские части, прибывая на фронт из усть-сысольского резерва, расстреливали боеприпасы в воздух. Так поступила, например, рота Д.Г.Захарова. Приказом по усть-сысольскому уездвоенкомату N 7 от 7 января 1920 г. комроты Д.Г.Захаров и политкомиссар П.Бартош были разжалованы в рядовые за непринятие каких-либо мер «к восстановлению порядка и прекращению стрельбы».

Советский гарнизон в Сторожевске занимался самогонварением и пьянством. Нарастало напряжение во взаимоотношениях красноармейцев с местными жителями. Командующий Вычегодским боевым участком К.Воронин был вынужден даже издать специальный приказ от 1 февраля 1920 г., где говорилось, в частности, что «некоторые тов. красноармейцы, проходя через населенные пункты вверенного мне Боевого Участка, допускали грубости по отношению к мирному населению, ...заходили в дома местных крестьян и, напугав жителей, требовали у них насильно продажи молока и масла, а один раз даже ничего не заплатили за взятые продукты».

Командование белых тоже было вынуждено бороться со злоупотреблениями своих солдат в отношении мирных жителей. Так, приказом по 14 полку от 16 января 1920 г. пешие разведчики З.А.Терентьев и Ф.М.Ануфриев были посажены на батальонную гауптвахту «за самовольную реквизицию». 16 января 1920 г. крестьяне села Шошки отказались поставлять подводы для нужд Красной Армии. В Шошку был отправлен вооруженный отряд во главе с сотрудником ЧК П.Н.Елькиным для улажения инцидента.

И белые, и красные активно занимались разведкой. Со стороны первых особенно отличились подпрапорщик Е.Ф.Уляшев, полный Георгиевский кавалер, и доброволец Н.А.Малевинский, сын усть-сысольского священника, несколько раз переходившие через линию фронта и шпионившие в глубокую тылу красных. В декабре 1919 г. со стороны красных в рейд по тылам противника отправились Ф.С.Коковкин и И.П.Чукичев. В Княжпогосте они еле спаслись от заставы, выдвинутой штабом 1 Мезенского полка на Вышь.

Под Аныбом примерно в это же время попала в плен красная разведчица Домна Каликова (выданная, кстати, Н.А.Малевинским). Обстоятельства ее расстрела в Помоздино до сих пор неясны. Н.П.Попов в книге «Юность огневая», изданной в 1957 г., писал об обстоятельствах гибели Каликовой: «В Аныбе она попала в руки врагов...Взбешенные белогвардейцы стали избивать девушку. Так и ничего не узнав от мужественной партизанки, ее отправили в с.Усть-Кулом, в штаб белых, к самому «начальнику Вологодской губернии» Латкину. Этот матерый враг Советской власти и коми народа пытался склонить Домну Каликову на свою сторону, обещал сохранить ей жизнь, если она откажется верить коммунистам и пойдет против Советской власти. Но Домна гордо и смело отвечала, что она презирает милость врагов, что она была и останется коммунисткой и что, если бы Латкин попался ей, то она повесила бы его без лишних разговоров. Домну Каликову повезли на расправу в с.Помоздино, в белогвардейский карательный отряд. Здесь Домну подвергают бесчеловечным пыткам: избивают прикладами, выворачивают руки, ломают кисти рук, прокалывают тело штыком. Палачи добивались, чтобы Домна Каликова выступила перед крестьянами с клеветой на большевиков и Советскую власть. Но коммунистка Домна мужественно перенесла все пытки и не сдалась. 22 декабря 1919 года в полдень белогвардейцы повели красную разведчицу на расстрел. На скованной льдом Вычегде, гордо подняв голову, Домна бросила врагам: – Стреляйте, палачи! Меня вы убьете, но коммунизма вам не убить!...

После освобождения села Помоздино останки Домны Каликовой в марте 1920 года откопали из снега, перевезли в Усть-Сысольск и с воинскими почестями похоронили на городском кладбище». А.А.Маегов писал, что вместе с Каликовой был расстрелян коммунист, учитель А.М.Шомысов. Странно, но по архивным материалам следственного дела «начальника

Вологодской губернии» за 1926 г. видно, что Латкин никогда не видел и не допрашивал Каликову...

22 января 1920 г. белогвардейцы расстреляли еще одну коммунистку - Дарью Кочанову из Керчомьи. В начале 1919 г. она входила в один из краснопартизанских отрядов на верхней Вычегде, с приходом в ноябре 1919 г. белых в Керчомью не успела скрыться и была поймана. Многие годы спустя, в 1958 г. в газете «Красное знамя» была опубликована статья И.Коюшева «Жизнь, ставшая легендой», в которой со слов старых колхозниц Вольдинского сельсовета, очевидцев казни Кочановой, так писалось об этом: «Долго и жестоко истязали ее (Кочанову – авт.) палачи. Она с исключительным мужеством переносила мучения. Потом увезли ее в дер.Пузла. Там в жестокий мороз, раздетую, в одной ночной рубашке ее повели на расстрел. Девушка шла с гордо поднятой головой. Длинные ее волосы развевались по ветру. Палач-белогвардеец с винтовкой в руках, глубоко утопая в снегу, шел позади. Когда палач выстрелил, девушка упала на колени, скрестила руки на груди и крикнула своим звонким голосом: «Ленинõс тi онõ вермõй, Ленинкõд став йõзыс!» («Ленина вам не победить, с Лениным весь народ!»). Палач зарядил свое ружье разрывной пулей и выстрелил девушке в лоб. Дарья упала на снег со скрещенными руками и в такой позе замерзла». По словам Коюшева, вместе с Дарьей Кочановой был расстрелян керчомский большевик Г.Т.Тимушев.

Интересно, как работали чекисты в Яренском уезде по выявлению агентов белых. В январе 1920 г. по волостям уезда на советской территории гастролировала фронтовая агитбригада с пьесой «Под сапогом капитана Орлова». Вечером после спектакля часть артистов в форме белогвардейцев (офицера изображал обычно некто П.С.Тур) ходили по крестьянским избам и выясняли политические симпатии населения, а также, кто является активным помощником в борьбе против «красной нечисти». Утром «борцов» арестовывали.

Проба сил.

В январе 1920 г. как красные, так и белые в Коми крае активизировали военные действия. В ночь на 10 января 1920 г. батальон красноармейцев под командованием Павлова двумя колоннами «демонстрировал», как написано в оперсводке, наступление на Аныб и Лун-Поку. На аныбском направлении возникла многочасовая перестрелка, затем красные, преследуемые конным белогвардейским отрядом, отступили. В районе Лун-Поки перестрелка продолжалась 13 часов. 14 января красные снова подступили к аныбским высотам и вели бой. 21, 24 и 25 января штаб Печорского района белых доносил в Архангельск, что «... по сведениям двух перебежчиков, в Усть-Сысольск ... со стороны станции Мураши по Котласской железной дороге... привезены две трехдюймовые пушки, одна из них была направлена на позицию, но утонула при переправе через Вычегду под Корткеросом... В селе

Большелужском... стоит застава красных в составе роты... Из гарнизона села Вомын... вооружено винтовками около 400 красных при двух пулеметах, часть винтовок негодных. Настроение красных мобилизованных пассивное, отбирают последний кусок у населения». Позднее разведка белых выяснила, что пушка у красных при переправе не утонула, но «выставить [орудия] на передовую позицию противник не решился, боясь нашего захвата».

В Яренском уезде командующий советской группировкой войск И.А.Мякишев в начале января 1920 г. отдал приказ начальнику разведки Каракчиеву произвести разведку боем по Шежамо-Бутканскому тракту. Рота матросов направилась было в путь, но с половины дороги вернулась обратно из-за морозов, не выполнив приказ. Каракчиев, более известный под прозвищем «Шалапин», за срыв боевой операции был снят с должности и арестован. Из-под ареста он сумел вскоре скрыться, что имело для Мякишева трагические последствия.

Другой отряд красных численностью около 150 матросов и удорских партизан под командованием Назинкина 2 января выступил в разведку боем по Черво-Лоптюгскому тракту. Позади отряда двигался большой обоз в 100 подвод. Красные окружили Лоптюгу, где стояла рота 1-го Мезенского полка, и 7 января завязали бой. Сильный пулеметный огонь неприятеля вынудил вскоре красных отойти, потеряв 21 человек убитыми и ранеными. Погиб и командир разведотряда Назинкин. Об этом бое архангельская газета «Вестник Временного правительства Северной области» в номере от 21 января 1920 г. писала: «Красные силою около 250 человек при 4-х пулеметах наступали на нашу заставу в д. Лоптюга на реке Вашке и окружили ее, но после 8-часового боя были отбиты нашей заставой и подошедшим подкреплением и отошли, бросив двух раненых и один пулемет. У нас убито два стрелка, восемь ранено».

12 февраля 1920 г. в Яренске на своей квартире был убит И.А.Мякишев (архангельский краевед А.М.Огарков утверждает, что он покончил жизнь самоубийством). Сначала по подозрению в убийстве были задержаны две женщины, но потом чекисты установили, что это дело рук «Шалапина». Каракчиев бежал на Вымь, где впоследствии был пойман и расстрелян. Неудачи на Удорском фронте охладили наступательный пыл красных. Вплоть до марта 1920 г. стороны ограничивались разведкой малыми силами, активных боевых действий здесь более не велось.

На верхней Печоре капитан В.Шульгин в середине января 1920 г. предпринял контрнаступление на противника, медленно продвигавшегося в сторону Троицко-Печорска. Сводный отряд подпоручика А.Варзухина (любопытно, что помощником Варзухина был прапорщик И.Ф.Ракин, бывший секретарь Ручевского волысполкома, член РКП(б), насильно мобилизованный в ряды Белой Армии. За оспаривание приказов старшего командира Ракин был арестован в Порогах и отправлен под конвоем в Пинегу) выбил красных из Порог, Мамыля и Якши.

Штаб Печорского района доносил в Архангельск: «10 января противник количеством 300 штыков был выбит из Порога и бежал на Мамыль, где он имел еще две роты с пулеметами. В 17 час. того же числа с боем была занята д. Мамыль, после чего противник спешно отступает на Якшу в составе 4 рот с пулеметами и кавалерийским отрядом около 30 сабель. Наши разведчики на лыжах преследуя приблизились на 30 шагов и атаковали противника, который в панике бежал, оставив на месте двух убитых и много раненных. Потерь с нашей стороны нет... Нами занята Якша. Отступая, противник увел всех лошадей из Порог, Мамыля и Якши. Отступающими оставлено 2 ствола пулемета, 6 пулеметных лент с патронами».

По сведениям разведки белых, неприятель отошел в Петрецево, куда спешно стали стягиваться советские резервы, прибыла артиллерия. 4 февраля разведгруппа белых напоролась на заставу противника, выдвинутую от Петрецево на 100 верст по направлению к Якше, и после перестрелки отошла обратно в Якшу. В феврале белые контролировали практически всю верхнюю Печору и север Чердынского уезда в районе Тулпана.

В начале 1920 г. Северный отряд красных под командованием Лепехова численностью свыше 500 штыков начал теснить печорские и березовские части белых в Зауралье. 6 января 1920 г. управляющий Березовским уездом дал телеграмму в Архангельск: «Вследствие приближения к городу Березову красных управление вверенного мне уезда вместе со штатом служащих и уездной милицией эвакуированы в деревню Саранпауль». 31 января красные осадили и взяли Саранпауль. Белые отошли в район Усть-Щугора, оставив Зауралье.

5 февраля 1920 г. красные снова «демонстрировали» движение на Аныб. По донесению полковника В. Ахаткина, «в Усть-Куломском направлении разведка красных около 100 штыков подходила до нашей заставы в 10 верстах от Аныба, но нашим огнем принуждена была отойти назад». Артиллерийская батарея красных под началом латыша Абеля была выдвинута из Усть-Сысольска на передовые позиции. Советские войска стали готовиться к решающему натиску на позиции неприятеля.

Начало конца.

Ситуация на Севере между тем стала складываться не в пользу белых. К концу 1919 г. силы сторон на Северном фронте были примерно одинаковы: VI Красная армия располагала 22700 штыками, Северная Добровольческая армия – 23590 штыками и саблями (без учета финских частей). На вооружении у белых находилось 40 тяжелых и 127 легких орудий, 346 пулеметов. Красные располагали 22 тяжелыми и 113 легкими артиллерийскими орудиями, 311 пулеметами. Архангельск контролировал огромную территорию от Урала до финской границы. Однако в боевом отношении состояние Белой армии оставляло желать лучшего. Во многом этому способствовали последние

победы белых в осенней кампании 1919 г., когда было взято в плен много красноармейцев. Их сразу записывали в ряды Белой армии.

«Были роты, где 90 % состояло из красноармейцев. При этом пополнение ими частей шло весьма упрощенно. Их мыли, посылали в тыл, и через неделю, другую направляли уже в часть. Проверки их большевизма не было. Поэтому нередко оказывалось, что ответственные коммунисты попадали в боевые части, или что коммунисты, комиссары попадали в штаб полка или дивизии, на телеграф и так далее, как наиболее расторопные», – писал в своих мемуарах министр ВПСО Б.Ф.Соколов. «Почему-то считалось, что пленные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумение. Конечно, они были, за исключением немногих коммунистов, – антибольшевиками. Но в то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Им хотелось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были в крепкой духом части, например, в такой части, как партизанские полки. Здесь они превращались в обычного русского солдата, приобретая все его боевые качества. Но в полку, где была неопределенная обстановка, они с таким же успехом могли и защищать белых и напасть на них, а вернее всего просто отойти в сторону. К тому же они были измороженные, изголодавшиеся, многие – после перенесенных недавно тифов. Чрезмерное и необдуманное пополнение полков пленными красноармейцами сказалось в свое время губительно на фронте». По мнению историка В.И.Голдина, «красноармейцы, вливавшиеся в белые части... а также насильно мобилизованные крестьяне, несли белой армии не силу, а разложение».

Внутреннее положение Северной области резко ухудшилось, особенно в сфере снабжения, что было вызвано в первую очередь эвакуацией союзников. Заведующий продовольственным отделом Архангельской губернской Земской управы Д.В.Дружинин главную причину наступивших экономических трудностей видел в «неразумном расходовании народного творческого труда исключительно с целью реализации лозунга «все для войны, ничего для созидания»». Полное отсутствие ясно выраженной экономической политики и экономических перспективных планов сковывало хозяйственную деятельность в области, вело промышленность и финансы Северной области к краху. Зависимость от импорта и ухудшение снабжения области после ухода союзников привели к резкому падению курса «северных рублей». За четыре месяца до падения Архангельска в городе началась скупка советских денег, причем по весьма высокому курсу.

Поражение белых на всех фронтах и в первую очередь на Восточном, способствовали капитулянтскому настроению общественного мнения в Северной области. «Общественные круги, в зависимости от принадлежности к той или иной партии или группировке, немощно металась из стороны в сторону, ища выход из создавшегося положения, одни – ища точек опоры для удержания фронта, другие, видя верный проигрыш, ища возможности

скомпрометировать себя в белом деле в пользу большевиков», – писал Н.П.Зеленов в своих воспоминаниях «Трагедия Северной области».

Правительство по существу превратилось в фикцию, Главнокомандующий войсками генерал-лейтенант Е.К.Миллер стал военным диктатором области. Земство выступило против узурпации военными властных структур. Состоявшаяся в феврале 1920 г. 5-я сессия Архангельского губернского Земского собрания (на котором Коми край представляли С.О.Латкин и член Временной Усть-Сысольской уездной Земской управы А.И.Безсонов) подвергла резкой критике правящий режим, заявив, что после эвакуации союзников «мы вновь оказались в завоеванной стране. Аресты, расстрелы, произвол – вот наши завоевания». Земцы предложили изменить политические условия в области, устранить произвол, прекратить репрессии. В то же время ряд демократических организаций Архангельска, в частности, эсеры выступили в поддержку режима Е.К.Миллера: «У нас военная диктатура и военный диктатор... Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем помогать ему там, где можем. Во всяком случае, всякую оппозицию против него будем сдерживать». Это заявление эсеров было вызвано оборонческими настроениями, попытками любой ценой, даже с помощью военной диктатуры продолжать борьбу с большевизмом.

Компромиссом между военщиной и общественными кругами области стало формирование нового состава правительства 14 февраля 1920 г. Его председателем по-прежнему числился народный социалист Н.В.Чайковский, но поскольку он с 1919 г. находился в Париже, фактическим главой кабинета стал его заместитель Е.К.Миллер. В правительство вошли эсеры Б.Ф.Соколов, А.А.Иванов, Э.П.Тизенгаузен, близок к эсерам был и П.И.Максимов (министерский портфель по некоторым данным был предложен также С.О.Латкину, но последний отказался войти в состав ВПСО, заняв должность начальника Архангельской губернии). Остальные члены ВПСО (А.А.Репман, А.Е.Попов) являлись беспартийными. Этот состав ВПСО существовал всего четыре дня, войдя в историю как правительство «эвакуации».

В начале 1920 г. VI Красная Армия получила пополнение за счет частей, перебрасываемых на Север из-под Петрограда, где был разбит Н.Н.Юденич. По данным М.С.Замяткина и А.П.Константинова, численность красных на Северном фронте к 15 января 1920 г. возросла до 30 тысяч бойцов. Мелкие стычки на фронте, имевшие место в течение декабря 1919 – января 1920 гг., сменились 4 февраля 1920 г. наступлением красных на архангельском направлении. Почти сразу обнаружилось, что ряд белогвардейских подразделений на этом участке фронта ненадежны, распропагандированные большевиками. 8 февраля поднял восстание и перешел на сторону красных 3-й Северный стрелковый полк, 13 февраля капитулировал гарнизон хорошо укрепленного села Средь-Мехренга, что открывало советским войскам дорогу на Архангельск. Как считали очевидцы последних дней существования

Северной области, «измена 3 Северного стрелкового полка повлекла за собой неисчислимые бедствия и ее, несомненно, нужно считать началом конца...».

Большевики предлагали белогвардейским частям сдаваться при соблюдении трех условий: «1. Земля должна была остаться в пользовании у крестьян на существующих в Северной области условиях. 2. Войска Северной области могли быть употреблены только для караульной службы в ее пределах. 3. Виновники гражданской войны (очевидно, офицеры – авт.) подлежали выдаче большевикам». Среди крестьянства успех большевистских агитаторов был обеспечен призывами заключать мир любой ценой к весенней пахоте, роспуском слухов, что генерал Миллер с офицерами уже бежал из Северной области.

Некоторый перевес в силах, а также измена отдельных белых частей способствовали крупному успеху красных, которые 20 февраля 1920 г. неожиданно овладели Архангельском. Менее тысячи человек, в основном правительственные чиновники и тыловое офицерство эвакуировалось в Норвегию. 19 февраля 1920 г. Главнокомандующий Северным фронтом белых Е.К.Миллер оставил Архангельск, отплыв в Норвегию на яхте «Ярославна». Вместе с ним эвакуировалось на ледоколе «Канада» около 600 человек правительственных чиновников, военных, женщин и детей. С.О.Латкин и Г.Н.Сосунов были в их числе. Н.С.Соборский, который выехал с Латкиным из Усть-Кулома в Архангельск, тоже получил приглашение на борт «Канады», но отказался покинуть Россию (красными он потом был осужден на 15 лет концлагерей).

Отдельные участки сопротивления оставались на Мурманском, Пинего-Мезенском и Печорском участках Северного фронта, но к середине марта 1920 г. они были ликвидированы. 13 марта 1920 г. красные вошли в Мурманск. Серьезную озабоченность у красных вызывали позиции белых в Коми крае, где у последних имелись прочный тыл и поддержка населения. По воспоминаниям С.Ц.Добровольского, незадолго до падения Архангельска, в Генеральном Штабе Северного фронта белых возник даже план эвакуации части правительственных учреждений и войск на Печору. Командующий Пинего-Мезенским районом генерал-лейтенант П.П.Петренко был назначен командующим и Печорским районом, сосредоточив в своих руках управление всеми армейскими подразделениями белых в Коми крае. Однако к этому моменту положение в Коми крае изменилось.

Капитуляция белых на нижней Печоре и Удоре.

14 – 15 февраля 1920 г. в Ижме вспыхнул бунт расквартированных в селе солдат нестроевой роты и пулеметной команды 10-го Северного Печорского полка. Бунтовщики арестовали штаб Печорского района Северного фронта во главе с полковником В.Ахаткиным и двинулись на Мохчу, где к ним присоединился один взвод учебной команды. Численность мятежников

достигла около 600 штыков. В Ижме был образован ревком в составе 14 человек под председательством фельдфебеля Матвеевко.

Традиционно считается, что мятеж был организован пленными большевиками и красноармейцами, сидевшими в ижемской тюрьме, однако большевики, по архивным данным, продолжали сидеть в тюрьме и после победы бунтовщиков. К.И.Попов писал в своих воспоминаниях, что «и после переворота арестованных красных в Ижме водили под конвоем». Арестанты, как белые, так и красные, недоумевали, кто же захватил власть в Ижме. Только после официального известия о падении Архангельска пленные большевики были освобождены, а Ижемский солдатский ревком признал власть Советов.

Поводом для бунта стал ложный слух о переброске 10-го полка сначала на архангельское направление Северного фронта, а оттуда в Норвегию. Солдаты 10 полка, в абсолютной массе своей коренные жители Печоры, покидать родные места не желали и пошли на открытое выступление. Для подавления бунта начальник Печорского уезда Г.П.Алашев вызвал войска из Усть-Вашки. Кроме того, к Ижме и Мохче подтягивались роты 10 полка, не примкнувшие к бунтовщикам, и ополченцы под общим командованием поручика А.А.Рочева. Однако известие о падении Архангельска оказало деморализующее воздействие на последние боеспособные белые части на нижней Печоре – они тоже присоединились к мятежникам. Войска из Усть-Вашки не прибыли. 21 февраля 1920 г. Алашев официально известил волостные земства о падении Северной области и созыве в Усть-Цильме общего собрания граждан «для обсуждения текущих событий». На этом собрании возник Временный Печорский уездный ревком под председательством бывшего земца Г.Г.Недашковского (о нем современники не зря говорили, что Недашковский «способен и красным, и белым»), к которому и отошла власть до прихода советских частей.

25 февраля уездный ревком послал приветствие VI Красной Армии. Ижемский солдатский ревком функционировал самостоятельно, не подчиняясь уездному ревкому до 1 марта 1920 г. За это время из-под ареста по настоянию части солдат были освобождены несколько офицеров, в частности, штабс-капитан Коробов, военный делопроизводитель Уткин. Таким образом, в 20-х числах февраля 1920 г. нижнепечорская группировка белых прекратила свое существование, а власть перешла в руки Временного Печорского уездного ревкома.

24 – 25 февраля 1920 г. удорская группировка войск 1-го Северного Мезенского и 14-го Северного Вычегодского полков приняла решение капитулировать. По приказу образованного ревкома офицеры были арестованы, а в Яренск направлена делегация из 13 человек во главе с прапорщиком Корсаковым для выработки условий сдачи оружия, которая прибыла в распоряжение красных 27 февраля. После переговоров делегация вернулась на Удору, оставив у красных четырех заложников. Пока делегация

была в Яренске 26 февраля 1920 г. в Усть-Вашке вспыхнул бунт пулеметной команды, которая арестовала штаб 1-го Мезенского полка и вынудила остальные части полка присоединиться к капитуляции перед красными. 8 марта 1920 г. в Важгорте между представителями красного командования и удорского ревкома было подписано соглашение о сдаче оружия.

С 18 по 25 марта 1920 г. на Удоре работала трофейно-ликвидационная комиссия красных, которая занималась инвентаризацией захваченных трофеев, в частности, было принято 6 орудий, полторы тысячи артиллерийских снарядов, более 200 станковых и ручных пулеметов, свыше пяти тысяч винтовок, более четырех миллионов патронов, тысяча гранат и т.д. После инвентаризации в Усть-Вашке в руки красных попали дополнительно кроме оружия, телефоны, динамо-машина, велосипеды, осветительные ракеты, аппараты Морзе, автомобиль, мотоциклы, рессорные экипажи и т.д.

В Важгорте, где размещался штаб удорской группировки белых, был устроен митинг, на котором член комиссии В.Швецов выступил с речью о решающих победах Красной Армии на всех фронтах. Поручик Н.Калининский, воевавший с красными с первых дней гражданской войны, прослезился от горечи поражения. После митинга группа белогвардейцев, куда вошли капитан Владимир Орлов, капитан Соколов, поручик Калининский, казак Матвеев, прапорщик Ширяев, поручик Верещагин, религиозный фанатик по прозвищу «пророк» Ипат Опанасей и др., была арестована и под конвоем матросов отправлена по этапу в Котлас. В пути все арестованные были расстреляны якобы при попытке к бегству. За организацию самосуда начальник конвоя матрос Закалочный был отдан под трибунал, но по ходатайству командования отделался весьма мягким наказанием (как выяснилось гораздо позже, расстрел белогвардейских офицеров был произведен как раз по приказу командования).

В Усть-Вашке красные арестовали штаб 1-го Мезенского полка во главе с полковником Трояновым и отправили по этапу в Вятку. Долго искали прапорщика Леонида Маркова. По воспоминаниям комиссара И.П.Чукичева, красные первым делом решили «быстро разыскать Маркова, арестовать его... Одному из первых встретившихся белогвардейских солдат мы отрывисто бросаем: «садись в сани, укажешь, где квартира Маркова». Вбегаем в комнату Маркова – пусто. Спрашиваем хозяйку: «Где Марков?» Ответ: только-только был здесь. Радостная мысль: струсил, сбежал» (красные очень боялись «зеленого» Маркова, могущего снова поднять удорское крестьянство против любой власти). Комиссар Чукичев приказал «окружить Латьюгу, объявить населению, у кого будет найден Марков, с тем поступят по законам военного времени». В течение суток шли поиски Маркова, наконец, он был выслежен, арестован и под конвоем отправлен в Архангельск. По дороге Л.П.Марков сбежал вместе с конвоирами, организовал банду и в течение нескольких лет терроризировал советскую власть в пределах Архангельской губернии.

Сопrotивления красным на Удоре после капитуляции никто не оказывал, за исключением начальника важгортской пулеметной команды И.П.Попова, который несколько часов отстреливался в Нюхче из пулемета, пока не был убит. Рядовые белые солдаты получили месячные отпуска на родину, после которых обязаны были вернуться в строй, только на этот раз в ряды Красной армии. Известны случаи, когда группы безоружных белогвардейцев по дороге домой рвали телефонные провода между населенными пунктами, вызывая тем самым гнев красных на местных жителей (последние подвергались крупным штрафам, за порчу связи в деревнях брались заложники). Тем не менее, капитуляция на Удорском фронте прошла спокойно. 24 марта 1920 г. в Яренском уезде было снято осадное положение.

Последние бои.

Иначе развивались события в верхнепечорском и верхневьегодском районах Коми края, где белые продолжали сопротивляться и после падения Архангельска. Здесь размещались троицко-печорская группировка 10-го Печорского полка и два батальона 14-го Вычегодского полка общей численностью до двух тысяч штыков и сабель (по данным историка В.И.Прошева). Для ликвидации вражеской группы войск красным пришлось сосредоточить только на верхней Вычегде до двух батальонов пехоты, конницу, подтянуть артиллерию. На верхнепечорском направлении красные действовали силами 33 бригады ВОХР численностью до тысячи штыков, 50 сабель и при 11 пулеметах.

Наступление на белых велось с четырех сторон: на верхневьегодскую группу – на аныбском и вочевском направлениях, на троицко-печорскую – непосредственно с юга и из-за Урала по тракту Ляпино – Усть-Щугор, где действовал Северный отряд красных под командованием Лепехова в 500 штыков. Боевые действия в Коми крае привлекли внимание IV Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий, проходившей в феврале 1920 г. в Москве. По предложению Ф.Э.Дзержинского, делегаты конференции послали приветствие частям ВОХР, которые «занимают участки и сдерживают напор белогвардейцев ... чардынского и вычегодского направления».

25 февраля 1920 г. в Усть-Куломе, где размещался штаб 14-го Вычегодского полка, была предпринята попытка переговоров с красными о капитуляции. 28 февраля командующий троицко-печорской группировкой войск капитан В.Шульгин предложил начать мирные переговоры на следующих условиях: «1. Прекращение активных действий с обеих сторон. 2. Не вводить советские войска в Троицко-Печорский район и в пределы реки Печора... 4. Должны быть даны полные гарантии со стороны советских войск о недопустимости какого бы то ни было террора, как-то убийств, грабежа, насилия, произвола, мародерства, спекуляции, так как таковые нами считаются подсудными преступлениями. 5. Должны быть гарантии всеобщего избирательного права

пользующихся авторитетом и доверием от населения лиц...». Шульгин предложил создать в верховьях Печоры и Вычегды некую «нейтральную зону», где не будет ни красных, ни белых (так называемую «Печорскую республику»), однако командование красных отклонило условия Шульгина.

24-25 февраля 33-я советская бригада ВОХР выбила противника из Вочевского района (Вочь обороняла 9-я рота 14-го Вычегодского полка, бывший Керчомский белопартизанский отряд). 2 марта красные с боем заняли Якшу, а 3 марта вошли в Порог и Мамыль, развивая наступление на Троицко-Печорск. В этот же день командующий войсками красных в Вычегодском районе комбриг Н.И.Парамонов, прибывший на фронт, обратился к командиру 14-го Вычегодского полка штабс-капитану А.О.Прокушеву с предложением о «немедленной добровольной сдаче» в обмен на «жизнь и... свободно выезжать из пределов Советской России» (сообщение Парамонова о возможности свободного выезда за пределы России основывалось на ноте наркома иностранных дел Г.В.Чичерина ВПСО, но уже 5 марта 1920 г. В.И.Ленин лично отдал указание РВС VI Красной Армии: «Выездов за границу пока не разрешайте. Арестованных офицеров используйте для труда. Остающихся на свободе – для той же цели», тем самым изменив обещания советской власти). Парамонов предупредил Прокушева, что «в случае отрицательного ответа на настоящее ультимативное предложение вся ответственность за последствия в будущем ложится на комсостав белогвардейского командования в этом районе». Прокушев и ревком 14-го Вычегодского полка (образованный в конце февраля 1920 г. под председательством прапорщика Р.П.Кука) 4 марта 1920 г. отдали приказ «капитулироваться и ... сложить оружие в склады под охрану караулов».

Однако начальник аныбского гарнизона подпоручик В.М.Цикин отказался выполнить приказ (есть также версия, что Цикин был в сговоре с Прокушевым). Не зная о решении штаба 14-го полка о капитуляции, П.И.Малков 3 марта докладывал в Москву: «На письменные просьбы командира 14-го северного полка белых штабс-капитана Прокушева и ревкома, образованного в Усть-Куломе, о высылке официальной делегации с условиями капитуляции, нами была послана делегация с ультимативным предложением о полной капитуляции, на что дан срок 24 часа. В Аныбе делегация принята зверски: начальник заставы разорвал парламентские документы и произвел 7 выстрелов в стену, говоря: «Вот вам ответ». На заставе белые мертвецки пьяны. После этого делегация вернулась в наше расположение. Ревком белых в Усть-Куломе, состоящий из комсостава и ярых белогвардейцев, взял пока власть над солдатами и, спасая свою шкуру, удовлетворил последних всем, что было в наличии в их распоряжении, как-то: выдача совершенно нового обмундирования, снаряжения, обещая распустить по домам. Из этого видно, что белые хотят выиграть время, очевидно, не допустить наступления одновременно и этим дать возможность

разойтись белой армии по всей губернии с оружием в руках... На основании изложенного, мною отдан приказ перейти к активным действиям на всех участках».

4 марта 1920 г. красные силою до двух батальонов при поддержке артиллерии и кавалерии атаковали Аныбские высоты. День был пасмурный, шел сильный снегопад. Рота красноармейцев под командованием И.В.Чекавинского, усиленная пулеметными командами, наступала на Лун-Поку. Гарнизон ее оборонялся упорно, белые даже переходили в контратаку. Партизаны перерезали телефонный провод между Аныбом и Лун-Покой. Артбатарея красных, установленная на перевозе через Вычегду, непрерывно обстреливала аныбские высоты. По разным данным, было выпущено от 78 до 200 снарядов, среди них зажигательные. Старались прежде всего попасть в дом священника А.Е.Попова, где по данным разведки находился штаб подпоручика Цикина. В Аныбе начались пожары. Батальон красноармейцев при поддержке лыжников и конницы медленно продвигался в сторону белых.

Аныб был окружен, в тылу белых действовал отряд красных партизан и рота красноармейцев под командованием Г.Ефимова. В течение 10 часов шел упорный бой. Лыжный отряд красных под командованием К.С.Чупрова сумел уничтожить пулеметные гнезда белых. Наконец, в ночь на 5 марта аныбский гарнизон капитулировал. За успешные боевые действия под Лун-Покой и Аныбом И.В.Чекавинский был награжден Почетной грамотой Реввоенсовета, а К.С.Чупров получил денежную премию в сумме 4 тысяч рублей.

Связавшись по телефону с Усть-Куломом, красные получили подтверждение Прокушева и солдатского ревкома о сдаче в плен. Встреча красных войск на верхней Вычегде была обставлена торжественно, везде висели красные флаги, солдаты выстраивались для капитуляции. Осечка вышла в Керчомье, где отказались сложить оружие. По воспоминаниям Е.А.Напалкова, «Керчомью окружили с двух сторон: со стороны Канавы и со стороны Пермской губернии. Все взрослое население – белогвардейцы и антисоветские элементы вооружились чем попало. Пулеметами взяли Керчомью и здесь ликвидировали на Севере последний оплот белогвардейщины». К вечеру 5 марта Керчомья капитулировала.

В тот же день красные вошли в Усть-Кулом, где приняли капитуляцию штаба 14-го Вычегодского полка. Офицеры полка были арестованы и отправлены в Вологодский концлагерь принудительных работ, позднее некоторых из них расстреляли, в том числе председателя ревкома 14-го полка прапорщика Р.П.Кука. Рядовой состав полка был принят на службу в Красную Армию. Небольшие группы белых скрылись в лесах. Трофеи красных составили несколько тысяч винтовок, 52 автомата, три артиллерийских орудия, 30 тяжелых пулеметов, много продовольствия и т.д. Часть трофейных винтовок была переделана под охотничьи ружья и продана потом местным крестьянам.

6 марта красные подошли к Троицко-Печорску. Есть версия, что гарнизон села отказался защищаться. По другим источникам, бой все же был. Отряд красных лыжников обошел село, и в 6 часов утра 6 марта части 33 бригады ВОХР атаковали Троицко-Печорск. Пулеметные точки противника были уничтожены артиллерийским огнем. Из книги «Под красным знаменем», изданной в Перми в 1957 г., можно узнать, что первым в Троицко-Печорск ворвался отряд красноармейцев во главе с Ланским и комиссаром Веревкиным. Белые защищались вяло. Капитан В.Шульгин с группой офицеров бежал в Усть-Щугор. Красные захватили в качестве трофеев три артиллерийских орудия, 1010 винтовок, 15 пулеметов, 344 ящика патронов, 451 ящик гранат, 83 ящика пулеметных лент, 15 магазинов для пулеметов, три пассажирских парохода, паровой буксир «Москва», паровой катер, несколько барж и большое количество продовольствия.

9 марта 1920 г. Северный отряд Лепехова из-за Урала подошел к Усть-Щугору и окружил его. Последний гарнизон белых капитулировал. Офицеры 10-го Печорского полка специальным приказом чрезвычайного уполномоченного штаба обороны Кай-Чердынского района А.Труша под конвоем были отправлены в Чердынь. По дороге группа офицеров, ведомая конвоирами под начальством Крылатого, была расстреляна в Порогах. Там же якобы при попытке к бегству был убит организатор антибольшевистского восстания в Троицко-Печорске в феврале 1919 г. И.Ф.Мельников.

9 марта начальник оперативного управления штаба VI Красной Армии Б.А.Буренин в донесении командарму А.А.Самойло сообщил: «Начобороны края Малков телеграммой №218 сообщает, что весь Северный край Печорского фронта признал Советскую власть. Ревкомы просят приостановить военные действия и послать к ним представителей комсоеотряда...» 13 марта 1920 г. командование красных отдало приказ о прекращении боевых действий, а в середине марта 1920 г. в Усть-Цильму прибыла трофейно-ликвидационная комиссия. На Печоре началось восстановление Советов. Отдельные группы белогвардейцев из числа непримиримых (например, отряд поручика 10-го Печорского полка А.А.Рочева) с оружием в руках скрылись в лесах и тундрах Коми края. Они продолжали оказывать сопротивление советской власти, но позиционная гражданская война в Коми крае закончилась в марте 1920 г.

Судьбы белых.

По разному сложились судьбы бывших белогвардейцев. Штабс-капитан А.О.Прокушев, отсидев несколько месяцев в лагере, был принят на работу счетоводом в вологодский губисполком. Летом 1920 г. А.А.Маегов, проезжая на Польский фронт через Вологду, встретил его на улице города и был крайне возмущен тем, что изменник на свободе. По настоянию Маегова, Прокушева арестовали и отправили на суд в Великий Устюг.

Пытаясь оправдаться перед трибуналом, Прокушев писал: «В плен попал к белым в ноябре 1919 г. с отрядом в районе Усть-Выма Яренского уезда в числе более 400 человек, которые при наступлении белых не дали ни одного выстрела, так как был заранее виден уговор при наступлении белых перебить весь командный состав, в том числе и меня. Знать об этом я не мог, так как был в отряде всего семь дней. После плена, боясь репрессий, вынужден был вступить в ряды белых, иначе мне предложена была стенка... За все время моего пребывания у белых (три месяца) мною не было принято никаких репрессивных мер по отношению к красноармейцам, комсоставу, коммунистам и их семьям. Наоборот, мне приходилось бороться с белыми солдатами, которые мстили за действия Мандельбаума в Печорском крае, отбирали у коммунистов имущество, которое возвращено им обратно. Все факты проверены на месте. На месте я не был арестован и ехал без всякого конвоя по данному мне маршруту.» 31 октября 1920 г. северо-двинский трибунал вынес приговор о расстреле Прокушева «за контрреволюцию». 4 ноября в шесть часов утра приговор привели в исполнение.

Начальник усть-немского гарнизона подпоручик В.П.Щекин отсидел в вологодском концлагере принудительных работ месяц, после чего в качестве военспеца был отправлен на запад воевать с белополяками. В 1925 г. Щекина вновь арестовали как бывшего белогвардейца. Его дальнейшая судьба неизвестна. Начальник аныбского гарнизона подпоручик В.М.Цикин бежал 10 июня 1920 г. из вологодского концлагеря, по слухам, в Финляндию. Штабс-капитан К.Г.Калинин, отбыв наказание, в 1920-х годах проживал в Сизябске. Бывший председатель Усть-Сысольской городской Думы при белых П.А.Забоев был расстрелян летом 1920 г., вместе с ним расстреляли А.П.Кудинова, начальника охраны белого Усть-Сысольска. Председатель Усть-Сысольской уездной Земской управы В.А.Тентюков скончался по старости в 1925 г. Н.А.Шахтаров, участник Троицко-Печорского восстания, командир белого партизанского отряда, прятался в лесах и за Уралом до августа 1922 г, затем был арестован, но оказался на свободе, в мае 1925 г. вновь арестован, в 1926 г. приговорен к девяти годам тюрьмы.

Благополучно выехавший за границу С.О.Латкин, прежде чем осесть в Англии и заняться книжной торговлей, много путешествовал по Европе, правда, в основном по служебным делам. По словам Ф.В.Буханцова, за границей Степан Осипович стал одним из доверенных лиц Е.К.Миллера, занимавшего в 1920-1922 гг. пост главноуполномоченного и начальника штаба барона П.Н.Врангеля в Париже. В 1921 г. Латкин открыл книжную лавку «Родное слово» в Лондоне. Она помещалась на Шафтсбери-авеню, 222. Именно этот адрес был указан для почтовой корреспонденции из Советской России. В Лондоне Латкин выписывал газету «Югд туй» из Усть-Сысольска. Согласно тому же Ф.В.Буханцову, книжная лавка Латкина «имела двойное назначение. Днем бывший губернатор, забавно мешая русские и английские

слова, услужливо предлагал покупателям книги, журналы и газеты различных оттенков и направлений... Но вечером же в просторной квартире Латкина, примыкавшей к книжной лавчонке, собиралось изысканное общество, состоявшее из бывших «хозяев» России, вышвырнутых за границу Октябрьской революцией. Оказавшись на чужбине, они отнюдь не считали себя побежденными. И хотя из России приходили совсем неутешительные для них вести, многие из них были уверены, что власть большевиков – это временное явление. Разгоряченные неумеренными порциями спиртного, они строили самые невероятные, порой фантастические планы похода на Советскую Россию».

Чекисты перехватили его письмо родителям, в котором содержались такие, например, строки: «Нелегка теперь жизнь всем, кто не хочет быть приспешником хамства и черни... В этом мы виноваты - мало любили и ценили то, что имели и вот теперь плачем...»

Впервые идею о возвращении Латкин решил реализовать еще весной 1921 г., когда в лондонской гостинице «Ферставеню» он встретился с советским полпредом Л.Б.Красиным и попросил его хлопотать о разрешении на въезд в Советскую Россию. 31 января 1922 г. Степан Осипович направил Красину письмо, в котором, в частности, писал: «Весьма Вам благодарен за Ваше обещание поговорить в Москве о возможности моего возвращения на Родину. Сообщаю о себе: с тюрьмой познакомился в 1904 г. и распрощался с ней в 1918 г. Были крупные должности, служил агрономом, в земстве. Участвовал в походе на Вычегду в качестве уполномоченного Красного Креста. Никто не был казнен мною или по моему повелению...» Несмотря на обещание Красина, визу на въезд Латкин в 1922 г. не получил.

В 1924 г. в Англии побывал с делегацией наркомата земледелия РСФСР профессор Н.Д.Кондратьев, старый деятель партии эсеров, хорошо знавший Латкина со слов работника наркомата земледелия М.А.Большакова (мужа сестры Степана Осиповича Марии). В Лондоне Кондратьев несколько раз встречался с Латкиным и посоветовал ему вновь подавать заявление о возвращении, на этот раз в качестве сельскохозяйственного специалиста, в которых СССР нуждался. Так Латкин и сделал. В свою очередь, Кондратьев, вернувшись в Москву, тоже обратился к властям с ходатайством о выдаче разрешения на возвращение Латкину, так как тот, по словам профессора, «является дельным работником и его возвращение в СССР было бы крайне желательным».

В конечном итоге, в июле 1925 г. С.О.Латкин смог приехать в Советскую Россию. Некоторое время он жил на квартире Большаковых в Москве, а потом, с помощью Кондратьева получив должность агронома в Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, выехал в Саратов. Там жил сын Латкина Василий, студент Саратовского индустриального техникума. Отец и сын встретились после долгой разлуки и стали жить вместе. По архивным

данным, вскоре между ними возникли нелады, но причина неприязненных взаимоотношений не известна. Проработал Степан Осипович в Саратове недолго, до весны 1926 г. За это время он несколько раз выезжал в командировки по губернии для сельскохозяйственного обследования районов, предназначенных для переселенцев. В селе Дергачи им были организованы сельскохозяйственные курсы для старожилов и переселенцев. Начальник экспедиции Баранов высоко отзывался о Латкине, считая его «крайне полезным работником».

15 марта 1926 г. С.О.Латкин был арестован ОГПУ. Газета «Югд туй» в номере от 15 июня 1926 г. сообщила читателям, что «коми областным отделом ОГПУ разыскан на территории СССР и арестован белогвардейский «губернатор» Степан Латкин. Латкин для следствия и суда доставлен в Усть-Сысольск». 28 июня 1926 г. ему было предъявлено обвинение в организации Белого движения в Коми крае и убийствах коммунистов и беспартийных активистов советской власти – всего 113 человек. Еще до начала судебного процесса коми обком РКП(б) организовал подачу с мест писем от «народа» с требованием смерти Латкина, как главного палача и душегуба в годы гражданской войны на коми земле.

Следствие в Усть-Сысольске продолжалось до конца 1926 г. На допросах Степан Осипович держался достойно. Из его дела видно, что он не назвал ни одной фамилии своих агентов в Усть-Сысольском и Яренском уездах, снабжавших его информацией о положении дел на советской территории в 1919 г. Латкин также сделал заявление, что по его приказу коммунисты и советские деятели не расстреливались – этим занимались военные каратели. В Усть-Сысольске, например, не был расстрелян ни один коммунист или советский активист; наоборот, как здесь, так и в других местах он, Латкин, брал к себе на службу раскаявшихся большевиков. Приговоры о расстрелах или арестах коммунистов выносили местные крестьянские общества, которыми, собственно, и руководствовались карательные органы белых. Поток писем с мест тем временем нарастал. Трудящиеся Коми области требовали от властей «применить по отношению к Латкину высшую меру социальной защиты», в крайнем случае – «длительное тюремное заключение», как писали, например, граждане Сторожевской волости.

ОГПУ привлекло по делу С.О.Латкина сотни лиц. Были допрошены фактически все мало-мальски знавшие Степана Осиповича люди, в том числе В.Ф.Попов, А.А.Черепанов, Н.В.Лодыгин, Б.А.Едский, З.Д.Следников и др. Агенты ОГПУ разыскали во многих отдаленных уголках Советской России бывших белогвардейцев, участвовавших в Вычегодском походе 1919 г., и допросили их, пытаясь выяснить роль Латкина как «губернатора». На дому отца Латкина был устроен обыск. Обыск произвели и на квартире Марии Большаковой, которая приехала из Москвы в Усть-Сысольск помогать брату. Уполномоченный коми отдела ОГПУ А.Рубинов запросил Москву о санкции

на допрос мужа Марии М.А.Большакова, но получил отказ. 14 августа 1926 г. чекисты перехватили письмо Латкина сестре, в котором содержались такие строки: «Рубинов напирает на то, что я производил массовые аресты... Не верно... Что я допрашивал Домну Каликову. Я ее не видел. Словом – приписывается мне очень много и все на основании свидетельских показаний. Рубинов говорит, что я хвастался на свадьбе у В.П.Комлина, что я приехал в Усть-Сысольск специально, чтобы повесить всех коммунистов, и что это подтверждают участники этого пира. Какая ложь! Как раз наоборот: мой разговор с И.И.Комлиным, где я подчеркиваю, что я никого не буду вешать и убивать и что слухи о моей жестокости – ложны. Словом, свидетельств против меня – очень много. Будут ли за меня – не знаю». Еще одно письмо Латкина сестре чекисты перехватили в сентябре 1926 г. Из него можно узнать, что в камере Латкин вел дневник («не для потомства, а просто поговорить»). Свидания Степана Осиповича с отцом и сестрой не разрешались. В тюрьме он содержался в одиночной камере.

14 декабря 1926 г. А.Рубинов передал дело С.О.Латкина в Москву. Сам обвиняемый был отправлен туда же по этапу 20 декабря. 28 февраля 1927 г. Коллегия ОГПУ постановила передать дело Латкина на рассмотрение Особого Совещания. 28 марта 1927 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ решило «войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о предоставлении Коллегии ОГПУ права вынесения внесудебного приговора по делу Латкина». 1 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР рассмотрел ходатайство и удовлетворил его. Без суда Степан Осипович был приговорен к расстрелу 18 апреля 1927 г. Все это время он содержался в Таганской тюрьме (камера № 1) и Внутренней тюрьме НКВД.

После приговора о расстреле Латкин пишет письмо в ВЦИК СССР: «Приговором Коллегии я присужден к расстрелу. Не желая просить пощады, я протестую против подобной расправы, которая творится вопреки здравому смыслу и вопреки законов (6 пункт 4 статьи Уголовного и Процессуального кодекса и 2 примечания 33 статьи Уголовного кодекса РСФСР). Просить пощады или помилования я считаю для себя абсолютно невозможным. Гордость ли это? Может быть, да, а может быть здесь не гордость, а простой искренний протест, и протест нужный, на мой взгляд».

Расстрелян Латкин был, по всей видимости, не сразу, ибо только 18 сентября 1927 г. газета «Югд туй» в заметке «Венок на могилу палача» сообщила читателям, что «губерниятём губернатор» (т.е. «губернатор без губернии» на коми языке) расстрелян. Так завершился жизненный путь самого известного политического деятеля Коми края начала XX в.

«Коммунисты все съели».

Мир и тишина не сразу пришли на коми землю. Хозяйственная разруха, сохранявшиеся трудности со снабжением, политика военного коммунизма,

жестокое репрессивные меры против «классового врага» («мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр... или в Чека, или прямо на тыловые работы и в концентрационные лагеря», – гордо рапортовал Усть-Сысольский уком РКП(б) Центральному комитету компартии 6 апреля 1920 года) вели к массовому недовольству населения большевистской властью уже после окончания военных действий.

В лесах скрывались банды «зеленых» и бывших белогвардейцев, время от времени нападавшие на различные обозы. Вспыхивали перестрелки, вновь лилась кровь. Всю весну 1920 г. обозы красных постоянно обстреливались на верхней Печоре. 20 апреля 1920 г. начальник усть-сысольского гарнизона К.Воронин чуть было не объявил город на осадном положении, издав приказ № 25, в котором, в частности, отмечалось: «За последнее время по городу стали циркулировать слухи, якобы в Петрограде, Москве, Вологде происходят восстания против коммунистов... В сумерках по городу раздаются одиночные выстрелы, как раз в то время, когда за этим трудно уследить... Приказываю немедленно прекратить бесцельную пальбу по городу... На месте арестовывать виновных...».

Особенно тревожно было на верхней Печоре. В конце 1920 г. началось брожение в троицко-печорском гарнизоне. Красноармейцы отказывались защищать советскую власть. В политсводке по Троицко-Печорску от 1 декабря 1920 г. отмечалось: «В карроте настроение красноармейцев плохое... Пускай воюют партийные... Мы стерли с лица земли всех старых начальников, а у нас опять есть начальники. Мы завоевали свободу, а нам свободы ничуть нет... Дома отбирают все, что попало... Опустошают амбары и отбирают скот... Вот вам и свобода».

Яркий пример беспредела приведен в воспоминаниях Л.Кокорина («Вечерний Сыктывкар», 22 апреля 1993 года). В 1920 году в деревню, где жили его родители, нагрянул продотряд. Продармейцы «забрали почти весь хлебный запас, а заодно – лошадь, два тулупа, три пары валенок... Так поступили и с другими крестьянами». Через месяц появился второй отряд, снова искали хлеб. «Моего деда... поставили к стенке, заставляя признаться, где спрятан хлеб. Всё это происходило на глазах четверых детей». После этого в деревне еще не раз появлялись продотряды, угрожали расправой. Когда очередные охотники за хлебом стали отбирать у крестьян скот, вооружившиеся чем попало жители выгнали мародеров из деревни.

В Печорском уезде в 1920 г. нормы продразверстки (пуд масла с каждой коровы и одна корова на мясо в случае наличия нескольких с хозяйства на нижней Печоре; три фунта масла с коровы и пуд мяса с хозяйства на средней Печоре и Ижме) оказались настолько высоки, что достаточно было любого повода для начала массового антибольшевистского восстания. Численность отрядов бывших белогвардейцев, скрывавшихся в тундре, резко увеличилась

притоком недовольных продразверсткой крестьян и составляла к началу 1921 г. несколько сотен человек.

В январе 1921 г. I Всекрыанский съезд коммунистов констатировал, что «часть населения Сысольского района к советской власти относится отрицательно». Что касается отношения крестьян к самим коммунистам, то I Усть-Сысольское уездное совещание работников деревни в мае 1920 г. сделало вывод, что «наше крестьянство еще далеко от стремления к организационному строительству, оно до сих пор по своей малосознательности относится к организации РКП безразлично. Это подтверждается и тем, что стремление вступать в партию совсем не наблюдается, за исключением очень незначительного сознательного элемента». Примерно такое же отношение к РКП(б) после окончания гражданской войны было и у рабочих; в апреле 1920 г. развалилась единственная пролетарская организация РКП(б) в Коми крае на Нювчимском чугунолитейном заводе, 85% ее состава подали заявление о выходе из партии.

Ситуация не изменилась и после отмены продразверстки продналогом. Президиум Коми обкома РКП(б) в июле 1921 г. отмечал, что «замечается на местах, в частности в Сторожевском районе Усть-Сысольского уезда, население отказывается от уплаты продналога. Такое настроение перебрасывается в Усть-Куломский район». На заседании расширенного пленума Коми обкома РКП(б) с участием председателей районных ревкомов и секретарей райкомов РКП(б) в ноябре 1921 г. прозвучало, что «отношение к партии недоверчивое... не сочувственное, население говорит, что коммунисты все съели».

Председатель усть-куломского ревкома Г.А.Напалков на этом заседании выступил с сообщением о бунте недовольных высоким продналогом крестьян в Усть-Куломе: «Отношение населения было отрицательное, в особенности после занятия поповского дома под ревком. Во время отсутствия членов ревкома в названном доме был произведен разгром: разбили зеркала, лампы, захвачена часть документов...в центре района Усть-Куломе продналог поступает плохо. Пришлось принять репрессивные меры: было арестовано до 100 членов, из них трое переданы в ревтрибунал».

Усинское восстание.

В конце 1920 – 1921 гг. по стране наблюдались массовые выступления крестьян, недовольных советской продовольственной политикой. Восстания вспыхнули в Тамбовской губернии, в Западной Сибири. В марте 1921 г. произошел Кронштадтский мятеж. Организаторами этих выступлений являлись в основном эсеры (в августе 1921 г. 10-й Совет ПСР постановил, что «вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой

демократии»), движущей силой – зажиточное и среднее крестьянство. В советской историографии восстания традиционно трактовались как кулацкий бандитизм (уже в годы гражданской войны сам термин «кулак» приобрел более политическое значение, чем экономическое и стал означать врага советской власти).

Западносибирское восстание началось в конце января 1921 г. и охватило большую территорию приуральских губерний (Тюменской, Омской, Челябинской и Екатеринбургской). Организатором восстания выступил проэсеровский Всесибирский крестьянский союз, образованный в мае 1920 г. в Омске. Повстанцы выдвинули ряд политических требований, в частности, созыв Учредительного собрания Сибири, «Советы без коммунистов» и т.д. Повстанческие дивизии общей численностью до ста тысяч человек под командованием бывшего колчаковского поручика В.А.Родина в считанные дни стали контролировать огромную территорию, перерезали все железные дороги, связывающие Западную Сибирь с Москвой. Восстание распространилось на север и на запад, в Коми край.

В середине февраля 1921 г. отряд зауральских повстанцев прорвался по Ляпинскому тракту на среднюю Печору и захватил Усть-Щугор. Повстанцы намеревались идти на Чердынь, поднимая по дороге окрестное население, но сумели захватить в свои руки помимо Усть-Щугора только Савинобор. В Троицко-Печорске в это время находился красноармейский гарнизон численностью в 863 штыка. Часть гарнизона, по донесениям комиссаров, была ненадежна и могла присоединиться к мятежникам. Из Чердыни были затребованы дополнительные контингенты красноармейцев. Под Савинобором разведгруппа красных попала в засаду и была частью перебита мятежниками, однако дальнейшие военные действия показали явное превосходство красных в численности и вооружении. После упорного боя под Усть-Щугором (во время которого все село несколько часов обстреливалось со всех сторон из пулеметов) часть уцелевших зауральских повстанцев покинула пределы Печорского уезда, уйдя обратно за Урал.

17 марта 1921 г. под руководством эсеров вспыхнул мятеж в Обдорске (Салехарде). Красноармейский гарнизон и советские беженцы оставили город и, перевалив Урал, разместились на реке Усе на территории Печорского уезда в селениях Петрунь, Абезь, Фион, Ошвор, Роговая. Штаб салехардской группировки разместился в Петруни, Там же стоял наиболее крупный отряд красных под командованием М.В.Харахорина. 14 апреля 1921 г. отряд салехардских мятежников под началом Фурлет Ваня и Сергеева, идущий по следу беженцев, напал на заставу в Ошворе, где размещалась полурота красноармейцев в 60 штыков под командованием Сергиенко. В бою застрада была уничтожена, уцелели только три красноармейца И.И.Мунаров, Войцеховский и Витязев, которые добрались до Петруни.

Ошворские события всколыхнули весь Печорский уезд. В Усть-Цильме возник штаб подготовки антибольшевистского восстания на Печоре, возглавляемый Г.Г.Недашковским. В штаб входили ряд ответственных советских работников уездисполкома, уездвоенкомата и других органов. А.А.Потапова пишет в своих воспоминаниях, что советские руководители накануне Усинского волнения (получившего впоследствии известность, как «рочевщина») все выехали – кто в Архангельск, кто в Усть-Сысольск, так что одно время вся власть в красной Усть-Цильме принадлежала двум женщинам – А.А.Потаповой и О.Д.Родевой, членам печорского укома РКП(б). По некоторым данным, антибольшевистский штаб возник и в Троицко-Печорске, где распространялись эсеровские листовки.

30 апреля банда Исаака Меркуша неожиданно напала на продотряд В.И.Виноградова в деревне Ниедзьель на реке Усе и перебила его. Виноградов погиб. Тогда же был убит советский связной Туркель, посланный из Петруни в Усть-Цильму. В некоторых источниках указывается, что именно Туркель был начальником всего салехардского советского отряда, но Т.Губерман утверждает, что он был лишь рядовым работником штаба. 3 мая в Ниедзьель подошел отряд поручика Алексея Рочева, возглавившего повстанческое движение.

Алексей Андреевич Рочев, ижемский учитель, стал офицером на фронтах I мировой войны. Одним из первых на Печоре добровольно вступил в ряды Белой армии, воевал с красными с августа 1918 г. в белопартизанских отрядах Народной Армии Печорского уезда, командовал 10-й ротой в Печорском батальоне. После сформирования 10-го Северного Печорского полка командовал 4-й ротой, расквартированной в Усть-Ухте. В феврале 1920 г. предпринял попытку подавить просоветский солдатский мятеж в Ижме и Мохче, но неудачно. После капитуляции 10-го полка скрылся в лесах и продолжил борьбу с красными.

Имущество экспедиции В.И.Виноградова и ценности, которые вез Туркель, были разграблены. По словам одного из мятежников, Ивана Гичева, в руки белобандитов попали бочки с золотом, серебром, ткани, шелка и другой всевозможный товар. В середине мая 1921 г. Рочев занял Колву, где в его отряд вступили десятки местных крестьян, в том числе секретарь колвинского волисполкома В.С.Филиппов, назначенный командиром взвода повстанцев. Из Колвы Рочев намеревался идти на Усть-Цильму; его отряд насчитывал не менее 200 человек. В мае 1921 г. печорские повстанцы контролировали часть Усинского района от Ниедзьеля до Колвы, имея связь с Ляпино и Салехардом. Среди населения получили распространение листовки «Да здравствует Советская власть без коммунистов!» издания Главного Штаба Народной Армии в Тобольске. Многих большевиков в Усинском районе зверски казнили.

В Печорском уезде было объявлено осадное положение. 29 мая 1921 г. газета «Красная Печора» открыто признала, что на территории уезда идут

бои и что «в нескольких селениях по реке Усе бандитами разграблены местные кооперативы и склады, расхищена часть мяса, предназначенного для распределения населению, бессмысленно испорчена часть постелей, приготовленных к переделке на замшу..., затрудняется наш план весенней доставки части Ляпинского и Обдорского хлеба через Урал».

Для подавления повстанческого выступления срочно были направлены красноармейские отряды и части ЧОН из Архангельска и Чердыни. Штабы повстанцев в Усть-Цильме и Троицко-Печорске были раскрыты и арестованы. 6 июня 1921 г. красные в Зауралье овладели Ляпино, где им сдались около 200 повстанцев при одном офицере. К концу июня Западносибирское восстание было окончательно ликвидировано регулярными частями Красной Армии.

29 июня 1921 г. отряд поручика Рочева, преследуемый со всех сторон архангельскими, чердынскими и салехардскими частями красных, был окружен у д. Калякурья на Усе (интересно, что проводники красных постоянно пытались увести советские отряды в сторону от повстанцев, путали следы и в конце концов вывели прямо на заставу мятежников, дав возможность последним предупредить своих о появлении противника).

Участник событий тех лет на Усе Н.А.Терентьев писал в своих воспоминаниях, что во время преследования отряда Рочева «нужна была осторожность, ибо население могло обмануть». По словам Терентьева, во время подавления Усинского волнения части красных, запуганные сложной обстановкой, однажды вступили в перестрелку друг с другом в районе Усть-Усы. Отряд милиции под начальством Шубина два часа вел бой с применением пулеметов с пароходом красноармейцев «Межень», приняв его за пароход белобандитов. Окруженных в Калякурье мятежников несколько часов обстреливали из пулеметов, потом красноармейцы атаковали деревню с криками «ура». Перед самой атакой к красным перебежал Иван Гичев, сообщивший, что самого Рочева в Калякурье нет.

Участник боя, чоновец А.И.Семьяшкин рассказывал о взятии Калякурьи: «Среди жителей сел и деревень прошел слух, что банды Рочева-Манзадея обитают в междуречье Косью и Сыни – в тихих, немногочисленных местах. Принимается решение двумя отрядами подняться одновременно по Косью и Сыне. Я был в составе отряда, идущего по Косью. Вторая половина июня месяца. Дни светлые, погода теплая, тихая. Наш маленький пароход, равномерно шлепая колесами по воде, с трудом преодолевает сильное течение реки. вот показалась небольшая деревушка Калякурья. Раздается команда занять места на носу судна. Зашевелились пулеметчики, по бортам, где кому удобно, разместились солдаты с винтовками. Занималось утро. Над лесом повисло солнце, в воздухе чувствовалась утренняя прохлада. Бандиты, видать, только встали, тревоги не чувствовалось. Некоторые в нижнем белье играли в городки, другие занимались утренним туалетом. Как только пароход

повернул к берегу, сразу же ударили наши пулеметы. Среди бандитов началась паника. Многие устремились к лесу, а небольшая группа с винтовками наперевес побежала к воде и стала отстреливаться, стоя по грудь в воде и ведя прицельный огонь. С приближением парохода выстрелы начали затихать. Было много убитых, раненых. А кто успел убежать, скрылись в лесу».

Потери повстанцев под Калякурьей оцениваются по-разному. Н.А.Терентьев пишет, что белобандиты потеряли 16 человек убитыми, Т.Губерман утверждает, что повстанцы только убитыми потеряли 80 человек и 20 человек были ранены. Рочеву удалось спастись. После этого боя Усинское волнение на территории Печорского уезда считалось подавленным, хотя отдельные группы недовольных советской властью (например, банды Кондакова, Дурасова, Петра Рочева, Нерьяки-Мишки и др.) скрывались в тундре и на реке Воркуте до конца 1922 г. и по мнению современников, «каждый оленевод для них был приютом и долго еще пришлось их искать». Сам А.А.Рочев был выдан собственными друзьями в сентябре 1921 г. и без суда расстрелян в Усть-Усе (заодно расстреляли и друзей).

Одновременно с ликвидацией отряда Рочева прошла операция по обезоруживанию повстанческого отряда Ефрема Кириллова, попытавшегося закрепиться на Пижме. Уроженец Пижмы торговец Н.Кириллов участвовал в гражданской войне на стороне белых. После капитуляции белых в начале 1920 г. он продолжал борьбу с Советской властью, руководя небольшим отрядом. По данным историка А.Ф.Сметанина, крестьяне поддерживали Е.Кириллова, не выдавали членов его отряда, открыто проживавших в пижемских деревнях. В середине 1921 г., когда основные силы Советской власти в Печорском уезде были брошены на борьбу с отрядом А.А.Рочева, Е.Кириллов решил взять власть на Пижме в свои руки и объявил об этом на сходе.

Учитывая благожелательное отношение значительной части населения к Кириллову, уездные большевистские лидеры вначале не предприняли открытого наступления против него, а направили на Пижму (в д. Скитскую) отряд красноармейцев под видом рабочих во главе с Г.Юрченко и К.Левкиным, который разведал обстановку. Затем на Пижму подошли дополнительные силы. Спланированная по всем военным правилам операция увенчалась успехом. При помощи группы местных сторонников Советской власти войска напали на отряд Е.Кириллова у д. Новожиловской и разгромили его. Это был последний в Печорском крае серьезный очаг сопротивления большевистской власти.

Пойманные печорские белобандиты получили разные приговоры. Так, например, М.Е.Канев, застреливший В.И.Виноградова, был приговорен сначала к высшей мере, но по случаю пятой годовщины Октября отделался 5 годами заключения. Меркурий Рочев (он был пойман после боя в Калякурье, но по дороге сбежал, убив конвоира Смирнова, и сдался властям только в конце 1922 г.), один из активных помощников А.А.Рочева, вначале тоже был

приговорен к расстрелу, но по случаю амнистии получил 10 лет заключения. В.С.Филиппов был осужден на 5 лет заключения. Участвовавшие в расстреле бывшего председателя Колвинского Совдепа Протасия Юсева (кстати, беспартийного; мятежники были настолько уверены, что он коммунист и скрывает это, что не верили никаким словам о беспартийности Юсева) и колвинского милиционера Григория Рочева И.И.Беляев, Ф.И.Кожевин и С.Н.Хатанзейский получили от пяти до десяти лет заключения. Большинство мятежников «отделались» пятью годами сроков наказания.

Таким образом, весной и летом 1921 г. в Коми крае произошли открытые вооруженные выступления части населения против большевистской власти, подавленные регулярными частями Красной Армии. Ликвидация белоповстанческих отрядов в 1921 г. означала окончательное завершение гражданской войны в Коми крае. Развернутая вскоре большевиками новая экономическая политика способствовала ослаблению напряженности между властью и населением.

Казалось, что время воевать и разрушать наконец-то минуло, пришло время строить. Кто мог знать, что будет впереди?.. Впрочем, символично, что уже в 1921 году появились первые планы создания в Коми крае концлагерей, предназначенных для противников большевистской власти. Заместитель председателя ревкома Коми АО уже знакомый нам Д.А.Батиев в апреле 1921 года предлагал организовать на р. Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И.Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тысяч человек. В конце апреля того же года Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д.А.Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК. Создание лагеря затянулось до 1929 года, когда сам Батиев оказался одним из первых кандидатов в его узники...

Война прошла, недовольство осталось.

Недовольство крестьян советской политикой в отношении деревни продолжалось (хотя и не выливаясь более в открытые восстания). В удорских лесах в первой половине двадцатых годов действовал небольшой отряд Л.П.Маркова, бывшего руководителя удорского «правительства» (только в 1926 году Марков был расстрелян). В январе – марте 1922 г. в ежемесячных сводках волисполкомов на Вычегде и Сысолье отмечается рост недовольства крестьян («тревожно на почве продовольствия», «спокойно с небольшим ропотом» – сообщали в Усть-Сысольск волисполкомы Вильгортской, Ручевской, Вочевской, Пожеской, Межадорской, Кажимской, Чернышской,

Объячевской, Сереговской, Жешартской и Ыбской волостей). Летом 1922 г. наблюдалось «повышенное настроение крестьян на почве всевозможных слухов о налогах и голоде» – сообщали волисполкомы Гамской, Чернышской, Прокопьевской волостей. Ежемесячная сводка усть-куломского волисполкома за июль 1922 г. содержит информацию, что «настроение крестьян подавленное» и что «к коммунистам относятся с недоверием».

Подобная ситуация наблюдалась и в последующие годы. Так, например, информационная сводка Красноборского волисполкома Печорского уезда за сентябрь 1923 г. содержит сведения, что «настроение масс волости по отношению к соввласти колеблющееся и враждебное... недоверие вообще к совслужащим... что коммунисты обманывают и грабят... отношение к коммунистам самое плохое, поэтому и доверия нет. Средняки-крестьяне даже стали открыто высказываться против соввласти и на коммунаров, а именно: Терентьев Н.Н., Терентьев Г.Я.... Терентьев Н.Н. во время выборов волостных депутатов выразил очень резкие слова, что не надо допустить коммунаров...»

Историк А.Ф.Сметанин привел интересные данные об отношении жителей Коми области к властям в 1922 году: в Верхневычегодских волостях «настроение населения... безразличное, в некоторых волостях враждебное – на почве голода, от них идет один стон»; в Сысольских волостях «настроение населения в большинстве безразличное, враждебности нет».

О враждебности населения к коммунистам сообщали из многих мест. Секретарь Сысольского укома И.И.Леканов докладывал на III областной партконференции в сентябре 1922 г., что «вражда зачастую доходит до открытых выступлений и таковые вызываются опять же неумелым подходом к проведению всевозможных кампаний работников из центра» (любопытно, что после выступления т. Леканова выступал на этой же конференции т. Липин, заметивший «Не мешало бы указать Леканову, чтобы он изжил битые сапогами членов партии»). О скептицизме коми крестьян говорил делегат IV облпартконференции (март 1923 года) Шатилов: «Народ говорит, что Советская власть хороша, но много в ней жуликов». В некоторых слоях общества негативные отношения проявлялись ярче. На V облпартконференции Н.А.Шахов заявил: «Большая часть коми интеллигенции... относится к Советской власти враждебно». С годами мало что менялось.

Делегат VI областной партконференции Шаманов говорил в 1924 г.: «Крестьяне на партийцев смотрят недоверчиво и даже опасно выйти на улицу в вечернее время». Булышев, VI облпартконференция: «Население в волостях на организацию (коммунистов – авт.) смотрит как будто на совершенно ненужное». Даже беднота не поддерживала их: «Наши партиячки не научились и не могут вести за собой бедноту» (VII облпартконференция, делегат Вишератин).

По сути дела о кризисе власти, не способной осуществлять квалифицированное руководство, не пользующейся доверием населения,

говорили на многих местных партийных форумах. Так, на III облпартконференции А.М.Чирков, сменивший М.П.Минина на посту секретаря обкома, сказал: «Доклад тов.Минина и прения дали нам такую картину, которую можно выразить одной фразой: «было бы смешно, если бы не было прискорбно». Мы видим следующее: работа носила кустарнический характер, идейного руководства местами... было недостаточно, политическое воспитание очень слабо...». О том же говорил В.И.Сорвачев: «Наша организация нездорова в целом и нуждается в серьезном оздоровлении. Слабость обкома и скверная советская работа это есть отражение состояния нашей областной парторганизации». «Скверную советскую работу» наглядно демонстрирует заметка в газете «Югид туй» от 30 мая 1923 года: «В Вильгортском волисполкоме стало вовсе неладно. Председатель, выбившись из сил, почти уже махнул на всё рукой. Товарищ (заместитель – авт.) председателя... не показывается в исполкоме. Секретарь, чуть не умерев с голоду, вышел со службы... Весь архив... продан спекулянту. Оставшиеся дела раскурены и расхищены...»

О состоянии дел на местах писали и говорили не только ответственные партийные работники. Милиция тоже была тревогу. Начальник областной милиции В.П.Осипов написал целый доклад руководству: «Проезжая по Вычегодскому краю для ревизии Усть-Куломской милиции приходится констатировать факты: члены РКП(б), находящиеся в волостях никакого влияния на крестьянскую массу не имеют и не могут иметь. Волячейки РКП(б) мизерны, от 2 до 5 членов, собрания волячеек почти не бывает, коммунисты в волостях не осведомлены партработой ни уезда, ни области, не говоря уже в республиканском масштабе, газеты никакие не получают, если и получают, то с опозданием на три или четыре месяца, связи волостей с деревнями никакой нет». В конце доклада Осипов заметил, что и «тракт по Вычегодскому краю не отремонтирован, мосты прогнили и некоторые накануне развала...». Одним словом, наблюдался полный развал как в политике, так и экономике.

Делегат III областной партконференции Г.В.Потапов говорил примерно об этом же: «Большая часть волостных организаций партии имеет разлагающий характер, ликвидационные настроения. Во многих волостях коммунистических ячеек нет, работы никакой не ведется, газет нет, избы-читальни, нардомы не функционируют, демобилизованные красноармейцы начинают подпадать под мелкобуржуазное влияние. Сельские и волостные исполкомы не соблюдают не только конституции, но и инструкции местных высших органов, выборы в исполкомы и на съезды Советов крестьянами рассматриваются как наказание. Чувствуется, что как будто советской власти на местах нет...»

Смерть Ленина коми крестьяне восприняли по-своему. Сводка ОГПУ № 6 за 1924 г. содержит сведения, что в Чухломе по такому случаю местный крестьянский сход постановил распустить волисполком и восстановить старое волостное земское правление. Зам.начальника коми отдела ОГПУ Баррикадов

в феврале 1924 г. писал: «В смерти т.Ленина крестьянство видит распад Рабоче-Крестьянской власти, говоря, что Ленин умер, кто же теперь будет защищать крестьянство, будут ведь душить налогами и их некому защитить».

В Коми области реанимация деятельности эсеровских организаций произошла в 1922 г. Возобновили свою деятельность эсеровские группы в Усть-Сысольске, Усть-Выми, Айкино и некоторых других населенных пунктах. Численность групп неизвестна; из них, по данным ОГПУ, «наиболее серьезной» являлась усть-сысольская группа под руководством Карпова и Чиркасова. В эту группу входил бывший член Коми Обкома РКП(б), председатель областного ревтрибунала С.Ф.Матюшев, исключенный из большевиков за «распространение литературы партии социалистов-революционеров среди беспартийных лиц». Чекисты были озабочены тем, что эсеры скрываются под видом беспартийных и даже коммунистов (об этом же прозвучало в январе 1922 г. на I Всезырянском съезде коммунистов: «в высших парторганах находятся социал-революционеры, которым не место в них и партия должна быть к ним очень осторожна»), продолжая между тем свою работу. Основными формами деятельности эсеров являлись агитация за перевыборы Советов, ввод в них представителей всех слоев крестьянства и интеллигенции и организационная работа. Планировалось расширить сеть ячеек ПСР в Коми области, в частности, в Койгородке Усть-Сысольского уезда намечалось создание нелегального райкома ПСР.

В ноябре 1922 г. группа эсеров (куда входили бывшие видные члены яренской организации ПСР и ПЛСР В.А.Исаков, Чукичев, Седаков и др.) под видом беспартийных приняла участие в работе XI съезда Советов Усть-Вымского уезда Коми области, попытавшись организовать на съезде фракцию беспартийных. Съезду были предложены ряд резолюций эсеровского содержания, часть которых получила поддержку и со стороны рядовых делегатов-коммунистов, в частности, требования о предоставлении разных льгот крестьянам-единоличникам, о понижении денежных налогов и т.д.

Помимо эсеров, в области начали работу несколько анархистских организаций, по всей видимости, «Всероссийской федерации анархистов-коммунистов». В мае 1922 г. анархистская группа численностью в 20 человек под руководством Калимова существовала в Усть-Выми. В Усть-Сысольске тоже примерно в это время действовала группа анархистов под руководством Юдович, в основном в нее входили студенты. После отъезда руководителя группа распалась. Посетивший Усть-Вымский уезд с инспекционной проверкой председатель Коми ОКК РКП(б) А.И.Бызов в январе 1923 г. с тревогой отмечал, что «положение политическое неважное... Кооперация в руках эсеров... Процветает кулачество, восстанавливается царизм... Уездный аппарат в халатном состоянии... В политическом отношении не ладно. Эсеров до 38 человек. Монархистов до 8 и анархистов до 35 человек. Пока неясно, какое фактическое они имеют влияние, но наши члены подпали под их

влияние. Эсеровщина засела и в Педтехникуме и в других важных местах. Есть подозрения, что руководитель анархистов является членом РКП(б), эсеров также член РКП(б) – Калинин и Полещиков...».

Однако относительная стабилизация экономики и финансовой системы по мере развития «новой экономической политики» в середине 1920-х гг. позволили несколько облегчить по сравнению с периодом гражданской войны и начала 20-х гг. положение крестьянства, что способствовало ослаблению напряженности в отношениях между советской властью и населением.

В итоге благодаря гибкой экономической политике правящей партии (большевиков) и планомерной деятельности государственных репрессивных органов в середине 1920-х гг. антибольшевистское движение полностью сошло на нет. Некоммунистические политические объединения прекратили свое существование, в стране установилась диктатура РКП(б). Легальная оппозиция к большевизму стала возможной только в рядах самих большевиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пытаясь понять причины поражения Белой армии на Севере и в целом по России, сами деятели Белого движения писали, что главными из них стали «отсутствие в народной массе идей здоровой государственности и недостаточное изжитие ею большевизма..., неудовлетворительная постановка агитации и пропаганды..., отсутствие единого национального противобольшевистского фронта..., слабость Правительства (имеется в виду ВПСО – авт.) и дилетантизм его членов..., неспособность и бюрократизм высшего военного командования». Одной из главных причин поражения стало отсутствие единства в антибольшевистском движении, по мнению Н.Н.Наумовой, «насильственное стремление белогвардейцев подчинить народы и личность «единой общей воле», нивелировать их. Поэтому каждая социальная группа боролась за свои интересы и сотрудничала с другими, пока эти интересы совпадали».

На Севере России предпринимались, как пишет В.И.Голдин, попытки «консолидации на основе отказа от «узкопартийных эгоистических интересов», но при этом «ставка делается прежде всего на расширение иностранного военного присутствия», что оказалось гибельным после отказа Антанты поддерживать Белое движение вооруженным путем. Социально-экономическая политика белых ограничивалась проведением отдельных реформ, не затрагивавших коренных интересов населения, в первую очередь крестьянства. Это вызвало падение доверия к белому режиму со стороны масс, что в конечном итоге привело белых к оторванности от народа и разгрому. В числе основных причин победы большевиков в гражданской войне следует назвать успешное строительство ими «массовой регулярной Красной Армии с железной дисциплиной и централизованным командованием, в которой бойцов воспитывали посланцы партии – военные комиссары».

РКП(б) умело использовала противоречия в антибольшевистском движении, стремясь использовать офицерский корпус старой русской армии на своей стороне. Особенно наглядно это проявилось на Восточном фронте, где «оказавшись перед дилеммой: большевистская диктатура или колчаковская, большая часть офицерства сделала свой выбор в пользу первой». Это было сделано потому, что «даже накануне краха Белого движения... консервативная часть генералитета... продолжала видеть в офицерах-социалистах своих смертельных врагов».

Видный специалист по военной истории гражданской войны Н.Е.Какурин, выделяя причины победы большевиков, в числе первых называл «установление политического союза между пролетариатом и многомиллионным средним крестьянством». Однако говорить о подобном союзе в условиях политики военного коммунизма представляется абсолютно невозможным, потому что «продразверстка окончательно поставила за грань

каких-либо законов большинство населения страны – крестьянство». Уже в 1921 г. повсеместно по России вспыхнули антибольшевистские крестьянские восстания, вызванные продовольственной политикой РКП(б), что говорит об эфемерности т.н. «политического союза между пролетариатом и крестьянством».

Победа красных в гражданской войне в России была вызвана несколькими причинами, среди которых – массовая мобилизация в Красную Армию рабочих и крестьян (в конце войны в рядах красных воевало свыше 5 млн. чел.), привлечение отрядов интернациональных войск (латышей, немцев, китайцев), крайне жестоко боровшихся с врагом. Десятки тысяч офицеров царской армии были вынуждены воевать на стороне красных, поскольку в заложниках оказались их семьи. В результате удалось создать из Красной Армии реальную силу.

Победе красных немало способствовал и экономический потенциал центральной России, в течение всей войны контролировавшийся советской властью. Отсутствие у белых каких-либо социально-экономических планов развития России (за исключением плана ликвидации большевизма) – главный из их просчетов, умело использованный красными в «информационной войне» – лишили их массовой поддержки населения, что привело к поражению.

В заключение попробуем выделить этапы борьбы за власть в Коми крае в годы революции и гражданской войны. Первый этап – это весна 1917 г., время, когда у власти в крае оставались «старые», дореволюционные руководители, а оппозиционные организации только формировались. Этот этап начался со дня получения в Коми крае вестей о свершившейся Февральской революции – 6 (19) марта до мая 1917 г.

Второй этап продолжался с конца мая до начала августа 1917 г. В это время происходило постепенное укрепление влияния оппозиционных сил, выдвижение деятелей оппозиции на руководящие должности. Постепенно «старые» уездные и городские руководители отходят на второй план. Лидеры «Общества обновления» и партии эсеров стали самыми популярными и авторитетными фигурами в Коми крае.

В августе начался третий этап борьбы за власть в Коми крае, завершившийся в октябре 1917 г. Для него были характерны окончательный отход прежних руководителей на второй план и закрепление у власти бывших оппозиционеров. Окончательно уступить власть политикам «февральской волны» старые чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Усть-Сысольском и Яренском уездах они состоялись в сентябре, в Печорском уезде – в октябре. Уездные временные комитеты прекратили существование. Власть была сосредоточена в руках земства.

Период с ноября 1917 г. до марта 1918 г. составляют четвертый этап, в течение которого происходила борьба между политиками демократической

ориентации и пробольшевистскими силами. На пятом этапе (март – июнь 1918 гг.) у власти в регионе стояли коалиционные Советы, в которых большевики не имели заметного влияния.

На июнь – сентябрь 1918 г. приходится шестой этап, в течение которого коалиционные органы местной власти прекратили существование. В двух уездных центрах власть путем переворотов захватили коммунисты, «большевизировавшие» Советы, устранившие из их состава всех, кто отказывался безоговорочно поддержать РКП(б). В третьем уездном центре Совет был преобразован в земскую управу, поддерживавшую противников компартии.

Осенью 1918 г. началась вооруженная борьба за власть. До марта 1919 г. (седьмой этап) успех в основном был на стороне большевиков, красных. Период с апреля до сентября 1919 г. (восьмой этап) характеризовался, с одной стороны, ослаблением позиций коммунистической власти (что проявилось в оставлении красными Удоры и Ижмо-Печорского края), а с другой стороны, недостаточно еще возросшим влиянием белых властей, что доказывается функционированием нейтрального «Временного верховного правительства» Удоры и сохранением контроля местных большевиков над малонаселенной, но обширной зоной в верховьях Ижмы (Извайльской волостью).

Девятый этап продолжался в течение октября – ноября 1919 г. Для него было характерно установление контроля белой власти над большей частью территории края, включая Усть-Сысольск и Яренск. Десятый этап продолжался с декабря 1919 по март 1920 г. В это время красные власти восстановили общий контроль почти над всей территорией Коми края. Период активных военных действий между регулярными вооруженными формированиями завершился.

С весны 1920 до весны 1921 г. (одиннадцатый этап) в регионе имели место, во-первых, вооруженное противостояние между Советской (большевистской) властью и остатками антикоммунистических сил, скрывавшихся в лесах и тундре северных районов и пользовавшихся там немалым влиянием, а во-вторых, постепенно усиливавшиеся конфликты между коми национальным руководством в Усть-Сысольске, отстаивавшим идею создания Коми автономии, и руководителями губерний, в состав которых входили коми селения, не желавшими лишаться части своей территории.

Весной – летом 1921 г. (двенадцатый этап) оба эти противостояния резко обострились. Но в конечном итоге с разгромом антикоммунистических повстанцев при помощи губернских ЧОН и урегулированием (после вмешательства центральной власти) конфликта между коммунистическими лидерами Коми автономной области и руководством соседних губерний ситуация стабилизировалась.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ОТ «СМЕНЫ ВЫВЕСКИ» – К СМЕНЕ ВЛАСТИ	15
«Произошел страшнейший переполох»	15
«Считать революцию законченной»	19
«Приступить к созданию сплоченной организации»	21
На гребне «Февральской волны»	23
Земство приходит к власти	30
Глава 2. ОТ ЗЕМСТВ – К НЕБОЛЬШЕВИСТСКИМ СОВЕТАМ	35
«...Признать большевизм врагом Родины и революции»	35
«Наконец-то дождались господ большевиков»	37
«Мы создали верховную власть»	43
Конец усть-сысольской городской думы	45
«Положить основание автономному зырянскому штату»	46
«Крестьянин – плохой “советник”»	51
Глава 3. БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ	58
Настало время «чрезвычайщины»	58
Драма в Човью	60
«Я вижу, что наступает анархия»	63
«Дело по обвинению гражданина Ленина»	70
«О коммунистах знали понаслышке»	73
«Принять все меры по реорганизации Советов»	77
«Устанавливать революционную законность»	81
Глава 4. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ	86
Образование Северной области	86
Белая и Красная армии на Северном фронте	91
Коммунисты против власти Советов	94
Издержки бесконтрольной власти	96
«Красная горячка»	99
«Кого-то надо расстрелять»	104
Полковник Естифеев против комиссара Аппога	107
Глава 5. «ПЕЧОРСКИЙ ЧАПАЕВ»	110
Во главе интернационалистов и отрядов ВЧК	110
Плавание «Доброжелателя»	111
Поход на Усть-Цильму	115
«Положение нельзя желать лучше»	119
Второе пришествие красных	121
За ляпинским хлебом	122
«Батюшки-офицеры приехали!»	124
Бои за Ижму	128

«Изгибы мысли странного командующего».....	130
Колчаковцы наступают.	134
Красный ревизор.	137
У страха глаза велики.	139
Первая кровь.	141
Неудачное наступление на Важгорт.	144
Восстание «зеленых».	148
Падение «гнезда вашкской белогвардейщины».	151
От Вожгоры до Коптюги.	155
Красные уходят с Удоры.	158
Глава 6. БЕЛЫЕ НАСТУПАЮТ	163
«Обратить внимание на Чердынское направление».	163
Троицко-печорская трагедия.	165
Антисоветские восстания на Печоре.	169
Эвакуация Ижмо-Печорского полка.	172
«Печорский Чапаев» под трибуналом.	177
Соединение белых фронтов.	180
Кай-Чердынский полк.	184
Конфликты между военными и гражданскими властями.	187
Последний натиск колчаковцев.	188
Глава 7. БЕЛЫЕ УКРЕПЛЯЮТСЯ	192
Белая Печора.	192
Новые белые полки.	201
«Зеленая Армия».	203
«Слава Богу, нас разбили».	206
Глава 8. КРАТКИЙ МИГ ТОРЖЕСТВА БЕЛЫХ	212
«Коммунист – пугало для детей».	212
Особый Вычегодский отряд.	213
Прыжок на Вычегду.	217
Провал контрнаступления красных.	221
Падение Яренска.	222
В белом Яренске.	225
Марш на Усть-Сысольск.	228
Белый Усть-Сысольск.	236
«Спасайся, коммунары!».	241
Присоединение Зауралья к Северной области.	245
«Население встречает колокольным звоном и хлебом-солью».	245
«Лихое дело молодцов-печорцев».	250
Глава 9. ПАРТИЗАНЫ ЗАТЕРЯННОГО МИРА	256
Затерянный мир Изваила.	256
Новые веяния.	257
Неожиданное падение «Изваильской крепости».	259

Подвиги партизан	260
Трагическая развязка	262
Глава 10. КРАСНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ	264
«Сочувственное отношение к белогвардейцам»	264
Все силы – против Орлова.	266
Второе падение Яренска.	267
Гибель победителя красных.	269
Победа на Сысоле.	273
Наступление на верхней Вычегде.	277
Глава 11. ЗАВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	280
Ничто не предвещало катастрофы.	280
Проба сил.	286
Начало конца.	288
Капитуляция белых на нижней Печоре и Удоре.	291
Последние бои.	294
Судьбы белых.	297
«Коммунисты все съели»	301
Усинское восстание.	303
Война прошла, недовольство осталось.	308
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	313

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Историки Игорь Любомирович Жеребцов и Михаил Владимирович Таскаев – ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Их творческое сотрудничество продолжается уже много лет. В соавторстве они подготовили несколько десятков работ, среди которых книги и брошюры «Крашенные. Страницы истории гражданской войны», «Огненные вехи. Очерки истории пожарной охраны Республики Коми», «Магелланы нефтяных океанов. Страницы истории ЗАО “Севергеолдобыча”», «Они любили край родной. Общество изучения Коми края и его деятели», «Связь времен», «История Республики Коми. 7 – 1 классы», «Коми край в годы гражданской войны: население и власть» и др.

И.Л.Жеребцов – доктор исторических наук, ученый секретарь ИЯЛИ, лауреат Государственной премии Республики Коми, стипендиат Государственной научной стипендии для выдающихся ученых России, лауреат двух конкурсов научно-популярных статей Российского фонда фундаментальных исследований. Опубликовал в России и за рубежом более 300 работ.

М.В.Таскаев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела отечественной истории ИЯЛИ. Ведущий специалист по истории небольшевистских партий и гражданской войны в Коми крае, опубликовал около ста работ по этой тематике.

М.В.Таскаев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела отечественной истории ИЯЛИ. Ведущий специалист по истории небольшевистских партий и гражданской войны в Коми крае, опубликовал около ста работ по этой тематике.

М.В.Таскаев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела отечественной истории ИЯЛИ. Ведущий специалист по истории небольшевистских партий и гражданской войны в Коми крае, опубликовал около ста работ по этой тематике.